

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОРОД В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

Владивосток
2014

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОРОД
В КОНТЕКСТЕ ОСВОЕНИЯ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ

Владивосток
2014

**FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF
THE PEOPLES OF THE FAR EAST
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
FAR EASTERN BRANCH**

**THE FAR EASTEN CITY IN A CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE
PACIFIC RUSSIA**

**VLADIVOSTOK
2014**

УДК 947.045/.088(571.6)(-2)

Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России: сб. науч. ст. Владивосток: ООО «Рея», 2014. 322 с.

В сборнике опубликованы результаты многолетних исследований по истории дальневосточных городов. Авторами освещен широкий круг проблем истории городов Дальнего Востока XVII-XX вв.: особенности возникновения и развития городов региона, динамика численности и социальный состав городского населения, формирование городского самоуправления, экономическая история дальневосточных городов и различные аспекты их культурной эволюции. В научный оборот введены обширные фактические данные по истории городов Якутии, Северо-Востока Азии и юга Дальнего Востока. Публикации подготовлены на основе докладов на региональной конференции, состоявшейся во Владивостоке 24-25 сентября 2013 г.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей и студентов гуманитарных специальностей, а также на всех интересующихся историей.

Ключевые слова: Тихоокеанская Россия, Дальний Восток, история, города, урбиназация

ISBN 978-5-91849-075-4

The Far Eastern City in a Context of Development of the Pacific Russia. Vladivostok: «Reya», 2014. 322 p.

In the collection of articles results of long-term researches on history of the Far Eastern cities are published. The authors describe a wide range of problems of history of the Far East cities of the XVII-XX centuries: features of urban development, population dynamics and urban social structure, formation of municipal government, economic history of the Far East cities and various aspects of their cultural evolution. Extensive actual data on history of the cities of Yakutia, the Northeast of Asia and the South of the Far East are introduced into scientific circulation. Articles are prepared on the basis of reports at regional conference, which has taken place in Vladivostok on September 24-25, 2013.

In the collection of articles is intended for scientists, teachers and students of humanitarian specialties, and also for all interested in history.

Key words: Pacific Russia, the Far East, history, cities, urbanization.

Редакционная коллегия: к.и.н. Т.З. Позняк (отв. ред.), к.и.н. О.А. Устюгова (учен. секретарь), чл.-корр. РААСН Н.П. Крадин, д.и.н. Л.И. Галлямова, к.и.н. О.И. Сергеев, к.и.н. С.Б. Белоглазова.

Рецензенты: д.и.н. Е.Ю. Бондаренко, д.и.н. Г.А. Ткачёва.

Сборник подготовлен при поддержке грантов ДВО РАН № 12-III-A-11-220 «Российский город на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв.: политические, социально-экономические и культурные аспекты», № 13-III-G-11-040 «Региональная конференция «Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России» и гранта ДВО РАН и Президиума РАН № 12-I-П33-05 «Урбанизация Дальнего Востока в контексте модернизационных процессов в России (вторая половина XIX – начало XX вв.)».

Печатается по решению Учёного совета Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

© Институт истории, археологии и этнографии
Народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2014

ISBN 978-5-91849-075-4 © ООО «Рея», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Авилов Р.С. Владивосток: неизвестные эпизоды из жизни города и крепости (вторая половина XIX – начало XX в.).....	13
Андреец Г.А. Непрофессиональные учреждения культуры в дальневосточных городах (вторая половина XIX – начало XX в.).....	22
Белоглазова С.Б. Модернизация традиционной системы образования в городах Маньчжурии (конец XIX – начало XX в.).....	29
Власов С.А. Развитие городов на Дальнем Востоке во второй половине XX в.: тенденции, особенности, проблемы.....	44
Галлямова Л.И. Урбанизация Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в.: основные этапы и особенности.....	52
Горнова М.И., Соболевская Н.А. Репрезентативность объектов монументального искусства в пространстве дальневосточного города.....	60
Журавлев П.В. К вопросу о миграции местопребываний центров управления дальневосточным регионом во второй половине XIX – начале XX в.....	66
Завалишин А.Ю. Парадоксы дальневосточной градистики: урбанизация или обезлюживание?.....	71
Заколотная А.С. Особенности возникновения и развития адвокатуры в городах юга Дальнего Востока.....	77
Иванова А.П. Стиль «порто-франко»: к проблеме культурного регионализма.....	88
Кириллова А.И. Роль купечества и торговли в жизни Петропавловска и Камчатки в 1920-х годах.....	96
Коваленко А.И. История Благовещенска второй половины XIX в. в воспоминаниях и свидетельствах современников.....	102
Коняхина А.П. Малые города в жизненных стратегиях населения юга Дальнего Востока (1985–2013 гг.).....	109
Королева В.А. Концертная деятельность во Владивостоке середины 1920 – 1930-х годов: проблема межкультурного взаимодействия.....	116
Крадин Н.П. Облик дальневосточных городов в контексте творческой деятельности ведущих архитекторов.....	123
Крушанова Л.А. Процессы модернизации моногородов Приморского края в 1990-е годы (на примере ЗАТО Большой Камень и ЗАТО Фокино).....	131
Кузнецова О.Ю. Открытие гражданских больниц в городах Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в.	140
Кулинич Н.Г. Изменение социального облика городов Дальнего Востока РСФСР в 20–30-е годы XX в.....	147
Лазарева С.И. Роль и место Харбина в административно-хозяйственном обустройстве русских в Маньчжурии (1898–1917 гг.).....	156
Ломова Т.Е. Досуг жителей Владивостока в 30-60-е гг. XX в.....	163
Лыньша О.Б. Народный дом в Никольске-Уссурийском.....	172

Макаренко В.Г. Подготовка специалистов в высшей школе на Дальнем Востоке России в контексте развития городской инфраструктуры (1899–1930-е гг.): социальные аспекты и повседневность.....	181
Маклюков А.В. Начальный этап электрификации городов Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в.).....	192
Михайлюкова Н.В. Современный город в зеркале вывесок (на материалах языка Владивостока).....	197
Назарова Я.В. История Гижиги в XVII - начале XX в.....	204
Петров П.П. Якутский острог – разгадка тайн.....	214
Петрова Т.И. Современный дальневосточный город в аспекте антропологистики: к постановке проблемы.....	221
Пилипенко А.А. Петропавловск-Камчатское педагогическое училище в 1930-е – 1980-е гг.: исторический обзор на основе документов Государственного архива Камчатского края.....	227
Позняк Т.З. Городское общественное управление Благовещенска до введения Городового Положения 1870 г.: должности и общественная активность горожан.....	232
Романова Г.Н. Роль Владивостока в развитии торговых связей Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (вторая половина XIX – начало XX в.).....	250
Слабнина Л.А. Особенности жилищного строительства на Дальнем Востоке в послевоенный период.....	257
Сухова Е.В. Формирование исторического облика Уссурийска в конце XIX – начале XX в.....	267
Ткачева Г.А. Городское население Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг.....	276
Токмаков В.С. Хозяйственная деятельность казачества в дальневосточных городах в середине XIX – начале XX в.....	286
Троицкая Н.А. Создание отделения The Pan Pacific Union во Владивостоке как начало пути к сближению народов Тихоокеанского региона (1921–1922 гг.).....	292
Устюгова О.А. Современники о торговле в городах юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.).....	298
Фетисова Л.Е. Традиционно-бытовая культура городского населения Северо-Востока России в конце XVIII – начале XX вв.....	307
Щербина П.А. Из опыта предотвращения эпидемий в городах юга Дальнего Востока России в 1910–1911 гг.....	316

CONTENTS

Avilov R.S. Vladivostok: unknown episodes from the life of the city and the fortress (the second half of the XIX – the beginning of XX century).....	13
Andriyets G.A. Unprofessional institutions of culture in the far-Eastern cities (the second half of the XIX – the beginning of XX century).....	22
Beloglazova S.B. Modernization of a traditional education system in the cities of Manchuria (the end of XIX – the beginning of the XX century).....	29
Vlasov S.A. Development of cities in the Far East in the second half of the XX century: trends, features, problems	44
Gallyamova L.I. Urbanization of the Russian Far East in the second half of XIX – the beginning of the XX century: main stages and peculiarities	52
Gornova M.I. Sobolevskaya N.A. Representativeness of objects of monumental art in the space of the Far Eastern city.....	60
Zhuravlev P.V. On the migration of residences of governing centers of the Far East region in the second half of XIX – the beginning of the XX century.....	66
Zavalishin A.Yu. Paradoxes of the Far East city: urbanization or depopulation?.....	71
Zakolodnaya A.S. Peculiarities of appearance and development of advocacy in the cities of the South of the Far East.....	77
Ivanova A.P. "Porto-Franko" style: to the problem of a cultural regionalism.....	88
Kirillova A.I. Role of merchants and trade in the life of Petropavlovsk and Kamchatka in the 1920s.....	96
Kovalenko A.I. History of Blagoveshchensk in memoirs and testimonies of contemporaries in the second half of the XIX century.....	102
Konyakhina A.P. Small cities in the life strategies of the population of the South of the Far East (1985–2013).....	109
Korolyova V.A. Concert activity in Vladivostok in the mid 1920–1930s: the problem of cross-cultural interaction.....	116
Kradin N.P. The face of the Far Eastern cities in the context of creative activity of leading architects.....	123
Krushanova L.A. Processes of modernization of single-industry towns of Primorsky Krai in the 1990s (on the example of ZATO Bolshoi Kamen and Fokino).....	131

Kuznetsova O.Yu. Opening of civil hospitals in the cities of the Far East at the end of XIX – the beginning of the XX century.....	140
Kulinich N.G. The transformation of social image of the cities of the Far East of RSFSR in the 20-30s of the XX century.....	147
Lazareva S.I. The role and place of Harbin in administrative arrangement of Russians in Manchuria (1898-1917).....	156
Lomova T.E. Leisure of the citizens of Vladivostok in the 30-60s of the XX century.....	163
Lynsha O.B. People's house in Nikolsk-Ussuriysk.....	172
Makarenko V.G. Training of specialists in higher school in the Far East of Russia in the context of development of the city infrastructure (1899-1930s): social aspects and daily occurrence.....	181
Maklyukov A.V. The initial stage of electrification of the cities of the Far East (the end of XIX – the beginning of the XX century).....	192
Mikhaylyukova N.V. The modern city in a mirror of signs (on materials of the language of Vladivostok).....	197
Nazarova Ya.V. History of Gizhiga in the XVII – the beginning of the XX century.....	204
Petrov P.P. Yakutsky Burg – a disclosure of a mystery.....	214
Petrova T.I. The modern Far Eastern city in the aspect of anthropolinguistics: the statement of a problem.....	221
Pilipenko A.A. Petropavlovsk-Kamchatsky teacher training college in the 1930s–1980s: the historical review based on documents of the State archive of Kamchatka territory.....	227
Poznyak T.Z. Municipal public government of Blagoveshchensk before introduction of the City Status of 1870: posts and social activity of citizens.....	232
Romanova G.N. Role of Vladivostok in development of commercial relations of the Far East Russia and Northeast China (the second half of XIX – the beginning of the XX century).....	250
Slabnina L.A. Peculiarities of housing construction in the Far East in the post-war period.....	257
Sukhova E.V. Formation of historical image of Ussuriisk at the end of XIX – the beginning of the XX centuries.....	267
Tkachyova G.A. Urban population of the Far East of the USSR in 1922-1941.....	276

Tokmakov V.S. Economic activities of the Cossacks in the far Eastern cities in the middle of XIX – the beginning of the XX century.....	286
Troitskaya N.A. The opening of the branch of «The Pan Pacific Union» in Vladivostok as the beginning of rapprochement of the people of the Pacific region (1921–1922).....	292
Ustyugova O.A. Trade in the cities of the South of the Far East of Russia in memoirs (the second half of XIX – the beginning of the XX century).....	298
Fetisova L.E. Traditional culture and life of urban population of the Northeast of Russia at the end of the XVIII – the beginning of the XX century.....	307
Shcherbina P.A. From experience of epidemic prevention in the cities of the South of the Far East of Russia in 1910-1911.....	316

ПРЕДИСЛОВИЕ

В российской исторической науке с начала 1990-х годов усилился интерес к изучению самых разнообразных аспектов истории городов, в результате к настоящему времени в стране уже сложились научные центры в Сибири, на Урале и в европейской части страны, где достигнуты весьма впечатляющие результаты по исследованию динамики урбанизационных процессов, изменениям социальной структуры населения городов, повседневной жизни горожан и многим другим проблемам урбанистики. История городов Дальнего Востока не столь богата научными изысканиями, хотя определенный задел в этой области имеется и материалы этого сборника демонстрируют результаты многолетних работ исследователей региона.

Статьи сборника охватывают широкий круг проблем в обширном хронологическом срезе – с XVII по XXI в. Теоретические проблемы, динамику урбанизационных процессов, основные этапы, особенности урбанизации в регионе применительно к разным хронологическим периодам рассмотрены в статьях Л.И. Галлямовой, Г.А. Ткачевой, С.А. Власова и А.Ю. Завалишина. Н.Г. Кулинич рассмотрела проблему советизации региона и связанное с ней изменение социального облика дальневосточных городов в 1920-30-е годы.

Ряд авторов обратился к малоизученной истории городов Северо-Востока России: П.П. Петров попытался разгадать «тайны» основания Якутска – старейшего города Дальнего Востока; Я.Л. Назарова обратилась к истории основания, расцвета и постепенного угасания другого северо-восточного поселения – Гижиги; Л.Е. Фетисова осветила не только историю основания и развития городов Камчатки и Охотского побережья, но и традиционно-бытовую культуру населения этого региона, обратив особое внимание на взаимное влияние уклада жизни русских колонистов и коренного населения. О.И. Сергеев попытался, выделив точки соприкосновения и взаимовлияния, сопоставить историческое развитие городов региона и казачества.

Самый обширный блок работ посвящен экономическим проблемам городов в разные хронологические периоды. О.А. Устюгова воссоздает особенности дальневосточной торговли во второй половине XIX – начале XX в. по путевым запискам и очеркам современников. А.В. Маклюков рассматривает становление электроэнергетики в дальневосточных городах в это же время; Г.Н. Романова – роль Владивостока в установлении и развитии торговых связей между российским Дальним Востоком и Китаем; В.С. Токмаков - хозяйственную деятельность и предпринимательство казаков в городах Амурской области. В статье А.И. Кириловой поднята малоизученная тема особенностей торговли в сложных условиях первых советских реформ и отсутствия единой денежной системы в Петропавловске и на Камчатке в 1920-е годы.

Особенности жилищного строительства в дальневосточных городах в послевоенный период советской истории освещает Л.А. Слабнина. Трудности, с которыми столкнулись дальневосточные города и их население в постперестроечный период, анализируются в работах Л.А. Крушановой и А.П. Коняхиной.

Статьи, посвященные архитектуре и монументальной скульптуре в дальневосточных городах, объединены общей идеей – как творческие замыслы архитекторов и их творения изменяют облик города в разные исторические эпохи и в разном географическом пространстве. Изменение облика Хабаровска и вклад местных архитекторов рассматривает Н.П. Крадин, влияние архитектурно-градостроительного наследия европейского колониализма на облик городов – немецких колоний – в Китае – А.П. Иванова; становление исторического облика Никольска-Уссурийского – Е.В. Сухова, репрезентативность объектов монументального искусства в пространстве дальневосточных городов – М.И. Горнова и Н.А. Соболевская. Образу Благовещенска во второй половине XIX – начале XX в. в восприятии современников посвящена статья А.И. Коваленко. К ним тесно примыкают работы лингвистов Н.В. Михайлюковой и Т.И. Петровой, анализирующих тексты вывесок, объявлений и рекламы в пространстве современного дальневосточного города. Они приходят к выводу, что городские вывески отражают изменения в социальном облике, экономической и политической жизни дальневосточных городов.

Проблемы образования в дальневосточных городах рассмотрены рядом авторов, С.Б. Белоглазова обратилась к изменениям традиционной системы образования в Маньчжурии под русским и японским влиянием. А.А. Пилипенко на основе введения в оборот неопубликованных документов Государственного архива Камчатского края написала краткий исторический очерк возникновения и развития педагогического училища Петропавловска-Камчатского. В.Г. Макаренко обратился к проблемам подготовки специалистов с высшим образованием в городах Дальнего Востока с момента появления первого вуза – Восточного института и до конца 1930-х годов, особое внимание уделив условиям жизни студентов в трудные для вузов годы – русско-японской войны, после гражданской войны, в годы реформ и реорганизации вузов накануне Великой Отечественной войны.

Деятельность общественных организаций и структур и в первую очередь в сфере культуры, межкультурного взаимодействия и организации досуга горожан рассматриваются в работах Г.А. Андриец, Т.Е. Ломовой, О.Б. Лынши, Н.А. Троицкой, В.А. Королевой.

Коснулись авторы и некоторых проблем здравоохранения в дальневосточных городах: П.А. Щербина рассматривает борьбу с эпидемиями в 1910-11 гг., О.Ю. Кузнецова – открытие гражданских больниц во Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске в конце XIX – начале XX в.

Не обойдены вниманием и проблемы управления и самоуправления на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии. П.В. Журавлев поднимает специфическую проблему региона – миграция мест пребывания органов власти разного уровня во второй половине XIX – начале XX в. Т.З. Позняк рассматривает состав органов городского самоуправления, особенности выборных практик и общественную активность жителей Благовещенска до введения в городе Городового Положения 1870 г. С.И. Лазарева освещает развитие Харбина и административно-хозяйственную деятельность русских в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. Формирование одного из важнейших общественных институтов в жизни городов юга Дальнего Востока – адвокатуры – освещено в работе А.С. Заколотной. Р.С. Авилов обращается к малоисследованным аспектам деятельности военного гарнизона крепости Владивосток, а также проблемам взаимодействия военных и городского самоуправления.

Редакция надеется, что столь широкий хронологический и тематический охват истории городов региона в данном сборнике станет хорошим заделом для дальнейшего развития региональной урбанистики.

О.И. Сергеев, Т.З. Позняк

ВЛАДИВОСТОК: НЕИЗВЕСТНЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ ГОРОДА И КРЕПОСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Р.С. АВИЛОВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

В последнее время все больше внимания уделяется не только истории города Владивостока, но и Владивостокской крепости. Начали появляться работы, в которых детально исследуется не только история фортификации, т.е. «крепостного бетона», но и история гарнизона¹. Подобный подход представляется очень перспективным, поскольку при изучении истории Владивостока как города, дислоцировавшимся в нем войскам, как правило, уделяется внимание несоразмерно меньшее, чем то влияние, которое эти войска оказывали на жизнь города. При этом, гарнизон крепости был такой же частью городского населения, как и все остальные владивостокские обыватели.

Более того, на взгляд многих независимых наблюдателей и, прежде всего, иностранцев, именно армейская и флотская составляющие были во Владивостоке своего рода «градообразующим предприятием»², без которого город достаточно быстро пришел бы в запустение и упадок, как это произошло сначала с Петропавловском-на-Камчатке, а затем и с Николаевском-на-Амуре.

Для города наличие на его территории огромной и находящейся вне юрисдикции гражданской администрации массы войск имело свои плюсы и минусы. С одной стороны, крепостной гарнизон мог в любое время прийти городу на помощь практически в любом крупном деле от строительства до исполнения полицейских функций. С другой – войскам для различных нужд требовались земли, которых с точки зрения гражданской администрации городу и так не хватало. В связи с этим складывалась парадоксальная ситуация, когда военные, периодически выручая гражданские власти, продолжали параллельно конфликтовать с ними по ряду вопросов. Опыт подобного взаимодействия города и крепости является достаточно интересным, чтобы рассмотреть его хотя бы на нескольких примерах.

Характерно, что при общей слабой развитости всех институтов (государственных, общественных и т.д.) на российском Дальнем Востоке вообще и во Владивостоке в частности, войскам гарнизона крепости достаточно часто приходилось выполнять различные несвойственные им функции. В основном те, которые в современной России возложены на сотрудников Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Причем периодически – в инициативном порядке. Один из таких случаев произошел 13 марта 1891 г. Неожиданно Комендант крепости Владивосток генерал-майор Н.Ю. Акерман получил частное известие, что сильным юго-восточным ветром оторвало от берега и унесло в

Амурский залив льдину, на которой находилось 6 корейцев. Немедленно сообщив об этом командиру 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона, он отправился на берег, чтобы на месте лично выяснить, какие меры можно принять для спасения погибающих. Однако там «застал уже полковника Рыжева, который взял на себя инициативу в этом деле и распорядился спустить на воду катер, на котором 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона штабс-капитан Риттгольм и подпоручик Попов вызвались добровольно отплыть от берега, чтобы подать помощь унесенным на льдине корейцам.

Не взирая на сильное волнение и опасность, катер достиг льдины верстах в 6-ти от берега и на глазах генерала Акермана спас от верной гибели 5 корейцев (один утонул до подхода катера, так как льдина развалилась)». Командующий войсками Приамурского военного округа А.Н. Корф объявил благодарность генерал-майору Акерману, за своевременные распоряжения, а штабс-капитану Риттгольму и подпоручику Попову – «за примерный самоотверженный подвиг». Он также распорядился «молодцам же гребцам с их рулевым объявить мое сердечное спасибо и выдать из сумм находящихся в моем распоряжении рулевому 10 руб., гребцам – по 5 руб. каждому». Кроме того, Коменданту крепости было предписано войти установленным порядком с представлением о награждении штабс-капитана Риттгольма и подпоручика Попова и всех нижних чинов медалями за спасение погибавших, поскольку они подвергали свою жизнь опасности³.

Причем территориальные рамки подобной деятельности дислоцировавшихся во Владивостоке частей простирались далеко за пределы города и крепости. Яркий пример – служба Владивостокской крепостной минной роты. В приказе по военному ведомству № 197 от 20 июля 1892 г. было указано сформировать в крепости Владивостоке крепостную минную роту по штату такой же роты в Кронштадтской крепости⁴. Личный состав минной роты прибыл во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Москва» 19 апреля 1893 г., в результате чего Владивостокская крепость получила возможность самостоятельно устанавливать и обслуживать морские минные заграждения, не прибегая к использованию плавсредств морского ведомства⁵.

Однако минными работами оборонительного характера ее деятельность не ограничивалась, и роте периодически приходилось выполнять особые задания. «По ходатайству Начальника работ по постройке Уссурийской железной дороги, – писал в 1896 г. в приказе по округу Временно Командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков, – для предохранения временного деревянного железнодорожного моста на р. Иман от ударов больших льдин, 15 февраля сего года были командированы от Владивостокской минной роты 10 нижних чинов-минеров под командой той же роты Штабс-Капитана Мухина»⁶. Задача была крайне ответственная, поскольку от скорости и успешности строительства Великой Сибирской железной дороги напрямую зависело не только экономическое благополучие региона, но и его безопасность. Ведь в случае начала войны с морской

державой, Британской империей или Японией, быстрая переброска подкреплений на дальневосточный театр военных действий из Европейской части России была возможна только по железной дороге.

Минеры работали примерно так же, как ведут подобные работы в настоящее время. Сначала бурили скважину в толще льда, затем закладывали заряд взрывчатого вещества четко рассчитанной силы, после чего производили подрыв. Таким образом ледяные поля раскалывались до безопасных для опор моста размеров.

«Из полученных от управления железнодорожных работ сведений вижу, – продолжал Н.И. Гродеков, – что крайне важное, для успеха постройки Уссурийской железной дороги сооружение – временный мост – благополучно выдержал нынешний ледоход, и что отстоять его удалось, главным образом, благодаря содействию минного отряда, который проявил большую энергию при исполнении возложенной на него задачи; особенно внимательное и усердное отношение к делу проявил Штабс-Капитан Мухин, который лично вел всю подготовительную работу по заготовлению мин и по опытам по определению их размеров. Считаю приятным долгом выразить мою искреннюю благодарность Штабс-Капитану Мухину, а нижним чинам – русское сердечное спасибо!»⁷.

Следует также отметить, что подобные операции были отнюдь не безопасны. Так, осенью 1896 г. во Владивостокской крепостной минной роте при обеспечении очередных работ по подрыву льда утонула обозная лошадь. Новую передали лишь в мае 1897 г. из числа сверхкомплектных, состоящих во Владивостокском крепостном пехотном полку⁸.

Подобная «неуставная» служба крепостного гарнизона на благо города и края отнюдь не мешала городским властям препираться с военными по любому поводу, существенно осложняя не только оборонительное строительство, но и боевую подготовку войск. Причем осознание того, что без сильной военной составляющей город может быть просто уничтожен, обычно приходило к представителям владивостокской гражданской администрации только во время прямой военной угрозы городу. Так было во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда из-за опасности английского десанта Городская дума Владивостока рассматривала вопрос об эвакуации части населения из города в долину Первой речки, при следующем ожидании возможной высадки английского десанта в 1885 г., когда опять пришлось готовить эвакуационный пункт в том же месте и во время бомбардировки города и крепости японской эскадрой под командованием контр-адмирала Х. Камимурэ 22 февраля 1904 г.⁹.

Столкновения между военными и гражданской администрацией случались достаточно часто и по большей части по вопросам выделения земельных участков под те или иные нужды армии. Так, резкий рост гарнизона Владивостокской крепости после японо-китайской войны 1894–1895 гг. и осознание того, что на Дальнем Востоке появился новый сильный и опасный сосед, породили целый комплекс проблем, среди которых было и обеспечение надлежащего уровня стрелковой подготовки всех его частей.

Между тем, со стрельбищами во Владивостокской крепости в этот период были очень серьезные проблемы. Крепостное начальство пыталось добиться решения этого вопроса в 1898–1899 гг., в период работы специальной Комиссии по разграничению земель во Владивостоке между городом и различными ведомствами, однако дело шло очень туго. При этом положение гарнизона крепости в плане организации стрелковой подготовки было почти критическим.

В предоставленной в Комиссию «Описи земельным участкам, в крепости Владивосток, находящимся в пользовании Военного ведомства и требующихся к отводу» указывалось, что участок № 40 необходим «под гарнизонное стрельбище. Старое стрельбище (участок № 4-й), лежащее на берегу моря, непосредственно на себя принимает приносимый господствующими ветрами туман, что не дает возможности всем войскам надлежащим образом проходить курс стрельбы. Это необходимо и возможно избежать устройством нового стрельбища в участках № 40, в значительной мере защищенном от туманов высокими горами. К тому же при двух стрельбищах пропущенные очереди стрельбы вследствие тумана легче наверстываются без путаницы очередей»¹⁰.

Судя по всему, вопрос этот дискутировался давно, и предоставлять военным новые территории никто не собирался, поскольку к этому документу была сразу приложена достаточно красноречивая записка «По вопросу об устройстве стрельбища в долине Второй речки», написанная лично начальником Владивостокского крепостного инженерного управления полковником К.С. Чернокнижниковым. Ситуация действительно была близкой к катастрофической: «С проведением железной дороги и возведением при устье Первой речки керосиновых цистерн Купца Линдгольма [район современной нефтебазы во Владивостоке. – Р.А.], прекратилась возможность пользования стрельбищем, которое было устроено в долине нижнего течения названной речки, а с началом работ по проведению канала между Босфором и Новиком, пришлось отказаться от стрельбища устроенного согласно предписания Командующего войсками округа 1895 г. за № 29 по южному побережью Босфора»¹¹.

В результате гарнизон мог использовать только одно оставшееся гарнизонное стрельбище на берегу Уссурийского залива. Причем расположено оно было крайне неудобно – на территории наиболее подверженной туманам, а кроме того было значительно удалено от всех частей гарнизона, за исключением дислоцировавшихся в районе Гнилого угла. Для использования этого стрельбища войсками приходилось совершать большие переходы от мест квартирования и обратно, причем такие передвижения нередко оставались безрезультатными, так как производство стрелковых занятий оказывалось невозможным, вследствие внезапно надвигавшихся туманов. В таких случаях войскам ничего не оставалось, кроме как, либо возвращаться обратно, либо ожидать более ясной погоды, оставаясь биваком на стрельбище. Причем последнее было в большинстве случаев невозможно, так как вело к потере назначенной для стрельбы

очереди. «Исполнение упражнений стрельбы приходится откладывать на неопределенное время и столь желательная непрерывная последовательность этого вида занятий нарушается. Устройство другого стрельбища, при более выгодном его расположении, представляется необходимым в интересах большего успеха в обучении войск»¹², – констатировал Чернокнижников.

Подобное положение дел действительно очень неблагоприятно сказывалось на боевой подготовке гарнизона крепости. Генерал-майор К.А. Добржинский, инспектировавший в 1897 г. стрельбу и положение стрелкового дела в 1-м и 7-м Восточно-Сибирских линейных батальонах и Владивостокском крепостном пехотном полку отмечал в соответствующих документах крайне «невыгодное влияние, присущее имеющемуся в крепости стрельбищу, устроенному на побережье Уссурийского залива, и обусловленному частым появлением господствующих над названным заливом туманов». Более того, он воочию убедился, что в то самое время, когда не представлялось возможным производить стрельбу по причине густых туманов на стрельбище близ Уссурийского залива, побережье Амурского залива было свободно от туманов.

Подобная ситуация была не случайностью, а явлением закономерным, к тому же прекрасно известным всем жителям Владивостока и его окрестностей. Господствующий в летнее время восточный и юго-восточный ветер приносил с моря туман покрывавший побережье Уссурийского залива и будучи задержан высотами водораздельных хребтов, между речками, впадающими в Уссурийский и Амурский заливы, не распространялся на местности, прилегающие к последнему из заливов. При этом узкая долина Второй речки являлась местностью, где туман появлялся наиболее редко.

Соответственно, при выясненной необходимости устроить еще одно стрельбище, кроме имеющегося на Уссурийском побережье, местом для него был выбран «указанный на плане, ныне ничем не занятый, участок долины верхнего течения Второй речки. Отвод этого участка желателен в виду следующих, присущих этой местности выгод, в смысле устройства здесь стрельбища: а) центральное положение участка; б) наименьшая подверженность туману; в) возможность ограничиться отводом на этой местности меньшего количества земли, так как стрельба может быть направлена к хребту в верховьях Второй речки (примечание 3° к §189 Наставления для обучения стрельбе издания 1896 г.)»¹³.

К сожалению и этот документ не возымел в комиссии никакого действия. Тогда, сам входивший в ее состав К.С. Чернокнижников по итогам очередного этапа работы комиссии представил 11 марта 1899 г. свое «Особое мнение... по вопросу об отводе участка № 40 (24 десятины), верховьях долины 2ой речки, под гарнизонное стрельбище». Причем в тот момент он еще и временно исполнял должность Коменданта Владивостокской крепости.

Он попытался доходчиво разъяснить комиссии, что «для успешной обороны крепости необходимы батареи, форты и другие разного рода сооружения, возведенные на подлежащих местах, снабжение соответствующими артиллерийскими орудиями и гарнизон, знающий свое

дело и обладающий (известными) определенными качествами. Главнейшее из них, после бодрости духа, умение обращаться со своим оружием, артиллеристам стрелять из орудий, а пехоте из своих винтовок. Комиссия по разграничению земель снабдила последнюю крепость в достаточной мере для удовлетворения всех ее нужд, за исключением возможности научиться хорошо стрелять»¹⁴.

Последнее было совершенно нереально, поскольку старое стрельбище, находящееся на берегу Уссурийского залива, летом очень часто покрывалось туманом, который был там наиболее густой, так как впервые по линии этого берега встречался с материком, а далее задерживался горами и, нагреваемый землей, значительно растворялся в нагретом воздухе. В туман стрельба была абсолютно невозможна, и гарнизон, в составе семи батальонов, едва успевал проходить стрельбу на дальних дистанциях, теряя много времени непроизводительно на самом стрельбище в ожидании рассеяния тумана. Причем ситуация грозила стать еще хуже, поскольку гарнизон в ближайшем будущем должен был увеличиться до 10 батальонов, а потом до нормального состава, после чего прохождение курса стрельбы для всех окажется в принципе невозможным.

Участок № 40, который просило военное ведомство, был закрыт от туманов главным хребтом гор и давал возможность нормально заниматься гарнизону крепости стрелковой подготовкой. Правда, против его отвода приводились возражения, что «он находится вблизи скотопрогонного двора и необходим для пастбы скота; он лежит на скотопрогонном тракту из Майхэ и помешает прогону скота; солдаты вытопчат верховья речки и тем лишат ее источников и наконец загрязнят ее»¹⁵.

В ответ на подобные заявления взбешенный Чернокнижников писал, что «для пастбища скота под надзором пастуха к услугам весь полуостров и участок 24 десятины, расчета не составляет, тем более низины речек всегда покрыты густым лесом и травы там нет. Скотопрогонный тракт (там) может быть без удлинения его, направлен из долины р. Шамары в долину р. Черной и даже по главной дороге. Тракт этот значения иметь не может так как несравненно большая часть скота гонится из Кореи, Маньчжурии и Южно-Уссурийского края по Раздольнинскому тракту. Не более существенно возражение что солдаты вытопчат верховья речки и загрязнят последнюю могут быть в значительной мере смягчены тем, соображением, что главная масса солдат только подойдет по дороге к стрельбищу и тут расположится в рядах неподвижно, а по всему стрельбищу будут ходить только махальные и, стороной, оцепление. При том вытоптать лес дело (трудное) невозможное, а травы там нет. Что касается загрязнения, то при постоянных дождях горная речка, как 2^а, смывает и снесет в море всякую грязь и полагаю тысячи голов скота загрязнят речку несравненно больше, чем приходящие на короткое время солдаты»¹⁶.

Предвидя, что комиссия и после этого не признает возможным отвести участок № 40, начальник инженеров крепости предлагал в таком случае комиссии согласиться на отвод, взамен его, совершенно такого же участка по

боковой долине верхнего правого ручья той же Второй речки. Этот участок находился в стороне от скотопрогонного тракта и не портил верховья самой речки. «Наконец, полагаю, несравненно важнее дать гарнизону крепости возможность научиться стрелять, чем сохранить городу некоторые удобства, во всяком случае спорные», – завершал Чернокнижников¹⁷.

В итоге, после долгих препирательств, земля под новое стрельбище гарнизона Владивостокской крепости все-таки была выделена – менее чем за год до Китайского похода 1900 г. и за четыре года до Русско-японской войны 1904–1905 гг.!

При этом население Владивостока военными вопросами, во избежание проблем с властями, старалось не интересоваться и до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. к проблемам военных относилось абсолютно безучастно. Эти настроения очень точно подметил посетивший Владивосток в конце 1903 г. «секретный агент» газеты «Times»¹⁸ Уильям Гринер (William Greener): «В разгар зимы Владивосток – не самый загруженный порт в мире. Новогодние праздники больше чем война занимали умы обывателей, для которых существование фортов и батарей, не считая замерзшего побережья, гарантировало их безопасность»¹⁹.

Другой эпизод наглядно иллюстрирует влияние внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в регионе на городское строительство, и связан с историей появления в городе здания японского торгового представительства, которое без сомнения, имело отношение к сбору разведывательной информации о крепости. Первое дипломатическое представительство Японии во Владивостоке было открыто в 1876 г. по ходатайству японского правительства. В 1880 г. для него был приобретен участок на углу Пекинской и Китайской улиц. Место, примечательное, прежде всего тем, что с него прекрасно просматривался выход из бухты Золотой Рог и таким образом, японцы получили возможность спокойно наблюдать за приходом и уходом российских военных (и не только) кораблей. Обращает на себя внимание то, что 1880 г. – это как раз самый разгар Кульджинского кризиса, когда Россия и Китай находились на грани войны. Вполне закономерно, что Япония желала быть в курсе дела и в случае начала военного конфликта извлечь из него максимальные для себя выгоды.

Японское консульство во Владивостоке, на смену прекратившего деятельность сразу перед Русско-японской войной 1904–1905 гг. коммерческого агентства, было учреждено в 1909 г. Располагалось оно на том же участке, где в 1916 г. по проекту архитектора Я. Шафрата построили замечательное каменное здание для консульства (современный адрес: Океанский проспект, 7)²⁰. Таким образом, преемственность в деятельности по наблюдению за передвижением российских кораблей была вполне сохранена и благополучно продолжилась и после установления советской власти. Именно поэтому, после начала Второй мировой войны местные власти срочно начали строительство между зданием японского консульства и бухтой нового дома. Причем производилось оно весьма своеобразно: сначала

возвели заднюю стену дома, полностью закрывшую японцам вид на Золотой Рог, а уже потом неторопливо достраивали все остальное.

Следует отметить, что подобная разведывательная деятельность велась японцами отнюдь не только во Владивостоке. Например, их агентура с началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. развила бурную деятельность в Стамбуле, особенно активизировавшуюся в период отправки на Дальний Восток 2-й Тихоокеанской эскадры. Тогда же японцы пытались срочно склонить Турцию к установлению дипломатических отношений, ибо вести агентурную работу под дипломатическим прикрытием было бы значительно удобнее. Турецкое правительство, однако, не решилось портить отношения с Россией, и разведки обеих стран, России и Японии, действовали в Турции без легального прикрытия. С окончанием войны японская агентура в Стамбуле была расформирована, однако, по меткому выражению Д.Б. Павлова, «мысль о необходимости непрерывно наблюдать за проходом через черноморские проливы иностранных и, в первую очередь, российских кораблей настолько утвердилась в сознании государственных деятелей Японии, что когда в 1923 г. ее дипломатические отношения с Турцией были наконец установлены, Япония купила для своего представительства здание, из окон которого Босфор хорошо просматривался днем и ночью. Японское посольство размещается там и по сей день»²¹.

Таким образом, гарнизон Владивостокской крепости, его нужды и возможности, оказывали заметное влияние на жизнь не только города, но и Южно-Уссурийского края. Офицеры и солдаты приходили на помощь терпящим бедствие, помогали в строительстве Уссурийской железной дороги, боролись за право заниматься полноценной стрелковой подготовкой, для чего необходимо было выделение гражданской администрацией подходящего участка для стрельбища, взамен принесенных в жертву торговле керосином и оборонительному строительству.

Важно и то, что влияние, которое оказывал военный фактор на жизнь и развитие города далеко не всегда обнаруживается с первого взгляда. Именно поэтому так важно исследовать историю города в тесной связи с историей крепости, историю городского строительства в комплексе со строительством оборонительным, выявлять противоречия между гражданской и военной администрациями, уделять внимание взаимодействию гражданского и военного населения и т.д.

Сноски и примечания

¹ Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть I. «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. Владивосток, 2013. 383 с.

² See: Norman H. The peoples and politics of the Far East. London: T. Fisher unwin, 1895. P. 141–158; Bishop (Bird) I.L. Korea and Her Neighbors. London: John Murray, 1898. Vol. I. P. 251–261. Переводы на русский язык соответствующих разделов работ были опубликованы в: Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. ... С. 66–74, 142–146.

-
- ³ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ.) Ф. 702. Оп. 1. Д. 147. Ч. 1. Л. 97–97 об.
- ⁴ Приказ по военному ведомству № 197, от 20 июля 1892 г.
- ⁵ Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека (ГАХК. НСБ.). Ед. хр. 1334. Л. 91. Подробнее о роте см.: Авиллов Р.С., Калинин В.И. Владивостокский крепостной минный батальон. Историческая справка. // BALTFORT. Балтийский военно-исторический журнал. 2009. № 4 (09). С. 13–15.
- ⁶ Приказ войскам Приамурского военного округа № 126, от 18 апреля 1896 г.
- ⁷ Приказ войскам Приамурского военного округа № 126, от 18 апреля 1896 г.
- ⁸ Приказ по войскам Приамурского военного округа № 162, от 28 мая 1897 г.
- ⁹ Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть I. ... С. 21, 54–55, 218–237; Avilov R.S., Kalinin V.I., Ayushyn N.B. The Japanese Naval Bombardment of Vladivostok February 22 (March 6), 1904: an Analysis // The Coast Defense Journal. Vol. 26, Issue 1. P. 4–42.
- ¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 303. Л. 61–62 об.
- ¹¹ Там же. Л. 60.
- ¹² Там же. Л. 60–60об.
- ¹³ Там же. Л. 60–65 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 211.
- ¹⁵ Там же. Л. 211–211 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 211 об.–212.
- ¹⁷ Там же. Л. 211–212 об.
- ¹⁸ В начале XX в. крупнейшие европейские газеты, как, впрочем, и сейчас были готовы на все ради получения сенсационных материалов. Поэтому, как только на Дальнем Востоке в 1903 г. запахло войной, туда тут же были направлены лучшие специальные корреспонденты газет «Times», «Daily Mail» и др. изданий. Однако газетчики прекрасно знали, что одновременно с началом войны начнет действовать и военная цензура, которая ограничит деятельность военных корреспондентов на фронте специальными инструкциями, принятыми в армиях каждой из воюющих сторон. Эти инструкции запрещали обнародовать планы штабов, и данные о результатах действий противника, критиковать командование и т.д. и т.п., по сути, делая невозможным получение газетой официальной путем той самой информации, которая представляла наибольший интерес для читателя. Именно поэтому у газет существовал особый штат так называемых «секретных агентов», которые, по сути, являлись специальными корреспондентами, путешествующими инкогнито. Контора «Times» желала получать правду и быть лучше всего информированной. Отсюда следовала и политика, которая переросла в практику. Один из таких «секретных агентов», работавших на лондонскую «Times» – Уильям Гринер – в конце 1903 г. проехал через всю Россию по Транссибу и побывал в Южно-Уссурийском крае.
- ¹⁹ Greener W. A secret agent in Port Artur. London: Archibald constable & Co Ltd, 1905. P. 1–2, 27–30.
- ²⁰ Приморский край: краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 571. Здание сохранилось до наших дней.
- ²¹ Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 140–149.

НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДАХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Г. А. АНДРИЕЦ

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

В конце XIX — начале XX вв. в городах юга Дальнего Востока России окончательно сложилась система образовательных и культурно-просветительных учреждений, которые являлись носителями инновационной культуры и вместе с этим хранителями культурного наследия. Городу как системнозначимому элементу цивилизации в этом процессе принадлежала первостепенная роль. Именно здесь вырабатывались новые формы и учреждения, более соответствовавшие передовому социокультурному укладу, формировались институты, обеспечивавшие изменения в обществе.

Культурная жизнь, с одной стороны, распространялась на сферу профессиональных интересов, поскольку являлась одним из направлений культурной политики государства, с другой, затрагивала личные интересы, ибо представляла собой процесс и результат свободной духовной деятельности человека. Осознание необходимости создания культурных учреждений на государственном уровне и естественное стремление горожан к культурному времяпрепровождению привели к институционализации культуры (т.е. формализации и упорядочению культурных процессов) в форме различных общественных организаций.

Организацией культурной жизни в городах на юге Дальнего Востока России в рассматриваемый период занимались непрофессиональные (любительские) объединения — собрания, общества, кружки. Каждая культурная организация имела устав, в котором отражались общие цели и задачи организации: сближение членов общества и установление между ними товарищеских взаимоотношений; повышение их культурного уровня; обеспечение членам собрания и их семьям интересного и полезного времяпрепровождения; по возможности, удешевление и внесение разнообразия в их жизнь и отдых. Признаком, отличающим собрания, кружки, общества от других видов общественных организаций, являлось обозначение «развлечений» как основной уставной цели.

Особой популярностью для достойного проведения свободного времени пользовались собрания, которые условно подразделялись на публичные и частные. К первым относились собрания, которые доступны неопределённому числу лиц, то есть большинству населения разных сословий, состоящих в членстве или таковыми не являющимися, например, общественные собрания. К частным собраниям принадлежали те, в которых участвовали только члены организации. К таким сословным учреждениям, недоступным для большинства жителей, относились все военные собрания и Морское собрание во Владивостоке, созданные для офицеров, военных

чиновников и членов их семей.

Свою нишу в культурной жизни городов занимали Собрания приказчиков, Коммерческие и Железнодорожные собрания. Они имели смешанный устав, в котором сочетались цели клубов (проведение свободного времени с удобством и пользой) и профессиональных обществ (оказание юридической и медицинской помощи, создание «вспомоществовательных» и других фондов, бюро помощи безработным, публикации собственных изданий, образование и т.д.). Отличительной чертой большинства таких собраний являлся «профессиональный» ценз¹. Некоторые из них отличались многоуровневой структурой: при собрании открывались курсы, специальные чтения, воскресные школы при повторительных в них вечерних классах, «бюро труда», детский сад. «Смешанные» уставы иногда запрещали карточные и другие игры на деньги.

Стремление к общественному проведению свободного времени можно рассматривать как первый шаг на пути формирования широкого пространства культуры. Особую активность в решении этой проблемы проявляло военное ведомство, заинтересованное в формировании мощного оборонного потенциала на Дальнем Востоке. Именно с этой целью повсеместно создавались военные собрания. В отдельных городах Офицерское собрание объединяло офицеров и чиновников военных ведомств отдельных частей местного гарнизона, поэтому нередко его называли «Гарнизонное Офицерское собрание» или просто «Гарнизонное собрание».

До 1917 г. на Дальнем Востоке выявлена 31 попытка начать работу собраний, эти цифры являются приблизительными, так как годом открытия действий считается первое упоминание собрания; в том случае, если эта дата неизвестна, учитывается год утверждения устава. В 1880-1906 гг. открыли свои действия 18 собраний, в 1907-1916 гг. – 13, из них военных (гарнизонных, морских, офицерских) – 7 до 1906 г. (с перешедшим во Владивосток Николаевским), 1 – в 1907 г. Собраний со «смешанным» уставом (профессиональных, коммерческих, соединённых) было открыто 3 до 1906 г. (все — собрания приказчиков) и 8 – после принятия Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.

Увеличение числа «смешанных» собраний свидетельствует об их популярности, которая, возможно, объясняется большей демократичностью таких организаций. Объединения, чей устав не подчинён рамкам норматива и область деятельности которых может быть расширена и видоизменена по замыслу учредителей, стали более востребованными в новой общественно-политической ситуации.

В уставах, утверждённых в 1906—1916 гг., подчёркивалась ответственность членов собраний и их гостей за нравственное состояние сообщества.

Словом «собрание» часто обозначали также помещение, занимаемое общественной организацией². Собрания открывались для посещения вечером и действовали 5—6 часов ежедневно, за исключением Рождества, Пасхи и трёх последних дней Страстной недели, что, однако, не мешало им иногда

«пустовать целыми неделями» (как, например, Собрание приказчиков во Владивостоке)³. Помещения большинства собраний состояли из бильярдной, карточной комнаты, буфетной (ресторана), столовой, библиотеки, читальной залы, гостиной, передней, дамской и мужской уборной. Иногда строилась сауна, приобретался кинематографический аппарат и т.д. Учитывая годовой оборот средств, достигавший порой 12976 руб.⁴, собрания можно отнести к числу самых богатых общественных организаций. Кроме того, отмечаемая здесь «дороговизна» культурных развлечений служила ограничением контингента членов и гостей, создавая замкнутый круг участников.

Объединение по интересам давало возможность реализации личностных запросов, сформированных миром идей, воззрений и представлений, которые составляли основу человеческой жизни. Одной из форм таких объединений были кружки, которые характеризовались известной замкнутостью и ограниченностью состава участников. Однако деятельность значительной части дальневосточных кружков зачастую была шире: она сопоставима с работой общества или клуба. В регионе именно «кружок» выступал как модель первого городского культурного центра. Перерастание «кружка» в «общество» не всегда было связано с существенными качественными переменами, а скорее отражало количественный рост участников. Многие «кружки» в своём развитии названия не меняли.

Обе структуры имели свои уставы, объединённые одной культурной целью и различавшиеся художественной направленностью: музыкальной, сценической, литературно-художественной и т.д. С конца XIX в. все общественные организации должны были получать разрешение на открытие своей деятельности. Документы утверждались губернатором или Министерством внутренних дел. Так, временные правила Хабаровского Общества любителей рисования и живописи были рассмотрены Приамурским генерал-губернатором в 1897 г.⁵, устав Общества физического развития детей в г. Хабаровске был утверждён военным губернатором Приморской области в 1908 г.⁶, утверждение устава Хабаровского почтово-телеграфного кружка осуществил в 1909 г. «За Министра Внутренних Дел, Член Совета Министра Морозов», а Владивостокское общество спорта, утверждённое военным губернатором Приморской области генерал-лейтенантом Шашевским, «определением Приморского областного по делам об обществах и союзах Присутствия, от 23 мая 1914 г. за № 16» было внесено в реестр разрешённых к действию обществ под № 74⁷.

Отметим, что все «кружки» и «общества» в городах юга Дальнего Востока создавались по инициативе наиболее активной группы интеллигенции или её отдельных представителей (порой далёких от искусства), которыми двигало желание распространить на окраинных землях российскую культуру. Например, Хабаровское Общество любителей фотографического искусства было создано в 1894 г. по инициативе капитана Генерального штаба М.А. Соковнина; Владивостокский певческий кружок «Лира» в 1894 г. был организован при поддержке купцов и меценатов

А.В. Даттана, Я.Л. Семёнова, А.К. Вальдена; инициатором организации Зейского Общества любителей музыкально-драматического искусства и полезных развлечений в 1909 г. выступил горный исправник В.К. Фон-Адеркас⁸. Учредителями Благовещенского кружка любителей искусства (1912 г.) были коллежский асессор инженер-технолог Н.Г. Березин, титулярный советник Н.К. Овсяный, коллежский асессор инженер путей сообщения С.В. Несуловский, статский советник инженер Н.Я. Селигеев и губернский секретарь С.Д. Яхнюк. В его состав входили лица обоего пола любого сословия и вероисповедания. В любительских спектаклях, хоре или оркестре принимали участие воспитанники средних учебных заведений и даже состоявшие на действительной службе нижние воинские чины⁹, в то время как в другие организации вход для них был закрыт.

Удалённость восточных территорий от главных культурных центров России, желание интеллигенции удовлетворить свои культурные потребности, с одной стороны, и малочисленность творческих сил, частая сменяемость контингента, с другой, — способствовали появлению многофункциональных объединений. Так, в уставе Зейского Общества любителей музыкально-драматического искусства и полезных развлечений (действует как «любительский кружок» с осени 1908 г., проект устава выработан 14 апреля 1909 г. 42 лицами) была поставлена цель «доставлять своим членам и их семьям возможность заниматься музыкой, пением, сценическим искусством и полезными спортивными играми...»¹⁰.

Особенностью Зейского Общества любителей музыкально-драматического искусства и полезных развлечений было сочетание в уставе спортивных и литературно-музыкальных целей («смешанный» устав), разрешение коммерческих игр. В члены общества могли быть избраны лица по предложению не менее трёх действительных членов. Без уважительных причин действительные члены не могли отказаться от возложенных на них обществом поручений или должностей. Делами общества заведовало правление, сценическая часть полностью поручалась заведующим. За время существования кружка, как свидетельствуют архивные документы, «были попытки к устройству любительских спектаклей и увеселений, которые по мере увеличения населения принимали более интенсивный характер»¹¹. Качество мероприятий сопровождалось их постоянством и уровнем организации. Так, с 15 июня по 15 июля 1910 г. была удачно организована ежедневная демонстрация кинокартин¹².

В уставах непрофессиональных культурных учреждений обязательно прописывались: 1) общие положения, в которых закреплялись цели и задачи организации; 2) состав членов; 3) средства кружка, общества, собрания; 4) управление делами, в том числе хозяйственной частью; 5) необходимость сохранения порядка. Иногда включались: обязанности распорядительного комитета, обязанности заведующих отделами хозяйства, как в уставе Владивостокского военного собрания; об играх, о чтении книг и газет, как в уставе Николаевского общественного собрания; о закрытии кружка и ликвидации имущества, как в уставе Хабаровского почтово-телеграфного

кружка и т.д.

Видимо, с точки зрения нормативно правового закрепления, не все кружки, в отличие от обществ, были институциональными. К сожалению, в архивах сохранилось мало уставов любительских объединений и поэтому сложно воссоздать полную картину культурной деятельности всех дальневосточных кружков и обществ, тем более что процесс их открытия и закрытия был очень динамичным. Некоторые кружки, переживая тяжёлое время потери главных творческих сил в связи с их отъездом в центральную Россию, иногда сокращали или вообще прекращали свою деятельность на год-другой. Затем с появлением новых активистов возобновляли работу, и зачастую невозможно определить — прежний это кружок или вновь созданный.

Основываясь на сохранившихся архивных документах и материалах периодической печати, можно заключить, что наиболее стабильными были кружки, созданные при Военных, Общественных, Коммерческих или иных собраниях, а позднее — при Народных домах. Через кружки Собрания осуществляли свою культурную деятельность: из членов Собраний выбиралось правление кружка, планировались и проводились культурные мероприятия, по их инициативе мог меняться профиль кружка, прекращаться его деятельность (на время или даже навсегда). Как правило, работа этих объединений освещалась в периодической печати. В местных газетах регулярно появлялись сообщения такого типа: «Любителями драматического искусства Николаевского общественного собрания был дан спектакль с благотворительной целью... Шли пьесы, соч. Левина «Обошлись» и соч. Лентовского «Перелётная птичка»¹³.

Часть дальневосточных кружков и обществ, цели и задачи которых были закреплены уставом, не располагали собственными помещениями; их культурная деятельность проходила в стенах тех же Собраний или Народных домов. Например, Владивостокский певческий кружок «Ли́ра», созданный в 1894 г., чтобы содействовать «развитию среди членов музыкальных способностей», из-за отсутствия своего помещения пользовался залом Морского собрания. Однако, как отмечал в 1894 г. один из его учредителей, почётный член Морского собрания, купец первой гильдии, совладелец торговой фирмы «Кунст и Альберс», член городской Думы А.В. Даттан, данное обстоятельство ставило «многих лиц этого кружка в неловкое положение»¹⁴. Действительно, члены кружка не могли быть даже гостями Морского собрания и по окончании концерта или музыкального вечера обязаны были покинуть зал собрания, хотя многие желали бы принять участие в товарищеской беседе или в танцах. Тем не менее, преданные искусству любители оставались в певческом кружке, председателем которого был И.Н. Галичанин (до 1903 г.), затем Г.Ф. Толле, поднявший работу кружка на новый более высокий уровень. Владивостокские купцы и меценаты А.В. Даттан, Я.Л. Семёнов, А.К. Вальден и др., являвшиеся организаторами кружка, не только выделяли средства на его работу, но со временем построили специально для этого любительского объединения

здание со зрительным залом на 200 мест. В 1903 г. численность кружка достигла 85 чел. и с каждым годом продолжала увеличиваться¹⁵, что свидетельствовало о его популярности среди участников и публики. Есть основания предполагать, что многие представители немецкого мужского хора, впервые выступившего в 1886 г. (хор под управлением г-на Петерса), в дальнейшем стали участниками певческого кружка «Лира»¹⁶.

Практически во всех дальневосточных городах действовали так называемые «закрытые» кружки, организованные при различных учреждениях, не занимавшихся культурной деятельностью, но предоставлявших сотрудникам своего ведомства возможность интересно провести свободное от работы время. Так, в г. Хабаровске работал почтово-телеграфный кружок (1910 г.), призванный «содействовать сближению между собой почтово-телеграфных чинов, находящихся в Хабаровске, давать возможность членам его и их семьям с пользой и удовольствием проводить свободное время предоставлением им общедоступных полезных развлечений и нравственного отдыха»¹⁷. С этой целью устраивались чтения популярных лекций, проводились специальные беседы по почтово-телеграфному делу, организовывались литературные, музыкально-вокальные и танцевальные вечера, маскарады, драматические представления и т.п. Кружок имел свою библиотеку и читальный зал. Желавшие могли поиграть в бильярд, шахматы, воспользоваться столовой или буфетом; при этом любые игры на деньги, в том числе и карточные, были запрещены.

По примеру Хабаровска почтово-телеграфные кружки были организованы в других городах, в частности, в Никольске-Уссурийском. Известно, что чинами местной почтово-телеграфной конторы 14 декабря 1913 г. в Соединённом собрании был поставлен спектакль «На пороге к делу»¹⁸.

Характерные формулировки находим и в уставе Благовещенского литературно-музыкально-драматического Общества почтово-телеграфных чиновников (1910 г.): «предоставить своим членам занимательное и культурное времяпрепровождение в часы досуга, а равно и средства к изучению сценического искусства, игры на музыкальных инструментах, пения». Общество, насчитывавшее 75 членов в 1910 г., 67 — в 1911 г., 65 — к началу 1912 г., также регулярно устраивало спектакли, маскарады, концерты, семейные вечера, чтения, лекции, экскурсии. Азартные игры были запрещены уставом. Для культурного времяпрепровождения, с одной стороны, и обучения сценическому искусству, игре на музыкальных инструментах и пению, с другой, Общество решало вопросы эстетического образования — организовывало для своих членов бесплатное обучение, отбирало из них наиболее талантливых, включавшихся в хор и драматическую труппу. При обществе был образован оркестр балалаечников, имелась собственная библиотека нот и хорового пения, было выписано руководство для сцены «Режиссёр», журнал «Театр и искусство».

В отличие от Хабаровского почтово-телеграфного кружка членами Благовещенского литературно-музыкально-драматического Общества

почтово-телеграфных чиновников могли быть лица, служащие в других ведомствах, общее число которых не ограничивалось. Действительные члены Общества не имели права отказаться без уважительных причин от возложенных на них поручений. Артистическими делами управляло правление, культурную деятельность которого определяли благотворительные выступления. Так, в 1910-1911 гг. было проведено два маскарада и благотворительный спектакль в пользу пострадавших от землетрясения в Семиреченской области¹⁹.

Таким образом, «общества досуга» оказались самыми многочисленными и полифункциональными среди других общественных организаций. Практически каждая любительская организация, несмотря на нестабильность своей деятельности, малочисленности творческих сил, частую сменяемость контингента, внесла определённый вклад в создание пространства региональной культуры. Наличие в творческих объединениях представителей всех городских слоёв и всех возрастов определяло разносторонний характер их деятельности.

Сноски и примечания

¹ Котляр Н.В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. С. 185.

² РГИА ДВ. Ф. 1377. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 6, 16.

³ Дальний Восток. Владивосток, 1901. 14 нояб.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 428. Л. 70.

⁵ Там же. Д. 155. Л. 1.

⁶ ГАХК. Ф. И-54. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 304. Л. 216; Ф. 28. Оп. 1. Д. 491. Л. 2.

⁸ Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане: Очерки о прошлом. Хабаровск, 1991. С. 168-169; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 383. Л. 214об; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1400. Л. 5.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 754. Л. 1—4.

¹⁰ Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 383. Л. 215—216; Д. 384. Л. 32.

¹¹ Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 383. Л. 215—216; Д. 384. Л. 214.

¹² Там же. Д. 348. Л. 5—11.

¹³ Дальний Восток. Владивосток, 1895. 9 апр.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1400. Л. 3, 5.

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 1798. Л. 445—446.

¹⁶ Чулкова С.Б. Формирование хоровой инфраструктуры в культурном пространстве юга Дальнего Востока России (конец XIX — начало XX вв.). Владивосток, 2005. С. 102.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 304. Л. 216.

¹⁸ Уссурийская окраина. Никольск-Уссурийский, 1913. 20 нояб.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 356. Л. 1—3; Ф. 704. Оп. 7. Д. 731. Л. 17—17об.; Оп. 1. Д. 415. Л. 151—153.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ГОРОДАХ МАНЬЧЖУРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)*

С.Б. БЕЛОГЛАЗОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Жизненная потребность в реформировании старого традиционного уклада жизни в Китае диктовалась необходимостью противостоять усиленному проникновению в страну европейских держав и нависшей в связи с этим над ней угрозой потери национального суверенитета. Движение за реформы началось с конца 1880-х гг. Модернизация национальной системы образования являлась одним из приоритетов реформ.

Китайских реформаторов вдохновляли успехи модернизации в Японии. За двадцать лет, прошедших с начала революции Мэйдзи, в стране появилась принципиально новая система образования, созданная по европейским образцам и включавшая общеобразовательные и специальные профессиональные учебные заведения высшего, среднего и начального уровней. Было введено женское и смешанное обучение, подготовка кадров профессиональных учителей. В начале 1889 г. японские общеобразовательные школы посещали 53% детей школьного возраста¹.

Идея о пользе японо-китайского сближения и опоры на японский опыт в проведении реформ активно поддерживалась в среде студенчества, торгово-промышленных кругах, региональными администрациями южных провинций и внутреннего Китая, в китайском правительстве. Быстрыми темпами росло число представителей ученого сословия, китайских учащихся и чиновников, направлявшихся с образовательными целями в Японию, откуда они возвращались убеждёнными западниками с намерением пересадить на родную почву адаптированные Японией образцы европейского опыта. Были начаты переводы научной литературы, преимущественно политического содержания, с целью исследования и понимания источников богатства и силы европейцев, уяснения сущности их институтов².

В рамках начавшейся реформы образования в провинциях началось создание школ иностранных языков – фанъяньсюэтан, а также различных языковых курсов. В Маньчжурии Практические курсы иностранных языков (фанъяньсисо) были открыты в г. Мукдене, а в 1887 г. в г. Хуньчуне провинции Цилинь по распоряжению цзянцзюня** Си открылась и первая фанъяньсюэтан – школа русского языка для маньчжурских мальчиков³.

До японо-китайской войны 1894 г. идея учёбы у Японии пользовалась большой популярностью при Цинском дворе. Война вызвала охлаждение отношения к Японии и подтолкнула к сближению с Россией. Шагами на пути китайско-российского сотрудничества стали известные события 1896-1898 гг.

* Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН и Президиума РАН № 12-I-П33-05 и № 12-III-A-11-220.

** генерал-губернатора – С.Б.

(договор о строительстве КВЖД и российско-китайская конвенция об аренде Россией Ляодунского полуострова). Строительство КВЖД, Харбина, Порт-Артура и Дальнего, сопровождавшееся массовым притоком русских поселенцев в Маньчжурию на линию дороги и в другие китайские города, стали историческими предпосылками для появления и распространения русской образовательной традиции на северо-востоке Китая.

В условиях быстро растущих объёмов торговли и масштабного строительства резко возросший спрос на квалифицированных специалистов-переводчиков превышал предложение. Преодоление языкового барьера в зоне русско-китайского этнокультурного взаимодействия стало приоритетной задачей, решение которой потребовало двусторонних усилий. Для подготовки специалистов со знанием русского языка из китайских граждан по инициативе консульской службы России и при поддержке местной китайской администрации был запущен проект русско-китайских школ.

Первая такая школа появилась в г. Тяньцзине (1896). Благодаря описанию этой школы, оставленному корреспондентом порт-артуровской газеты «Новый край» Д.Г. Янчевецким, который посетил её в 1900 г., мы имеем возможность получить наиболее полное представление о данном типе учебных заведений.

Финансировала школу китайская провинциальная администрация, которая ежемесячно выделяла на заработную плату персоналу и текущие расходы по 700 лан серебра (1000 руб.)⁴. Следовательно, годовой бюджет школы составлял 12000 руб. Общее руководство учебным заведением осуществляли китайские чиновники – директор Тяньцзинской таможни и китайский инспектор.

Здания под школу, выделенные китайской администрацией, занимали несколько мощёных дворов, обнесённых по периметру комнатами для учеников и учителей, классными комнатами, столовой, кухней и галереей. Просторные и светлые классные комнаты были оборудованы досками и традиционной мебелью: невысокими, покрытыми чёрным лаком, столиками и табуретами для учеников. На стенах висели географические карты и картины из русской истории.

Учащиеся жили в небольших комнатах на 2 человека, обстановку которых составляли такие же столики, скамейки и канны. На стенах висели художественно написанные изречения из канонических конфуцианских текстов, на столах лежали русские и китайские книги, скамейки и канны покрывали циновками. В помещениях поддерживались порядок и чистота.

Класс состоял из 30 чел. в возрасте от 14 до 26 лет, большинство из которых являлись выходцами из семей военных, богатых купцов и чиновников. По китайской традиции занятия продолжались в течение всего светового дня с небольшими перерывами на обед и ужин. В качестве форменной одежды носили тонкие шёлковые халаты типа подрясников. Отличительным знаком учащегося была перевязанная красной тесёмкой коса.

Программа обучения включала китайский и русский языки, арифметику, географию и русскую историю. Ученики увлекались личностью Петра Великого и поэзией А.С. Пушкина, сравнивали историю своего отечества с историей России периода петровских реформ.

К учителям в силу национальной культурной традиции относились с подчеркнутым уважением и доверием, к учёбе – серьёзно, от европейских мальчиков отличались дисциплинированностью и трудолюбием.

Согласно данным Д.Г. Янчевецкого, школу в Тяньцзине открыл секретарь русского консульства В.Ф. Гроссе, он же был в ней и первым учителем; позже его сменили профессиональный педагог Любомудров и помогавший ему китайский учитель. Русский учитель кроме двухкомнатной квартиры с освещением и всеми услугами получал жалование в размере 200 лан (300 руб.) в месяц⁵.

Во время ихэтуаньского восстания (1900-1901) тяньцзинская школа была разгромлена повстанцами, и В.Ф. Гроссе открыл при русской концессии в Инкоу (1903) новую русско-китайскую школу с трёхгодичным курсом обучения, в которой преподавали русский и китайский учителя⁶.

Русско-китайская школа в городе Цицилине была создана в июле 1898 г. на базе хунчуньской школы, переведенной туда по распоряжению цзилиньского цзянцзюня Яня; в 1900 г. в разгар ихэтуаньского восстания новый цзянцзюнь Чан, опасаясь погрома школы, временно приостановил её работу до января 1901 г.⁷ С этого времени функционирование школы возобновилось, но вследствие неэффективной работы китайских учителей, часто менявшихся из-за плохого знания русского языка, Чан в том же году пригласил преподавателем драгомана Российского дипломатического представительства в Цицилине Большакова – выпускника школы переводчиков при русском консульстве в Урге, который хорошо владел китайским языком, обладал организаторскими способностями, и поэтому сумел быстро и эффективно наладить подготовку переводчиков в Цицилине. Программа обучения в этой школе была аналогична программе тяньцзинской и включала изучение русского и китайского языков, истории русского государства, арифметики и географии.

Инициатором открытия русско-китайской школы в Цицикаре являлся полковник Соковнин, а попечителем стал цицикарский цзянцзюнь, пожертвовавший на неё 3000 руб. личных средств⁸. Курс обучения составлял 6 лет и проводился параллельно на русском и китайском языках. Главным преподавателем в школе был русский учитель И.Е. Шафиров, у которого были русский и китайский помощники. Школу посещали 35 китайских детей, для обучения которых использовали учебники и словари, написанные русским китаеведом П.С. Поповым⁹.

Опыт дипломатических служб России по открытию русско-китайских школ в Маньчжурии был использован первым русским начальником Квантунского полуострова генерал-майором Д.И. Субботичем. Незнание китайского языка являлось серьёзным препятствием в деятельности русской исполнительной гражданской и военной власти в Квантуне. В июне 1899 г.

Д.И. Субботич на основании рапортов, поступивших от начальника военного округа подполковника Куколь-Яснопольского и исполняющего должность пристава Северного участка области поручика Равича-Пиглевского, открыл русско-китайскую школу в городе Бицзыво. Бюджет школы составлял 400 рублей в год¹⁰, что выглядело довольно скромно в сравнении с бюджетами аналогичных школ, открытых провинциальными китайскими властями. Финансирование обеспечивалось за счет сумм из доходов городской казны. Школа в Бицзыво была четырехклассной с двухлетним курсом. Принцип бесплатного обучения, принятый в Квантунской области для всех учеников, делал её популярной среди местного китайского населения: в 1902 г. число учеников-китайцев составило более 60-ти чел. Новым желающим отказывали из-за нехватки мест и средств.

В ноябре 1900 г. новый начальник Квантунской области вице-адмирал Е.И. Алексеев открыл русско-китайскую школу на 45 учеников в городе Цзиньчжоу, а Общество КВЖД в том же году открыло школу на 17 чел. в Дальнем¹¹.

В силу преобладания военных, интеллигенция в Квантунской области была представлена в основном русскими офицерами, которые помимо своих прямых должностных обязанностей исполняли и самые разнообразные гражданские службы. Так, несмотря на то, что в каждой русско-китайской школе по штату предусматривались по два учителя – русский и китайский, из-за дефицита кадров русских учителей в Квантунской области в этих учебных заведениях преподавали военные. Цзиньчжоуской школой заведовал казачий сотник И.М. Хлебников, а русский язык преподавал поручик Ф.И. Голенко. Первый состав преподавателей в школе в Бицзыво включал пристава Северного участка поручика Равича-Пиглевского, «одного нижнего чина, окончившего двухклассное училище», и китайского учителя, в 1901–1902 г. этой школой заведовал чиновник А.В. Швецов, в 1902–1903 г. – С.С. Син (видимо, крещёный китаец)¹².

В конце 1890-х гг. русско-китайские школы в Квантунской области посещали 122 ученика¹³. Китайских граждан, желавших поступить на службу в низшие звенья русской администрации, принимали в них независимо от сословной принадлежности, в возрасте от 10 до 20 лет.

Традиционное китайское образование ориентировалось на изучение иероглифической письменности и образцов классической словесности и составляло привилегию мужчин. Учёба продолжалась весь световой день. Методика преподавания основывалась на механическом заучивании иероглифов: учитель показывал по книге, какой звук соответствует тому или иному иероглифу, а ученики заучивали звуки в той последовательности, в какой стояли иероглифы. Понимание смысла было не обязательным. Главное внимание обращалось на запоминание последовательности звуков и на соотношение между ними и иероглифами.

Лично наблюдавший учебный процесс в традиционной китайской школе А. Ротштейн отмечал, что учащиеся обязаны были выкрикивать заучиваемый на уроке материал как можно громче, причём, в такт звукам,

раскачиваясь взад и вперёд. Так они показывали учителю, что добросовестно учатся. Хорошим считался ответ, когда ученик излагал урок, громко крича, без запинки и передышки. Классическим учебником была созданная почти тысячу лет назад каноническая книга «Трёхзначный классик», написанная строчками по три иероглифа в каждой, всего следовало запомнить около тысячи иероглифов¹⁴.

В китайских школах практиковались довольно болезненные наказания, поэтому учитель на уроках никогда не расставался с бамбуковой палкой. В отличие от России, где, несмотря на понимание высокой ценности образования, труд преподавателя не считался особенно престижным, учитель в Китае в соответствии с национальной культурной традицией, считался одним из наиболее уважаемых людей в стране, где образование тоже ценилось высоко. Учитель почитался наряду с Небом, Землёй, Императором и Родителями. Однако, несмотря на высокий общественный статус, материальное положение китайских учителей было довольно тяжёлым. В зависимости от квалификации заработанная плата китайского учителя колебалась от 150 руб. и более в год, т.е. была существенно меньше, чем у преподавателей в провинциальных русско-китайских школах¹⁵.

Первоначальное обучение китайских учеников осуществлялось в правительственных, общественных и частных школах на 20–30 чел. К началу русско-японской войны в Квантунской области функционировали около 50 традиционных китайских школ, содержащихся на частные средства, которые посещали 800 учеников¹⁶. Школьный возраст учащихся колебался между 7-ю и 15-ю годами. Плата за учебу зависела от благосостояния родителей: богатые платили по 10 руб., а бедные по 2 руб.¹⁷

Каждые три года выпускники школ, желавшие получить для поступления на государственную службу первую учёную степень «сюэя» («расцветающего таланта»), отправлялись в город Мукден, где проводились специальные публичные испытания. Наиболее отличившиеся конкурсанты получали звание «ишэн» («отличный студент»). Следующая учёная степень – «цзюйжень», что означает человека поднявшегося (к достижению истины), присуждалась по результатам государственных публичных экзаменов, проходивших уже в Пекине. В рассматриваемый период имеющих степень «сюэя» в русской части Квантуна насчитывалось не более сотни человек, а число лиц, достигших звания «цзюйжэня», не превышало и десяти¹⁸.

Образцовую русско-китайскую школу при Харбинском бюро для дипломатических сношений учредил в 1903 г. китайский генерал Чжао Мянъ. Эта школа выросла на базе частной школы А.П. Хитрово – супруги подполковника пограничной стражи Заамурского округа А.Д. Хитрово. Последний был известен как «китаефил» и сторонник русско-китайского сближения, поддерживавший образовательные инициативы своей жены, которая из расположения к представителям местного китайского общества, охотно давала уроки русского языка их детям.

Здание школы европейского типа было построено в рекордно короткий срок – за один месяц. В нём размещались современные учебные помещения,

рекреационный зал, две комнаты для учительницы, кухня и столовая, гимнастический корт. Имелось и общежитие на 40 чел., расположенное в отдельном здании. В школе было 20 учеников, из которых 9 чел. были старше 17 лет и являлись женатыми людьми¹⁹.

Классное время распределялось традиционным для китайских школ образом, занимая всё светлое время суток, но по урочной европейской системе преподавания: после завтрака, с 8:30 до 13:00 – шли уроки русского языка, затем следовал часовой перерыв на обед, с 14:00 до 20:00 – начинались занятия по китайскому языку и словесности с перерывом на полчаса.

Обучение вели три учителя. Главная учительница А.П. Хитрово не знала китайского языка и во время уроков прибегала к помощи своего бывшего ученика Тандина. Китайский язык преподавал учитель-китаец. А.П. Хитрово разработала инновационную методику изучения языка, с помощью которой китайские учащиеся в короткое время приобретали хорошие навыки чтения и письма по-русски. По отзывам современника, все ученики «читали сознательно и прекрасно писали. Некоторые недурно овладели склонениями. ... Пишут все каллиграфически, точь в точь как в прописи»²⁰.

Традиционные наказания бамбуковой палкой в школе не применялись, но порядки были довольно строгими. Младшие ученики исключались из школы после четырёх выговоров, учащиеся старше 16 лет – после трёх. Однако, несмотря на военную, по сути, дисциплину, школа пользовалась спросом у китайского населения Харбина и желающих в ней учиться было довольно много.

Модификацией русско-китайских школ являлись специальные китайские отделения, которые открывали при русских школах. Первое такое отделение в 1898 г. организовал учитель Старохарбинской школы И.С. Степанов, у которого учились 32 китайских мальчика²¹.

В 1899 г. начало работу китайское отделение при двухклассном (с пятилетним курсом обучения) городском Пушкинском училище в Порт-Артуре, первым преподавателем которого являлся владевший китайским языком журналист и известный востоковед Д.Г. Янчевецкий. Он обучал китайских детей русскому языку до начала ихэтуаньского восстания, после него работали уже два преподавателя – русский и китайский.

Первоначально набор на китайское отделение составлял 30 чел.²². Вице-адмирал Е.И. Алексеев увеличил число китайских учеников более чем в 3 раза; для сравнения: русских учеников в Пушкинском училище в 1903 г. было 40 чел.²³. Кроме того, при китайском отделении школы открыли вечерние курсы русского языка для взрослых китайцев, а для русских офицеров и учеников городского училища – китайского.

Самым крупным по численности было русское отделение на курсах иностранных языков при китайской дипломатической канцелярии в Мукдене, которое посещали 150 слушателей²⁴.

Практиковалось также совместное обучение русских и китайских детей. В 1899 г. в Харбине появилось первое профессиональное начальное учебное заведение смешанного типа – вечерние технические курсы при Главных мастерских КВЖД для обучения русских и китайских детей. Открытие курсов обуславливалось потребностью в кадрах квалифицированных рабочих. Занятия посещали 130 русских и китайских мальчиков, которые учились по программам 2-классных школ Сибирской железной дороги с включением дисциплин спецкурса, таких как механика, технология, черчение, электротехника²⁵.

Таким образом, в период с 1896 по 1903 гг. было открыто 13 русско-китайских школ, отделений и курсов: 9 – с 1896 по 1900 гг., 4 – в 1903 г. Одно из них располагалось в восточном Китае (г. Тяньцзинь), остальные – в городах Маньчжурии (Бицзыво, Дальнем, Инкоу, Мукдене, Порт-Артуре, Харбине, Цзилине, Цзиньчжоу и Цицикаре). Большая часть русско-китайских учебных заведений сосредотачивалась в построенных русскими городами Харбине (3) и Порт-Артуре (2). В целом, русско-китайские школы являлись новым для Китая типом учебных заведений, детерминированным расширением этнокультурного взаимодействия россиян с народами Китая. Русские учителя пользовались принятыми в российских школах методиками обучения и занимались с учениками по классно-поурочной системе. Цель открытия такого типа школ заключалась не только в получении необходимых специалистов из китайских подданных, владеющих русским языком, но и в воспитании в них привязанности к России и заинтересованности в развитии мирных отношений между соседствующими русским и китайским народами. Данный тип учебных заведений в большей степени, чем фаньяньсюэтань, отвечали духу эпохи перемен и были приспособлены к русско-китайскому сотрудничеству.

Общее число учащихся в русско-китайских учебных заведениях Маньчжурии накануне русско-японской войны отражено в таблице 1.

Таблица 1.

Распределение китайских учащихся по русско-китайским учебным заведениям*

№ №	Тип учебного заведения	Местонахождение учебного заведения	Число китайских учащихся
1.	Русско-китайская школа	Бицзыво	60
2.	Русско-китайская школа	Дальний	17
3.	Курсы русского языка	Мукден	150
4.	Китайское отделение при Пушкинском городском училище	Порт-Артур	100

* Без школ в Цзилине, Инкоу и вечерних курсов русского языка при Пушкинском училище, по которым данные о количестве учащихся не найдены.

5.	Китайское отделение при Старохарбинской школе	Харбин	32
6.	Русско-китайская школа	Харбин	20
7.	Вечерние технические курсы при Главных мастерских КВЖД	Харбин	130
8.	Русско-китайская школа	Цзиньчжоу	45
9.	Русско-китайская школа	Цицикар	35
	Итого:		589

В результате русско-японской войны произошла перегруппировка в образовательном пространстве Маньчжурии, вызванная, в том числе, и перегруппировкой общественно-политических сил в стране в целом. Подъём движения за реформы в 1904-1905 гг., рост антицинских и националистических настроений в Южном Китае активизировали японское проникновение в национальную систему просвещения Китая. Предпочтение Японии обуславливалось расовым единством с японцами, любовью к «белым дьяволам»* и успешным примером модернизации Японии, усвоившей опыт западной цивилизации, а также единством письменного языка, сходством в нравах и обычаях. Среди китайских прогрессистов было распространено представление о том, что, позаимствовав необходимые для самозащиты и самосохранения знания от японцев, китайцы меньше всего рискуют потерять свой национальный суверенитет.

Первые школы, открытые японцами, появились в Китае в конце 1890-х годов. В Сучжоу и других южных провинциях создавалась сеть военных и гражданских учебных заведений, где преподавали японские учителя и военные инструкторы. С закрытием русско-китайских школ в Квантунской области и в г. Цилине в Южной Маньчжурии началось активное распространение японских учебных заведений. В Дайрене (Дальнем), Мукдене, Фушуне, Чанчуне, Гунчжулине, Чанту, Ляояне, Ташичао, Вафангене и в других более мелких населенных пунктах японцы открыли начальные школы.

Образцом для японских начальных школ нового типа послужили американские учебные заведения, которые в отличие русских школ не давали широкого универсального образования, но были сориентированы на прикладные знания, востребованные в практической жизни. Из учебников японские дети получали сведения о культивировании риса – основного для народов Восточной Азии продукта питания, изготовлении шёлка, производственном использовании рисовой соломы и бамбука; знакомились с национальными героями, получали сведения о достопримечательностях крупнейших городов Японии (Киото, Нары и др.); узнавали об устройстве современных технологий (термометра, телефона, трамвая и т.п.)²⁶.

От русских учебных заведений японские школы отличались и приоритетным вниманием к физическому развитию детей, включавшему

* Так в Китае называли всех европейцев – С.Б.

элементы военной подготовки. В результате, из выпускников японских школ получались «уже почти наполовину готовые солдаты, поворотливые, а главное, дисциплинированные не палкой, а любовью и уважением к своим начальникам»²⁷.

В отличие от России начальное обучение в Японии было обязательным для всех детей и продолжалось 6 лет. Причём, за одной партой сидели и дети простолюдинов, и потомки самураев, воспринимавшие одни и те же идеи и ценностные ориентации. Следовательно, уже начальная школа сплачивала нацию и закладывала основы солидарности японцев. Содержание хрестоматий для чтения в начальной школе, разработанной Министерством народного просвещения, было направлено на формирование у подрастающего поколения японцев таких качеств, как «лояльность Императору, восторженная любовь к родине, глубокое почтение к родителям, изысканная учтивость, аккуратность, любознательность, настойчивость в достижении намеченной цели, скромность в своих потребностях»²⁸.

В 1907 г. начальные японские школы в Южной Маньчжурии посещали 256 детей, в 1910 г. – 1380, т.е. число учащихся выросло более чем в 5 раз²⁹. Помимо этого в Порт-Артуре для японцев были открыты средние школы, высшее инженерное училище и высшая школа для японок.

Для упрочения связей с коренным населением оккупированной территории японская администрация открыла для китайских детей специальное училище и китайские отделения при некоторых из японских школ, а также шесть японо-китайских школ³⁰. Число посещавших эти школы детей быстро увеличивалось, и они стали создавать серьёзную конкуренцию русским образовательным учреждениям в Маньчжурии.

В 1906 г., когда по инициативе китайской администрации в городах восточного Китая – Тяньцзине, Баодине, Сиане и Учане* – были открыты по типу Переводческого института (исяюгуань) в Пекине высшие училища иностранных языков с китайским, английским, французским, немецким, японским и русским отделениями³¹, для русско-китайских учебных заведений в Маньчжурии появилась некоторая возможность реванша. После утраты Россией Ляодунского полуострова русский образовательный потенциал сосредоточился на линии КВЖД, где ведущим культурным и экономическим центром являлся г. Харбин. Здесь развивалась стабильная база русского образования, которая не только решала задачу воспроизводства национально-культурной идентичности, помогая подрастающим поколениям россиян избежать ассимиляции и сохранить национальную самоидентификацию и связи с Россией среди этнического и национально-культурного разнообразия полосы отчуждения КВЖД, но и способствовала дальнейшей европеизации китайской молодёжи, обучавшейся в русских учебных заведениях.

Успешным примером были китайские классы при средних профессиональных школах – мужском и женском коммерческих училищах в

* Современный г. Ухань, включающий территории бывш. Учана и Ханькоу – С.Б.

Харбине - и функционировавшая при них русско-китайская начальная школа, выпускники которой поступали в эти учебные заведения. Открытые в составе пяти основных классов оба училища последовательно развивались до восьмиклассного состава и в 1909–1910 учебном году сделали первый выпуск учащихся. Накануне Первой мировой войны в училищах было 29 классов: 17 по мужскому (подготовительный, 8 основных, 7 параллельных и китайский класс) и 12 по женскому (подготовительный, 8 основных, 2 параллельных и китайский класс).

По окончании среднего учебного заведения китайские подростки могли продолжить учебу как в России, так и в полосе отчуждения КВЖД. Например, в 1906–1907 гг. из русско-китайской начальной школы четверо учеников-китайцев поступили в Харбинское коммерческое училище, причем их содержание взяло на себя Харбинское благотворительное общество. Подготовка будущих кадров для КВЖД, воспитание русских и китайцев в духе взаимной солидарности, обучение китайских детей по-прежнему оставались одними из важнейших задач русской администрации.

В конце 1906 г. цзянцзюнь Дагуй принял решение восстановить русско-китайскую школу в Цзилине. Однако вскоре (возможно, под давлением японцев) он пересмотрел своё решение в пользу открытия учебного заведения по типу исяогуань. Функционировать оно начало с конца мая 1907 г. под названием «Высочайше учрежденное Цзилиньское училище иностранных языков» (Цзоубань Цзилинь вайго юйсюэтан) в составе трёх отделений – русского, японского и английского³².

На русском отделении преподавал выпускник Восточного института П.В. Шкуркин, завоевавший, по отзывам современников, своей энергией и высоким профессиональным мастерством симпатии и китайских учеников, и китайских властей. Применённые им инновационные методы преподавания, незнакомые китайским специалистам, «привели к тому, что на первом же экзамене присутствовавшие русский, английский и японский консулы были изумлены успехами русского класса и громадной разницей между познаниями учеников русского и учеников других отделений»³³.

Успешная работа русского отделения в значительной степени способствовала популярности данного учебного заведения среди китайских администраторов. Так, генерал-губернатор Сюй Шичан специально ознакомился с работой цзилиньского училища и открыл в Мукдене практически точную его копию под названием «Высочайше учреждённого училища языков всех стран света» (Цзоубань фаньяньсюэтан)³⁴.

Однако работа данного учебного заведения оказалась малоуспешной из-за неудачных кадровых решений. Русских преподавателей там не было, а после скорострительной смерти первого директора академика Гуйдо, пост директора училища попеременно занимали выдвиженцы из южных провинций, деятельность которых сопровождалась коррупционными скандалами и судебными разбирательствами.

Через два года в условиях наступившего финансового кризиса китайское правительство в попытке найти свободные финансовые средства

для продолжения реформ прибегло к самому неудачному виду экономии – закрытию учебных заведений, в первую очередь, школ иностранных языков. Распоряжение о закрытии провинциальных фанъянсюэтанов как убыточных для казны поступило из министерства народного просвещения в июне 1909 г. По этому же распоряжению были закрыты и высшие училища иностранных языков в Мукдене и Цзилине. В результате только в одном Цзилине не завершили образование около 90 студентов, а 92000 лян серебра*, потраченные на организацию работы училища, были, по сути, израсходованы непроизводительно³⁵.

Тем не менее, иностранный опыт был усвоен. После указов императрицы Цыи от 19 августа 1906 и 14 августа 1908 гг. в стране появились новые органы общественного управления – провинциальные совещательные комитеты (цзы-и-цзюй)** и общества самоуправления, имевшие свои отделения во всех административных центрах провинций и в значительных сельских пунктах. Их полномочия распространялись и на местную систему образования.

К примеру, цзы-и-цзюй г. Цицикара в довольно короткий срок учредил начальные и средние школы, детские сады, общества для самообразования, читальни (библиотеки). Работа по развитию системы народного образования осуществлялась в Цицикаре «планомерно и неуклонно». Летом 1909 г. была зарегистрирована сеть школ, созданная по образцу русских и японских общеобразовательных и профессиональных учебных заведений: две китайские низшие школы, женское училище, китайско-японская школа, открытая взамен русско-китайского училища (1907); земледельческая школа, ремесленное училище, училище торгового рыночного судоходства; низшее военное пехотное училище, школа полицейских дозорных; две семинарии: учительская (1907) с числом учеников до 200 чел. и учительская маньчжуро-монгольской литературы с годовым бюджетом более 900 лян, в который учились 100 чел.³⁶.

Осенью 1911 г. по ходатайству управляющего КВЖД генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата и местного даотая Линь Тяо китайское правительство запустило программу целевого обучения китайских граждан в русских школах Харбина, выделив для этого специальные средства. Первые 29 китайских детей в возрасте от 11 до 18 лет поступили в Харбинские коммерческие училища (20 мальчиков и 9 девочек из семей китайской интеллигенции или чиновников).

Реализация этой программы совпала по времени с событиями Синьхайской революции*, что не могло не сказаться на финансовой составляющей данного русско-китайского образовательного проекта. Тем не менее, в 1913 г. в училищах уже было 35 мальчиков и 26 девочек, всего 61

* 1 лян – 37,3 г серебра или 2,6 руб.; 92000 лян = 239200 руб.

** Типа областных земских собраний в России.

* Синьхайская революция началась 10 октября 1911 г. с победоносного восстания войск в г. Учане.

чел., т.е. число участвовавших в программе китайских учащихся выросло вдвое³⁷. Для скорейшего овладения русским языком китайских ребят помещали в семьи русской интеллигенции. Обучение вели владевшие китайским языком русские преподаватели, которым доплачивали за работу с китайскими учащимися. Таким образом, коммерческие училища с успехом развивали традицию распространения среди коренного населения русского языка и приобщения его к европейской культуре.

В целом, при сравнении периода до русско-японской войны и после, прослеживаются изменения в составе акторов модернизации системы образования в Маньчжурии. На первом этапе их состав был довольно разнообразным и включал представителей из китайской и русской военной и гражданской администраций, правления акционерного Общества КВЖД, русских учителей и частных лиц. В период после русско-японской войны инициатива открытия русско-китайских образовательных учреждений для подготовки китайских специалистов со знанием русского языка перешла в руки китайской администрации. Объясняется это, в основном, двумя факторами. Война ослабила позиции России в Маньчжурии и сфера её влияния, в том числе и на систему образования, сузилась. В свою очередь, китайская сторона, опасаясь чрезмерного усиления японцев, оказывала поддержку русским образовательным инициативам. Об этом свидетельствуют факты открытия новых русско-китайских образовательных учреждений не только в Маньчжурии, но и в восточном Китае.

В заключение отметим, что в период Синьхайской революции была окончательно сформулирована концепция новой национальной начальной школы³⁸. Приказом министерства народного просвещения от 28 сентября 1912 г. вводилось 2 разряда начальных школ: 1-й степени и высших. Продолжительность начального обучения в школе 1-й степени составляла 4 года и 3 года – в высшей начальной школе. Дети поступали в школу с 6 лет.

Программа обучения включала как традиционные для китайской школы науки, так и заимствованные из европейской образовательной традиции учебные дисциплины. Так, в начальной школе 1-й степени изучали принципы морали и китайский язык, арифметику, ручные работы, рисование, пение, гимнастику и предметы по выбору. Отметим, что гимнастика в китайских школах не имела такого значения как в японских.

В высшей начальной школе, где программа обучения расширялась, преподавали принципы морали, китайский язык, арифметику, ручные работы, рисование, пение, отечественную историю, географию, понятия о физических науках, земледелие или шитье. К предметам по выбору были отнесены коммерческие науки, английский или какой-либо другой иностранный язык.

Персонал всех начальных школ делился на три группы и состоял из старших учителей, преподававших главные предметы; специалистов, преподававших второстепенные предметы (ручные работы, пение, рисование, гимнастику и пр.) и младших учителей, которые помогали старшим учителям. (Заметим, что разделение на второстепенные и основные

предметы прослеживается в русской школе начала XX в., а в последствии и в советских школах).

Учреждали начальные школы 1-й степени городские, сельские, деревенские общественные правления и частные лица; начальные высшие школы – те же самые учредители, начальники округов, и общества учреждения школ. Все начальные школы содержались на средства учредителей. Обучение в школах 1-й степени, основанных общественными властями, было бесплатным.

Этим же приказом вводился механизм общественно-государственного взаимодействия в управлении образованием: общественные школы управлялись интеллигенцией, а основанные округами – начальниками округов. Они же наблюдали за работой частных и общественных школ.

В первый год Республики, по данным министерства просвещения, в Китае было открыто 86399 школ (высших, средних, начальных, разного рода профессиональных), из них частных - 24541. Корпус преподавателей включал 127706 специалистов. Расходы на образование составили 29184537 \$³⁹. В них обучалось 2905152 чел., из которых было только 141148 женщин (около 5% от общего числа учащихся). Здесь, однако, следует учитывать временной фактор (вопрос о введении женского школьного образования был поставлен в самом конце 1890-х гг.), а также наличие законсервированной столетиями культурной традиции абсолютного подчинения женщины в Китае.

В период президентства Юань Шикая* число учебных заведений составляло 52581, т.е. сократилось на 39%. Это было вызвано отсутствием денежных средств у правительства Китая, которое, по словам современника, заставляло его «бросаться во все стороны, выпрашивая у различных иностранных фирм ничтожные суммы в несколько сот тысяч долларов, и то, как говорят, под залог драгоценностей национального музея»⁴⁰.

В 1916 г. в стране функционировали 11 университетов, 502 средних и 50071 начальных школ; 21 колледж, 298 женских школ; 415 нормальных школ**, 965 вечерних школ и курсов, 85 военно-медицинских школ и 3 медицинских колледжа, 82 промышленных и 7 технических школ, 49 школ законоведения и 72 школы, открытые иностранцами, включая 66 русских учебных заведений в Харбине и на линии КВЖД⁴¹.

Таким образом, за годы реформ в Северо-Восточном Китае, как и в целом по стране, появились принципиально новые общеобразовательные и профессиональные учебные заведения, созданные по образцу русских и японских. В новой национальной школе отчётливо прослеживались инновации из русской (европейской) образовательной традиции, такие как женское образование, учебные программы, классно-поурочная система, подготовка разного рода специалистов и др., вписанные в общий контекст модернизации китайского общества.

* Март 1912 – май 1916 гг.

** Занимались подготовкой учителей.

Сноски и примечания

- ¹ Черевков В. Из новейшей истории Японии. 1854-1894 гг. // Вестник Европы. 1894. Кн. 12. С. 517.
- ² Попов П. Япония и Китай в 1899 г. // Вестник Европы. 1900. №6. С.222; Попов П.С. Накануне реформ в Китае // Вестник Европы. 1902. № 4. С. 544-545.
- ³ Дацышен В.Г. Изучение русского языка в Китае в конце XIX – начале XX в. // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 1. М., 2013. С. 578; Упразднение училищ иностранных языков // Вестн. Азии. Харбин. 1909. № 1. С. 261.
- ⁴ Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая. М., 2013. С. 44.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Дацышен В.Г. Изучение русского языка в Китае в конце XIX – начале XX в... С. 579; Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая... С. 45.
- ⁷ Упразднение училищ иностранных языков... С. 261.
- ⁸ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 158.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ГАХК. НСБ. Приказ по Квантунскому полуострову и войскам на оном расположенным. № 236. Порт-Артур. 3 июля 1899 г.
- ¹¹ Из истории взаимоотношений и сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке (1860-2008): тематический аннотированный перечень документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск, 2009. С. 17; Обзор Дальнинского градоначальства за 1902 год. Порт-Артур, 1903. С. 30.
- ¹² Хвостов А. Русский Китай. Наша первая колония на Дальнем Востоке // Вестник Европы. № 10. 1902. С. 673; Памятная книжка Квантунской области на 1901–1902 г. Порт-Артур, 1901. С. 12; Памятная книжка Квантунской области на 1902–1903 г. Порт-Артур, 1902. С. 10.
- ¹³ Квантунская область // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz> (дата обращения: 20.08.2013).
- ¹⁴ Ротштейн А. Маньчжурские очерки: личные наблюдения и заметки // Вестник Европы. 1907. № 1. С. 190-193.
- ¹⁵ Там же. С. 190.
- ¹⁶ Хвостов А. Русский Китай... С. 672.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 673.
- ¹⁹ Шахновский И.К. Жёлтая туча (12 месяцев войны с Японией): дневник корреспондента. М., 1905. С. 16, 19.
- ²⁰ Там же. С. 17.
- ²¹ Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая... С. 73-74.
- ²² Хвостов А. Русский Китай... С. 673.
- ²³ Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая... С.16; Хвостов А. Русский Китай... С. 673.
- ²⁴ Дацышен В.Г. Изучение русского языка в Китае в конце XIX – начале XX в. ... С. 579.
- ²⁵ Потапова И.В. Русская система образования в Маньчжурии. 1898–1945 годы: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. С. 52.
- ²⁶ Васкевич П. Японская школа // Вестник Азии. Харбин. 1912. № 11-12. С. 275.
- ²⁷ Там же. С. 276.
- ²⁸ Там же. С. 275.
- ²⁹ Ивашкевич А. У недавних победителей (Риоюн (Порт-Артур), Дайрен (Дальний) // Исторический Вестник. 1912. № 3. С. 998; Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913. С. 151-152.
- ³⁰ Лигин Ю. На Дальнем Востоке... С. 151-152.
- ³¹ Упразднение училищ иностранных языков... С. 261-262.
- ³² Там же. С. 262.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 263.

³⁶ Гребенщиков А. В Бутху и Мэргень по р. Нонни // Вестник Азии. 1910. № 3. Январь. С. 193.

³⁷ Харбинские Августейшего имени Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича Коммерческие Училища Общества Китайской Восточной ж.д.: годовой отчёт за 1912–13 учеб. год с добавлением статистических данных со времени существования училищ (1906–1913 г.). Харбин, 1913. С. XVI, XVII.

³⁸ Подробнее. см.: Начальное образование в Китае (Ряд циркуляров Министерства Просвещения, касающихся организации начального образования) // Вестник Азии. Харбин. 1915. № 33. Кн. I. С. 89-91.

³⁹ Школы в Китае // Вестник Азии. Харбин. 1916. № 37. Кн. I. С. 135.

⁴⁰ Хохлов А.Н. Китай в период президентства Юань Шикая: усиление пропаганды конфуцианства и попытка реставрации монархии (по материалам прессы и донесениям российских дипломатов). Режим доступа: <http://www.synologia.ru/> (дата обращения: 25.12.2013); Школы в Китае... С. 135.

⁴¹ Школы в Китае... С. 135.

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.: ТЕНДЕНЦИИ, ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ

С.А. ВЛАСОВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Исторический процесс повышения роли городов в развитии общества, охватывающий изменения в экономике, социальной сфере, культуре, образе жизни населения связан с урбанизацией – процессом, который носит мировой, общецивилизационный характер. В нашей стране урбанизация проходила на протяжении всего XX в., но наиболее интенсивно она осуществлялась во второй его половине, когда Россия осуществила исторический переход от сельского, патриархального, аграрного общества к городскому и индустриальному. С середины XX в. большинство населения нашей страны стало жить в городах, в 1970 г. доля городского населения составила 56,3%¹.

На Дальнем Востоке интенсивное развитие городов наблюдалось в 1950 – 1980-е гг., что было обусловлено промышленным развитием региона. Ранее, в предыдущем XIX в., города на Дальнем Востоке возникали как военные посты, затем (или одновременно) им придавался административный статус, и лишь потом «наращивались» экономико-хозяйственные, социальные, культурные и прочие функции. При этом главным субъектом градообразования являлось государство. Внешнеполитические, административные факторы были доминирующими в образовании и становлении городов на протяжении длительного времени, включая XIX и начало XX в. В последующем эта тенденция изменилась. Государственно-административное участие не исчезло, но все же главным градообразующим фактором становится хозяйственное и промышленное развитие Дальнего Востока. Так в годы сталинской индустриализации появляются города с ярко выраженной хозяйственно-экономической функцией – Комсомольск-на-Амуре, Артем, Магадан, Советская Гавань.

Эта тенденция сохранилась в послевоенные годы, когда на Дальнем Востоке происходит значительный рост городов, хотя в ряде случаев он носил искусственный характер. Многие населенные пункты получали статус города, говоря образно, «на вырост». В 1946–1959 гг. было образовано 24 новых города. Этот количественный рост был достигнут в основном за счет Сахалина, где в первые послевоенные годы 15 населенных пунктов получили статус города. Во многом это было сделано с расчетом на перспективу. Включение Южного Сахалина в состав СССР, формирование самостоятельной Сахалинской области, интенсивная миграция на остров – все это создавало определенные перспективы для развития вновь образованных городов. Но эти процессы не были подкреплены соответствующей экономической политикой, промышленным развитием региона. Поэтому в дальнейшем судьба сахалинских городов сложилась по-

разному. Одни города (Южно-Сахалинск, Холмск) развивались быстрее, другие (Корсаков, Оха) – медленно, но были и такие, где имела место своеобразная стагнация (Александровск-Сахалинский, Лесогорск, Красногорск). Можно утверждать, что статус города ничего не изменил в их положении. Определяющим в судьбе того, или иного города являлось промышленное развитие, а оно не коснулось некоторых городов Сахалина.

Начиная с 1960-х гг. интенсивность образования новых городов снижается. С 1960 по 1990 гг. на Дальнем Востоке городской статус получили 10 населенных пунктов². Вместе с тем, именно в этот период появились быстрорастущие города: Елизово, Анадырь, Зей. Отдельные города, такие как Амурск и Тынды, развивались стремительными темпами. Так, население Амурска увеличилось с 3,5 тыс. чел. в 1959 г. до 58,3 тыс. в 1989 г., рост в 16,5 раз, а население Тынды – с 3,1 тыс. чел. в 1959 г. до 62 тыс. в 1989 г., т.е. за 30 лет увеличилось в 20,6 раз³.

Рост населения Амурска и Тынды был связан с тем, что там создавались крупные народно-хозяйственные объекты. В Амурске в конце 1950-х гг. стал строиться целлюлозно-бумажный комбинат, в 1973 г. поселок получил статус города. Тынды стала своеобразной столицей Байкало-Амурской магистрали – железной дороги, которую начали строить в 1974 г., сначала там был штаб стройки, а с завершением строительства располагалось управление по эксплуатации БАМ.

Стремительный рост Амурска и Тынды был обусловлен тем, что промышленное строительство, развернувшееся в них, было объявлено Всесоюзными комсомольскими ударными стройками, и в эти города ехала молодежь со всех концов Советского Союза. Мигранты играли главную роль в формировании городского населения и в других молодых дальневосточных городах.

Современная наука рассматривает город как сложное явление, выделяя в нем градообразующую и градообслуживающую сферы. Градообразующие объекты создают экономическую базу города и являются первоосновой его возникновения, роста и развития, градообразующие объекты – это отрасли, предприятия, результаты деятельности которых выходят далеко за пределы данного города. В свою очередь градообслуживающие объекты – это в основном объекты непромышленной сферы (жилищно-городское хозяйство, предприятия и организации, обслуживающие материальные и культурные потребности населения – школы, кинотеатры, медицинские учреждения и т.д.). Как правило, объекты непромышленной, социальной сферы были лучше развиты в крупных и средних городах. Поскольку многие объекты социальной инфраструктуры создавались за счет фонда крупных промышленных, транспортных предприятий для обслуживания нужд своих работников. У мелких предприятий, расположенных в малых городах, средств для развития социальной сферы не хватало. Хотя следует признать, что отдельные отрасли социальной сферы были развиты недостаточно и в крупных городах.

Создание благоприятных для жизни жилищных и социально-бытовых условий в крупных и средних городах способствовало притоку и закреплению населения, хотя его рост осуществлялся не только за счет миграции, но и за счет естественного прироста. Наиболее интенсивно среди этой категории городов росли краевые и областные центры Дальнего Востока. Им традиционно уделялось особое внимание, выделялись ресурсы на жилищное строительство, развитие социально-бытовой инфраструктуры. В отдельных случаях, как это имело место с Владивостоком, развитие регулировалось специальными правительственными постановлениями. 18 января 1960 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О развитии г. Владивостока», благодаря которому активно велось жилищное строительство, возводились объекты социально-культурного назначения, получила развитие городская инфраструктура (пассажирский транспорт, коммунальное хозяйство).

Уделялось внимание и другим административным центрам – Хабаровску, Благовещенску, Магадану, Петропавловску-Камчатскому, Южно-Сахалинску. Во всех этих городах велось интенсивное жилищно-гражданское строительство, развивалась городская инфраструктура, социально-культурная сфера – все это способствовало привлекательности крупных городов для мигрантов и являлось главной причиной устойчивого роста в них населения.

Главное отличие крупных городов от средних и малых – это их многофункциональность. Её ядро, как правило, представляет собой несколько крупных индустриальных производств различных отраслей народного хозяйства. Рядом с ними функционирует большое количество мелких и средних предприятий и организаций, выполняющих инфраструктурную роль (энергетика, транспорт, строительство, подготовка кадров и т.д.). Необходимым звеном городской хозяйственной жизни становится также легкая и пищевая отрасли промышленности, которые получают значительные импульсы для своего развития. В больших городах активно развивается социальная (строительство жилья, учреждений здравоохранения и образования) и культурная (театры, кино) сферы⁴. Многофункциональность крупных городов повышается также за счет наличия учреждений науки и образования. Таким образом, крупные города дают больше возможностей для людей в сравнении с малыми городами и селами.

Города привлекали и привлекают людей тем, что жизнь обычного человека там потенциально и реально разнообразнее. Она характеризуется возможностями повысить свой образовательный и профессиональный уровень, что является предпосылкой смены сферы труда, дает шанс изменить социальный статус, занять более престижное место в обществе. Помимо этого, города дают возможность для широких контактов и разнообразных форм досуга.

Одним из важных факторов развития городов в 1960–1980-е гг. являлось интенсивное жилищное строительство. Практически все города

были охвачены своеобразным строительным бумом. Рост жилищного строительства в городах Дальнего Востока хорошо просматривается на примере краевых и областных центров (таблица № 1).

Таблица 1

**Жилищный фонд в краевых и областных центрах
Дальнего Востока (млн. кв. м)**

Город	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Благовещенск	0,431	0,757	1,198	2,016
Владивосток	1,515	2,494	4,512	6,962
Магадан	0,129	0,491	0,849	1,455
Петропавловск-Камчатский	0,108	0,600	1,152	2,275
Хабаровск	1,432	2,786	4,848	7,163
Южно-Сахалинск	0,352	0,794	1,151	1,799

Таблица составлена на основании: Народное хозяйство РСФСР в 1962 г. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1963. С. 565-566. Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1971. С. 391-392. Народное хозяйство РСФСР в 1982 г. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1983. С. 192-193.

Анализ данных таблицы 1 показывает, что за тридцать лет жилой фонд во всех указанных городах увеличился в несколько раз. Наиболее значительный рост жилого фонда наблюдался в северных городах, так в Петропавловске-Камчатском он увеличился в 21 раз, в Магадане – в 11,3 раза. По остальным городам рост жилого фонда увеличился: в Южно-Сахалинске – в 5,1 раза, в Хабаровске – в 5, в Благовещенске – 4,7, во Владивостоке – в 4,6 раза. При этом следует отметить, что помимо количественного роста жилого фонда, повысилось его качество. С конца 1950-х гг. все строящиеся дома оборудовались водопроводом, канализацией, центральным отоплением, т.е. полным набором коммунальных удобств.

Активизация жилищного строительства в городах с конца 1950-х гг. была вызвана общегосударственной тенденцией по развитию социальной сферы и подъему жизненного уровня населения, начавшейся в хрущевское десятилетие. Ранее (до конца 1950-х гг.) жилищное строительство не являлось приоритетным направлением в социально-экономическом развитии страны. Возведение жилья, обеспечение им населения было подчинено решению других более важных и насущных задач – проведению индустриализации, восстановлению народного хозяйства, разрушенного в годы Великой Отечественной войны. В конце 1950-х гг. после выхода постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР»⁵ в городах Дальнего Востока развернулось массовое жилищное строительство, что способствовало значительному увеличению жилого фонда и быстрому росту городского населения.

Помимо жилья в городах возводились объекты социально-бытового и культурного назначения. Благодаря наличию сети предприятий службы быта горожане тратили меньше времени на ведение домашнего хозяйства, в результате чего имели больше свободного времени для отдыха, получения информации, повышения интеллектуального и культурного уровня. Во многом это была государственная политика, рассчитанная на закрепление в дальневосточных городах населения, поскольку там появился слой потомственных горожан, значительную часть которых составили специалисты с высшим и средним специальным образованием, высококвалифицированные рабочие. У этой категории населения были более высокие требования к стандартам уровня жизни. При отсутствии надлежащей социально-бытовой инфраструктуры они могли уехать в другие районы страны.

Благоустройство и комфортность жизни является одним из факторов, привлекающих людей в города. По этому показателю крупные и средние города Дальнего Востока не уступали другим подобным городам страны. Тем самым оттока населения не наблюдалось, а, наоборот, в течение тридцати с лишним лет (1959–1992 гг.) в краевых и областных центрах Дальневосточного региона имел место устойчивый рост населения (см. табл.2).

Таблица 2.

**Население краевых и областных центров Дальнего Востока
(тыс. чел.)**

Город	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1992 г.
Благовещенск	95	128	172	214
Владивосток	397	442	549,7	648
Магадан	62,2	92	121,2	152
Петропавловск-Камчатский	86	154	214,9	272,6
Хабаровск	323	436	527,8	614,6
Южно-Сахалинск	85,5	105,8	139,8	164,8

Таблица составлена на основании: Численность населения российских городов (1897 -1992 гг.). Ярославль: Книжное изд-во, 1995. С. 67-70.

Наиболее интенсивно рост населения проходил в северных городах (табл.2). Так, в Петропавловске-Камчатском население увеличилось с 86 тыс. чел. в 1959 г. до 272,6 тыс. в 1992 г., т.е. в 3,2 раза. В Магадане в 1959 г. проживало 62,2 тыс. чел., в 1992 г. – 152 тыс. - в 2,4 раза⁶. Хотя следует отметить, что по многим социальным факторам северные города уступали городам, расположенным в южной части Дальнего Востока. Помимо тяжелых природно-климатических условий одной из серьезных проблем являлась низкая транспортная доступность и слабо развитая социально-бытовая инфраструктура. Тем не менее, за счет мигрантов, которых

привлекала высокая заработная плата (в северных районах выплачивались «северные надбавки»), по темпам численности населения, как и по темпам жилищного строительства, они опережали города юга Дальнего Востока.

Следует признать, что во второй половине XX века наиболее благоприятным временем для развития городов на Дальнем Востоке был период 1950–1980-х гг. Увеличилась численность городов и количество проживавшего там населения, качественно повысился уровень жизни горожан. В те годы в городах велось активное жилищное строительство, возводились объекты социально-культурного назначения, развивался общественный транспорт. «Успешность» развития городов в то время во многом носит условный характер, так как ряд проблем так и не был решен, в частности обеспечение всех горожан благоустроенным и комфортным жильём. Кроме того, многие горожане испытывали трудности в приобретении ряда продовольственных (мясо, овощи) и промышленных товаров (одежда, обувь, ряд товаров длительного пользования). Горожане Дальнего Востока на протяжении всей второй половины XX в. сталкивались с таким явлением, как потребительский дефицит. В первые послевоенные годы люди мирились с отсутствием продуктов и товаров, понимая трудности восстановления разрушенной войной страны. В последующие годы проблемы повседневного быта были частично решены, повысился уровень жизни, но в условиях «развитого социализма» нехватка отдельных продуктов и товаров болезненно воспринималась горожанами.

В целом, несмотря на существующие проблемы, города (одни быстрее, другие медленнее) все же развивались. Эта тенденция изменилась с 1992 г., когда все города региона оказались в полосе кризиса – многие из них пришли в упадок, процесс развития городов оказался заторможенным, деформированным, а в северных районах Дальнего Востока просто пресечен. Сократилось число поселков городского типа, которые поставляли «кандидатов в города», там, как и в городах, заметно уменьшилась численность населения.

Если на протяжении 1950-1980-х гг. наблюдался устойчивый рост городского населения Дальневосточного региона, то в 1990-е гг. городское население стало сокращаться. В 1991 г. численность горожан достигла своего максимума в 6146 тыс. чел., затем она стала уменьшаться. В 1999 г. в городах проживало на 643 тыс. меньше, чем в 1991 г. (5503 тыс. чел.).⁷ Численность потерянного населения сопоставима с населением такого города, как Владивосток, где в 1992 г. проживало 648 тыс. чел. Можно сказать, в 1990-е годы Дальний Восток ежегодно терял город с численностью населения в 80 тыс. чел.

Сокращение городского населения более чем на 600 тыс. чел. стало той ценой, которую дальневосточники заплатили за реформы 1990-х гг., когда проводилась реструктуризация экономики, сокращались расходы на социальные нужды.

Проводившиеся в стране реформы привели к резкому спаду экономической активности, что отразилось на работе промышленности,

транспорте, предприятиях и учреждениях социальной сферы. Особенно сложно пришлось заводам военно-промышленного комплекса (ВПК). Смена приоритетов во внешней политике страны, отсутствие заказов, переход на выпуск мирной продукции в рамках программы «конверсия» несвоевременная оплата за выполненную работу – все это поставило заводы ВПК в крайне сложное положение. В результате реорганизации сократилось численность рабочих и служащих. Так, на Владивостокском заводе «Дальприбор» в 1992 г. работали 5 тыс. чел, а в 1999 г. – чуть более 1 тыс.⁸ Подобные процессы произошли и на других промышленных предприятиях дальневосточных городов, что привело к росту безработицы.

В тяжелом положении оказались малые города, где было одно-два градообразующих предприятия, ориентированных на внутренний рынок. Снижение или полное отсутствие государственного заказа привело к падению объемов производства, усилению социальной напряженности. По сути, малые города оказались заброшенными, что привело к утрате социального и культурного потенциала, накопленного за годы советской власти. Обострились демографические проблемы, население многих малых городов стало заметно сокращаться, в них стала расти доля лиц старше трудоспособного возраста. Все это происходило за счет сокращения естественного прироста и миграции из ближайших сел и поселков. Они перестали быть центрами притяжения населения из ближайшей сельской округи, теряя «подпитку» сельской молодежью. В целом, в ряде малых городах начался процесс, который можно характеризовать, как дезурбанизация. Существенное снижение численности населения в ряде малых городов привело к изменению их статуса. Так, статуса города в Сахалинской области лишились Горнозаводск, Красногорск, Чехов⁹.

Можно утверждать, что в 1990-е гг. были утеряны многие социально-экономические достижения предыдущих лет, благодаря которым города Дальнего Востока развивались, что в целом благотворно сказывалось на развитии всего региона. Тем не менее, несмотря на негативные тенденции 1990-х гг., крупнейшие и крупные города (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Южно-Сахалинск) сумели сохранить часть своего потенциала и вписаться в новые экономические реалии. Сейчас в этих городах обеспечены условия для плодотворной работы, карьерного роста и высокого качества жизни, они перспективны для развития бизнеса, внедрения инновационных технологий и по-прежнему привлекают мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья, местного сельского населения. Все это позволяет надеяться на восстановление процесса роста и развития городов, прерванного в 1990-е гг., и их дальнейшего влияния на социально-экономическое развитие Дальневосточного региона.

Оценивая тенденции и особенности по развитию дальневосточных городов во второй половине XX в., отметим, что определяющим фактором в этих процессах являлась экономика. Создание крупных промышленных предприятий, работа добывающих отраслей экономики и транспортной инфраструктуры – все это напрямую способствовало росту и развитию

городов Дальнего Востока. Они же в свою очередь стали своеобразными центрами по развитию региона, в них создавались социально-бытовые и культурные учреждения, что привлекало как местных мигрантов из сельской местности, так и мигрантов из других районов страны. Тем самым, города способствовали решению важной задачи, которая была актуальна в прошлом, важна сейчас и будет актуальна в обозримом будущем – формированию на Дальнем Востоке устойчиво высокого уровня народонаселения.

Сноски и примечания

¹ Вишневыский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 88.

² Бельская Е.С. Малые города: социально-экономические и демографические проблемы и перспективы развития: Региональный анализ на примере Дальнего Востока: дис. ... канд. географ. наук. Владивосток, 2005. С. 34.

³ Численность населения российских городов (1897 -1992 гг.). Ярославль, 1995. С. 67, 70.

⁴ Дашинамжилов О.Б. Урбанизация в Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 70.

⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. М., 1968. Т. 4. С. 359.

⁶ Численность населения российских городов (1897 -1992 гг.). Ярославль, 1995. С. 68.

⁷ Российский статистический ежегодник. Стат. сб. М.: Госкомстат, 1999. С. 57.

⁸ Власов С.А. Очерки истории Владивостока. Владивосток, 2010. С. 223.

⁹ Андропова О.А. Устойчивое развитие городских систем Дальнего Востока России // Исторические и географические исследования Северной Пацифики: проблемы и перспективы междисциплинарного синтеза: Материалы молодежной конференции (Владивосток 22-24 апреля 2013 г.). Владивосток, 2013. С. 50.

УРБАНИЗАЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ

Л.И. ГАЛЛЯМОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что существует множество точек зрения на трактовку понятия урбанизация. Термин «урбанизация» может быть наполнен довольно разным содержанием, в зависимости от контекста сферы знания, в котором используется. Однако главными показателями урбанизационного процесса на всех его исторических стадиях являются рост численности городского населения, распространение поселений городского типа. Именно на этом аспекте заявленной темы фокусируется внимание в предлагаемой статье.

В России процесс урбанизации продвигался с запада на восток, а также из «центра» на север и юг, фактически он шёл почти одновременно с заселением земель Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока и других регионов. Дальний Восток, который мы рассматриваем в территориальных рамках Приамурского генерал-губернаторства предоктябрьского периода (в составе Амурской, Приморской, Камчатской и Сахалинской областей) являлся регионом позднего освоения. В середине XIX в. с присоединением к России слабо заселённых Приамурья и Уссурийского края освоение дальневосточных пространств ускорилось и шло преимущественно военно-административным путем при мощной поддержке государства. В этих условиях развитие процесса урбанизации Дальнего Востока на протяжении второй половины XIX — начала XX в. приобрело свои особенности и специфику. В целом указанный процесс можно разделить на три этапа: 1) середина XIX – конец XIX в.; 2) рубеж XIX — XX вв.; 3) предоктябрьские годы (1907-1917 гг.).

В целом, на ранних этапах освоения Дальнего Востока главным субъектом этого процесса являлось государство, при его активной поддержке на новых землях сначала создавались военные и казачьи, затем (или одновременно) — крестьянские поселения. К началу 1850-х гг. населённых пунктов, носивших название окружных городов, на Дальнем Востоке имелось всего четыре: Гижига (Гижигинск), Петропавловск, Охотск и Удск (Удский острог), основная роль которых сводилась к выполнению функций административных центров. Самым значительным городом на Дальнем Востоке был Петропавловск, основанный в 1740 г. Он получил статус города и имя Петропавловская гавань в 1812 г. Тогда же вышло «Новое положение о Камчатке», по которому управление Камчаткой было поручено особому начальнику, местом пребывания которого и столицей Камчатки стала Петропавловская гавань. В 1849 г. Петропавловск был возведён на степень административного центра вновь образованной Камчатской области¹.

В ходе Крымской войны 20 и 24 августа 1854 г. Петропавловск подвергся бомбардировкам со стороны союзной англо-французской эскадры адмиралов Прайса и Де-Пуанта. Город был сильно разрушен, но выстоял, однако опасение новых нападений привело генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва к решению перевести порт в низовья Амура, что и было сделано весной 1855 г. После присоединения к России нижнего течения Амура, в 1856 г., была упразднена Камчатская область, а Петропавловск включён в Приморскую область в качестве окружного города. С этого времени город стал клониться к упадку, численность горожан значительно сокращается: если в 1854 г. она составляла 1531 чел., то в 1870 г. — 385 чел.²

Один из старейших городов Дальнего Востока Охотск был основан казаками в 1647 г. в качестве зимовья, которое через два года превратилось в Косой острожек. В 1716 г., когда началось морское сообщение с Камчаткой, он получил статус порта Охотска, значение которого заметно возросло в ходе деятельности Камчатской экспедиции В. Беринга. В 1822 г. в Охотске было учреждено особое Приморское управление, но в 1849 г., в связи с упразднением порта и переводом его в Петропавловск, Охотск был причислен к Якутской области в качестве окружного города. В 1856 г. Охотск был включён во вновь образованную Приморскую область в статусе окружного города. Значение его постепенно падало, а численность жителей снижалась: если в конце XVIII в. в нём имелось до 2000 горожан, то к началу 1860-х гг. — около 200 (106 муж. и 93 жен.)³.

Возникший в 1765 г. в качестве острога Гижигинск (Гижига) в 1783 г. был переименован в уездный город Иркутского наместничества, в 1822 г. приписан к Охотскому приморскому управлению, а в 1856 г. назначен окружным городом Приморской области⁴. С середины XIX в. его население довольно быстро убывало, снизившись с 475 чел. в 1853 г. до 200 в 1885 г., что было связано в первую очередь с освоением более южных приморских территорий Дальнего Востока и постройкой там новых гаваней⁵.

Самым небольшим окружным центром на побережье Охотского моря был Удск (Удский острог), также основанный казаками в 1643 г. В основном он являлся только местом пребывания небольших военных команд, последняя из которых была выведена отсюда в 1812 г. Численность жителей в это время достигала около 200 чел., к середине 1860-х гг. она сократилась до 160 чел.⁶

Таким образом, статус городов получали те населённые пункты, которым придавались административные функции, и лишь потом в процессе их развития формировались экономико-хозяйственные, социальные, культурные и прочие городские функции. Такая практика продолжала существовать и в середине XIX в. Уже в процессе присоединения Приамурья в 1854 г. был заложен военный пост Николаевский. На его месте после окончания Крымской войны, когда сюда был переведён военный порт из Петропавловска, в 1856 г., был основан город Николаевск, в том же году создана Приморская область, а с 1858 г. Николаевск становится центром области. К тому времени Николаевск превратился в крупнейший порт

Дальнего Востока России, в нём имелось до 200 зданий, проживало 1757 человек, развивалась социально-экономическая и культурная жизнь⁷.

Начало будущему городу Благовещенску было положено в 1856 г., когда у соединения Зеи и Амура был основан военный пост Усть-Зейский, летом 1857 г. он был переименован в Усть-Зейскую станицу в связи с прибытием сюда шести рот восточно-сибирского линейного батальона и сотни казаков. В 1858 г. станице был присвоен статус города Благовещенска, который стал административным центром образованной в том же году Амурской области. С лета 1859 г. началась активная постройка города, так что к осени 1860 г. в Благовещенске насчитывалось уже 59 казенных зданий, 24 частных дома, 4 торговых лавки и 2 магазина, численность жителей в нём достигла около 1500 чел., а в 1879 г. выросла до 5975 чел.⁸

Дальнейшее развитие создаваемых населённых пунктов во второй половине XIX в. определялось их стратегическим положением в ключевых точках на главных путях сообщения, размещением воинских гарнизонов, превращением в торговые и товарораспределительные центры. В частности, быстро начал развиваться созданный в 1858 г. военный пост Хабаровка благодаря удачному расположению, так как через него шла активная торговля с другими районами страны и с иностранными государствами. В 1865 г. в посту уже имелось 59 казённых зданий, 140 частных домов, 15 лавок и более 1300 жителей. В 1880 г. Хабаровке был придан статус города, и тогда же она становится областной столицей, которая переезжает сюда из Николаевска. Накануне этого события население Хабаровки уже насчитывало 2036 чел., а в 1884 г. превысило 4800 чел. Весомым стимулом для дальнейшего развития и роста города стало назначение его столицей Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г.⁹

Удачное расположение созданного в 1860 г. военного поста Владивосток стало условием его быстрого развития. В 1862 г. Владивостоку присвоен статус порта с режимом беспошлинной торговли. В 1868-1869 гг. во Владивостоке насчитывалось 50 домов, а население достигло около 600 чел. Перенос сюда из Николаевска в 1872—1873 гг. главного порта на российском Дальнем Востоке ускорил развитие Владивостока, тогда как в Николаевске начался упадок, он утратил статус областного центра. Во Владивостоке в 1876 г. было введено Городовое Положение, численность его населения в 1879 г. превысила 8800 чел. В 1888 г. Владивосток стал резиденцией губернатора Приморской области, и сюда было переведено из Хабаровки областное правление¹⁰.

В ноябре 1858 г. на правом берегу Амура в 320 верстах выше Николаевска был основан город Софийск, ставший центром учреждённого в том же году Софийского уезда. В первое время он давал большие надежды на развитие, в 1869 г. численность его населения достигла 378 чел., однако надежды на экономический рост города так и не оправдались¹¹. Из-за оттока крестьян-переселенцев после 1880-х гг. из Софийского уезда в более благоприятные районы верхнего Амура и в Уссурийский край Софийск так и

не стал экономическим центром, в итоге Софийский уезд был упразднён, а впоследствии (в 1896 г.) Софийск был обращён в селение¹².

Таким образом, если государство и являлось главным субъектом градообразования на раннем этапе, то в дальнейшем определяющее влияние на процесс урбанизации стали оказывать экономические, географические демографические и другие факторы. В целом освоение присоединённых к России территорий Приамурья и Уссурийского края заметно стимулировало рост городского населения на Дальнем Востоке: если к середине 1850-х гг. в уже существовавших городах насчитывалось примерно 2,3 тыс. жителей, то с созданием новых городов к середине 1880-х гг. численность горожан возросла до 28,6 тыс., а в 1890 г. составила 40,7 тыс. Кроме того, если общая численность дальневосточного населения за 1870–1890 гг. увеличилась с 80,9 тыс. до 197,4 тыс. чел., или в 2,4 раза, то городское население с 10,0 тыс. до 40,7 тыс. чел.¹³, или в 4 раза, т.е. росло более высокими темпами.

Второй этап урбанизации Дальнего Востока — конец XIX – начало XX в. — был обусловлен влиянием такого фактора, как строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, применительно к Приамурью – Уссурийской железной дороги, а затем – Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Принимая решение о сооружении магистрали, российское правительство преследовало главным образом стратегические цели, т.е. укрепление обороноспособности Востока России, экономическая роль дороги имела второстепенное значение. Тем не менее, развитие железнодорожной сети сыграло огромную роль. Паровой железнодорожный транспорт был настоящей революцией в средствах сообщения, он значительно ускорил грузооборот и оборот капиталов, обеспечил их приток на дальневосточную окраину, ликвидировал изолированность региона. Железнодорожный транспорт способствовал притоку переселенцев, развитию производительных сил Дальнего Востока. Уже в период строительства железной дороги усилился процесс накопления капитала, оживилась деловая активность, ускорился рост экономики, произошел подъем во всех сферах жизни дальневосточного общества. Железнодорожное строительство имело важное значение для амурского судоходства, так как дало толчок активному росту перевозок и увеличению флота, оно заметно ускорило развитие морского судоходства на Дальнем Востоке, поскольку для нужд строительства необходима была доставка огромного количества грузов.

Под влиянием этих факторов процесс урбанизации Дальнего Востока значительно активизировался. В первую очередь это сказалось на росте численности населения в наиболее значительных городах: Благовещенске, Владивостоке и Хабаровске. Так, за 1891—1897 гг. [время строительства Уссурийской железной дороги] население Хабаровска возросло с 5123 до 14932 чел., т.е. в 2,9 раза, во Владивостоке в 1891 г. проживало 8418 чел., в 1897 г. — 28896, следовательно, численность жителей возросла почти в 3,5 раза; рост населения Благовещенска также прогрессировал в значительной степени: в 1891 г. здесь насчитывалось 21096, а в начале 1897 г. — 32606 жителей, т.е. в 1,5 раза больше¹⁴.

Города Дальнего Востока начинают играть значительную роль не только как военно-административные пункты, но и как торгово-распределительные, промышленные, транспортные, образовательные и культурные центры. Формируется городской образ жизни, городское население по составу уже заметно отличается от деревенского. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. показала, что Благовещенск стал четвёртым городом Сибири по числу жителей (32834 чел.), Владивосток – седьмым (28933 чел.), а Хабаровск – одиннадцатым (14970 чел.), и они вошли в число крупнейших городов Сибири¹⁵, поэтому стало возможным отнести их к полноценным городам региона. Более того, железнодорожное строительство создало предпосылки для формирования населённых пунктов городского типа, для появления нового города: в 1898 г. село Никольское получило статус города и имя Никольск-Уссурийский. В состав города вошли село Никольское, железнодорожный посёлок станции Кетрицево и выселок Суйфунский, количество его населения составило 11 тыс.¹⁶

Развитие амурского судоходства благотворно сказалось на Николаевске, численность населения в котором за 1891–1896 гг. возросла с 1556 до 4779 чел.¹⁷ Одно из городских поселений Амурской области сформировалось благодаря росту золотопромышленности: началом будущего города Зeya стала Зейская пристань (Зейский склад), основанная в 1879 г. как резиденция Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Население Зейского склада росло, здесь были открыты отделения торговых фирм Чурина и Опарина. 12 марта 1906 г. ему были предоставлены права города и присвоено название Зeya–Пристань, в то время в нем жило чуть больше 5 тыс. чел.; 3 ноября 1913 г. он был переименован в город Зею, к 1 января 1915 г. численность его населения достигла 6,58 тыс. чел.¹⁸

В целом на рубеже XIX — XX столетий процесс урбанизации российского Дальнего Востока протекал весьма интенсивно. Городское население увеличивалось гораздо быстрее, чем население в целом: за 1891-1906 гг. оно выросло с 42,7 тыс. до 172,3 тыс., т.е. более чем в 4,4 раза, в то время как общая численность дальневосточного населения увеличилась в 2,9 раз (со 197,4 тыс. до 565,8 тыс. чел.)¹⁹.

На третьем этапе, в предоктябрьский период (1907–1917 гг.), важнейшую стимулирующую роль в развитии дальневосточного региона сыграла реализация комплекса мер, направленных на укрепление обороноспособности Дальнего Востока. Поражение в русско-японской войне заставило российское правительство из соображений государственной безопасности усилить заселение региона, стимулировать развитие промышленности и торговли. Важным градообразующим фактором стало строительство Амурской железной дороги, с началом которого в 1908 г. стали заселяться земли в непосредственной близости от неё, кроме значительного притока рабочих, направлявшихся на заработки, здесь стало оседать постоянное население. Вдоль линии железной дороги возникли пристанционные посёлки, к лету 1910 г. – Бушулей, Зилово, Ксеньевка, Могоча, Амазар, Ерофей Павлович, Уруша, Большой Невер, Талдан,

Магдагачи, Ушумун, Гондатти, Ту. Позже были основаны Тыгда (1910) и Ледяная (1911). Всего к 1913 г. вдоль железнодорожного полотна возникло 19 поселков городского типа²⁰. Кроме того, в 1912 г. на месте пересечения р. Зеи и железной дороги был образован город Алексеевск (из деревни Суражевки и одноименной станции железной дороги). Численность его населения на 1 января 1913 г. составляла 6230 чел., на 1 января 1915 г. – 9989 чел.²¹

В этот период активизировался рост численности населения всех дальневосточных городов, возрастает их значение как центров административной, торгово-экономической и культурной жизни. Так, Благовещенск, являвшийся важнейшим товарораспределительным и транспортным пунктом Амурской области, стал одним из крупных центров российской мукомольной промышленности, третьим в стране по объемам мукомольного производства, крупнейшей гаванью амурского судоходства (31–34% амурского грузооборота), амурской судоремонтной и судостроительной базой²².

Важным транспортным узлом становится Хабаровск, на который приходилось 14–19% грузооборота Амура, он замкнул на себе речное судоходство и железнодорожное сообщение²³. Николаевск-на-Амуре вырос в центр рыбной промышленности, поставляя рыбу на внешний и внутренний рынки, речное пароходство связывало Николаевск со многими населёнными пунктами Приамурского генерал-губернаторства и Маньчжурии, на него приходилось от 7 до 8 % амурского грузооборота. Город стал вторым по значению морским портом на Дальнем Востоке; кроме того, он являлся также узловым пунктом снабжения приисков товарами и рабочей силой. 26 февраля 1914 г. решением Совета министров Николаевск был утверждён в качестве административного центра вновь образованной Сахалинской области²⁴.

Никольск-Уссурийский, ставший в дополнение к военным и административным функциям ключевой станцией Уссурийской железной дороги, являлся также центром сельскохозяйственной округи, откуда распределялись товары и куда стекались продукты сельского хозяйства²⁵.

Особую значимость приобретает Владивосток. Важно отметить, что Уссурийская железная дорога соединила Амурский водный бассейн с Владивостоком, который с вводом в строй КВЖД стал морскими воротами Транссибирской магистрали и приобрел международное значение. Перед Первой мировой войной превратился в крупнейший транспортный узел, вошел в число пяти крупнейших морских портов России, обеспечивая перемещение транзитных грузов из Маньчжурии и снабжая товарами не только Южно-Уссурийский край, но и всё Приамурье. Количество грузов, поступавших в город и вывозимых из него по железной дороге, лишь немногим уступало грузообороту морского транспорта, составив в 1910 г. 757,5 тыс. т, в 1913 г. – 1023,8 тыс. т, а общий грузооборот Владивостока в 1911 г. достиг 1,85 млн. т, в 1913 г. – 2,34 млн. т²⁶. В городе

концентрировалось значительное количество таких промышленных предприятий как судоремонтные, мукомольные, полиграфические и др.²⁷

Развитие рыбопромышленности дало толчок оживлению экономической жизни на Камчатке, послужило стимулом развития Петропавловска-Камчатского, который стал административным центром образованной в 1909 г. Камчатской области. Население Петропавловска росло быстрыми темпами с 7,5 тыс. в 1906 г. до 14,4 тыс. – в 1916 г.²⁸

Уссурийская железная дорога продолжала выполнять роль градообразующего фактора. В частности, она стимулировала развитие железнодорожной станции Иман и находившегося вблизи неё посёлка Иман, в результате сформировавшийся крупный населенный пункт Иман (промежуточный между Хабаровском и Никольск-Уссурийском) в 1917 г. получил статус города. В том же 1917 г. получил статус города Спасск, образованный на базе поселка Спасская слобода, железнодорожной станции Евгеньевка, цементного завода и военного гарнизона²⁹.

В целом после русско-японской войны городское население на Дальнем Востоке продолжало расти высокими темпами, увеличившись за 1906–1916 гг. со 172,5 тыс. до 319,2 тыс. чел., т.е. более чем в 1,5 раза. В результате уровень урбанизации Дальнего Востока заметно превышал общероссийские показатели: в 1916–1917 гг. удельный вес городского населения в России составлял 18%, тогда как на Дальнем Востоке – 32,3%³⁰.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX века активный рост городского населения, которое увеличивалось быстрее, чем численность населения вообще, был особенностью процесса заселения дальневосточной окраины. Процессы урбанизации становились все более серьезным фактором экономического, демографического и культурного развития Дальнего Востока России.

Сноски и примечания

¹ Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Сост. преподаватель Благовещенской мужской гимназии А. Кириллов. Благовещенск, 1894. С. 320.

² Географическо-статистический словарь... С. 320.

³ Там же. С.308–309; Экономическое состояние городских поселений Сибири. Издание хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. СПб., 1882. С. 419–420.

⁴ Географическо-статистический словарь... С. 115.

⁵ Экономическое состояние городских поселений Сибири... С. 418; Владивосток. 1889. № 39.

⁶ Географическо-статистический словарь... С. 447; Экономическое состояние городских поселений Сибири... С. 421–422.

⁷ Экономическое состояние городских поселений Сибири... С. 403–404; Географическо-статистический словарь... С. 275-276.

⁸ Экономическое состояние городских поселений Сибири... С. 370–371; Географическо-статистический словарь... С. 75.

⁹ Экономическое состояние городских поселений Сибири... С. 399; Географическо-статистический словарь... С. 469.

- ¹⁰ Экономическое состояние городских поселений Сибири... С. 379 – 380; Географическо-статистический словарь... С. 103.
- ¹¹ Географическо-статистический словарь... С. 381.
- ¹² Обзор Приморской области за 1896 год. Владивосток, 1897. С. 2.
- ¹³ Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 2000. С. 21-22, 204.
- ¹⁴ Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1896–1897 гг. СПб., 1898. С. 2.
- ¹⁵ История Сибири с древнейших времён до наших дней: в 5-ти томах. Т.3: Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. С. 60.
- ¹⁶ Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. С. 27.
- ¹⁷ Обзор Приморской области за 1891 год. Владивосток, 1892. С. 2; Обзор Приморской области за 1896 год... С. 2.
- ¹⁸ Амурская область (природа, экономика, культура, история). Благовещенск, 1974. С. 194; Обзор Амурской области за 1914 год Благовещенск, 1915. С. 10.
- ¹⁹ Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие... С. 21–22, 204.
- ²⁰ Железнодорожные поселки Амурской области // Труды Амурской экспедиции. Вып. 2. Т.4. Хабаровск, 1912. С.156 –157; Васильева Н.А. Строительство Амурской железной дороги и её градообразующая роль // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала века). Материалы междунар. науч. конф. Благовещенск, 2004. С. 66.
- ²¹ Всеподданнейший отчет военного губернатора Амурской области за 1912 – 1913 гг. Благовещенск, 1915. Табл. 1; Обзор Амурской области за 1914 год... С. 10.
- ²² Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке // Труды Амурской экспедиции. Вып.8. СПб., 1911. С. 40; Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие... С. 27–28, 44–46.
- ²³ Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие... С. 28–30.
- ²⁴ Обзор Приморской области за 1913 год... С. 28–31; Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 78.
- ²⁵ Позняк Т.З. Города дальневосточной окраины: условия и факторы роста (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ойкумена. 2007. №3 (4). С.22–36.
- ²⁶ Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1913. С. 12–13; Обзор Приморской области за 1913 год. Владивосток, 1915. С. 11–12; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2005. Л. 87.
- ²⁷ Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие... С. 30–32, 37, 44–46.
- ²⁸ Там же. С. 204.
- ²⁹ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 170, 451.
- ³⁰ Сенявский А.С. Демографические процессы в России XX века в контексте урбанизационного перехода. Сыктывкар, 2007. С.4; Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие... С. 205 (подсчёт автора).

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ ОБЪЕКТОВ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ПРОСТРАНСТВЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ГОРОДА

М.И. ГОРНОВА, Н.А. СОБОЛЕВСКАЯ

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

В исследовании урбанизированного пространства дальневосточного города авторы статьи – архитектор и историк – определили для себя задачу: выяснить особенности знако-символической области архитектурной среды. Из всего многообразия городских символов, их взаимосвязей непосредственно с архитектурой, а затем и с культурой, авторы остановились на самой метафоричной, образной – городской скульптуре. Не предполагался скрупулёзный искусствоведческий анализ всего каталога скульптуры дальневосточного города, хотелось рассмотреть её основные черты, тенденции формирования знако-символической области, отражающей идеи эпохи, как в прошлом, так и в настоящем. Цель статьи – городская скульптура как выражение и отражение общественных идей, культов, пристрастий правящих групп, и возможного влияния её на современное городское общество.

К истории формирования знако-символической области в городской среде юга Дальнего Востока конца XIX в. – первое десятилетие XX в. За два века Сибирь (а в её составе и Дальний Восток) из придатка исторической Руси превратились в органичную часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре восточной России. В середине XIX в. были основаны на Дальнем Востоке первые города: Николаевск-на-Амуре (1850 г.), Благовещенск (1856 г.), Хабаровск (1858 г.), Владивосток (1860 г.). В то время городское население было очень малочисленным. К концу XIX в. ситуация меняется: по данным переписи 1897 г. в Приморской области доля горожан составляла 22,7%, в Амурской – 28%. В начале XX в. города стали играть ведущую роль в развитии Дальнего Востока, чему весьма способствовало развитие различных видов транспорта и промышленности¹.

В конце XIX – первое десятилетие XX в. развивается экономика региона, формируется административно-управленческое устройство областных центров, обустроивается социальная среда дальневосточных городов. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали опосредованно стимулировало экономическое развитие, прежде всего юга Дальнего Востока России, его городов – Николаевска-на-Амуре, Благовещенска (речные пограничные порты на Амуре), Владивостока (главный военно-морской и торговый порт России на Тихом океане, центр Приморской области), Хабаровска (центр Приамурского генерал-губернаторства).

Особенностью же социо-культурного пространства осваиваемой Россией восточной территории можно назвать его незавершённость, множественность разнородных элементов различной природы. История колонизируемой территории отразилась на облике дальневосточных городов,

их архитектурной и знако-символической среде, в том числе в городских памятниках.

Что собой представляет городская скульптура конца XIX – начала XX в.? На примере нескольких наиболее значительных городских скульптурных объектов покажем реакцию правящих кругов и населения на близкие или далекие исторические события. Напоминанием о древности населенных мест Дальнего Востока служит надгробный комплекс чжуржэнского князя – памятник «Черепаша и дракон» XIII в., найденный и доставленный из г. Никольска-Уссурийского (г. Уссурийск) в г. Хабаровск. Китайские львы «украшают» вход в одно из зданий ДВФУ на улице Пушкинской в г. Владивостоке. Ориентальные культовые образы-символы носят познавательный характер для наших современников, напоминают о восточном «духе» российских территорий Дальнего Востока.

Эпоху открытия, присоединения и колонизации Дальнего Востока отражают памятники первооткрывателю и исследователю устья и низовьев Амура Г. И. Невельскому, поднявшему российский флаг на Тихоокеанском побережье (1898 г.). Скульптуры и обелиски, посвященные Невельскому, установлены в Николаевске-на-Амуре (1913-1915 гг., 1950 г.) в Хабаровске, во Владивостоке. Организатору и начальнику порта Аян и защитнику г. Петропавловска-Камчатского в 1854 г. (период Крымской войны 1853-1856 гг.) адмиралу В.С. Завойко сооружены памятники в Петропавловске-Камчатском и в г. Владивостоке (1908 г.). Скульптурный портрет и одновременно символ и визитная карточка Хабаровска, памятник генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому (1891 г.) наиболее эффектный. Он был сооружен по просьбе и на средства дальневосточников. Разрушенная в 1925 г. скульптура была заново отлита и установлена в 1992 г.

Памятник военным строителям Уссурийской железной дороги возле вокзала в г. Хабаровске был воздвигнут сразу же в 1897 г., в честь соединения Транссибирской железнодорожной магистрали и установления прочной транспортной связи с европейской частью России.

Скульптурная группа – аллегория на здании торгового дома Кунста и Альберса в г. Хабаровске весьма показательна. В самом центре дальневосточной столицы, на ее главной улице возвышаются над входным портиком две женщины: Богиня удачи Фортуна и Богиня победы Ника (Виктория). Их сопровождает Меркурий – Бог торговли и покровитель путешественников и воров. Скульптурные аллегории крупных германских торговых компаний в дальневосточных городах знаменуют экономическое внедрение иностранцев в российские владения на Дальнем Востоке.

Строительство церквей, соборов, зданий общины Красного креста, приютов в городах Дальнего Востока связано с православным христианством и его религиозными идеями, в том числе с идеей милосердия и духовности. По этому поводу можно привести слова русского философа И.А. Ильина: «..Русская идея есть идея сердца... Эту идею русско-славянская душа,

издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства...»².

Но вот о роли женщин в трудном деле открытия и освоения Дальнего Востока в знако-символической области существует глубокая немота. Не нашли до сих пор отражения образы Екатерины Невельской, Екатерины Муравьевой, жены генерал-губернатора Восточной Сибири. Почему? В эту эпоху на Дальнем Востоке в значительной степени российское традиционное общество знало лишь одну фигуру мужчины – деятеля – воина – устроителя жизни. Женщина, идущая рядом с ним, рассматривалась как второстепенное лицо. Поэтому мы и не увидим её образа в символической среде дальневосточного города XIX – XX вв.

Итак, в дальневосточной урбанизированной среде конца XIX – начала XX вв. присутствует незначительный знако-символической уровень культурного слоя, тем не менее, он отражает и фиксирует определенные этапы освоения российского Дальнего Востока.

Городская скульптура советской эпохи Дальнего Востока второй четверти – 90-х годов XX в. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и последовавшая кровопролитная гражданская война оставила свои памятники. Теперь ведущими образами – символами эпохи стали герои – борцы за правое дело, основатели нового государства и новой жизни. Памятники и памятные знаки героям гражданской войны и борьбы с интервентами на Дальнем Востоке С.Г. Лазо, В.К. Блюхеру и др. установлены почти во всех дальневосточных населенных городах в виде скульптур, бюстов, стел, обелисков. Скульпторы выработали романтический канон для монументов революционеров: ветер революции развеивает им волосы, шинели, фуражка (кепка) в руке, взгляд устремлён в прекрасное будущее. Ведь одна из основных идей этой общественной жизни: Слава героям – жертвам и борцам за правое дело!

В 1930-е гг. состоялись первые в мире беспосадочные перелеты советских летчиков из Москвы на Дальний Восток и через Северный полюс на Американский континент. Из Хабаровска прокладывались авиамаршруты на Нижний Амур, на Северный Сахалин, на Камчатку. В честь их героических подвигов установлены памятные знаки в Хабаровске, в поселке Даки, на острове Удд.

Бесконечная череда одиночных, парных и групповых скульптурных фигур советских вождей, выполненных в камне, бронзе и гипсе заполонила города, поселки, парки советской страны. Памятники В.И. Ленину, И.В. Сталину, М.И. Калинину, С.М. Кирову, С. Орджоникидзе, камерного характера или грандиозного масштаба, украсили все возможные для их установки места. Утвердившийся канон монументальной романтической скульптуры используется и здесь.

В 1940-1960-е гг. актуальной была пропаганда боевых подвигов советских людей. Теперь памятники героям Великой Отечественной войны и погибшим воинам хоть и каноничны, но значительно изменились: это или групповые памятники сражающихся и погибающих героев-великанов или

громадные фигуры женщин с мечом в руках и символизирующих Родину – мать, зовущую к победе!

Эта же тема вечной памяти и готовности отстоять свою свободу и защитить свою страну продолжилась в знако-символической городской среде в 1960-1980-е гг., когда появились памятники в виде боевых машин на пьедесталах, всевозможные обелиски. Но теперь на стелах и пилонах перечислялись фамилии односельчан и горожан. Память стала более конкретной и человеческой.

Во второй половине XX в. в городах Дальнего Востока появились немногочисленные памятники учёным, писателям, поэтам, в основном уже на кладбищах и в виде мемориальных досок на зданиях. Пушкин как основатель российской словесности удостоился отдельной скульптурной композиции в Хабаровске (скульптуру выполнил японский военнопленный), во Владивостоке (рядом со зданием Пушкинского театра). Памятник советскому писателю М. Горькому украсил площадь в поселке имени Горького. Красивый, но не слишком удачно поставленный на набережной Амура, памятник писателю Николаю Задорнову не имеет героических черт. Советский писатель уже не выглядит оратором. Памятники хабаровским естествоиспытателям – Шуранову, Лукашову – возникли в виде бюстов на могильных обелисках в созданных ими плодово-ягодных питомниках Хабаровска. Массивные монументальные декоративные панно славили науку, но не деятелей науки (гг. Амурск, Хабаровск).

Ассортимент парковой тиражированной скульптуры в виде девушки с веслом, спортсменов всех мастей дополнился фигурами детей - пионеров – строителей будущего.

Все эти скульптурные мужчины и мужеподобные женщины – героические образы новых граждан советской Родины! Подобные же скульптуры мускулистых юношей и девушек ставили целью вдохновлять, поощрять и пропагандировать здоровье и воинственный дух представителей арийской расы в Германии. И там, и здесь скульпторы выполняли правительственный заказ – каждый гражданин тоталитарной страны должен быть готов к борьбе, готов защищать свою страну и сражаться за её идеалы.

Знако-символический круг замыкается ремейками памятников первооткрывателям. Монументальный памятник капитану Я.В. Дьяченко удачно вписался в архитектурный ансамбль музейно – парковой зоны Хабаровска. Визуальная перекличка памятников Е.П. Хабарову на привокзальной площади и Я.В. Дьяченко у берега Амура символична. Это образы собирательные, героические и даже былинные. В 2012 г. был создан целый комплекс с памятником Н.Н. Муравьеву-Амурскому на террасе в центре г. Владивостока.

Начался период «походов в историю», вытаскивание из сундуков старинных символов и регалий, патриотическая отсылка к историческим событиям и прославленным героям.

Конец XX – начало XXI в. обозначился в знако-символической области резкой сменой визуальной среды. Закончился переизбыток марксистской

идеологии и началась другая эпоха – эпоха строительства новых церквей и безудержной рекламы. Реклама, настойчиво призывающая к бесконечному потреблению, – новая для России знако-символическая среда, быстро и уверенно завоевавшая всё урбанизированное пространство. Её образы – это тоже идеология, но идеология в новом информационном варианте.

Ближе всего к определению процесса, совершающегося в российском обществе (в том числе и дальневосточного), сегодня подходит работа ХХ в. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс». То, что увидел он в буржуазном обществе прошлого века, появилось у нас со значительным опозданием: «В массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе. Естественно, она и не помышляет о духе, и новые поколения, желая править миром, смотрят на него как на первозданный рай, где нет ни давних следов, ни давних проблем. Массовый человек держится так, словно в мире существует только он и ему подобные, а отсюда и его третья черта – вмещиваться во всё, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно, безотлагательно и безоговорочно»³.

Городская знако-символическая скульптура эпохи конца ХХ – начала ХХI в.в., её предлагаемые характеристики. И всё-таки в культурном поле знаков и символов современного дальневосточного города появилось новое, невозможное прежде. Эти объекты пока немногочисленны, но многозначительны. В Хабаровске это – парк – памятник японским военнопленным в Северном округе, памятный знак «Жертвам репрессий» рядом с Иннокентьевской церковью, памятный знак жертвам репрессий возле института культуры в Хабаровске, памятные камни в честь благоустройства парков – японские, корейские; церкви и соборы в городах Дальнего Востока, памятник святителю Иннокентию (Вениаминову) в г. Благовещенске.

Очаровательный монументальный объект – беспечные и мечтательные дети, сидящие на камне, – поставлен в парке «Динамо» возле нижнего пруда в Хабаровске. Эти дети ничего не боятся, просто радуются жизни и любят фонтаны. Во Владивостоке на улицах и в скверах появились скульптуры «Морячка», «Катюши», присевшего на ступеньки поэта и певца Высоцкого.

В начале ХХ в. Н.А. Бердяев заявил: «Русский народ нужно более всего призывать к религиозной мужественности не на войне только, но и в жизни мирной, где он должен быть господином своей земли. Мужественность русского народа не будет отвлечённой, оторванной от женственности, как у германцев...»⁴.

В историческом прошлом Дальнего Востока были фигуры российского политического деятеля П.А. Столыпина, учёного-исследователя В.К. Арсеньева. Создание памятников в их честь – было бы долгом для наших современников. Ещё не поздно создать образы милосердия и духовности в урбанизированном пространстве дальневосточного города: православных миссионеров на Дальнем Востоке Н.Г. Спафария (учёного-лингвиста, руководителя первой дипломатической миссии в Китае); Николая (Касаткина), первого православного епископа в Японии. Сегодня мы

вступаем в диалог с соседним Востоком, и в нём с нашей стороны могут и должны присутствовать духовность, милосердие.

В нашей излишне маскулированной знако-символической культуре почти нет женских образов – тех, кто несёт свет сочувствия, доброты и милосердия — это готовность помочь или простить из сострадания, человеколюбия. Может быть, это будут образы женщин с прекрасными русскими именами – Екатерины, Ксении, Ольги, Елизаветы.

Исследование, проведенное среди двадцатилетних студентов архитектурного факультета Тихоокеанского государственного университета по вопросу значимости для них монументального искусства, показало значительный приоритет социально-значимой скульптуры в городской среде. Они хотели бы видеть на улицах и площадях не только памятники историческим личностям, подчеркивающим присутствие России на тихоокеанском побережье – великим русским князьям и царям, политическим деятелям, приамурским народам, но и памятники детям, матерям, многодетным семьям, даже беременной женщине, на месте живота которой помещен светящийся земной шар. Появились мотивы природоохранного и просветительского значения – необходимость установить в скверах, парках, на набережных анималистические скульптуры, символизирующие единение с природой. Всячески приветствуются верность, семейные ценности, любовь. Достаточно высокий культурный уровень студентов нашел свое отражение в предложениях видеть скульптуры литературных персонажей. Разрабатываемые в качестве курсовых проектов сады и объекты современного искусства наших студентов нацелены на сохранение памяти о духовной жизни нынешнего века.

Сноски и примечания

¹ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) М., 1990. С. 225-226.

² Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. М., 1992. С. 436.

³ Ортега-и-Гассет Х. Эстетика, философия культуры. М., 1991. С. 314, 334.

⁴ Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. М., 1992. С. 312.

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ МЕСТОПРЕБЫВАНИЙ ЦЕНТРОВ УПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ РЕГИОНОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

П.В. ЖУРАВЛЕВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Анализ процесса генезиса и эволюции системы управления на Дальнем Востоке России немыслим без рассмотрения проблемы узловых «точек» пространственного размещения органов власти макро- и мезоуровня, иначе говоря – о центрах управления. Какие населённые пункты становились местом размещения управленческих структур? Каковы причины выбора именно этого населённого пункта? Почему происходило перемещение органов управления регионом и располагавшихся в его пределах административно-территориальных структур из одного пункта в другой? Данные вопросы и являются предметом данного исследования.

Касаясь терминологии, стоит отметить, что понятие «макроуровня» подразумевает под собой высшую региональную ступень системы управления Дальним Востоком, к нему относятся органы власти, занимавшиеся управлением регионом в целом. Для позднеимперской эпохи это восточносибирский, а затем приамурский генерал-губернатор и его канцелярия. «Мезоуровень» включает в себя органы власти отдельных административно-территориальных единиц, напрямую подчинявшиеся структурам макроуровня. К таковым можно отнести области.

Начать рассмотрение вопроса целесообразно с макроуровня.

С момента инкорпорации в состав Российской империи (середина XIX в.) территория Дальнего Востока в административном отношении была подчинена властям Восточно-Сибирского генерал-губернаторства с центром в Иркутске. Таким образом, органы власти макроуровня концентрировались в этом сибирском городе, и проблемы собственно Дальнего Востока для них не являлись приоритетными (за исключением первоначального этапа присоединения его к Империи в 1850-х гг.), поскольку необходимо было уделять внимание и другим районам.

Такое положение во многом объяснялось слабой освоённостью дальневосточной территории и плохо развитой сетью коммуникаций: южные районы – Приамурье и Приморье – только недавно были присоединены, и здесь сразу не могли возникнуть удобные для размещения чиновников населённые пункты; что касается Северо-Востока (Охотоморье, Колыма, Камчатка), то ввиду немногочисленности местного населения необходимости в образовании общерегиональных властных структур не было. Кроме того, в случае их появления вставал вопрос о способах и скорости сообщений с югом региона, где более благоприятные климатические условия привлекали основную часть потока переселенцев. Связь Северо-Востока с Приамурьем и Приморьем была возможна только по морю, что в значительной степени

ограничивало способность региональной администрации, появившись она в то время, адекватно и быстро реагировать на возникающие проблемы.

Тем не менее, необходимость образования в регионе собственного центра управления признавалась ещё в 60-е гг. XIX в. В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков предложил выделить Амурскую, Приморскую и Забайкальскую области в особое генерал-губернаторство, центром которого сделать Хабаровку. Выбор этого населённого пункта Корсаков объяснял, во-первых, близостью Хабаровки к границе с Китаем (следовательно, возрастала оперативность управления вооружёнными силами в случае возможного обострения отношений с ним), во-вторых, смещением хозяйственной и миграционной активности в Уссурийский край¹. Годом позднее дивизионный доктор Приморской области Плаксин охарактеризовал Хабаровку как «самое удобное место для администрации по всему Амуру и по Уссурийскому краю»².

В дальнейшем Хабаровка не раз «всплывала» в различных проектах административно-территориального переустройства Дальневосточного региона в качестве вероятной резиденции генерал-губернаторской власти в регионе. И хотя некоторые местные управленцы выступали против этого, аргументируя неблагоприятным климатом (амурский военный губернатор А.Г. Оффенберг³) и крайним положением в области (приморский военный губернатор И.Г. Баранов⁴), а среди вариантов местонахождения генерал-губернатора предлагались Чита, Благовещенск, Владивосток и Сретенск⁵, в конечном счёте победа досталась Хабаровке.

Первый приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф, назначенный на эту должность в 1884 г., в июле уведомил Петербург, что «на первое время» местопребыванием региональных властей он избрал Хабаровку⁶. В 1886 г., на заседании Комиссии об административном разделении края (в неё входил весь верхний «эшелон» дальневосточных управленцев) было окончательно подтверждено, что Хабаровка останется резиденцией генерал-губернатора. При этом приняли во внимание её центральное положение в системе коммуникаций региона, удобство географического размещения и наличие жилого фонда для начальственных лиц⁷.

Укрепление позиций Хабаровки ознаменовалось присвоением ей в 1880 г. статуса города. В 1893 г. на неё было распространено действие Городового Положения 1892 г. и тогда же Хабаровка была переименована в Хабаровск⁸.

С этого момента и вплоть до 1938 г. (с небольшим перерывом в 1920–1923 гг.) Хабаровск оставался общерегиональным центром власти на Дальнем Востоке. Помимо коммуникационного (расположение на пересечении сухопутных (позднее и железнодорожных) и речных путей сообщения) и экономического (центр транзитной торговли в системе «Сибирь/Забайкалье – Приамурье/Тихий океан») факторов свою роль, думается, сыграл и фактор привычки. Обосновавшись на одном месте, чиновники уже не хотели переезжать в необустроенный для их потребностей другой населённый пункт. Кроме того, начал действовать и

административный ресурс: Хабаровск, став центром региона, «тянул» финансовые потоки на себя, в результате чего степень его благоустроенности росла, что, в свою очередь, подкрепляло нежелание управленцев куда-то перемещаться.

На мезоуровне ситуация складывалась следующим образом.

В Амурской области центр определился фактически ещё до её образования. Уже в мае 1858 г. в донесении великому князю Константину Николаевичу генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев отмечал «особенные выгоды местоположения» станицы Усть-Зейской (находилась при впадении р. Зеи в Амур) и подчёркивал важную стратегическую и экономическую роль данного населённого пункта⁹. А уже 5 июля станица получила статус города и стала называться Благовещенском¹⁰. С образованием Амурской области (8 декабря 1858 г.) Благовещенск стал резиденцией военного губернатора¹¹. С тех пор город неизменно оставался областным центром, причём и в советский период его значение в этом качестве никем не оспаривалось.

В Приморской области вопрос относительно центра управления оказался более сложным. Первоначально ставка была сделана на основанный ещё в 1850 г. в устье Амура Николаевский пост¹². Весной 1855 г. в связи с угрозой повторного нападения англо-французской эскадры на Петропавловск (бывший на тот момент главным портом России на Тихом океане) и невозможностью осуществлять с ним оперативные сношения с территории Амурского бассейна порт был перенесён в Николаевский пост¹³. Естественным образом этот населённый пункт стал центром образованной 31 октября 1856 г. Приморской области¹⁴. Статус города, однако, был получен лишь в 1858 г.¹⁵. С тех пор город назывался Николаевск-на-Амуре.

Тем не менее, уже в 1860-е гг. популярность Николаевска как областного центра начала падать, и уже тогда местные управленцы стали обсуждать возможность перемещения местопребывания областного начальства в Хабаровку¹⁶. Причина заключалась в переориентации колонизационного потока с Приамурья на Приморье (Уссурийский край) как имеющий более благоприятные климатические и географические условия. В результате Николаевск оказался в стороне от этого потока, а практически неразвитая сеть сообщений с бассейном р. Усури делали затруднительным контроль над переселенцами и пресечение нелегальной иммиграции китайцев из Маньчжурии. Помимо этого, город серьёзно зависел от поставок продовольствия, а как порт был неудобен для судов с глубокой осадкой ввиду мелководности Амурского лимана¹⁷.

В 1871 г. главный порт Российской империи на Тихом океане был перенесён во Владивосток, в связи с чем двумя годами позднее туда переместился и приморский военный губернатор (одновременно являвшийся главным командиром портов Восточного океана)¹⁸. Сложилось крайне неудобное положение: областное правление, оставшись в Николаевске, было вынуждено посылать требовавшие решения губернатора дела во Владивосток по почте, в экстренных же случаях – телеграфом¹⁹. Неудивительно, что уже в

1877 г. в своём отчёте губернатор области поставил вопрос о необходимости перенесения её административного центра в другое место (формально им оставался Николаевск)²⁰.

В 1880 г. данная несообразность была устранена разделением должностей главного командира портов Восточного океана и военного губернатора: первый дополнительно назначался губернатором Владивостокского военного губернаторства, второй переезжал в Хабаровку (одновременно туда же перемещалось из Николаевска областное правление). Таким образом, центром Приморской области стала Хабаровка²¹. Одновременно с ней статус города получил и Владивосток.

Однако перемещение центра управления имело неоднозначные последствия и вызвало ряд негативных откликов со стороны представителей имперской власти. Во-первых, Южно-Уссурийский край являлся наиболее заселённой частью Приморской области, и в случае нахождения губернатора в Хабаровке его возможности контролировать там ситуацию были серьёзно ограничены; во-вторых, Владивосток в качестве морского порта играл огромную роль в международной торговле России в АТР и снабжении северных территорий; в-третьих, из Владивостока областному начальству было бы проще и эффективнее организовать оборону в случае начала вооружённого конфликта с какой-либо державой; в-четвёртых, управлять северными округами Приморской области было целесообразнее из Владивостока, связанного с ними морскими коммуникациями, чем из Хабаровки, удалённой от океана²².

В 1888 г., с упразднением Владивостокского военного губернаторства, центром Приморской области стал, и на этот раз окончательно, Владивосток²³, фактически же переезд состоялся только в 1890 г.²⁴.

Центром управления Сахалином с момента его выделения из состава Приморской области в самостоятельную административно-территориальную единицу (15 мая 1884 г.) бессменно являлся Александровский пост (Александровск-Сахалинский). Основанный ориентировочно в 1880–1881 гг.²⁵, к середине 1880-х гг. пост стал резиденцией начальника острова и его канцелярии. Объяснялось это тем, что пост Дуэ, где ранее концентрировалось управление сахалинской каторгой, не имел необходимого для размещения чиновников жилого фонда. По этой причине начальство предпочло переехать в Александровск, где сразу же началось активное строительство²⁶. Образование в 1909 г. Сахалинской области положения не изменило: Александровск по-прежнему играл роль местопребывания областного руководства.

Что касается Камчатки, то начиная с 1812 г. центр управления полуостровом неизменно располагался в Петропавловской гавани (Петропавловске). Этому благоприятствовало как значение данного населённого пункта в качестве главного русского порта на Тихом океане (в первой половине XIX в.), так и уже упоминавшийся выше фактор привычки. С образованием в 1909 г. Камчатской области губернатор обосновался в Петропавловске²⁷.

Таким образом, к концу имперского периода истории России сеть центров управления Дальневосточным регионом включала в себя один центр макроуровня (Хабаровск) и четыре центра мезоуровня (Александровск, Благовещенск, Владивосток и Петропавловск).

Сноски и примечания

¹ Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С.228.

² Плаксин. Приморская область Восточной Сибири // Военный сборник. 1869. № 12. С.203.

³ Венюков М.И. Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 годах // Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С.77–78.

⁴ РГИА ДВ. Ф.87. Оп. 1. Д.99. Л.148об.

⁵ В частности, к решению образовать из Амурской и Приморской областей отдельное генерал-губернаторство с центром в Благовещенске пришли участники совещания 15 марта 1876 г. (см.: Дневник Д. А. Милютин. Т. 2. 1876 – 1877. – М., 1949. С. 29).

⁶ РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.31. Ч.2. Л.534.

⁷ РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.34. Л.35–35об.

⁸ ПСЗ РИ II. Т. 55. Отд. 1. № 60851; ПСЗ РИ III. Т. 13. № 9984.

⁹ Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: Биограф. матер. по его письмам, офиц. документам, рассказам современников и печатным источникам. Кн. вторая. Хабаровск, 2009. С.167–168.

¹⁰ ПСЗ РИ II. Т. 33. Отд. 2. № 33366

¹¹ ПСЗ РИ II. Т. 33. Отд. 2. № 33862

¹² Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849–1855 гг. М., 1974. С. 55.

¹³ Дитмар К. Поездки и пребывание в Камчатке. Ч. 1. Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901. С.686–688, 696–697.

¹⁴ ПСЗ РИ II. Т. 31. Отд. 1. № 31080.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф.87. Оп.1. Д.12. Л.1-1об.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д. 205. Л.1–8об.

¹⁷ Максимов С. На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1871. 2-е изд. С. 303, 318.

¹⁸ ПСЗ РИ II. Т. 46. Отд. 1. № 49259; РГИА ДВ. Ф.87. Оп.1. Д.99. Л.150об.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.34. Л.176–177.

²⁰ РГИА ДВ. Ф.87. Оп.1. Д.98. Л.342об.

²¹ ПСЗ РИ II. Т. 55. Отд. 1. № 60851.

²² РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.31. Ч.1. Л.11–11об., 169–170, 222об., 232–232об.; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. СПб., 1900. С.268.

²³ ПСЗ РИ III. Т. 8. № 5316.

²⁴ Унтербергер П.Ф. Приморская область... С.268.

²⁵ Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988. С.163.

²⁶ Чехов А.П. Остров Сахалин (из путевых записок) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. Т.14–15. М., 1974–1983. С.82.

²⁷ ПСЗ РИ III. Т. 29. Отд. 1. № 32146.

ПАРАДОКСЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРАДИСТИКИ: УРБАНИЗАЦИЯ ИЛИ ОБЕЗЛЮЖИВАНИЕ?

А.Ю. ЗАВАЛИШИН

Хабаровская государственная академия экономики и права, Хабаровск

Прежде всего, необходимо дать пояснение относительно слова «градистика», вынесенного в название статьи. Такого термина наука не знает, хотя, существует его калька «урбанистика», производная от лат. *urbanus* – городской. Однако считать этот новояз всего лишь квазипатриотическим стремлением автора насаждать в отечественной науке русскоязычные термины *versus* иноязычным в корне неверно. Всякое новое понятие, вводимое в научный лексикон, неважно, из какого языка оно позаимствовано, должно нести в себе новый смысл, расширяя предметное поле познания. Как представляется, термин «градистика» может послужить именно этой цели.

Поясню свою мысль. Город (*urbs*) как объект исследования привлекает внимание ученых с глубокой древности, достаточно упомянуть известный труд Аристотеля «Политика», в центре которого находится *полис* – древнегреческий город-государство. В современном научном лексиконе используется целый ряд терминов, возникших в рамках научных направлений, так или иначе связанных с *urbs*-ом. Напомню некоторые из них. *Урбанизация* – рост городов и одновременно повышение их роли в жизни общества¹. *Урбанизм* – синтетический термин, имеющий ряд значений в очень широком спектре, от любви к городской жизни до направления в искусстве и далее – идеологии и политике в сфере градостроительства. *Новый урбанизм* – теория и практика нескольких последних десятилетий, основанная на пересмотре градостроительной концепции с точки зрения соответствия города экологии человека². *Урбанное поведение* – также относительно новый термин, введенный мною в исследовании социально-экономического поведения социально-территориальной общности и характеризующий «систему хозяйственных поведенческих практик, основанных на вторичной переработке и обмене продукции сельского хозяйства и добывающей промышленности (включает ремесленное, мануфактурное, индустриальное производство, торговлю)³. Наконец, *урбанистика* – раздел экономической географии, занимающийся комплексным анализом и изучением проблем, связанных с функционированием и развитием городских центров.

Поскольку термин *урбанистика* этимологически параллелен термину *градистика*, рассмотрим его более подробно. Как сообщает всезнающая Википедия, «с начала XX века развитие урбанистики разветвляется на три направления. Одна ветвь... акцентирует внимание на внешней форме города и вариантах его композиционной структуры. Другая ветвь сосредотачивает внимание на проблемах городской инфраструктуры, включая транспортные сети, экономику города, девелопмент. Третья – на проблемах социальной

жизни города»⁴. Образно говоря, урбанистика «препарирует» город, пытаясь ответить на вопрос, как он устроен и как это его устройство влияет на жизнь горожан? Последнее со всей очевидностью перекидывает методологический мостик от экономической географии к социологии города, основным назначением которой является поиск связи между городским сообществом (как коллективным субъектом) и специфическим пространством его обитания, расчерченным улицами на кварталы, направления, замкнутые городские зоны и пр., в противоположность деревне, открытой вовне, тонущей в безграничном море лесов и полей. Пространственная «закрытость» города и «открытость» деревни незримо присутствуют в каждом их исследовании, иногда вопреки воле самих авторов.

Но при чем здесь градистика? Дело в том, что и урбанистика, и близкая ей методологически социология города, история городов рассматривают либо конкретные города, либо город вообще – как исторически развивающийся социокультурный феномен (часто противопоставляемый селу вообще), но не рассматривают то, что я условно назвал еще одним не очень благозвучным для русского уха словом – *градство*. Возможно, этот термин вызовет возражения, но суть не в слове, а в его содержании.

Будучи сторонником (хотя и не всегда последовательным) методологического холизма в социологии, я склонен рассматривать город в качестве некой территориальной социокультурной и одновременно социально-политической целостности, которая имеет признаки коллективного социального субъекта (Э. Дюркгейм) или того, что Т. Парсонс в свое время назвал *unit*. Города-*unit*'ы, будучи включенными в исторический и социально-политический контекст региона, страны и всего мира, не остаются к нему безучастными. Они эволюционируют в соответствии с парадигмой, задаваемой глобальным мейнстримом и исторически обусловленной спецификой той совокупной территории региона/страны, на которой они расположены. Более того, привязанные к конкретному локусу объектами недвижимости (домами, заводами, церквями и т.п.), они инфраструктурно связаны и интенсивно взаимодействуют в целостностях более высокого уровня, составляя макротерриториальные сообщества, чем-то подобное социальным группам, состоящим из индивидов, но одновременно и кардинально отличающиеся от них. Вот это сообщество городов-*unit*'ов я и называю термином *градство* (по аналогии с *крестьянство*, *юношество* и т.д.), а отрасль знания, направленную на его анализ, – *градистика*.

Однако с моей стороны было бы опрочетливо заявлять, что до сего дня никто и никогда подобными исследованиями не занимался. Конечно, это не так, просто ученые, по сути, теоретизировавшие в пространстве градистики, методологически не акцентировали на этом своего внимания. Одним из ярких примеров подобного исследования является сравнительно небольшая работа М. Вебера «Город»⁵.

Если теперь обратиться к градистике дальневосточного градства, то можно сказать следующее. Прежде всего, совершенно очевидно, что дальневосточное градство имеет существенные отличия, например, от сибирского и тем более – европейского, хотя, все они находятся в пространстве Российского государства и имеют общего больше, чем различного. Очевидные различия состоят в тяготении дальневосточных городов к южным, более благоприятным в климатическом отношении районам; в расположении наиболее крупных городов – столиц субъектов ДФО – непосредственно на границе с соседним Китаем; в общности исторических судеб (первые дальневосточные города появились на карте региона всего лишь 150–160 лет назад (исключения – Якутск, Охотск, Петропавловск-Камчатский), есть среди них молодые и очень молодые (как, например, Магадан, Комсомольск-на-Амуре, Амурск)). Определенную специфику можно обнаружить в социальном составе городского населения и еще более – в соотношении социальных характеристик жителей городов и деревень Дальнего Востока.

Важнейшей социально-исторической особенностью дальневосточного градства является то, что первые города здесь появились почти одновременно с сельскими поселениями. Процесс урбанизации, вызванный капиталистическим развитием России во второй половине XIX – начале XX веков, по времени совпал с массовыми миграциями населения из западных регионов страны в восточные, следствием чего стал более значительный рост численности горожан, чем селян. В результате уже к концу XIX века доля горожан в составе населения восточных окраин России значительно превышала не только соответствующие показатели соседней Сибири, но и большинства других регионов Империи⁶. В последующем эта тенденция сохранялась и продолжается в настоящее время.

Социальные роли городов разнообразны, и дальневосточные города в этом отношении не являются исключением. В зависимости от размеров и административного статуса, город является центром административно-политического управления соответствующей территории, в нем концентрируются учреждения науки, образования, искусства, промышленные предприятия и предприятия торговли. Город аккумулирует в себе кадры высокой квалификации, занятые в важнейших отраслях экономики, которые в большей степени воспроизводятся самим городом и в меньшей – притягиваются из периферии (из сел – в малые, из малых – в крупные города). Специфика современного этапа урбанизации, в который вошла и Россия, состоит в стремлении горожан соединить преимущества города с достоинствами деревни: на фоне продолжающегося сокращения численности и заметного ухудшения качества сельского населения, города идут вширь, коттеджными поселками и таунхаусами осваивая все новые пригородные территории.

Анализируя статистику (табл.1-3), что обращает на себя внимание, прежде всего? Во-первых, до сих пор доля городского населения на Дальнем

Востоке выше среднероссийской и особенно высокая в Приморском и Хабаровском краях. Во-вторых, на фоне общего заметного снижения численности населения Дальнего Востока в целом и горожан в частности, доля последних в составе населения остается практически неизменной.

Таблица 1.

Динамика городского населения России в конце XX – начале XXI вв.

Год переписи населения	Численность населения (тыс. чел.)	В процентах к 1989 г.	Численность городского населения (тыс. чел.)	В процентах к 1989 г.	Доля горожан в составе населения (%)
1989	147022	100,0	107959	100,0	73,4
2002	145167	98,7	106429	98,6	73,3
2010	142905	97,2	105318	97,6	73,7

Таблица составлена на основании: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. Стат. сборник. М.: Росстат, 2011. С. 54–55.

Таблица 2.

Динамика городского населения в границах ДФО в конце XX – начале XXI вв.

Год переписи населения	Численность населения в границах ДФО (тыс. чел.)	В процентах к 1989 г.	Численность городского населения в границах ДФО (тыс. чел.)	В процентах к 1989 г.	Доля горожан в составе населения (%)
1989	7950	100,0	6027	100,0	75,8
2002	6693	84,2	5082	84,3	75,9
2010	6292	79,1	4704	78,0	74,8

Таблица составлена на основании: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. Стат. сборник. М.: Росстат, 2011. С.54–55.

Последнее может говорить о двух вещах: 1) примерно пропорциональной естественной (смерть) и искусственной (миграции) убыли населения как в городах, так и деревнях; 2) наличии внутренней миграции из деревень в города (убыль сельского населения) и внешней миграции в другие регионы России и за рубеж из городов (убыль городского населения). Сальдо миграций свидетельствует, преимущественно, в пользу второго: на протяжении, по крайней мере, последних десяти лет доля внутренних мигрантов практически равна внешней, что, вероятно, и обеспечивает стабильное сохранение доли городского населения в составе Дальнего Востока (табл. 4).

Таблица 3.

Динамика городского населения Приморского и Хабаровского краев в конце XX – начале XXI вв.

Год переписи населения	Численность населения (тыс. чел.)	В процентах к 1989 г.	Численность городского населения (тыс. чел.)	В процентах к 1989 г.	Доля горожан в составе населения (%)
Приморский край					
1989	2256	100,0	1744	100,0	77,3
2002	2071	91,8	1622	93,0	78,3
2010	1957	86,7	1489	85,4	76,1
Хабаровский край					
1989	1598	100,0	1281	100,0	80,2
2002	1436	89,9	1157	90,3	80,6
2010	1344	84,1	1100	85,9	81,8

Таблица составлена на основании: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. Стат. сборник. М.: Росстат, 2011. С.54–55.

Таблица 4.

Распределение числа мигрантов по направлениям движения (в процентах от числа выбывших)

Территория	В пределах региона			В другие регионы России			За пределы России		
	2000	2005	2010	2000	2005	2010	2000	2005	2010
ДФО	46,4	52,6	45,9	47,8	45,1	51,8	5,8	2,3	2,3
Приморский край	53,7	55,8	50,5	41,5	42,7	47,3	4,8	1,5	2,2
Хабаровский край	43,5	50,0	45,9	50,5	46,8	49,6	6,0	3,2	4,5

Таблица составлена на основании: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. Стат. сборник. М.: Росстат, 2011. С.79.

Последнее позволяет утверждать, что дальневосточное градство в новейшей истории этого региона выполняет специфическую функцию, мало соответствующую критериям процесса урбанизации, – своего рода логистического узла по формированию и направлению потоков внешней миграции за пределы дальневосточного региона. Современный дальневосточный город, притягивая к себе внутренних мигрантов, формирует среду, обеспечивающую не только их адаптацию к городской жизни, но и приобретение горожанами социального капитала (умений, навыков, деловых

связей и пр.), дающего возможность совершить теперь уже внешнюю миграцию в западные регионы страны или за рубеж.

Таким образом, сохранение и даже некоторое увеличение доли городского населения в субъектах ДФО означает не столько продолжение процесса урбанизации (фактически, это дезурбанизация, поскольку в абсолютных цифрах население городов также заметно убывает), сколько возникновение и институционализацию специфической функции по логистике мигрантов из сел в города, а затем из городов за пределы Дальнего Востока. Именно это позволяет утверждать, что дальневосточное градство, в отличие от градств других регионов России, наряду с общими для них и важными для их территорий социальными функциями, по сути, реализуют проект обезлюживания дальневосточных земель. Как представляется, этот факт нуждается в более детальном изучении и, возможно, послужит разработке мер, направленных на преодоление этого негативного процесса, что, в конечном счете, будет способствовать сохранению человеческого капитала на Дальнем Востоке России.

Сноски и примечания

¹ Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 676.

² Урбанизм. Новый урбанизм - Википедия // URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D3%F0%E1%E0%ED%E8%E7%EC>.

³ Завалишин А.Ю. Территориальное социально-экономическое поведение (теоретико-методологический анализ). М., 2008. С. 80.

⁴ Урбанистика. - Википедия // URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D3%F0%E1%E0%ED%E8%F1%F2%E8%EA%E0>.

⁵ Вебер М. Город // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 308–445.

⁶ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1990. С. 225.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АДВОКАТУРЫ В ГОРОДАХ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА *

А.С. ЗАКОЛОДНАЯ

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Адвокатура в России появилась в 1864 г. как результат правовой реформы, когда были приняты Учреждения судебных установлений. В данном документе были введены очень высокие требования к присяжным поверенным (так в дореволюционной России называли адвокатов). Согласно ст. 354-355 присяжными поверенными могли быть лица, имевшие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или о выдержанных экзаменах по таким наукам, либо прослужившие не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения о производстве судебных дел, либо состояли не менее пяти лет кандидатами на должности по судебному ведомству, или же занимались судебной практикой под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников¹.

Существовал целый ряд ограничений для занятия адвокатской практикой, присяжными не могли стать:

- неграмотные;
- лица, не достигшие двадцатипятилетнего возраста;
- иностранцы;
- граждане, объявленные несостоятельными должниками (банкротами);
- люди, состоявшие на службе правительства или по выборам, за исключением лиц, занимавших почетные или общественные должности без получения жалования;
- граждане, подвергшиеся по судебным приговорам лишению или ограничению прав состояния, а также священнослужители, лишенные духовного сана по приговорам духовного суда;
- лица, состоявшие под следствием за преступления или проступки, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, а также те, которые были под судом за такие действия и не оправданы судебными приговорами;
- исключенные из службы по суду или из духовного ведомства за пороки или же из среды обществ или дворянских собраний по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат;
- те, кому по суду были запрещены хождения по чужим делам, а также исключенные из числа присяжных заседателей.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке грантов ДВО РАН №12-1-П33-05, 14-III-B-11-230.

Только с разрешения Министерства юстиции в адвокатуру могли быть зачислены лица нехристианских вероисповеданий. По решению Сената было запрещено принятие в присяжные поверенные женщин.

В «Судебных установлениях» были зафиксированы права и обязанности присяжных поверенных. Присяжный поверенный, назначенный для производства дела советом, не мог отказаться от исполнения данного ему поручения, не предоставив достаточных для этого причин. Присяжный поверенный также не мог действовать в суде в качестве поверенного против своих близких родственников. Он не мог быть поверенным в одно и то же время у обеих спорящих сторон, переходить по одному и тому же делу последовательно от одной стороны к другой. Присяжный поверенный не должен был разглашать тайн своего доверителя не только во время производства, но и даже после окончания дела.

В уголовных делах присяжные поверенные принимали на себя защиту подсудимых или по соглашению с ними, или по назначению председателя судебного места. Присяжный поверенный, назначенный для защиты подсудимого советом или председателем судебного места, не мог отказаться от исполнения данного поручения без достаточных оснований. Устав уголовного судопроизводства обязывал председателя суда назначать защитника по делам по преступлениям, совершенным несовершеннолетними лицами от 10 до 17 лет, без просьбы подсудимого, его родителей или попечителей. Председатель судебной палаты должен был назначить защитника подсудимому при апелляционном пересмотре дела, если подсудимый сам не избрал себе защитника².

Гражданские дела присяжные поверенные производили на основании доверенности, данной им тяжущимися, или по назначению совета или председателя суда, последовавшим после обращения тяжущихся с просьбой предоставить им адвоката³.

Ответственность присяжных поверенных могла быть определена в виде предостережения, выговора, запрещения отправлять обязанности поверенного на срок до года, исключение из числа присяжных поверенных, уголовной ответственности. Уголовная ответственность наступала при совершении умышленных действий во вред своим доверителям. Например, за злонамеренное превышение пределов полномочий, заключение сделки с противниками своего доверителя во вред ему или за передачу противнику своего доверителя документов. Присяжные поверенные подлежали уголовному наказанию за оскорбление суда или участвующих в деле лиц (в судебных речах или бумагах). Присяжные поверенные подвергались дисциплинарным взысканиям за нарушение профессиональных обязанностей и несоблюдение адвокатской этики. Ответственность предусматривалась за совершение действий, связанных с нанесением материального ущерба доверителю, а также за небрежное исполнение своих обязанностей (пропуск процессуальных сроков и т.п.). Если присяжный поверенный дважды подвергался запрещению отправлять временно обязанности присяжного поверенного, то в случае назначения ему такого же наказания в третий раз он

исключался из числа поверенных и ему запрещалось поступать в это звание на всей территории Российской империи.

Дисциплинарные проступки присяжных поверенных рассматривал совет присяжных поверенных, а в тех местностях, где его не было, - окружной суд. Привлеченный к ответственности присяжный поверенный должен был предоставить объяснения в установленный советом срок, если же он этого не делал без уважительных причин, то совет принимал решение на основании имеющихся у него сведений.

Присяжные поверенные приписывались к судебным палатам. В начале XX в. таких палат в Российской Империи было 14. Присяжные поверенные должны были жить в одном из городов округа той палаты, к которой они были приписаны.

Согласно ст. 359 присяжные поверенные округа избирали из своего числа совет присяжных поверенных. Для выборов в совет общее число присяжных поверенных должно быть не менее двадцати. К правам и обязанностям совета присяжных поверенных относились: рассмотрение прошений лиц, желающих приписаться к числу присяжных поверенных или выйти из этого звания, сообщение судебной палате о приписке их или отказе в этом; рассмотрение жалоб на действия присяжных поверенных и наблюдение за точным исполнением ими законов, установленных правил и всех принимаемых ими на себя обязанностей, сообразно с пользой их доверителей; выдача присяжным поверенным свидетельств в том, что они не подвергались осуждению совета; назначение поверенных по очереди для безвозмездного хождения по делам лиц, пользующихся на суде правом бедности; назначение в очереди поверенных для ходатайства по делам лиц, обратившихся в совет с просьбой о назначении им таковых; определение количества вознаграждения поверенному по таксе, в случае несогласия по данному предмету между ним и тяжущимся, и когда не заключено между ними письменного условия; распределение между присяжными поверенными процентного сбора; определение взысканий как по собственному усмотрению совета, так и по жалобам, поступающим в совет⁴. В городах, где не было совета или его отделения, их обязанности исполнял суд.

Для того чтобы стать присяжным поверенным необходимо было подать прошение в совет поверенных, с указанием избираемого места жительства, а также приложить документы, подтверждающие, что кандидат отвечает требованиям, предъявляемым к адвокатам. Если проситель скрывал какие-либо сведения, которые бы препятствовали его поступлению в присяжные поверенные, то он исключался из числа кандидатов в адвокаты и предавался суду. После того как совет поверенных принимал положительное решение и зачислял просителя в адвокаты, о чем последнему выдавалось свидетельство, которое впоследствии передавалось в суд. Суд на основании полученного свидетельства приводил человека к присяге. В законе указывалось, что каждый должен присягать по правилам своего вероисповедания. В Судебных уставах была напечатана форма присяги на звание присяжного поверенного, исповедовавшего православие: «Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом,

перед святым Его Евангелием и животворящим крестом Господним, хранить верность Его императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять в точности и по крайнему моему разумению законы Империи, не писать и не говорить на суд ничего, что могло бы клониться к ослаблению православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности, но честно и добросовестно исполнять обязанности принимаемого мною на себя звания, не нарушать уважения к судам и властям и охранять интересы моих доверителей, или лиц, дела которых будут на меня возложены, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде Его. В удостоверение сего целю слова и крест Спасителя моего Аминь»⁵. После приведения к присяге имя принятого заносилось в список присяжных поверенных, о чем производилась запись на выданном ему свидетельстве и делалась публикация «во всеобщее сведение».

В состав адвокатуры входила большая группа помощников присяжных поверенных. Это были недавно получившие юридическое образование новички, которые проходили стажировку у присяжных поверенных в течение пяти лет и только после этого получали право вступления в адвокатский корпус. Из-за нехватки присяжных поверенных тяжущимся было разрешено нанимать себе адвокатов из числа помощников присяжных поверенных⁶. Помощники присяжных поверенных подвергались тем же взысканиям, что и действительные адвокаты.

Тем не менее, количество адвокатов продолжало оставаться недостаточным. Поэтому был создан институт частных поверенных. Нормативное регулирование вопросов, связанных с их деятельностью, было определено в принятых 25 мая 1874 г. «Правилах о лицах, имеющих право быть частными поверенными по судебным делам» и в Учреждении судебных установлений.

Каких-либо конкретных требований к лицам, желавшим стать частными поверенными, в законе определено не было. Необходимо было только получить специальное свидетельство на право ходатайствовать по чужим делам. Их выдавали в Мировых Съездах, Окружных Судах, Судебных Палатах⁷. Полученное разрешение давало право заниматься адвокатской практикой только в том судебном месте, которым было выдано свидетельство. Но в законе было оговорено два исключения: 1) имеющие свидетельство от мирового или уездного съезда могли ходатайствовать и по делам, производящимся у мировых судей, земских начальников, городских судей и в губернских присутствиях, находящихся в округе данного съезда; 2) поверенные, принявшие ведение дела на основании полученного ими свидетельства, имели право ходатайствовать по этому делу и в кассационных департаментах Сената. Это главное, что отличало частных поверенных от присяжных. Для получения данного свидетельства необходимо было подать в одно из указанных выше судебных мест прошение, в котором «удостоверить», что нет никаких законных препятствий к вступлению в адвокаты, а также приложить документы удостоверяющие личность. Судебное место имело

право потребовать от просителя подтверждения наличия у него необходимых знаний и навыков, но в законе не было конкретных указаний каким образом и кем должна была проводиться соответствующая проверка. Данное требование закона не распространялось: «на лиц, получивших свидетельства от другого равного или высшего суда, и на лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук». Можно было получить несколько свидетельств от разных судов, причем предельное количество в законе не оговаривалось. За каждое полученное свидетельство необходимо было заплатить денежный сбор, размер которого регулировался ст. 406⁸, так 40 руб. в год взималось за свидетельство мирового суда и 75 руб. – за свидетельства окружного суда и судебной палаты⁸.

На частных поверенных налагались взыскания теми судебными местами, которые выдали им свидетельства. Законом было предусмотрено 4 вида дисциплинарных взысканий: предостережение или замечание, выговор, запрещение выполнять обязанности поверенного на время не свыше одного года, исключение из числа поверенных.

Так как даже введение института частных поверенных не помогло решить проблему нехватки адвокатов, закон разрешал выбирать поверенных и из посторонних лиц⁹.

Оплата труда адвокатов определялась следующим образом: во-первых, присяжный поверенный и его клиент самостоятельно определяли размер будущего гонорара и фиксировали его в письменном соглашении. Также размер гонора можно было рассчитать, руководствуясь таксой, разработанной в 1868 г. Министерством юстиции. Согласно данному документу присяжный поверенный мог рассчитывать на следующее вознаграждение:

За ходатайство по делу в двух инстанциях Присяжный Поверенный получал вознаграждение соразмерно цене иска:

с суммы до 500 руб.	50 руб.
с суммы свыше 500 до 2000 руб.	10%
с суммы от 2000 до 5000 руб. размер оплаты труда присяжного поверенного определялся следующим образом:	
С первых двух тысяч	200 руб.
с остальной суммы	8%
с суммы от 5000 до 25 000 руб.	
с первых 5-ти тысяч	440 руб.
с остальной суммы	4%
с суммы от 25000 до 50000 руб.	
с первых 25 тысяч	1240 руб.
с остальной суммы	2%
с суммы от 50000 до 75000 руб.	
с первых 50 тысяч	1740 руб.
с остальной суммы	1%
с суммы свыше 75000 руб.	
с первых 75 тысяч	1990 руб.
а с остальной суммы	½ %

За ведение дела в упрощенном порядке полагалась одна пятая часть определенная данной статьей вознаграждения.

По делам, не подлежавшим оценке, вознаграждение поверенного за ходатайство в двух инстанциях определялось судом в зависимости от важности самого дела для тяжущихся сторон, их финансовых возможностей, а также времени и труда, затраченных адвокатом, гонорар мог быть определен в размере от 50 до 12 тыс. руб.

По делам, производившимся в порядке охранительного судопроизводства, вознаграждение поверенного определялось судом, в зависимости от сложности дела, и могло достигать 600 руб.

По всем делам ценой ниже 500 руб., производившихся в общих судебных местах, за ходатайство в двух инстанциях поверенный получал вознаграждение, по усмотрению суда, в размере до 50 руб. Таким образом, всего вознаграждения присяжный поверенный получал за ходатайство по существу дела: 1) в первой инстанции две трети и 2) во второй инстанции одну треть.

За ведение дела в третейском суде вознаграждение полагалось, как и за ходатайство в первой инстанции.

За ходатайство в Кассационном Департаменте Правительствующего Сената, в кассационном порядке присяжный поверенный получал одну четвертую часть определенной статьею 1-ю вознаграждения.

Если клиент расторгал соглашение с присяжным поверенным без достаточных на то оснований, или если стороны пришли к соглашению во внесудебном порядке, присяжный поверенный также имел право на получение гонорара. Если дело было окончено им в первой инстанции и перенесено во вторую инстанцию — как за ходатайство в двух инстанциях; если дело велось им только в одной первой или в одной второй инстанции — как за окончание ходатайства в той инстанции, в которой он имел ходатайствовать по сему делу.

В случае проигрыша иска присяжный поверенный истца имел право на вознаграждение за проигранное дело, в размере лишь одной четвертой части того вознаграждения, которое причиталось ему на основании установленных правил в случае выигрыша дела, и эта четвертая часть не могла быть более 200 руб. в первой инстанции и 100 руб. во второй инстанции, как бы ни была велика цена иска.

Поверенный ответчика, в случае проигрыша дела, имел право на одну треть вознаграждения, которую он бы получил, если бы выиграл дело¹⁰.

Основываясь на данных правилах, присяжные поверенные и их клиенты заключали письменное соглашение, в котором оговаривался размер будущего гонорара. Присяжный поверенный мог предложить клиенту несколько вариантов оплаты предоставляемых им услуг. Так, например, присяжный поверенный округа иркутской судебной палаты Николай Васильевич Константинов предложил владивостокской портовой конторе несколько вариантов оплаты своего труда: «1) уплачивать мне ежегодно 5000 руб. в виде ежемесячного жалования за которое я принимаю на себя ведение всех

имеющих возникнуть со времени нового соглашения судебных дел предъявляемых как морским ведомством, так и к нему, и исполнение, всех обязанностей, возлагаемых на Юрисконсультанта порта 427 ст. наказа портовым управлениям Св. Морск. Пост. кн. I Ч. II/ и 142 -30 ст. V кн. Св. Морск. пост по прод. 1907 года или 2) оставив в силе прежние условия по ведению судебных дел для дел, сумма исков с 500 руб., за исполнение других обязанностей в указанной статье предусмотренных, и за ведение дел, сумма иска коих ниже 500 руб. уплачивать мне в виде жалования 3000 руб., или 3) сохранить ныне действующие условия по ведению судебных дел суммой с 500 руб. а за дела с суммой исков менее 500 руб. установить вознаграждение в размере 20% за каждое же заключение уплачивать мне ... по 100 руб. и за всякое заседание по 25 руб.»¹¹.

Предлагая на выбор один из трех вариантов присяжный поверенный считал, что «...самым удобным, хотя для меня и менее выгодным первый, как по его простоте и определенности так и потому, что им исчерпываются точно обязанности мои и обеспечивается защита гражданских исков в уголовном суде, тогда как при других двух способах таковой расход казны все же остается неопределенным и расчеты более сложными...»¹².

Присяжные поверенные защищали в суде клиентов и на безвозмездной основе. Лица, пользовавшиеся на суде правом бедности, могли рассчитывать на получение бесплатной помощи, им адвокат назначался советом присяжных поверенных. В данном случае защитник получал вознаграждение из фонда, сформированного в результате регулярного отчисления определенного процента с гонораров. Министерство юстиции ежегодно распределяло эту сумму между всеми судебными округами России пропорционально количеству защитников, назначенных председателями из числа присяжных поверенных, а в округах полученные от Министерства суммы распределялись советами присяжных поверенных уже между этими назначенными поверенными¹³.

Судебная реформа 1864 г. была распространена на территорию Дальнего Востока России только в 80-х гг. XIX в., несмотря на то, что вопрос о введении здесь Судебных уставов рассматривался с 1865 г., когда была создана специальная комиссия во главе со статс-секретарем Владимиром Петровичем Бутковым.

8 июня 1882 г. «для местностей, входящих в состав Владивостокского военного губернаторства и Южно-Уссурийского округа Приморской области» был учрежден Владивостокский окружной суд¹⁴. 25 февраля 1885 г. высочайшим указом были утверждены «Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству и судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской Восточной Сибири и Приамурском крае», в которых указано, что «по делам о преступлениях, влекущих за собой лишение всех прав состояния, прокурорский надзор поддерживает обвинение в суде, а подсудимому назначается председателем суда защитник из состоящих при суде чиновников или из посторонних лиц, которым закон не воспрещает ходатайство по чужим делам. При недостатке таких лиц, защитник не назначается»¹⁵.

В продолжение судебной реформы 13 мая 1896 г. были утверждены «Временные Правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири», включая и Приморскую область¹⁶. В «Объяснительной записке к проекту Временных Правил об устройстве судебной части в Сибири» от 29 февраля 1896 г. № 7464 указано, что «учреждение в Сибири присяжных поверенных не вызывает никаких отступлений от общих по сему предмету постановлений; в частности, в этом крае должен сохранить силу закон, коим образование Советов присяжных поверенных не допускается»¹⁷.

Согласно правилам 1896 г. обвиняемому предоставлялось «право назначить от себя поверенного из своих родственников или посторонних лиц для присутствия при дознании». В случае недостатка лиц, желавших принять на себя защиту подсудимого председатель имел право возлагать «эту обязанность на местных чиновников судебного ведомства, исключая судей и лиц прокурорского надзора»¹⁸.

Председателем Владивостокского окружного суда И.В. Францессоном в 1903 г. была подготовлена служебная записка «Предложения Председателя Суда», в которой он отмечал, что во Владивостокском округе действовали три категории поверенных: присяжные, частные и помощники присяжных поверенных, «коим разрешена самостоятельная судебная практика в округе суда»¹⁹. Для более удобного контроля со стороны окружного суда за деятельностью поверенных была введена единая форма учета порученных дел.

К сожалению, сохранилось совсем немного сведений о деятельности присяжных поверенных на Дальнем Востоке России. Так, известно, что в 1909 г. при Владивостокском окружном суде, который располагался по адресу ул. Светланская, 67, была открыта консультация присяжных поверенных. Консультация работала по вторникам и воскресеньям, два часа в день, с 10 до 12 часов²⁰.

Данные о динамике численности адвокатов можно получить, изучая адресные книги, в которых публиковались фамилии, имена и отчества частных и присяжных поверенных и их помощников, их адреса и телефоны. К началу XX в. адвокаты проживали в шести дальневосточных городах: Владивостоке, Благовещенске, Зее-Пристани, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Николаевске-на-Амуре. Наиболее полные данные сохранились по Владивостоку и Благовещенску, по остальным городам имеются лишь отрывочные сведения. Так, в 1911 г. в г. Зей-Пристань был только один присяжный поверенный, в 1916 г. количество адвокатов увеличилось до двух (один присяжный поверенный и один частный поверенный)²¹. В Хабаровске в 1911 г. проживало три присяжных поверенных, два помощника присяжных поверенных и один частный поверенный, в 1912 г. в городе было четыре присяжных и два частных поверенных, а в 1914 г. количество присяжных поверенных сократилось до трех, кроме них, в городе числилось два помощника присяжных и четверо частных поверенных²². В Никольске-Уссурийском в 1911 г. действовали один присяжный и один частный поверенный, в 1912 г. количество адвокатов увеличилось до 4, а в 1914 г. до 5²³. В Николаевске-на-Амуре в 1906 г. был всего один присяжный

поверенный, к 1911 г. в городе работали один помощник присяжного поверенного и три частных поверенных, в 1912 г. – один присяжный и четверо частных поверенных, а в 1914 г. только четверо частных поверенных²⁴. Динамика численности адвокатов Владивостока и Благовещенска приведена в таблицах 1 и 2. Приведенные данные нельзя рассматривать как абсолютно точные, так как в разных изданиях сведения за один и тот же год могли существенно различаться.

Таблица 1

Динамика численности адвокатов г. Владивостока (1902-1914 гг.)

год	1902	1903	1905	1906	1908	1909-1910	1911	1912	1913**	1914
Присяжные поверенные	3	4	4	2*	9	10	11	12	9	11
Помощники		1	1		3	8	5	5	5	6
Частные поверенные	7	7	2	2	4	3	11	6	9	9

Таблица составлена автором на основании источников: Памятная книжка Приморской области на 1902 год. Владивосток, 1902. С. 56-57; Памятная книжка Приморской области на 1903 год. Владивосток, 1903. С. 42; Памятная книжка Приморской области на 1905 год. Владивосток, 1905. С. 10; Прибавление к памятной книжке 1905 г. Приморской области за 1906 год. Владивосток, 1906. С. 94; Памятная книжка Приморской области на 1908 год. Владивосток, 1908. С. 116-117; Памятная книжка Приморской области на 1909–1910 гг. Владивосток, 1910. С. 119-120; Памятная книжка Приморской области на 1911 год. Владивосток, 1911. С. 10; Адрес-календарь и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю 1912 г. Иркутск, 1912. Вып. VII. С. 40; Сибирский ежегодник на 1913 г. С. 123; Кларк И.С. Адрес-календарь и Торгово-Промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутск, 1914. Вып. 10. С. 43.

Примечания: *По другим данным в 1906 г. во Владивостоке было 8 присяжных поверенных. Кларк И.С. Спутник по Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Владивосток, 1906. Вып. 1. С. 6.

**По другим данным в 1913 г. во Владивостоке было 16 присяжных поверенных, 6 – помощников, 10 – частных поверенных. Памятная книжка Приморской области на 1913 г. Владивосток, 1913. С. 16.

Таблица 2

Динамика численности адвокатов г. Благовещенска (1900-1916 гг.)

год	1900	1901	1902	1903	1904	1911	1912	1913	1914*	1915	1916
Присяжные поверенные	3	3	7	8	8	8	9	10	7	10	6
Помощники						7	6	3	4	4	4
Частные поверенные	3	4	4	5	5	5	5	5	5	4	3

Таблица составлена автором на основании источников: Амурский народный календарь на 1900 год. Благовещенск, 1900. С. 254-255; Амурский народный календарь на 1901 год. Благовещенск, 1901. С. 19; Памятная книжка Амурской области на 1902 год. Благовещенск, 1902. С. 80; Памятная книжка Амурской области на 1903 год. Благовещенск, 1903. С. 95; Памятная книжка Амурской области на 1904 год. Благовещенск, 1904. С. 93; Памятная книжка Амурской области на 1911 год. Благовещенск, 1911. С. 254; Адрес-календарь и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю 1912 г. Иркутск 1912. Вып. VII. С. 204; Памятная книжка Амурской области на 1913 год. Благовещенск, 1913. С. 98-99; Памятная книжка Амурской области на 1914 год. Благовещенск, 1914. С. 149-150; Кларк И.С. Адрес-календарь и Торгово-Промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутск, 1914. Вып. 10. С.243; Памятная книжка Амурской области на 1915 год. Благовещенск, 1915. С. 67; Памятная книжка Амурской области на 1916 год. Благовещенск, 1916. С. 93.

Примечание: *По другим данным в 1914 г. в Благовещенске было 10 присяжных поверенных, 7 – помощников, 5 – частных поверенных. Памятная книжка Амурской области на 1914 год. Благовещенск, 1914. С. 149-150.

Изменения происходили и внутри первых двух групп. Напомним, что по истечении пятилетнего срока помощники присяжных поверенных становились самостоятельными адвокатами. Например, по данным за 1910–1912 гг. Алексеев К.В., проживавший по ул. Суйфунской, 36, был помощником присяжного поверенного, а в 1913 г. его имя уже можно найти среди присяжных поверенных.

Во время Первой мировой войны происходит сокращение числа адвокатов, некоторых из них призвали из запаса на фронт, кто-то ушел добровольцем. Так, в газете «Далекая Краина» сообщалось: «Война отвлекла у местной адвокатуры много сил. Призван из запаса пр. пов. К.Г. Зверев, по собственному желанию надел свой генеральский мундир М.С. Латернер. Призван также частный поверенный А.К. Борисов и добровольно вернулся в строй частн. пов. К.П. Михайлов»²⁵.

На основе собранных данных мы можем констатировать медленный рост количества адвокатов Дальнего Востока. Округ Иркутской судебной палаты, включавший помимо Дальнего Востока Восточную Сибирь, по количеству присяжных поверенных и их помощников занимал одно из последних мест в стране. В 1900 г. общее число адвокатов равнялось 35 (29 присяжных и 6 помощников), что составляло 1,1% от общего количества профессиональных защитников в стране. К 1913 г. адвокатура округа насчитывала уже 176 человек (99 присяжных поверенных и 77 помощников), что составило 1,5% от общероссийского количества²⁶. Таким образом, по количеству адвокатов Округ Иркутской судебной палаты все также находился на последних местах.

По мнению С.Л. Шахеровой, недостаток присяжных поверенных в городах компенсировался большим удельным весом частных поверенных²⁷. Это утверждение верно и для городов Дальнего Востока, где соотношение присяжных и частных поверенных было один к одному, в отдельных городах, таких как Николаевск-на-Амуре, присяжных поверенных не было вообще, и их обязанности выполняли частные поверенные.

Необходимо отметить, что на Дальнем Востоке судебная реформа была проведена значительно позже, чем в остальной части империи, поэтому правовое регулирование адвокатуры определялось Судебными уставами 1864 г. с учетом внесенных в период контрреформ изменений. Так, присяжные поверенные дальневосточных городов не имели права создавать советы, функции которых были переданы окружному суду. В начале XX в. адвокаты были только в шести городах юга Дальнего Востока. Рост числа защитников на Дальнем Востоке был медленным, и их количество оставалось небольшим.

Сноски и примечания

¹ Свод законов Российской Империи (СЗРИ). Изд. 1892 г. Т. XVI. Ч. 1. Ст. 354-355. С. 54.

² Фролов В.В., Цой В.В. Становление и развитие адвокатуры в России (1864 по 1917 гг.). СПб., 2006. С. 45.

³ СЗРИ. Изд. 1892 г. Т. XVI. Ч. 1. Ст. 390. С. 57.

⁴ Там же. Ст. 359, 367-378. С. 55-56.

-
- ⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 3. Ст. 381. С. 234.
- ⁶ Там же. Ст. 416. С. 231-232.
- ⁷ СЗРИ. Изд. 1892 г. Т. XVI. Ч.1. Ст. 406². С. 61.
- ⁸ Там же. Ст. № 406²-406⁸. С. 61.
- ⁹ Судебные уставы ... Ст. 245. С. 133.
- ¹⁰ Адрес-календарь и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю 1912 г. Иркутск, 1912. Вып. VII. С. 36-37.
- ¹¹ РГИА ДВ. Ф. 773. Оп. 1. Д. 165. Л. 34 об., 35.
- ¹² РГИА ДВ. Ф. 773. Оп. 1. Д. 165. Л. 35.
- ¹³ Фролов В.В., Цой В.В. Становление и развитие адвокатуры ... С. 33.
- ¹⁴ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. III. Т.2. СПб., 1885. Ст. 947.
- ¹⁵ Там же. Т.5. СПб., 1888. Ст. 2770.
- ¹⁶ Свод законов Российской Империи. Изд. 1892 г. Т. XVI. Ст. 624. С. 80.
- ¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 411. Л. 2, 26, 43.
- ¹⁸ ПСЗ РИ. Собрание III. Т.16. СПб., 1898. Ст. 12923.
- ¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 47. Л. 261-263 об.
- ²⁰ Адрес календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и спутник по «Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю». Владивосток, 1909. Вып. 5. С. 30.
- ²¹ Памятная книжка Амурской области на 1911 год. Благовещенск, 1911. С. 254; Памятная книжка Амурской области на 1916 год. Благовещенск, 1916. С. 98.
- ²² Кларк И.С. Адрес-календарь и Торгово-Промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутск, 1911. Вып. 7. С. 147-148; Адрес-календарь и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю 1912 г. Иркутск 1912. Вып. 7. С. 147; Кларк И.С. Адрес-календарь и Торгово-Промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутск, 1914. Вып. 10. С. 171.
- ²³ Кларк И.С. Адрес-календарь и Торгово-Промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутск, 1911. Вып. 7. С. 104; Адрес-календарь и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю 1912 г. Иркутск 1912. Вып. 7. С. 102; Кларк И.С. Адрес-календарь и Торгово-Промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутск, 1914. Вып. 10. С. 109.
- ²⁴ Кларк И.С. Спутник по Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Вып. 1. Владивосток, 1906. С. 100.; Кларк И.С. Адрес-календарь и Торгово-Промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутск, 1911. Вып. 7. С. 167; Адрес-календарь и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю 1912 г. Иркутск 1912. Вып. 7. С. 175; Кларк И.С. Адрес-календарь и Торгово-Промышленный Указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Иркутск, 1914. Вып. 10. С. 206.
- ²⁵ Далекая Окраина. 1914. 14 авг. № 2308.
- ²⁶ Шахерова С.Л. Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 16.
- ²⁷ Там же. С. 16.

СТИЛЬ «ПОРТО-ФРАНКО»: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА

А.П. ИВАНОВА

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

Колониальная политика Российской Империи привлекает все большее внимание научного сообщества. В издательстве «Новое Литературное Обозрение» вышел ряд интересных монографий, посвященных в основном проблемам «черты оседлости» и кавказского направления¹, в профессиональном дискурсе появляются призывы рассматривать историю освоения Сибири как колонизацию. Дальний Восток пока не вошел в ареал научного интереса западных историков. В данной статье, посвященной формированию «стиля порто-франко», анализируется опыт сеттльментов, «внутренних колоний» и других форм компактного проживания европейцев на дальневосточных территориях во второй половине XIX – начале XX вв. Автором рассматриваются постройки, возведенные европейскими колонистами в гг. Циндао, Тяньцзинь (КНР), а так же в Приморье (Россия). Иностранная литература по заявленной теме достаточно обширна, но ключевые источники не переведены на русский язык². Научная новизна статьи состоит в попытке систематического обзора архитектуры дальневосточных сеттльментов, в научный оборот вводится малоизвестный массив фактологической и библиографической информации, которая позволит проследить генезис русской дальневосточной архитектуры (гг. Харбин, Далянь, Порт-Артур, Владивосток), до сих пор рассматривавшейся как самостоятельный феномен, в отрыве от существующих аналогов (гг. Циндао, Тяньцзинь).

С середины XIX в. Китай превращается в полуколонию европейских держав (Британии, Франции, Австро-Венгрии, Германии, России и пр.). В городах, расположенных на реке Янцзы и по берегам Китайского моря (Гонконг, Шанхай, Тяньцзинь и др.), появляются *сеттльменты* – специальные кварталы со статусом экстерриториальности, сдававшиеся в соответствии с двусторонними договорами «в вечную аренду» иностранцам для поселения и торгово-промышленной деятельности и охранявшихся силами державы-арендатора. С проникновением европейской цивилизации в китайских городах появляются новые типы зданий (вокзалы, банки, миссии и проч.), начинают использоваться новые строительные материалы и технологии, появляется новый культурный стандарт, задающий европейский уровень комфорта. Эти процессы с одной стороны, размывали тысячелетние основы традиционного строительства, но с другой – способствовали становлению оригинального архитектурного стиля, условно называемого *Shikumen*. Под этим термином понимается комбинация приемов и элементов, заимствованных как в западной архитектуре, так и в китайском традиционном зодчестве. Европейское влияние в архитектуре Китая в период 1840-1940-х гг. представлено викторианской архитектурой, бидермайером,

боз-артом, неоренессансом, необарокко, неоготикой, модерном, ар-деко. Русское влияние на формирование архитектурного ландшафта китайских городов проявилось дважды: первый период связан со строительством КВЖД, Дальнего, Порт-Артура и Харбина, на протяжении полувека генерировавшего мощное культурное поле; второй, «неоклассический» этап (1949-1962 гг.) был обусловлен культурным взаимообменом СССР и КНР.

Тяньцзинь – Eight Powers Alliance

К концу XIX в. Тяньцзинь был, вероятно, самым важным торговым городом в Северном Китае, ключевым пунктом навигации по Большому каналу и центром растущей сети железных дорог, объединившей удаленные части Китая. Кроме того, Тяньцзинь являлся крупным международным портом, обслуживавшим Азиатско-Тихоокеанский регион. Город вытянут вдоль восточного побережья Бохайского залива в месте пересечения Большого канала и реки Байхэ. Ключевое стратегическое положение и относительная близость столицы (96 км от Пекина) обеспечили Тяньцзиню статус крупнейшего северного порта. После Второй опиумной войны (1885) была принята Пекинская конвенция (1860) и династия Цин открыла концессии Британии (1860-1943), Франции (1860-1946), Японии (1888-1945), Германии (1899-1917). 7 сентября 1901 г. между Китаем и 11 державами, принявшими участие в подавлении восстания ихэтуаней, было заключено соглашение, получившее название «Заключительный протокол». Концессий и экстерриториальных прав добились ранее не имевшие их Россия (1903-1920, площадь селтльмента – 398 га), Австро-Венгрия (1901-1917), Италия (1901-1947) и Бельгия (1902-1931). Городская стена была снесена и на окраинах средневекового города стали расти кварталы с прямоугольными и веерными сетками улиц. Общая площадь селтльментов составляла 13 кв. км, все они имели выход к реке Пей-Хо (сегодня произносится Хай-он), в каждом секторе строились собственные тюрьмы, казармы, школы, кладбища, бани, ломбарды, больницы, театры, разбивались парки и бульвары, проводились линии электропередач, в бельгийском секторе был пущен трамвай; уровень благоустройства стремился к континентальному.

Возможно, источниками вдохновения для основателей селтльментов служили «национальные деревни» и государственные павильоны Всемирных выставок, в декоре которых преобладали романтизированные версии вернакулярной архитектуры. Европейские жители Тяньцзиня пытались создать в своих секторах идеальные модели далеких метрополий. Архитектура селтльментов являлась способом национальной репрезентации и адресовалась, скорее соседям-союзникам, чем автохтонному населению.

Судя по карте 1919 г.³, германские концессии были точно интегрированы в городскую структуру, сам селтльмент располагался между британским сектором и одной из японских концессий. Общее впечатление о застройке можно получить по цветным почтовым открыткам (1910-1912)⁴: прямоугольные земельные участки разделяются глухими кирпичными стенами, двух-трехэтажные особняки на высоких цокольных этажах выходят на красную линию аккуратными палисадниками с газонами; проезжую часть

ограждает сквозная кирпичная ограда с решетками и типовыми воротами. Конструкции и материалы коттеджей различны: кирпич, каменная кладка, светлая штукатурка, элементы фахверка. Большинство зданий имеют высокие кровли, крытые серым шифером, с треугольными щипцовыми фронтонами и угловыми башенками под фигурными завершениями; широко используются лоджии, террасы и двухъярусные деревянные веранды, являющиеся обязательными приметами «колониального стиля». В целом же архитектура немецкого поселка выдержана в эстетике бидермайера; высокие кирпичные трубы указывают на наличие каминов. На открытках хорошо заметны телеграфные столбы и опоры для проводов из сборных металлических конструкций; на многих участках установлены флагштоки. Наиболее эффектным зданием германского сэттльмента был Concordia club (1907), возведенный в неороманском стиле и призванный манифестировать пангерманскую идею.

Старейший в Тяньцзине британский сэттльмент имел площадь 0,81 кв. км и располагался на правом (восточном) берегу реки Хай. Его композиционным центром, в соответствии с модной теорией Говарда, являлся парк Виктории, разбитый в английском пейзажном стиле: лужайки с газонами, стриженные живые изгороди, живописные ландшафтные группы. На круглой площадке среди парка размещалась большая беседка под высоким восьмигранным шатром – эстрада для оркестра, поодаль находился беломраморный обелиск-кенотаф, установленный в честь тяньцзинских британцев, погибших в Первой мировой войне. По свидетельствам современников, парк был одним из лучших образцов английской ландшафтной школы на территории Китая. По периметру парк окружали самые респектабельные здания сэттльмента, на эспланаду был обращен главный фасад британской резиденции Gordon Hall, названного в честь генерала Черзза Гордона (Charles Gordon), подавившего восстание тайпинов в Шаньдуне и основавшего концессию в Тяньцзине. Gordon Hall – и сегодня архитектурный символ города. Эта двухэтажная постройка из красного кирпича в стиле «условный Тюдор» является вариацией на темы Хемптон-корта. Фланги протяженного фасада, расчлененного пилястрами, акцентируются гранеными трехэтажными башнями с зубчатыми коронами из мишикулей, ось симметрии закреплена ступенчатым фронтоном с флагштоком и мощным граненым порталом. Окна второго яруса имеют стрельчатую форму, карниз завершается прямоугольными зубцами.

Недалеко от Gordon Hall, с левой стороны парка, расположены здания Astor Hotel и английского клуба (викторианская готика). В британской секции был выстроен и Русско-китайский банк (1914-1917).

Главной улицей французского сектора была Rue de France, застроенная банками и особняками в стиле Третьей Республики. Здания консульства, муниципального совета, клуба, католического собора и сегодня находятся в хорошем состоянии. Градостроительным центром итальянского сектора являлась пл. Regina Elena (площадь принцессы Елены). Композиционный центр площади – триумфальная коринфская колонна со скульптурной

аллегорией (женская фигура в развивающейся тунике с пальмовой ветвью в руке), интегрированная с фонтаном в виде галер, выступающих из постамента колонны, вода из которых стекала в круглый бассейн. Перегруженность композиции указывает на влияние стиля Виктора-Эмануила. Здания, выходящие на площадь, образуют ансамбль, фланкируемый квадратными башнями с бельведерами: элементы декора и очертания проемов указывают на влияние модерна; широкий вынос карнизов на консолях, придает застройке площади колониальный характер, вместе с тем, общий образ ансамбля вызывает в памяти средиземноморские ренессансные виллы.

На открытках и фотографиях первой трети XX в. заметно, что местное, китайское, население селтльментов, превосходившее иностранцев численно в десятки и сотни раз, ютилось в одноэтажных хутунах, кирпичных бараках, на баржах, лодках и прочих плавсредствах с жилой функцией.

Архитектурно-градостроительное оформление германской колониальной политики на Дальнем Востоке

В конце XIX в. объем немецкой торговли с Китаем превышал 80 млн долларов, а германские восточные колонии включали архипелаг Бисмарка, землю Кайзера Вильяма, Маршалловы, Каролинские острова, часть Самоа и пр. К этому времени провинция Шаньдун (Shantung) имела площадь 55000 кв. миль и 25,5 млн чел. населения; там находились залежи золота, угля и железной руды, но основой экономики являлось производство шелка. Германское правительство, получив Kiao-chau в аренду на 99 лет, потратило более 5 млн долл. на укрепление окрестных высот, планируя превратить Шаньдунский полуостров в неприступный Гибралтар. Фортификационные сооружения, возведенные немцами, прекрасно сохранились, в казематах устроен Военный музей.

Циндао – прусский шлюз в Поднебесную империю

Tsingtau (англ.– Qingdao, пиньинь – Ching-tao – «зеленый остров»), расположенный на месте нищей рыбацкой деревни и руин древнего города, должен был стать столицей новых земель, военно-морской базой для размещения эскадры крейсеров Императорского флота, крупным торговым портом и центром немецкого влияния в Китае. На его строительство было выделено около 100 млн долл. Вся территория находилась под контролем Управления Императорского флота; организация портов, прокладка железной дороги, городское развитие требовало массового набора специалистов. На призыв Управления военно-морского флота (1898), (судя по биографическому перечню, представленному на сайте, посвященному немецкой колонии Циндао⁵), откликнулось шесть немецких архитекторов: Arthur Bialucha (1880-1947), Fritz Biber (1875-1969), Werner Lazarowicz (1873-1926), Friedrich Mahlke (1871-1944) и его сын Wilhelm Mahlke (1905-1945), Curt Rothkegel (1876-1945).

На месте разрушенного старого китайского порта, где когда-то разгружались корабли из Японии, Кореи, Индии, были разбиты бульвары, вдоль берега устроен променад. Судя по цветной аксонометрической

панораме Циндао (1906), в основу городской планировки была положена прямоугольная сетка из 10 улиц, идущих параллельно акватории и 10 – перпендикулярно. Парадные фасады ключевых городских построек (Gouvernement – правительственная резиденция, почтовый офис, отель «Принц Генрих», служивший центром светской жизни местного общества, здание Gebäude der Hamburg-Amerika-Linie и проч.), ориентировались на север, в сторону бухты. Улицы, тянувшиеся вглубь полуострова, застраивались поквартально, были озеленены, имели тротуары и систему освещения. Ведущая к пирсу главная магистраль – Prinz Heinrich Strasse, названная в честь визита в 1898 г. в Цзяочжоу Бэй брата германского императора Вильгельма II, была застроена трех-четырёхэтажными домами, по словам очевидцев – миниатюрными «моделями германской архитектуры». На других улицах (например, Shantungstrasse, Princess Irenen Strasse, Kronprinzenstrasse) преобладала одно-двухэтажная застройка. Ограды, возведенные из бутового камня со сквозным верхним ярусом из кирпича, кованые решетки, разделяющие палисадники с вековыми елями и кленами, брусчатка тротуаров, фахверковые элементы на фасадах с треугольными фронтонами и высокими черепичными крышами и сегодня придают исторической части Циндао облик северо-европейского города. Особый интерес представляет *Bismarckkasernen* – комплекс таун-хаусов, вынесенный в рекреационную зону.

В городе активно строились пивоваренные заводы, образовательные заведения, объекты здравоохранения, были проложены современные системы водоснабжения и канализации. Раздача земельных участков во избежание спекуляций жестко регулировалась администрацией. Китайцам, которых в окрестностях жило около 80 тыс.чел., запрещалось селиться в Немецкой слободе, чтобы они не нарушали чистоту и порядок; автохтонное население размещалось в кварталах Chinesenstadt, застроенных, преимущественно, двухэтажными зданиями без архитектурных излишеств. Остатки старого Циндао (Alt-Tsingtau), сохранившиеся на периферии города, представляли собой одноэтажные хуруны.

Колония процветала до 1914 г., потом город был оккупирован японцами. Казармы, виллы, школы, железнодорожная станция, Дом моряка и почтовое отделение, многочисленные жилые дома, построенные немецкими колонистами в Циндао, до сих пор находятся в хорошем состоянии и служат объектами паломничества многочисленных туристов из Германии.

В 1930-х гг. Циндао пережил вторую волну строительного бума, в планировке города использовались градостроительные идеи Ле Корбюзье. Застройка осуществлялась при участии архитектора В.Г. Юрьева, имевшего собственную проектную мастерскую. В статье, опубликованной в журнале «Рубеж», Юрьев назывался автором, причастным к строительству 240 сооружений (деловые здания, банки, театры, школы, госпитали, мосты, фабрики, частные дома, в том числе дом министра финансов Китая Сун Цзывэня, городской аквариум, пятиэтажный крытый рынок и другие здания). Из других архитекторов русской общины Циндао, насчитывавшей к 1935 г.

около 600 человек, можно отметить М.И. Юхоцкого, отдававшего предпочтение модернизму.

Об аутентичной архитектуре немецкого Циндао можно судить по фотографиям Федерального архива Германии, выложенных в открытом доступе⁶. Наибольший интерес представляют следующие объекты:

Verwaltungsgebäude (Gouverneur Wohnhaus – Дворец губернатора), образец так называемого «кайзеровского стиля», репрезентирующий величие и мощь II Рейха на Тихоокеанском побережье, построенный по проекту архитектора Friedrich Mahlke немецкой строительной компанией Ф.Н. Шмидта. Friedrich Mahlke прибыл в Циндао 18 декабря 1902 г. и возглавил подразделение инженерного отдела, работавшего над проектом Дворца губернатора. Его техническим секретарем и помощником был Werner Lazarowicz, построивший позже еще один архитектурный символ Циндао, – правительственную резиденцию. 4 февраля 1906 г. законченный объект был сдан администрации города. Mahlke выполнил свою миссию и 5 апреля 1906 г. вместе с семьей оставил Циндао. Задержавшись на две недели в Японии, он через Гонконг отправился домой, в Германию. В августе 1907 г. в журнале инженерного управления (*Zentralblatt der Bauverwaltung*) Mahlke публикует подробный отчет о строительстве с фотографиями. Дворец губернатора возведен из лаошанского гранита, кирпича и дерева, это четырехэтажное прямоугольное здание 80 x 40 м, (7500 кв. м жилой площади). Сильно развитый по горизонтали фасад имеет четкую трехчастную структуру: ось симметрии фиксирует мощный центральный ризалит с парадным подъездом; на флангах выступают боковые ризалиты под высокими шатрами. Второй и третий ярус объединены в бельэтаж аркадами, четвертый ярус отмечен на фасаде маленькими, бойницеобразными проемами, цокольный этаж – узкими прямоугольными оконными проемами. Цоколь и бельэтаж сплошь рустованы, верхний ярус – гладкий. Красная черепичная кровля составляет контраст серой каменной кладке, заросшей мхом. Выразительность объекта достигается наложением на трехчастную классицистскую схему фасада условно средневековой стилистики, характерной для северного, национально окрашенного, модерна. В 1995 г. объект был взят под государственную защиту как выдающийся исторический памятник. Энн Хеннинг, получивший степень магистра в области истории искусства в Боннском университете (1992), подробно описал Дворец губернатора в работе «Немецкий Зал Циндао: символ меняющихся правителей»⁷.

Governors Mansion или *Residenz des Gouverneur* (1907), правительственная резиденция, построенная на сопке Signal Hill в актуальном для метрополии югендстиле (*Jugendstil*) по проекту Werner Lazarowicz (родившегося в 1873 в Западной Пруссии, прибывшего в Циндао в 1898 г. и умершего в 1926 г. в Пекине). Здание имеет сложную объемно-пространственную композицию, включающую башни, эркеры, пристройки, огромный шатер, пронизанный каминными трубами и перекрывающий парадный холл и пр. Композиция главного фасада составлена из двух

разновысотных башен (правая увенчана пагодообразным двухъярусным завершением, левая – граненым шатром), разделенных мощной «норманнской» аркадой нижнего яруса, на которую опирается «флорентийская» галерея из двойных колон с капителями в виде листьев аканта. С левой стороны фасад фланкирован сильно выступающей двухэтажной башей под шатровым завершением, сплошь облицованной «диким камнем». Сохранилось первоначальное колористическое решение объекта: серая черепица кровель, уложенная в соответствии с китайской традицией и оштукатуренные охрой стены, (колористическое решение интерьера так же строится на контрасте светлых стен и темного деревянного декора). Штукатурка покрыта тонким волнообразным рельефом, что служит контрастом со «средневековой» бутовой кладкой. Балконы на монолитных консолях, живописные пятна облицовки, фрагменты «брильянтового» руста, элементы фахверка, гладкие полуколонны, разделяющие оконные проемы, и вырезанные из белого камня трилистники дополняют декоративное убранство фасадов. Проемы имеют различный характер: омегаобразные очертания окон первого этажа, трифории второго яруса, сужающиеся до бойниц, составленное из пяти частей окно третьего этажа, освещающее парадный холл, прямоугольные сквозные решетки фронтонов, декорированных геометrizированными флористическими мотивами, синтезированными с типично китайским орнаментом «квадратный узел». Горгульи из темного камня, фланкирующие фронтоны, также являются удивительным сплавом романтизированной геральдики северного модерна и традиционных восточных драконов (характерно, что хвост дракона сворачивается в кельтскую плетенку). Композиционным центром внутреннего пространства резиденции является огромный трехцветный холл с деревянной лестницей плавных криволинейных очертаний, украшенной высокими фонарями и ведущей на обходную галерею второго этажа. Очень эффектна парадная лестница, с нижней ступени которой открывается длинная анфилада.

Анализируя архитектуру немецкой колонии Циндао, можно выделить следующие приемы, характерные для наиболее значимых построек этого периода: сочетание гладкой плоскости фасада с облицовкой диким камнем, создающий «рваный» эффект; использование в декоре здания гранита и др. пород, создающих эффект «монументальности»; наличие террас, галерей и аркад. Опыт Циндао как эффективного форпоста немецкого влияния на восточных территориях был транслирован и на русское Приморье.

Изучение архитектурно-градостроительного наследия европейского колониализма на Дальнем Востоке позволяет прояснить генезис русской архитектуры восточных территорий, вписать отдельные образцы регионального зодчества в исторический интернациональный контекст и смоделировать возможности наиболее эффективных методов культурного влияния России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сноски и примечания

¹ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013; Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. Сб. статей. М., 2012; Сибирь в составе Российской Империи. М., 2007.

² Torsten Warner. Deutsche Architektur in China. Architekturtransfer. Berlin, 1994. 328 p.; Itohan I. Osayimwese. Colonialism at the Center: German Colonial Architecture and the Design Reform Movement, 1828—1914. ProQuest, 2008; Hans Georg Prager. Tsingtau / Qingdao: Deutsches Erbe in China [Gebundene Ausgabe], 2011; Brian Power. The Ford of Heaven: A Cosmopolitan Childhood in Tientsin, China [Hardcover]. Signal Books Ltd., 2005; Dieter Linke. Tsingtau - Deutsche Stadt am Gelben Meer 1897-1914 ... Ein Kapitel deutscher Kolonialgeschichte in China. Kolme K Verlag; Auflage: 1. Auflage, 2005; Вень Цунжу. Европейские влияния в архитектурно-градостроительном развитии Шанхая (1840 – 1940-е гг.). Автореф. дисс. на соискание канд. архитектуры. СПб, 2011.

³ Tianjin 20051107. Old maps of Tianjin // Режим доступа: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tianjin_20051107_concessions_coloured.jpg?uselang=ru

⁴ Wikipedia. German Concession/ Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/File:German_Concession_Tientsin.jpg

⁵ Режим доступа: <http://www.tsingtau.org/biographien-von-a-bis-z>

⁶ Режим доступа: <http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bundesarchiv>.

⁷ Hennings Anne Christin. Das Deutsche Rathaus von Tsingtau (Qingdao): Ein Symbol wechselnder Herrschaften. Bonn, 2005.

РОЛЬ КУПЕЧЕСТВА И ТОРГОВЛИ В ЖИЗНИ ПЕТРОПАВЛОВСКА И КАМЧАТКИ В 1920-Х ГОДАХ

А.И. КИРИЛЛОВА

Камчатский государственный университет, Петропавловск-Камчатский

Петропавловск – один из первых крупных портов на российском Дальнем Востоке, долгое время бывший единственным форпостом империи на Тихом океане, имеет интересную историческую судьбу. Хотя роль города в регионе периодически менялась, и он из ведущего центра превращался в забытую окраину, но для Камчатки он всегда оставался столицей. До середины XX в. это был единственный город Камчатки и ее крупнейший населенный пункт: на 26 июня 1920 г. население Петропавловска составляло 3 тыс. чел., а Камчатской области – 41 тыс. чел.,¹ к 1 января 1929 г. в нем проживало 2,2 тыс. чел, а население Камчатского округа Дальневосточного края составляло 35,5 тыс. чел.²

Петропавловск также был крупнейшим пунктом товарообмена с коренным населением. Самым ходовым товаром являлась пушнина, на которую местное население выменивало все товары первой необходимости. Период революций и становления Советской власти – один из самых сложных и противоречивых для экономики региона и жителей как всей Камчатки в целом, так и Петропавловска в частности. Традиционные торговые пути и договоренности были нарушены, новые в силу частой смены правительств в начале 1920-х гг. образовывались с трудом, а население постоянно нуждалось в продовольствии и промышленных товарах. По этим причинам на начальном этапе советизации Камчатки именно частные инициативы купцов и торговых компаний играли важнейшую роль в жизни Петропавловска и Камчатки.

Переходным этапом от частной торговли к государственной являлось создание кооперативов и союзов, деятельность которых контролировалась государством. В 1927-1928 гг. проводился строгий учет цен и их соотношения у государственных, кооперативных и частных торговцев³. Несмотря на принятое еще при ДВР принципиальное решение о государственной монополизации внешней и некоторых отраслей внутренней торговли полностью обеспечить население товарами первой необходимости государственные торговые агенты не могли⁴. Более того, сложная политическая ситуация в Дальневосточном регионе привела к тому, что сократился объем производимой продукции и ее пришлось покупать за рубежом. Купечество и торговые компании тратили значительно меньше времени на проведение переговоров и фрахт торговых кораблей, следовательно, могли быстрее доставить товары населению, поэтому они в то время занимали значительную нишу на рынке Петропавловска и Камчатки.

Одной из отличительных черт дальневосточной экономики 1920-х гг. являлось длительное отсутствие единой денежной единицы: вплоть до конца 1920-х гг. в ходу одновременно было две, а иногда и более денежных единиц. Так, в начале 1920-х гг. на Камчатке были в обращении золотые рубли Российской империи, деньги правительства Колчака (сибирские денежные

знаки), кредитные новые знаки, доллары и иены. После утверждения золотого рубля Дальневосточной республики (далее – ДВР) деньги всех белых правительств были запрещены и изъяты, а потом уничтожены путем сжигания⁵. После подписания договора о границе между ДВР и РСФСР в конце 1920 г.⁶ Камчатка отошла под юрисдикцию РСФСР, хотя 15 ноября 1920 г. Камчатский областной исполнительный комитет выразил полное доверие созданному в Чите объединенному Дальневосточному Правительству и признал вхождение Камчатки в состав ДВР⁷. Таким образом, к 1922 г. на Камчатке в торговле использовались денежные знаки ДВР, РСФСР и японские иены. Лишь к концу 1920-х гг. на территории региона осталась одна денежная единица – советский рубль.

Запутанность денежной системы осложняла расчеты населения и торговых агентов, отсутствие развитой банковской системы не позволяло организовать обмен денег по утвержденному курсу, более того, официального курса валют до конца 1920-х гг. не существовало. Вплоть до начала 1930-х гг. на Камчатке постоянно проживали иностранные подданные (так, в округе числилось 263 корейца, 212 китайцев и 15 японцев⁸), которые активно использовали в качестве денежных единиц японские иены. В сложившихся условиях частная инициатива купечества по формированию и поддержанию курса валют, а также ведение торговых операций в нескольких денежных единицах была значима и необходима. Наиболее актуальна эта проблема была именно в Петропавловске, так как в сельских и туземных районах чаще всего происходил натуральный обмен: товары первой необходимости выменивались на пушнину.

Особенной оказалась и социальная структура Петропавловска в начале 1920-х гг., в телеграмме в Министерство труда ДВР председатель Народного революционного комитета Е.С.Ларин отчитывался: «Рабочий вопрос в Камчатской области стоит совершенно в исключительном положении. В области заводов, фабрик, желдором, которые для обслуживания себя требуют профессиональных рабочих нет... В Петропавловске рабочих и их семейств вместе со служащими правительственных и общественных учреждений – 480 чел.»⁹. Остальное население города либо занималось рыбной ловлей и промыслом морского зверя, либо охотой, сдавая плоды своего труда частным предпринимателям или выменивая их на товары первой необходимости. Особо можно отметить существование такой группы населения как поденные рабочие китайского и корейского происхождения, трудившиеся сезонно на частных рыбалках¹⁰. После введения карточной системы более тысячи обитателей Петропавловска (что составляло свыше 60% населения города) не имели права получать товары первой необходимости по установленным лимитам, а вынуждены были их покупать у купцов-единоличников или представителей торговых компаний. Таким образом, именно купечество снабжало большую часть населения города продовольствием и промышленными товарами.

По этим причинам одной характерных черт экономики Камчатки в 1920-е гг. являлась «исключительная зависимость населения от ... своих и иностранных торговцев»¹¹. При этом в статистических отчетах отмечалась высокая активность купцов и торговых компаний, как в Петропавловске, так и

на всей Камчатке: «Почти в каждом уголке заброшенной Камчатки, несмотря на малочисленность ее населения, имеется один, а то и несколько торговцев»¹². Крупнейшими торговыми компаниями, обслуживавшими население Петропавловска, считались «Гибарт Свенсон и К^о», «Хадсон Бэй» («Гудсон Бэй»), организация Харбинских купцов, «Торговый дом Мацумото» и др.

Одним из важнейших ресурсов, привлекавших иностранный капитал на Камчатку, была пушнина. При этом именно в этой отрасли были наиболее распространены спекуляции: «...ни в одной отрасли торговли не замечается такого обилия посредников как в пушной... из рук охотников пушнина переходит к мелким скупщикам-лавочникам, лавочники перепродают крупным скупщикам, последние перевозят товар на ярмарки и отдают его заводчикам-иностранцам, от них лишь пушнина попадает к потребителю»¹³. Главным аукционом Камчатки был Петропавловский аукцион, о ходе и итогах которого писали даже зарубежные газеты¹⁴. Из-за значительного количества перекупщиков цены на пушнину оказывались очень высокими, поэтому английские, австралийские и харбинские купцы зачастую выжидали снижения цен и к середине 1920-х гг. ведущими игроками на пушном рынке Камчатки стали именно американские компании и купцы.

Осознавая важность этого ресурса, советское правительство пыталось поставить под контроль его оборот, а также оборот продуктов первой необходимости во избежание спекуляций¹⁵. Доход от продаж пушнины на аукционах шел в бюджет исполнительного комитета, на купленную пушнину выдавались удостоверения, в которых подтверждалась покупка с аукциона и факт внесения гербового сбора¹⁶. Кроме того, при совершении сделок отмечалось недобросовестное поведение купцов, продажа населению товаров, которые ему не нужны, в обмен на пушнину: «их нашествия носят ... временный, случайный, хищнический характер... избушка у камчатского жителя на курьих ножках, живет он в грязи и мраке... а вместе с тем у него найдется и граммофон с огромной трубой, два никелированных самовара...»¹⁷. К концу 1920-х гг. на Камчатке была запрещена скупка пушнины и другого сырья частными торговцами, таким образом, торговля пушниной стала в основном государственной и кооперативной монополией¹⁸. Центром торговли пушниной становится Петропавловск, именно туда стекалась вся скупленная и заготовленная в регионе пушнина.

Как противовес и переходный элемент от частной торговли к государственной были созданы специальные организации – кооперативы, при этом торговая кооперация подчинялась государственным установлениям. С 1926 г. (согласно постановлению Пленума Комитета содействия развития Севера) на местах началось формирование низовых интегральных союзов (сокращенно интегралсоюзы), которые отвечали за скупку (заготовку) ресурсов, в частности пушнины. Таким образом, контингент заготовителей (тех, кто имел право скупать у населения пушнину) состоял из представителей интегралсоюзов и центрального государственного заготовителя (на Камчатке им являлся Дальгосторг), частная инициатива была вытеснена¹⁹. В специальных местах скупки (заготовки) пушнины – факториях, население могло обменять пушнину на товары первой необходимости.

Однако на начальном этапе функционирования Дальгосторг (далее ДГТ) не всегда мог найти контакт с местным населением, так как при скупке пушнины фактории ДГТ устанавливали сложную систему сортировки и приемки пушнины, что приводило к недовольству населения²⁰. Еще одним минусом функционирования факторий ДГТ на начальном этапе было следование принципу коммерческой целесообразности, а не реальной потребности населения, прежде всего, учитывалась покупательная способность населения²¹. Также следует отметить, что закупочные цены у государственных организаций были значительно ниже, чем у американских купцов (для сравнения одна шкура лохтака у американских купцов оценивалась в 30 руб., в факториях ДГТ – 25руб., одна шкура нерпы - 1 руб. 80 коп. и 90 коп., ус китовый - 1 руб. 50 коп. и 40 коп., моржовый клык цветной - 2 руб. и 50 коп. соответственно)²². Кроме того, зачастую ассортимент товаров первой необходимости в факториях ДГТ был значительно беднее, чем у частных торговцев²³. Поэтому особой популярностью во второй половине 20-х гг. XX в. пользовалась так называемая развозная торговля (сокращенно развозторг), которой занимались как мелкие купцы-лавочники, так и представители торговых компаний. Их деятельность и современниками, и историками оценивалась двояко, но преобладали отрицательные оценки²⁴. Для сокращения частной инициативы государство ввело жесткие ограничения на проведение развозторга: заниматься им было разрешено лишь представителям факторий ДГТ или кооперативов, для проведения торговых операций необходимо было получить специальные разрешительные документы в исполнительных комитетах, скупка пушнины проводилась по твердым ценам, установленным государственными органами (даже для представителей интегралсоюзов)²⁵. Еще одним методом борьбы с кушцами-единоличниками и торговыми агентами было аннулирование для туземного населения Камчатки (а оно составляло большинство населения региона) всех долгов частным торговцам ввиду их кабального характера²⁶.

Таким образом, к концу 1920-х гг. купечество было вытеснено из последней ниши камчатского рынка. Однако свертывание легальной торговли и сокращение законных возможностей проведения торговых операций привело в конце 1920-х гг. к росту контрабандной торговли, с которой пришлось жестко бороться представителям местной милиции. Еще одной причиной популярности контрабандных товаров среди населения Петропавловска и региона служило то, что обитатели не могли обойтись «без предметов первой необходимости американского и японского производства, например, предметы охоты и рыбной ловли»²⁷. Одними из самых популярных товаров в Петропавловске в 1920-х гг. были американское бобовое масло (самое дешевое масло для приготовления пищи), японские резиновые сапоги, американский наливной керосин, винчестеры и патроны к ним и др.²⁸. Все эти товары требовались в быту и рядовому обитателю Петропавловска, занимавшемуся рыболовством и охотой для выживания, и туземному населению полуострова, поэтому пользовались высоким спросом, несмотря на то, что они зачастую являлись предметами контрабанды. В обмен на товары первой необходимости

купцы вывозили пушнину. Контрабандой занимались как частные лица, так и представители крупных торговых компаний. Одной из самых доходных статей контрабанды также был спирт американского и японского производства. Он активно ввозился как в удаленные от таможенных постов районы Камчатки, так и в Петропавловск: в течение одного года в черте действия таможни (район Петропавловска) было проведено 23 задержания на сумму 1747 руб. 25 коп., а вне зоны действия таможни – 31 задержание на сумму 3706 руб. 71 коп.²⁹.

Лишь пересмотр советским правительством принципов снабжения региона, жесткая регламентация цен и торговых сделок, активная борьба с контрабандой и раскулачивание многих крупных купеческих семей позволили к середине 1930-х гг. утвердить государственную монополию на торговлю и вытеснить частных предпринимателей из всех сфер экономики в Петропавловске и на Камчатке в целом.

К концу 1920-х гг. советское правительство сформировало систему снабжения городского и сельского населения товарами первой необходимости, торговля стала прерогативой государства, были созданы специальные торговые организации, агенты и фактории которых находились практически в каждой точке полуострова, одной из них являлся Дальгосторг. Иностранцы торговые компании и купечество оказались вытесненными с рынка; предпринимательская деятельность была запрещена. Купцы и торговые компании снабжали Петропавловск и удаленные районы Камчатки необходимым продовольствием и промышленными товарами, регулярно платили подати и сборы в местный бюджет в один из самых сложных периодов истории Камчатки и дальневосточного региона в целом. Как и у любого явления у частной торговли можно отметить положительные и отрицательные стороны. При этом, роль купечества и торговых компаний в жизни Петропавловска и Камчатки нельзя недооценивать.

Сноски и примечания

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-373. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

² РГИА ДВ. Ф. Р-3134. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.

³ Там же. Д. 4. Л. 3-3 об.

⁴ Там же. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 3. Л. 55-56.

⁵ Там же. Ф. Р-1382. Оп. 1. Д. 19. Л. 148.

⁶ Там же. Л. 195.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Там же. Д. 105. Л. 20.

⁹ Там же. Д. 34. Л. 10.

¹⁰ Там же. Л. 19.

¹¹ Там же. Ф. Р-1408. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1-1 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ф. Р-737. Оп. 1. Д. 11. Л. 105.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1382. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.

-
- ¹⁶ Там же. Л. 7.
¹⁷ Там же. Ф. Р-1408. Оп. 1. Д. 3. Л. 1об.
¹⁸ Там же. Ф. Р-3138. Оп. 1. Д. 71. Л. 34.
¹⁹ Там же. Д. 98. Л. 7.
²⁰ Там же. Д. 102. Л. 9.
²¹ Там же. Д. 103. Л. 80, 81.
²² Там же. Л. 50.
²³ Там же. Ф. Р-3134. Оп. 1. Д. 4. Л. 3-3об.
²⁴ Там же. Ф. Р-3138. Оп. 1. Д. 102. Л. 9.
²⁵ Там же. Д. 98. Л. 35.
²⁶ Там же. Д. 103. Л. 59.
²⁷ Там же. Л. 80, 81.
²⁸ Там же. Ф. Р-3134. Оп. 1. Д. 4. Л. 3, 3об.
²⁹ Там же. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 570. Л. 79.

ИСТОРИЯ БЛАГОВЕЩЕНСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ВОСПОМИНАНИЯХ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННОКОВ

А.И. КОВАЛЕНКО

Амурская государственная медицинская академия, Благовещенск

Благовещенск, являясь первым крупным городом в период присоединения и освоения Россией громадной территории на восточных окраинах азиатского континента, сыграл историческую роль центра колониционных процессов.

Вторая половина XIX в. для Благовещенска была временем бурного развития. Формировался этнический, социальный и конфессиональный состав жителей, складывались основные направления хозяйственной деятельности, оформлялись общественно-политические и социокультурные отношения. Новый город на Амуре привлекал внимание путешественников, широких кругов российской общественности, публицистов, ученых. История Благовещенска нашла отражение в работах приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, городского головы А.В. Кириллова, священнослужителей архиепископа Иннокентия, епископа Забайкальского и Нерчинского Георгия, первого благовещенского священника Александра Сизого, представителей казачества Р.К. Богданова, Р.С. Иванова, экономиста и статистика А.А. Кауфмана, исследователей Приамурья М.И. Венюкова, И.П. Барсукова, С.В. Максимова, В.П. Врадия, литераторов и журналистов Д.И. Стахеева, А.В. Кирхнера, Г.В. Барановича и др.¹. Их труды позволяют всесторонне воссоздать многогранную полугодовую жизнь Благовещенска с момента первых муравьевских сплавов, основания Усть-Зейского поста до превращения его в «значительную величину, ни в чем не уступающую многим городам, которые считают свое существование уже сотнями лет»².

Во время муравьевских сплавов по Амuru в 1856 году были определены места для возведения опорных пунктов на пограничной реке, где можно было разместить солдат, казаков и продовольствие. Это Кутомандский, Кумарский, Усть-Зейский, Хинганский и Сунгарийский посты. С учетом геополитической ситуации и географии региона стратегическое значение придавалось Усть-Зейскому посту. Свяtitель Иннокентий (Вениаминов) отмечал объективную необходимость присоединения Приамурья к России. Владение левобережьем Амyра соединит Сибирь с Тихим океаном, даст мощный импульс в развитии Забайкалья, обеспечит население новыми плодородными землями, а значит продовольствием. Он понимал важность оформления и укрепления границы с Китаем. Для руководства практическим решением задач по освоению края нужен был административный центр. Иннокентий писал: «Пред устьем Зеи, ... прежде всего должен быть город и не менее как губернский, который сверх значения своего вблизи Айгуна и заведывания местами вниз по Амuru может командовать верховьями Амyра и Зеи...способными к заселению и хлебопашеству»³. Именно устье Зеи при впадении в Амuru должно было

заселяться раньше других. Иннокентию принадлежит и инициатива назвать город Благовещенском.

Первые воспоминания о закладке Усть-Зейского поста принадлежат сподвижникам генерал-губернатора Н.Н. Муравьева. Достоверную картину строительства силами солдат линейного батальона и казаков представил писарь Роман Кирикович Богданов, постоянно находившийся при Н.Н. Муравьеве и ставший свидетелем многих важных событий. «По приходе в Усть-Зейский пост заметно было много построенных домов линейного батальона, - пишет Р.К. Богданов, - местность эту некоторые уже называли городом. Была построена часовня, основателем которой был священник Александр Сизых ... впоследствии из этой часовни, под личным его присмотром, выстроена деревянная церковь во имя Святителя Чудотворца Николая. ... В Усть-Зейской казачьей станице было выстроено до 40 домов, которые строились из частокола, обмазывались с обеих сторон глиной, по примеру китайских домов; каждый дом назначался на два семейства, но так как казаков было больше, то пришлось помещать 3-4 семьи»⁴.

Спустя пять лет известный этнограф и писатель, участник экспедиции на Амур С.В. Максимов составил реальную характеристику молодого города. «Можно надеяться на его будущее, но нельзя похвалить настоящее. Благовещенск пока только казарма, наскоро построенная, холодная, со сквозным ветром, с капелью с потолков и крыш. Ладил ее линейный солдатик, у которого в первой раз в жизни очутился в руках топор ненадежной работы казенного Петровского завода. ... Дома, стянутые заборами, кое-где и изредка обставленные кое-какими службами, придают новому месту вид чего-то унылого и тоскливого»⁵.

Приехавший в Благовещенск по торговым делам своего отца Д.И. Стахеев, позже увлекшийся журналистикой, по существу не увидел в конце 1860-х годов в облике Благовещенска ничего нового. «Описывать Благовещенск я считаю совершенно лишним, потому что с того времени, как писал о нем г. Максимов, город почти нисколько не изменился – прибыло два дома на берегу, да уничтожилось несколько землянок, замененных лачугами, построенными на второй улице»⁶. Говоря об образе жизни благовещенцев, Д.И. Стахеев отмечает, что первые попытки заняться делом (огородничеством, разведением скота) были обречены на провал. Поселенцы уезжали на заготовку строевого леса и дров, обслуживали баржи, торговали. «Об общественной жизни в городе нет и помину», - пишет Стахеев. Прощетала пьянка и картежная игра.

Тем не менее, уже в начале 1860-х годов в Благовещенске возникла необходимость в создании системы общественного управления делами. Была создана специальная Комиссия, в состав которой вошли достаточно известные в городе лица: коллежский асессор Д.И. Иванов, титулярный советник М.С. Дмитриев, бухгалтер, почетный гражданин города Н.Я. Стоюнин, купеческий сын Д.И. Замошников, мещанин М.А. Ярков. Во второй половине 1862–начале 1863 гг. Комиссия собрала обширные статистические сведения о городе, составила на их основании описание и

подготовила итоговый документ – «Проект правил об образовании в Благовещенске городского общественного управления». Согласно «Проекту...», общественное управление делами отныне возлагалось на «Общую Думу», которая делилась на совещательную и исполнительную.

«Проект правил...» дает объективное представление о состоянии городского хозяйства. В состав городского Общества по праву собственности и по праву состояния входило 551 человек. Всего же согласно метрическим книгам градо-благовещенской Никольской церкви в 1862 году население Благовещенска составляло 2050 человек, из них около 1000 приходилось на офицеров и солдат гарнизона. Казачье население (около 800 душ) не включалось в городской учет и продолжало жить вблизи устья Зеи. В Благовещенске по сравнению с Николаевском, Мариинском, Софийском отмечался значительный прирост свободного населения. В городе насчитывалось 148 домов и 69 землянок. Дворы начали обустраиваться колодцами, амбарами, погребями, банями. Одним из главных занятий была торговля. Ею занимались купцы, мещане, крестьяне, отставные солдаты и поселенцы. Торговали как отечественными, так и привозимыми через Николаевск иностранными товарами (ткани, бумага, посуда, металлические орудия труда, водка, сигары и др.). Из Забайкалья завозили продукты питания, веревки, канаты, кожи. Популярной была меновая и денежная торговля с китайцами. Устраивались ярмарки. Промышленных и ремесленных предприятий в городе не было. Отдельные жители занимались ремеслами: плотничным, столярным, шорным, сапожным, булочным, портняжным, кирпичным, бочарным и др. Ощущалась потребность в работе органов городского управления в вопросе сбора налогов с лавок, трактиров, судов и т.д.⁷

Благодаря выгодному положению на двух судоходных реках, соседству с населенной частью Маньчжурии Благовещенск начал быстро развиваться. Каждое последующее десятилетие удваивалась, а то и утраивалась, численность городского населения: в 1869 г. в городе проживало 3344 чел., в 1878 г. – 6080, в 1889 г. – 20242 чел. Город по-прежнему оставался торгово-административным центром. Развивалась золотопромышленность, появились первые промышленные предприятия: чугунно-литейный и кожевенный заводы, 4 паровых мельницы, предприятия по производству алкогольной продукции. Открылись образовательные учреждения: классическая и женская гимназия, два народных училища, духовные семинария и училище. Из благотворительных заведений функционировали военный лазарет, лечебница для бедных и богадельня⁸.

Временем интенсивного развития для Благовещенска стал рубеж XIX-XX вв. Кроме наличия речного пути, связывающего город с морем, деловые круги жили ожиданием строящейся железной дороги, что многократно расширяло возможности для торговли и предпринимательства. На прилегающей к городу территории сложились внутренние условия для экономического подъема. В Благовещенске размещались конторы

золотопромышленников, деньги которых способствовали товарному развитию прилегающих к городу сельских хозяйств.

Поэтому побывавший в городе в 1901 г. известный русский экономист и статистик А.А. Кауфман имел все основания сказать: «Благовещенск – город, растущий почти с американской быстротой». От имени знакомого крупного американского коммерсанта он утверждал «Благовещенск – это не то, что Хабаровск или Владивосток; те живы только пока казна дает деньги, а Благовещенск – единственный город на Амуре, который сам себя содержит, который играет самостоятельную экономическую роль»⁹.

Прибалтийский дворянин Р. Кейзерлинг, приехавший в Благовещенск по поручению Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа для инспекции города перед визитом наследника престола, писал: «Благовещенск, бесспорно, самый богатый город Восточной Сибири.... Соответственно своему богатству – это наиболее устроенный город всей страны от Байкальского озера до Тихого океана. ... Город ни в каком отношении не уступает городам такой же величины Европейской России»¹⁰.

Исследователь Дальнего Востока Г.Е. Грум-Гржимайло описывает: «Город распланирован правильно; улицы широки, прямые и перекрещиваются под прямыми углами. Вдоль реки тянутся параллельно четыре улицы, рассеченные на правильные кварталы 17-ю поперечными. Разбитый вдоль набережной бульвар и значительное число частных садов придают городу красивый вид»¹¹.

Многие из современников подчеркивали, что по внешнему виду Благовещенск – город больших контрастов. В частности, писатель и путешественник Г.Т. Муров оставил интересное описание окраин и центра города: «Не разочаруешься, если пересекаешь береговую улицу и очутишься на рынке. ... Большая часть его – двухэтажная... Вот роскошный дворец, с куполами, на манер московских торговых рядов. Здесь магазины Чурина и компании «Кунст и Альберс». У большинства магазинов большие зеркальные стекла, сквозь которые видны товары, развешенные и расставленные в окнах. ...Обогнув квартал амурских крезов, очутишься в совершенно другом мире. Предо мною улица широкая и длинная, окаймленная двумя рядами весьма невзрачных домиков. Они старые, одноэтажные, словно погруженные в землю до небольших окон со ставнями...Эти избушки резкий контраст с домами, которыми я только что любовался. Некоторые из этих избушек покосились, другие с крышами покрытыми мхом, третьи вместо стекла имеют в окнах березовую кору, с маленькими осколками стекла.... Во всю улицу в ширину и длину – озеро. Около берегов его наслаждаются несколько пар свиней, испуская зловония»¹².

Динамику развития любой территории определяют, прежде всего, темпы роста населения. По переписи 1897 г. в Благовещенске числилось 32 тыс. жителей. К началу XX в. их число составило около 45 тыс., а в 1910 г. превысило 64 тыс.¹³. Учитывая преобладающую роль золотодобычи и торговли, Благовещенск по-прежнему для многих оставался городом золотопромышленников и купцов. «Здесь, - писал В.П. Врадий, - очень

распространен тип, так называемых, «приискателей золота» ... у них свой жаргон... и даже они носят особый костюм»¹⁴. Имена многих из них (золотодобытчики Н.В. Ельцов, В.А. Левашев, С.С. Шадрин, купцы И.Я. Чурин, братья Косицины, иностранные компании «Кунст и Альберс», Эмери) были известны далеко за пределами Дальнего Востока. Ассортимент товаров был обширен – от русских тулупов до дамских туалетов из Берлина и Парижа. На складах магазинов «Кунста и Альберса» можно было найти любой стальной прокат, немецкое прутковое железо, листовое железо российских и бельгийских заводов, американский толь, винчестеры и зауеры и др.¹⁵

Город начал создавать многоотраслевую экономику и хозяйство. Заработали металлообрабатывающий завод И.П. Чепурина, механико-машиностроительный завод С.С. Шадрина, мукомольные предприятия В.А. Алексеева с сыновьями, судоходные компании П.В. Мордина и др. Развитие ремесленно-торгового капитала породило множество рабочих профессий: токарей, плотников, столяров каменщиков, печников, кузнецов, каретников, шорников, сапожников, а так же хлебников, колбасников, булочников, портных и др.¹⁶

К 1910 г. в Благовещенске насчитывалось 49 учебных заведений разного уровня, в которых обучалось 3531 учащихся мужского пола и 2723 женского, 4 больницы, 3 амбулатории и несколько приемных покоев¹⁷. Работали городская библиотека и библиотека общества приказчиков, бесплатная читальня, выходили три газеты: «Епархиальные камчатские ведомости», «Амурская газета» и «Амурский край»¹⁸. Всего в Благовещенске с 1861 по 1917 гг. в разное время издавалось 79 наименований периодических изданий. Украшением города стал драматический театр.

В религиозном отношении большинство населения Благовещенска исповедовало православие, но по соседству с православными проживали представители других вероисповеданий. В.П. Вradiй приводит следующие данные о конфессиональном составе Амурской области (в Благовещенске проживали представители тех же вероисповеданий): «86801 человек – православных, 17724 – раскольников разных сект, 245 - католиков, 88 – протестантов, 195 – евреев, 1344 – магометан, 6724 – язычников, 1170 – неизвестного происхождения»¹⁹.

Из сектантов наиболее представительными были молокане, семьи которых отличались крепостью брачных уз, трудолюбием и материальным благополучием. К молоканам принадлежала знаменитая фамилия амурских предпринимателей Косициных.

С усилением экономического могущества предпринимателей развивается благотворительная деятельность. Епископ Забайкальский и Нерчинский Георгий писал: «Вследствие изобилия в деньгах жизнь стала размахистее, веселее: купцы кутят напраполюю. Но разумеется не в одних кутежах проявляется их деятельность; по временам они стремятся и на добрые дела. Так, Н.А. Ельцов решил построить каменный собор за свой счет, строится каменная кладбищенская церковь и вчерне почти готова;

Ельцов же субсидирует епархиальные ведомости, Першин устраивает хор певчих, выписав из Москвы регента и певчих ... С. Тихвинский устроил на Беккендорфской заимке, при обильной помощи города, школу-церковь и с большим успехом подвигается на педагогическом поприще»²⁰.

Таким образом, воспоминания современников позволяют воссоздать облик Благовещенска и образ жизни его жителей. История Благовещенска второй половины XIX – начала XX вв. представляется не просто историей провинциального города. Это описание целой эпохи укрепления позиций России на дальневосточных рубежах.

Автор настоящей статьи искренне благодарен издательскому коллективу книги «История Благовещенска. 1856-1917», вышедшей в серии «Благовещенск. Из века в век», особенно, Н.А. Шиндялову, А.В. Телюку, В.Н. Абеленцеву за то, что они собрали все воспоминания людей, бывших современниками героического времени, связанного с основанием города на Амуре, и бережно донесли их до потомков.

Сноски и примечания

¹ Все сноски в статье даются по книге: История Благовещенска. 1856-1917. В 2-х томах. Благовещенск, 2009. Т. 2. 496 с.

² Доклад Благовещенского Городского Головы А.В. Кириллова «О необходимости и важности соединения Благовещенска рельсовым путем со Сретенском» //Амурская правда. Благовещенск. 1902. № 33 (11 августа) // История Благовещенска. 1856-1917. В 2-х томах. Благовещенск, 2009. Т. 2. С. 225.

³ Святитель Иннокентий (Вениаминов). Представления и записки об Амуре. Нечто об Амуре. // Избранные труды Святителя Иннокентия, Митрополита Московского, Апостола Сибири и Америки. М., 1997. // Там же. С. 14.

⁴ Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880. Хабаровск, 1900 г. // Там же. С. 28

⁵ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860-1861 годах). Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. // Там же. С. 48.

⁶ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1869. // Там же. С. 53.

⁷ Проект Правил об образовании в Благовещенске Городского общественного Управления. Благовещенск, 1863. // Там же. С. 79-83.

⁸ Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск, 1894. // Там же. С. 113-116.

⁹ Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые записки). 1901-1903. СПб., 1905. // Там же. С. 220-221.

¹⁰ Сибирь. Из путевых записок графа Р. Кейзерлинга. М. 1900. // Там же. С. 159.

¹¹ Описание Амурской области (с картой). Составлено Г.Е. Грум-Гржимайло. СПб., 1894. // Там же. С. 127.

¹² Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Их жизнь и нравы. Дневник странника. Т.1. М., 1910. // Там же. С. 267-268.

¹³ Унтербергер П.Ф. Приамурский край.1906-19010 гг. // Записки Русского географического общества. Т. 13. СПб., 1912. // Там же. С. 303.

¹⁴ Врядий В.П. Географический, этнографический и экономический очерк Амурской области. СПб., 1908. // Там же. С. 182

¹⁵ Лотар Деег. Кунст и Альберс. Владивосток. История немецкого торгового дома на Российском Дальнем Востоке (1864-1924). Владивосток, 2002. // Там же. С. 157.

¹⁶ История Благовещенска. 1856-1917 (в 2-х томах). Т. 2. С. 414-433, 447-448.

¹⁷ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906-19010 гг. // Записки Русского географического общества. Т. 13. СПб., 1912. // Там же. С. 302-303.

¹⁸ Осада Благовещенска и взятие Айгуна. Сост. А.В. Кирхнер. Благовещенск. 1900. // Там же. С. 185.

¹⁹ Врадий В.П. Географический, этнографический и экономический очерк Амурской области. СПб., 1908. // Там же. С. 180.

²⁰ Письмо епископа Забайкальского и Нерчинского Георгия епископу Самарскому и Ставропольскому Гурию // Там же. С. 142.

МАЛЫЕ ГОРОДА В ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (1985-2013 ГГ.)*

А.П. КОНЯХИНА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Статья представляет собой некоторые предварительные результаты по итогам экспедиции сотрудников отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН в Приморском крае и Сахалинской области в июле 2013 г. по теме «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985-2012 гг.: противоречия и взаимосвязь». Работа включала в себя сбор архивных материалов, анкетирование (собрано порядка 700 анкет), проведение глубинных интервью с представителями органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций, предпринимателями, фермерами, работниками бюджетной сферы (около 80) и непосредственное наблюдение. Такое разнообразие методов позволяет, кажется, «схватить» реальность в ее самодостаточности, описать через ее саморепрезентацию, избежав уютного абстрактного теоретизирования и попыток встраивания в задаваемые извне идеальные схемы.

Среди интересовавших нас вопросов были, в том числе, отношение населения к процессам модернизации и развития территории (с учетом исторического опыта), оценка качества собственного участия в них, выбор стратегии поведения в изменяющихся условиях. Именно на локальном уровне, в небольших поселках и малых городах, через настроения и повседневные практики можно зафиксировать точки пересечения интересов общества и государства, обозначить на этой основе источники, социальные ресурсы для развития региона и страны в целом.

Примером такого «случая», «case-study», может быть Углегорский район Сахалинской области, представленный в нашем исследовании городами Шахтерск и Углегорск. Тем же условиям, впрочем, отвечают и города Арсеньев и Дальнегорск, п.г.т. Кавалерово – районные центры севера Приморского края. Численность их – от 8 тыс. жителей в Шахтерске до 55 тыс. в Арсеньеве. Сейчас это – монопрофильные населенные пункты, их история во многом определялась деятельностью градообразующих предприятий угольной, химической, металлургической, авиационной промышленности. Обеспечение ими занятости населения, поддержание необходимой социальной инфраструктуры в советский период работало на развитие этих городов. Все они относятся к районам, приравненным к районам Крайнего Севера.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985-2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199).

Переход к рыночной экономике в 1990-е гг. поставил под угрозу их существование. Смена форм собственности, сужение рынков сбыта, неконкурентоспособность, сокращение госзаказа стали причинами сворачивания присутствия предприятий в экономическом пространстве городов. Для большинства наших респондентов, конечно, именно этот период оказался самым сложным. Когда государство слабо и полуразрушено и отказывается выполнять социальные обязательства, надеяться и полагаться остается на собственные усилия. Материалы опроса, проведенного на Сахалине в 1992 г., показали, что лишь 4% опрошенных при ухудшении материального положения или потере работы рассчитывали на помощь государства, 2% - на помощь своего предприятия, а 76% - только на себя, 17% - на помощь близких¹. Перестройка в сознании людей и последующие события воспринимались как период всеобщего «развала», «разбазаривания» и «растаскивания». Свое место каждый находил, как мог. Из тех, «кому ничего не досталось», как образно выразился фермер из Углегорского района, «половина разбежалась на карьеры, половина плюнула, пошла держаться за хвосты своих коров, остальные спились, поумирали...»².

Характерными тактиками выживания в кризисный период 1990-2000-х гг. в условиях долгосрочных задержек заработной платы на официальном месте работы, плановых сокращений, в том числе и в связи с закрытием предприятий, являлись как традиционные способы поддержания существования (материальная взаимопомощь в кругу родственников и знакомых, кредитование по договоренности в магазинах), вторичная занятость, работа в подсобных (терявших уже отчасти этот смысл) хозяйствах, на огородах, дачах, так и новые, связанные с поиском альтернатив в неформальной, непрофильной или теневой сферах. Для одних это был вынужденный отказ от работы по специальности, когда, например, квалифицированный работник завода нанимался на рыбодобывающее судно, «уходил в моря», «в тайгу», становился «челноком». Для других – адаптация, связанная с использованием ресурсов своего локального сообщества, в границах своего города и района. Один из наших собеседников в Кавалерово лучшим временем для его жителей после ликвидации Хрустальненского ГОКа назвал то, когда «люди стали работать на себя»³. Занимаясь самообеспечением, возвращая свой бизнес, они не просили и не ожидали ничего от государства, но были против «заглядывания к себе в карман». «Я не хочу думать о государстве, извините меня, когда им туда уходят деньги. Я хочу думать о своем районе...»⁴.

При стабилизации положения на предприятиях в конце «нулевых» многие, чьи знания были востребованы, вернулись. Но работающие по госконтрактам, на экспорт Арсеньевское авиационное предприятие «Прогресс» или «Углегорскуголь», куда местные жители стремятся устроиться на работу, – скорее, счастливое исключение из правила. Сейчас явные проблемы наблюдаются с выполнением комплексного инвестиционного плана (КИП), разработанного для оживления предприятий

того же Дальнегорска (ОАО «Дальполиметалл» и ГХК «Бор»), трудности испытывают и другие градообразующие предприятия горнорудной отрасли Приморья⁵. Едва ли ни основным препятствием для развития населенных пунктов представители муниципалитетов и бизнеса называли отсутствие ресурсов для привлечения и удержания населения, прежде всего молодежи. Социальная инфраструктура, занятость, жилье: «нам нечего им предложить».

Одной из стратегий поведения, получившей в настоящее время широкое распространение на Дальнем Востоке, является работа «вахтовым методом». Понятие «отходничество», впрочем, не зафиксированное в языке жителей региона, как, собственно, и в официальных документах и статистике, вернулось вместе с самим явлением, прежде всего, в научный дискурс. По мнению Ю.М. Плюснина, особенность этой формы трудовой миграции состоит во временном, промышленном и, главное, инициативном и самодеятельном характере. Причины же нынешней масштабной реновации видятся в «квартирной крепости», невозможности сменить место жительства, отсутствии рынка труда в малых городах⁶. Наши полевые исследования подтверждают эти выводы. Значительная часть мужчин отправляется как на «севера» в пределах Дальнего Востока - нефтегазовые проекты, строительство (в недавнем прошлом объектов саммита АТЭС во Владивостоке), лесозаготовки, золотодобыча, так и дальше, на запад страны. Профессиональная самореализация вдали от дома позволяет многим поддерживать свое материальное положение на приемлемом уровне, реализовывать планы на будущее для своих детей. Негативными же последствиями такого исхода стали нарушение баланса численности мужского и женского населения в социальной структуре городов-реципиентов и, как особо подчеркивали наши респонденты, рост количества разводов в семьях вахтовиков.

Основу постоянного населения в исследуемых нами городах составляют работники бюджетной сферы, пенсионеры, которые находятся хоть и в менее рискованном, но более зависимом от изменений социальной политики государства, положении. Именно среди сотрудников провинциальных библиотек, музеев и т.д. мы чаще всего встречались с нежеланием, опасением, даже на условиях полной анонимности, давать личную оценку деятельности органов власти разного уровня (от федерального до муниципального) по актуальным вопросам жизнеобеспечения и развития региона. Разговорившись, люди спохватывались: «Нас выпнут, мы и полетим». При этом удивлялись: «а чего пенсионерам бояться?..»⁷. В этой социальной группе наиболее распространены пессимистические представления – в частности, в Сахалинской области – о том, что жители находятся здесь на положении «заложников», не имея возможности ни покинуть в прошлом привлекательные для жизни места, ни влиять на реализацию здесь своих потребностей и устремлений. Некомфортность среды обитания – то, что отмечали наши респонденты в малых городах и поселках.

Особенностью российского массового сознания, зафиксированной опросами 1989 г. и конца 2000-х гг., является то, что гарантированность выплаты зарплаты имеет для большинства приоритет перед ее величиной⁸. Проблемой для многих жителей малых городов и поселков обернулось повсеместное использование потребительских банковских кредитов, приводящее их, по сути, к системе «закрепощенного труда»⁹. Связанные финансовыми обязательствами они не могут оставить низкооплачиваемую (даже по здешним меркам), но приносящую официальный доход работу на тяжелых производствах – «рабский труд»¹⁰ (будь то завод по выпуску рыбных консервов в пос. Кировский или разрез в Углегорском районе).

Постоянной тенденцией в дальневосточном регионе является миграционный отток как проявление одной из основных стратегий поведения. С развалом СССР сахалинцы поспешили покинуть выходы из бывших республик, в том числе из-за угрозы потери забронированных квартир и связей с оставшимися там родными. В первой волне – наибольший отток пришелся на середину 1990-х гг. – уезжали в основном люди трудоспособного возраста, квалифицированные специалисты¹¹. В настоящее время наблюдается движение населения из небольших населенных пунктов в города – центры краев и областей (Южно-Сахалинск, Владивосток, Хабаровск) и за пределы региона. Это уже и молодежь, абитуриенты, чьи родители поддерживают их в этом решении. Часть наших респондентов-пенсионеров прямо заявляла о том, что «было бы куда выехать, я бы выехал»¹². С 1997 г. за счет средств федерального бюджета начались социальные выплаты работникам ликвидируемых предприятий угольной промышленности на приобретение жилья на новом месте работы¹³. На 5 членов семьи эта сумма на 2010 г. могла составить порядка полутора миллионов рублей. В Шахтерске частой была ситуация, когда люди, получив компенсацию, переезжали в более благоустроенные квартиры здесь же или покупали автомобиль, старались обеспечить жильем своих детей в пределах области. На большее рассчитывать не приходилось. Озвучивались сюжеты и из историй «возвращенцев», чаще людей старшего поколения, не нашедших себя на новом месте из-за потери прежнего социального статуса, трудностей акклиматизации, разрыва с психологически близким сообществом «островитян».

Здесь мне хотелось бы сослаться на Л.Е. Бляхера, который объясняет набирающую обороты постоянную миграционную готовность через выявление мифологем, определяющих как самоидентификацию жителей региона, так и направленность нынешнего диалога с властью. Среди наиболее устойчивых – представление о «богатом регионе», блага которого до жителей не доходят. Это «обида на Москву», которая бросает Дальний Восток (форпост России) на произвол судьбы, лишь грабит ресурсы¹⁴. Этот мотив характерен и для позднесоветского времени, когда в представлениях дальневосточников первые лица, номенклатура были соучастниками политики центра в колониальном использовании природных и людских

ресурсов и только обрабатывали предоставленные центром привилегии¹⁵, отдавая территории на откуп министерствам и ведомствам.

Согласие существует и в отношении другой мифологемы. Общим местом в интервью звучало представление о том, что для качественных изменений необходима «воля государства». Именно оно для разных групп населения выступает субъектом политики, от него зависит решение наличных проблем. По данным нашего опроса (июль 2013 г.) в Углегорском районе (работники бюджетной сферы старше 35 лет) 70% ответивших считают, что в настоящее время их город «живет хуже, чем в 1985 г.», и подавляющее большинство из них (78%) видит перспективу в случае, если «изменится государственная политика и появится программа его развития». В Арсеньеве лишь 7% жителей того же возраста связывает будущее города с деятельностью его жителей¹⁶ (против 73% тех, кто полагается на власти). Программа развития Сахалинской области на период до 2018 г. предусматривает, прежде всего, реализацию в районе инвестиционных проектов, связанных с развитием угледобывающих предприятий. В какой мере это скажется на улучшении ситуации для жителей района, вынужденных не один десяток лет находиться в среде, экологически крайне неблагоприятной (перевозка угля открытыми грузовиками по дорогам общего пользования, второе место в области по онкологическим заболеваниям), пока неизвестно.

Отсутствие ясности в понимании политики федеральной власти по отношению к отдаленной (во всех смыслах) территории и ее жителям, ее практических, административных шагов ведет к постепенной утрате доверия к ее институтам, к снижению, в отсутствие социальной опоры, эффективности управления. От наличия пространства для переговоров с государством, как отмечает Л.Е. Бляхер, зависит успешность существования локального сообщества. Но долгосрочное согласование интересов зачастую затруднено тем, что интересы государства не артикулированы¹⁷.

Такое экономически активное население как «вахтовики», самозанятые не рассчитывают на поддержку со стороны государства и не является по существу адресатом его специальной заботы (программы поддержки и т.д.). Эта мобильная часть общества, «избегающая формальных с ним отношений, практически не потребляет распределяемые им блага и не участвует в политике»¹⁸. Желание некоторых представителей мелкого бизнеса выйти из-под наблюдения государства и его «карающих» органов (налоговые службы, полиция и т.п.), сделаться «невидимыми» обусловлено стремлением снизить издержки подобного рода контактов для своего предприятия.

Согласно опросам, проведенным на районном уровне в Хабаровском крае, абсолютное большинство предпринимателей считает государственную поддержку малоэффективной из-за слабой информированности чиновников о реальных потребностях и непонимании местной специфики¹⁹. Типичный пример приводит директор хлебозавода в Шахтерске, когда для получения субсидии на модернизацию производства по областной программе требуется

расчет экономического эффекта на период до 2018 года. «Как, - спрашивает он, - я могу вам гарантировать экономический эффект, если у нас идет ежегодный не только в районе, в области, в России спад потребления хлебобулочных изделий?»... «мало того, что население уезжает, идет его естественная убыль, район умирает»²⁰. «Нужна вообще стратегия, что мы хотим иметь от этого Дальнего Востока, а уже потом... по ступенькам...»²¹.

Если опросы в доперестроечный период показывали высокий процент взаимного доверия в связке государство-семья-окружающие, то современные данные обратны – 69,8% пожилых людей видят свою нужность прежде всего в своей семье, 11,7% - друзьям, а нужность своему государству не видит практически никто²². Продолжается замыкание людей на ограниченный круг родных, сжатие жизненного пространства. Если в советское время понятие Родина включало в себя всю страну, то сейчас для большинства наших респондентов оно сузилось до пределов своей семьи, собственного дома и места, куда человек отправляется порыбачить.

Редким примером гражданской активности и самоорганизации в интересах общего блага может служить ситуация, сложившаяся в ходе выборов главы администрации Углегорского района Сахалинской области в 2011 г. Здесь победу в борьбе с представителем крупнейшей на Сахалине угольной компании (известной своими задержками по выплатам и так невысокой для отрасли заработной платы), пользовавшимся поддержкой губернатора, одержал преподаватель Сахалинского государственного университета. Это, по сути, протестное голосование стало реакцией на предложенное «унизительное», с точки зрения наших собеседников, положение безмолвного народа, «электората». И если поражение в экономических правах не носит, в силу ряда причин, для населения столь болезненный характер, то конфликт, в центре которого – понимание справедливости, воспринимается подчас с особой остротой. Деятельность нового мэра, в частности его усилия по возврату в местный бюджет долгов угольщиков по налогам (с 2009 г.), не осталась незамеченной. Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления района (обязательные с 2008 г. замеры эффективности работы) за год со времени вступления в должность достигла уровня 38,7% (в сравнении с 16 и 14 %% - двумя годами ранее).

Попытка обозначить область совпадения интересов общества (весьма разрозненного по составу и устремлениям) и власти, как базы сохранения и успешного развития страны, приводит нас к необходимости увидеть реальное положение дел на территории (в частности, в малых и моногородах) через саморепрезентацию жителей, выявление их стратегий поведения, практических усилий в решении повседневных проблем. Цель такого прояснения позиций сторон – в преодолении взаимного непонимания, недоверия и отчуждения, как исходной задачи. Различные формы адаптации дальневосточников в период с начала радикальных реформ выступали реакцией на внешнее для локальной среды вторжение/уход государства, а

выбор инструментов для выживания определялся, прежде всего, структурой социальных возможностей, наличными ресурсами функционирующих институтов.

Сноски и примечания

- ¹ Корель Л.В., Шабанова М.А. Сахалин-92: жизнь на пороге рынка // ЭКО. 1993 № 1. С. 30.
- ² Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с У. Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- ³ Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с В. Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля.
- ⁴ Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с Ш. Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля.
- ⁵ Воронцова Н. Заложники медных гор // Золотой Рог. Владивосток. 2013. 17 сент. С. 12.
- ⁶ Плюснин Ю.М. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5. Режим доступа: www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69031687
- ⁷ Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с И. Сахалинская область, Углегорский район. 2013. 18 июля.
- ⁸ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление. М., 2001. С. 181.
- ⁹ Чуева Е.В. Экономические тактики повседневного выживания в условиях бедности // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 94.
- ¹⁰ Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с И.Л., Приморский край, п.г.т. Кировский. 2012. Июнь.
- ¹¹ Щеглов В.В. Население Сахалинской области в XX веке. Южно-Сахалинск, 2002. С. 108-109.
- ¹² Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с Х. Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 2 июля.
- ¹³ Постановление Правительства РФ «О государственном финансировании мероприятий по реструктуризации угольной промышленности № 1523 от 03.12.1997 г.
- ¹⁴ Цит. по: Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети желтороссии, или заполнение «пустого пространства» // Режим доступа: www.dv-reklama.ru/ftp/2011/blyaher_ocherki.pdf
- ¹⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 1025. Л. 88.
- ¹⁶ Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. 2013.
- ¹⁷ Бляхер Л.Е. Можно ли согласовать спонтанный порядок и полицейское государство? (Государство vs. локальное сообщество в малых городах Дальнего Востока России) // Полития. 2013. № 2. С.
- ¹⁸ Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В. Российская провинция и ее обитатели (опять наблюдения и попытка описания) // Мир России. 2011. Том XX. № 1. С. 12-13.
- ¹⁹ Малое и среднее предпринимательство в регионе: социологическое измерение. Хабаровск: ДВАГС, 2011. С. 65.
- ²⁰ Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с П. Сахалинская область. Шахтерск. 18 июля.
- ²¹ Архив Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Интервью с У. Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- ²² Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе. Хабаровск: ДВАГС, 2012. С. 91.

КОНЦЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ СЕРЕДИНЫ 1920 – 1930-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В.А. КОРОЛЕВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Содержание концертной деятельности, как и всей советской музыкальной культуры рассматриваемого времени в целом, отразило социальный заказ своего времени, выразившийся в ёмком и многозначительном лозунге «Искусство принадлежит народу!» (с акцентуацией на каждой составляющей триадной формулы: народ – автор, исполнитель, слушатель), что, соответственно, активизировало поиск новых направлений, тематики и средств музыкальной выразительности, музыкальных форм, а также методов работы с аудиторией новых слушателей.

С середины 1920-х гг. в СССР набирала силу тенденция «демократизации» культуры, её массовости, обусловившая новый всплеск интереса к фольклору, к народному музыкальному искусству. В связи с этим заметно расширилась деятельность фольклористов: собирание, запись, изучение и издание сборников народного творчества. Большое распространение и развитие получила музыка для народных инструментов, что было связано с деятельностью профессиональных и самодеятельных виртуозов-исполнителей — балалаечников, гармонистов, баянистов. Повсеместно в крупных городах и небольших посёлках активно популяризировалось песенное творчество народов страны. Создавались народные коллективы: хоры, оркестры, ансамбли и т.д. Поэтому далеко не случайно в концертной деятельности и местных дальневосточных музыкантов, и гастролировавших по городам Дальнего Востока народное творчество представляло важное самостоятельное направление, позволявшее дальневосточным слушателям познакомиться с музыкой народов СССР и мира.

Структура концертов определялась многими особенностями, включая «возможности» музыкального инструмента или голоса, жанровые особенности репертуаров, количественный состав участников (солисты – вокалисты/инструменталисты) или участники коллективов (хоровых/ансамблевых/оркестровых и др.) и проч. Всё это способствовало огромному разнообразию музыкальных концертов.

С началом советизации и на протяжении всего межвоенного времени для «культурного обслуживания» населения постепенно сформировалась новая концертно-организационная система: «Всесоюзное гастрольбюро» – артисты-гастролёры – городские концертные бюро (после 1937 г. многие были реорганизованы в филармонии: в 1939 г. во Владивостоке – в Приморскую краевую и, соответственно, в Хабаровске – в Хабаровскую краевую)». Необходимо отметить, что Владивосток 1920-х гг. нередко являлся для

концертантов-гастролёров конечным пунктом маршрута по отечественной территории и началом пути в эмиграцию¹.

Особое место в музыкальной жизни заняли концерты виртуозов-исполнителей на народных инструментах. Большой интерес к ним был обусловлен новой массовой волной увлечения балалайкой, домрой, гармоникой, «вышедшими из социальных низов». Обучение игре на народных инструментах проходило в музыкальных кружках и непосредственно при многочисленных самодеятельных оркестрах народных инструментов. С 1926 г. в культурных центрах страны и с 1927 г. в городах и даже сельских районах Дальнего Востока проводились музыкальные смотры, конкурсы, олимпиады, выявлявшие лучшие народные таланты. Поэтому демонстрация виртуозности блестящими исполнителями-гастролёрами вызвала глубокий и устойчивый интерес со стороны аудитории слушателей, включавшей демократические слои населения.

В 1925 г. гармонист П.А. Невский (Малахов) проездом в Японию и Китай дал ряд концертов в дальневосточных городах. Среди выступавших в 1926 г. балалаечников-виртуозов мы можем отметить К. Плансона и Н. Успенского. В 1929 г. великолепное искусство совершенного владения баяном показали братья Шнейдер.

Каждый из исполнителей в оригинальной манере пытался раскрыть выразительные возможности своего инструмента. Некоторые музыканты приносили в исполнительство на народных инструментах «академизм» и своего рода «благородство тона», включали в репертуар произведения европейской и русской классики. Так, к примеру, в концертной программе Н. Успенского были произведения Ференца Листа, Фридерика Шопена, Иоганнеса Брамса, Роберта Шумана, Антона Рубинштейна, Пабло де Сарате.

Среди художественных коллективов необходимо выделить яркие «театрализованные концерты» знаменитой хоровой капеллы О.Х. Агреновой-Славянской, пропагандировавшей русские и славянские народные песни. В программы выступлений этого знаменитого художественного коллектива включалось не только исполнение народных песен, но и показ целых обрядов, в контексте которых звучали эти песни.

В 1929 г. наиболее яркими гастрольями отличался ансамбль украинских кобзарей. Этот успех можно объяснить не только высоким профессиональным уровнем выступавших, но и «украинизацией» региона, связанной с этническими особенностями переселенческой политики в дореволюционное время, а также с глубокими этнокультурными традициями, поддерживаемыми в условиях Дальнего Востока деятельностью «Украинской радянской хаты» и «Украинской громады».

В то же время у дальневосточной публики популярностью пользовались гастрольные концерты «Этнографического Товарищества национальных меньшинств» с показом музыки, пения, танцев народов Востока и Кавказа.

А выступления Ансамбля московских цыган и Тамары Церетели – исполнительницы цыганских романсов и таборных песен, были не просто успешными: публика Владивостока была в восторге! Что и не удивительно,

поскольку и репертуар, и мастерство талантливых исполнителей всегда находили отклик в душе зрителя, способствуя разрядке вошедшего в привычку (в течение страшных военных и не менее драматичных послевоенных лет) эмоционального напряжения. Да и само восприятие цыганского искусства в музыкальном быту России имело уже весьма давние традиции².

В 1926 и 1927 гг. зрителям дальневосточных городов посчастливилось увидеть выступление Московской государственной студии Айседоры Дункан — одного из коллективов, в творчестве которого использовались смелые эксперименты, направленные на овладение современной тематикой, выдвигание новых динамичных форм балетного искусства. Ещё до приезда артистов в местной газете Владивостока была опубликована статья, познакомившая дальневосточную публику с анализом состояния хореографического искусства в период от последнего десятилетия XIX в. до современности. Автором отмечалась прогрессивная роль в развитии современного балета Айседоры Дункан и созданного легендарной танцовщицей коллектива, прибывшего на Дальний Восток во главе с ее приёмной дочерью Ирмой³.

Перед концертами со вступительным словом выступил директор Московской Государственной студии Айседоры Дункан — И.И. Шнейдер. Репертуар включил хореографические постановки на музыку Кристофа Виллибальда Глюка, Вольфганга Моцарта, Людвиг ван Бетховена, Франца Шуберта, Роберта Шумана, Ференца Листа, Иоганнеса Брамса, а также цикл — «Танцы революции», в том числе танцы ирландской и французской революций, а также иллюстрацию песен русской революции в движениях.

Концерты Ирмы Дункан и Московской Государственной студии состоялись во Владивостоке перед отъездом артистов в Китай. Гастроли, начавшиеся с турне по Сибири, Дальнему Востоку, с успехом продолжились в Японии и Китае. По возвращении из Шанхая в марте 1927 г. артисты студии дали в дальневосточных городах ещё несколько концертов. Программа пополнилась новыми произведениями. Во Владивостоке был исполнен Гимн Гоминьдана в танце и с пением на китайском языке: «... боевой пафос переложенных в движение хорошо знакомых революционных песен ... в исполнении И. Дункан и Московской студии получил силу и убежденность»⁴.

Несмотря на яркие впечатления от выступлений многих солистов и художественных коллективов, гастролировавших по городам Дальнего Востока в течение межвоенного периода, пожалуй, самое сильное, забываемое впечатление у дальневосточников оставили концерты певицы Ирмы Яунзем.

Если для «старой» публики, включавшей городских любителей искусства из среды служащих, преподавателей, учащихся и пр., как и в первые годы после революции исполнители песенного жанра выступали преимущественно на сценах небольших театров, кафе и ресторанов и их пение включалось в общую программу развлекательных вечеров, то с началом советизации Дальнего Востока в 1923 г. музыкальные концерты для «новой» аудитории стали устраиваться в условиях, порой весьма далеких от

концертных: на открытых площадках воинских частей, на палубах кораблей, в плохо построенных и неотапливаемых клубах. Но, всё же, несмотря на суровую обстановку импровизированных «концертных залов», концерты имели огромный успех у «новой», неизбалованной художественными впечатлениями публики.

Именно так осуществлялась в 1926 г. концертная поездка по городам Дальнего Востока знаменитой исполнительницы песен разных народов, заслуженной артистки Белорусской ССР Ирмы Яунзем. Её пение местные газеты называли «глотком чистого воздуха»⁵. И наперебой возглашали: «Мы должны дать возможность каждому рабочему, крестьянину и красноармейцу услышать пение И. Яунзем... Оно пробуждает чувство солидарности к тем миллионам, составляющим национальные меньшинства, о которых так чудесно умеет петь И. Яунзем»⁶.

В статьях с присущим времени пафосом подчёркивалось, что певица осознанно оставила оперную карьеру и всецело посвятила себя народному искусству. Ирма Петровна Яунзем исполняла песни на русском, белорусском, татарском, еврейском, киргизском, латышском языках. Многие из них были записаны певицей лично во время ее концертных поездок по СССР. В интервью певица говорила: «Каждая песня — это протест против гнета и призыв к светлому будущему. Исполняя их, я становлюсь понятной и близкой самой широкой аудитории»⁷.

Исполнение Ирмы Петровны впечатляло глубоким проникновением в характер песни, созданием ярких художественных образов, умелым воплощением самой жизненной драмы при использовании языка оригинала и всех необходимых стилистических нюансов. Наверное, такое исполнение можно назвать редкостным даром полного перевоплощения. Ромен Роллан, услышав пение Яунзем у М. Горького, записал в своём «Московском дневнике»: «У неё тёплый и чистый, прекрасно «перевоплощающийся» по тону и тембру голос, он передаёт особенности манеры каждой нации, когда она поёт»⁸. И это, пожалуй, самая точная, высказанная под впечатлением от непосредственного художественного восприятия оценка дару и творчеству одного великого художника другому.

Концертмейстером певицы был пианист профессор Ковалёв (к сожалению, инициалы в источниках отсутствуют). Его сольная программа включала произведения великих романтиков – Фридриха Шопена и Ференца Листа. Одухотворённость исполнения и безупречная техника пианиста были высоко оценены хабаровской и владивостокской публикой.

Ещё большее уважение и восхищение дальневосточников вызвала высокая гражданская позиция артистов, давших ряд концертов в фонд помощи городским беспризорникам⁹.

В марте 1926 г. концертное турне Яунзем с неизменным успехом было продолжено в Харбине – «русском городе в Китае»¹⁰. Известно, что во время гастрольной поездки по городам Китая, Кореи, Японии, арсенал фольклорных записей Ирмы Петровны пополнился новыми песнями. Вошедшая в репертуар

певицы китайская песня «О разлуке» была известной и среди «восточного» населения Владивостока¹¹.

Напомним, что время пребывания Ирмы Петровны с концертами во Владивостоке совпало с началом работы в городе первой радиостанции на Дальнем Востоке СССР. Музыкальное направление объединило местные художественные силы и стало ведущим в деятельности «русского», а также «восточного национального» вещания, где действовали Китайский и Корейский секторы. Дальневосточники с удовольствием слушали народные русские, китайские и корейские песни в сольном и хоровом исполнении музыкантами Владивостока, артистами Китайского театра и корейскими солистами и хористами-любителями (многие из которых в течение 1932-1937 гг. стали артистами Корейского музыкально-драматического театра во Владивостоке). К примеру, состав исполнителей, принимавших участие в музыкальных передачах и концертах корейского сектора, включал не только солистов, но и несколько художественных коллективов – оркестров и хор.

В радиоконцертах духового, камерного симфонического и струнного оркестров, состоявших из корейских музыкантов, пропагандировались лучшие образцы европейской, русской и корейской музыки. Высоко оценить деятельность всех «корейских оркестров» в процессе развития городской культуры Владивостока (помимо работы на радио) позволяют следующие факты: любые торжественные и праздничные мероприятия, проходившие в городе, всегда сопровождалась выступлениями «корейских оркестров». А программы праздничных концертов, олимпиад художественной самодеятельности постоянно включали оркестровые номера известных корейских музыкантов.

Так, духовой оркестр «клуба имени Сталина» Корейской слободки «Синханчхон» принимал участие в общегородских мероприятиях, выступал на вечерах интернациональной дружбы и, по мере необходимости, в малом составе принимал участие в спектаклях корейского театра. Руководитель оркестра Н.С. Ким был талантливым музыкантом и умелым руководителем. В репертуаре руководимого им оркестра преобладали русские и корейские революционные марши, популярные песни и танцевальные мелодии.

Струнный домровый оркестр под руководством Михаила Цоя в основном пропагандировал русскую и корейскую народную музыку, хотя были в репертуаре и фрагменты из западноевропейской классики.

Камерный симфонический оркестр в основном исполнял европейскую классическую и национальную музыку. Руководил коллективом скрипач-виртуоз Н.Ч. Ким, известный среди корейцев как замечательный исполнитель корейских народных мелодий. Обладая тонким музыкальным вкусом и филигранной техникой, он поражал публику интересными аранжировками народной музыки. Сольные скрипичные концерты этого музыканта неизменно вызывали интерес у городских любителей музыки.

За активную деятельность корейского хора на Приморском радио и успешное выступление на всесоюзном радиофестивале Всесоюзный радиокomiteeт премировал хористов поездкой в марте 1937 г. в Москву.

В течение трёх месяцев коллектив из тридцати участников – четырнадцать девушек-хористок, солистов, а также инструменталистов-аккомпаниаторов и самостоятельных исполнителей – подготовил репертуар для концертов в Москве из тридцати пяти произведений фольклорного и современного песенных направлений, включивших корейские традиционные народные, революционные и патриотические песни.

Современные песни, созданные руководителем и дирижёром хора автором-самоучкой Ён Сёнёном, составили почти половину подготовленной программы. Радиослушателями страны отмечалось, что хор очень хорошо исполнял эти песни, особенно песню «с революционным характером» «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «воспевавшую труд отличников рыбной путины – «Ударный кунгас»¹². Народные песни звучали в сопровождении ансамбля корейских традиционных инструментов, а революционные и современные – под аккомпанемент автора Ён Сёнёна на рояле. Этот факт использования фортепианного аккомпанемента для корейской песенности был явно нетрадиционным, в отличие от использования ансамбля старинных народных инструментов в качестве аккомпаниатора при исполнении фольклорных песен.

Все музыкальные радиопередачи из Владивостока с огромным интересом слушали даже в Японии: «Директор Токийского общества «Асаши» Такэо Кимидзука прислал на днях окрсовету ОДР восторженный отзыв о Владивостокских радиоконцертах. По заявлению Кимидзуки, слышимость нашей радиостанции ничуть не хуже японских станций. Русская музыка доставляет японским радиослушателям большое удовольствие», – сообщалось в местной газете¹³.

Подводя итоги, отметим, что складывавшаяся картина музыкальной жизни в дальневосточных городах рассматриваемого времени свидетельствует о многообразии концертной практики, хотя различными были содержание и профессиональный уровень концертов. Но в контексте развивавшейся системы межкультурной художественной коммуникации «исполнитель – слушатель» деятельность концертантов и особенно гастролёров предоставляла населению далёких дальневосточных городов возможность знакомства с неизвестными ранее и новыми произведениями многонациональной советской и зарубежной музыки, музыкальным творчеством разных народов. А самое главное, гастрольная деятельность служила связующей нитью между богатейшим культурным наследием, сосредоточенным в европейской части страны, и её отдалёнными окраинами, насыщая жизнь дальневосточников яркими художественными впечатлениями.

В то же время актуализация музыкального искусства в контексте межкультурного взаимодействия в дальневосточных городах весьма показательна на примере деятельности местных городских музыкантов, которая придавала яркую специфику развитию музыкальной культуры каждого города. Для Владивостока такая специфика обозначилась на цивилизационном уровне в творчестве и концертной практике корейских музыкантов.

Русская и европейская музыка вошла в репертуары корейских исполнительских коллективов – оркестров Приморского радиокomiteта и городской культуры Владивостока, появился даже корейский оркестр русских народных инструментов – корейский домровый оркестр.

В процессе взаимодействия с русской и европейской музыкальной культурой в 1910-20-е гг. в творчестве корейцев появились новые исторические песни (партизанские, антияпонского освободительного движения), а в 1930-е гг. и новые музыкальные жанры – корейские советские массовые патриотические и лирические песни, свадебные и частушки. Деятельность Ён Сёнёна и других корейских авторов не только открыла новый (авторский) этап в развитии песенного творчества, но и заложила основы профессиональной корейской музыкальной культуры в системе отечественной музыкальной культуры XX века. А начало этому весьма значительному художественному процессу положила первой экспериментальной площадкой.

Таким образом, в музыкальном пространстве города Владивостока как экспериментальной площадке «перекрёстка европейской и дальневосточной цивилизаций» рассматриваемого времени концертная практика характеризовалась процессами не только трансляции, но и презентации оригинальных художественных образцов, что позволяет указать на формирование феномена территориальности искусства.

Сноски и примечания

¹ Королева В.А. Музыкальная культура Дальнего Востока России. Кн. 1. На рубеже эпох (1880-е – 1917) – (1917 – 1920-е). Владивосток, 2004. С. 99,103-110, 139, 174.

² О фактах музыкальной жизни см. подробнее: Королева В.А Хроника культурной жизни Владивостока 1923-1929. Музыка. Театр. Кино. Владивосток, 2000. 188 с.

³ К гастролям Ирмы Дункан //Красное знамя. Владивосток, 1926. 24 сент.

⁴ Там же. 1927. 9 марта.

⁵ Монахова С.А. Из истории музыкальной культуры Хабаровска (1920-е годы) // Музыкальная культура Дальнего Востока. Материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 40-летию Дальневосточной организации Союза композиторов России. Хабаровск. 2001. С. 53.

⁶ Ирма Яунзем о себе// Красное знамя. Владивосток.. 1926. 26 янв.

⁷ Там же. 28 янв.

⁸ Журавлёв Вадим. «Моё искусство сейчас никому не нужно!» К 100-летию со дня рождения Ирмы Яунзем // Независимая газета. 1997. 26 сент. № 181 (1506). Цит. по: <http://vivovoco/tzl.ru/VV/PAPERS/BIO/IRMA.HTM> [Дата обращения: 13.09.2011].

⁹ Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1926. 24 янв.

¹⁰ Журавлёв Вадим. «Моё искусство сейчас никому не нужно!» К 100-летию со дня рождения Ирмы Яунзем// Независимая газета. 1997. 26 сент. № 181 (1506). Цит. по: <http://vivovoco/tzl.ru/VV/PAPERS/BIO/IRMA.HTM> [Дата обращения: 13.09.2011].

¹¹ Там же.

¹² Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 1937. 20 марта; Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918-1937 гг. М., 2004. С. 324.

¹³ Токио слушает владивостокские радиоконцерты // Красное знамя. Владивосток, 1926. 30 окт.

ОБЛИК ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДУЩИХ АРХИТЕКТОРОВ

Н.П. КРАДИН

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Формирование архитектуры городов происходит на протяжении всего периода существования поселений, с самого момента их зарождения. Город растет, расширяется, обустраиваются его окраины, выделяется центр, площади, прокладываются улицы, проспекты и бульвары. В старину говорили: «У каждого города свой нрав», то есть, свой характер или облик, который создается во времени и пространстве под воздействием самых различных факторов. Наличие воды (река, море), рельефа местности, столичных функций (центр края, области, региона) – все эти и многие другие факторы оказывают большое влияние на развитие города и его образа. Возраст города, вне всякого сомнения, также имеет большое значение для формирования его облика. Не случайно появилось такое понятие, как «исторический город».

Из истории мы видим, что далеко не все города развиваются динамично. Немало поселений и городов, не имевших перспектив к дальнейшему развитию, прекративших свое развитие или даже вовсе оставленных людьми. Мы видим это и сегодня, например, в Америке (город Бостон). Можно найти такие города и в России. Оставляя в стороне эту, в общем-то, немаловажную проблему, обратимся к вопросу о том, кто и как занимается формированием облика городов и других типов поселений.

В облике любого поселения, в первую очередь города, огромное значение имеет деятельность архитекторов, профессионально занимающихся созданием его планировочной структуры и архитектурного образа, который складывается на протяжении длительного времени. На разных этапах развития города можно увидеть характерные для того или иного периодов планировочные приемы, стилистику архитектуры, понять состояние строительной индустрии, выявить тех архитекторов, кто оказал в то время сильнейшее влияние на образ города или его главных ансамблей.

Понятно, что над созданием архитектурного облика работают не просто отдельные архитекторы, а различные проектные организации, администрация города. И не секрет, что в зависимости, например, от политики городской власти, состояния уровня строительной базы и многих других факторов развитие архитектуры города может быть замедленным или, наоборот, динамичным. Причем, динамика тоже может быть цикличной. Вне всякого сомнения, велика и роль ведущих архитекторов в создании образа города. Прослеживая историю любого поселения, мы воочию видим результаты этой деятельности – не только положительные, но и отрицательные. Чаще всего наиболее объективная оценка происходит уже после того, как что-то сделано (построен объект или целый комплекс, проложены магистрали и т.п.). Существует такое понятие – оценка временем.

На эту тему в народе распространена и поговорка: «Время рассудит», то есть – даст оценку. Именно по истечении времени, подчас длительного, происходит оценка архитектурных творений зодчих.

Рассматривая дальневосточные города, мы увидим, что все они разные (Благовещенск и Хабаровск, Владивосток и Уссурийск, Находка, Комсомольск-на-Амуре, Биробиджан и др.). И разница их не столько в возрасте, сколько в той ситуации, где они поставлены. Река, море, наличие рельефа местности, иногда довольно выразительного, характер растительного мира. Не секрет, что море или река придают городу особый облик, а выразительный рельеф позволяет горожанам рассматривать отдельные части города или его панорамы с разных точек, в том числе и высоких, как, например, во Владивостоке или Находке. Другое дело – города, расположенные на одном берегу реки, такие как Хабаровск или Благовещенск. Если жители Благовещенска вообще не видят свой город с реки (разве что с китайской стороны, когда они выезжают туда по туристическим путевкам), то жители Хабаровска панораму своего города могут наблюдать или зимой, когда по льду переходят на противоположный берег, или летом, когда катаются по Амуру на катерах или прогулочных парходах. В отличие от них, жители Владивостока его панорамы могут обозревать в разное время года и с самых разных точек.

Своеобразный рельеф Хабаровска, к примеру, породил в народе и соответствующую поговорку: «город Хабаровск – это три горы, две дыры». В поговорке зашифрована структура рельефа города – три его протяженных улицы (Серышева, Муравьева-Амурского и Ленина), проложенных перпендикулярно береговой линии Амура, вдоль протяженных холмов, и два бульвара (Амурский и Уссурийский), протянувшихся между этими тремя холмами. Перпендикулярно бульварам и трем главным улицам проложены поперечные улицы, имеющие одностороннее движение. Такая исторически сложившаяся структура уличной системы Хабаровска, при обилии индивидуального транспорта, дает в настоящее время сбой, вызывающие транспортный коллапс. Проблема заключается в том, что практически ничего с такой ситуацией сделать нельзя. Укрупнять кварталы невозможно (историческая застройка), а расширять улицы можно только лишь за счет ликвидации тротуаров, что тоже сделано быть не может. Единственный выход – строить подземные переходы для пешеходов и тоннели для транспорта, но для этого потребуются огромные средства. Проблема усугубляется еще и тем, что под многими улицами проложены подземные инженерные сети и коммуникации. Кроме того, проблема заключается и в общественном транспорте, вернее, в его отвратительной работе. Наверняка личных машин было бы в городе намного меньше, если бы общественный транспорт ходил, как часы, да имелись удобные велосипедные дорожки. Однако этим никто не занимается, а проблема загоняется все глубже и глубже. Сегодня Хабаровск, как и многие российские города, в дневное время представляет собой гигантскую автомобильную стоянку.

Разумеется, у каждого города свои проблемы. К примеру, жители Владивостока, приезжая в Хабаровск, несмотря на его проблемы, удивляются и одновременно радуются тому, что здесь можно спокойно, безо всякой толкотни, ходить по тротуарам. Ведь у них в городе немало улиц, где тротуары вообще отсутствуют, и мне, например, не раз приходилось ходить там по проезжей части, что делают, кстати, и сами жители Владивостока. Разнообразный рельеф, на котором раскинулся Владивосток, не только является основой архитектурной выразительности города, но и порождает определенные проблемы, в том числе и транспортные.

Несколько лет назад в связи с проведением в 2012 г. во Владивостоке саммита АТЭС построен целый ряд объектов, преобразивших город. В первую очередь – это вантовые мосты Золотой и Русский, а также комплекс Дальневосточного федерального университета на Русском острове, где, собственно, и проходил саммит. Это мероприятие международного уровня подхлестнуло строительную деятельность и в самом Владивостоке, заметно изменив его архитектурный облик, а также подстегнуло инвесторов и застройщиков, в результате чего весь город преобразился, более плотной стала его застройка, в ней появились высотные здания.

К сожалению, при рассмотрении города и его панорам с различных высотных точек, можно увидеть, что застройка в большинстве случаев представляет хаотичный вид, в ней не чувствуется ансамбля. Наверняка здесь сказывается роль заказчиков, часто диктующих то или иное проектное решение, однако в такой ситуации нельзя сбрасывать со счета и роль архитектора-градостроителя. От настойчивости архитектора и умения доказать правильность того или иного проектного решения зависит многое.

Формирование застройки и силуэтов городских панорам происходит во времени и пространстве. Важное значение в этом процессе имеет умение архитекторов расставить высотные акценты, с целью подчеркнуть ими рельеф и создать выразительные панорамы для восприятия с дальних точек. Разумеется, новые акценты должны быть расставлены тактично, не должны «давить» своими размерами на стоящие рядом постройки – в первую очередь на памятники архитектуры, находящиеся под охраной государства. Тем не менее, современные архитекторы часто ставят свои сооружения без учета сложившейся среды и наличия по соседству памятников зодчества. В качестве примеров можно назвать такие постройки и в исторической части Хабаровска, например, две высотки на ул. Комсомольской (угол Муравьева-Амурского), поставленные при активном «участии» архитектора А.В. Иванова, работавшего в 1994-2000 гг. главным архитектором города, а с 2011 г. – главным архитектором края. Как говорится, своя рука – владыка. Или другой пример: между улицами Шевченко и Тургенева, в исторической застройке, по проекту архитектора А.В. Алещенко поставлен огромный по размерам, П-образный в плане жилой дом, совершенно не масштабный окружающей застройке. Дом сам по себе, может быть, и интересный, и не подвергался бы критике, будь он поставлен где-нибудь в современной

застройке или на окраине города. Но в настоящее время он, словно слон в посудной лавке, задавил своими габаритами все вокруг.

Практически в каждом конкретном городе можно выделить архитектурные пласты, связанные с деятельностью конкретных архитекторов. Бывает, эти пласты достаточно весомые, мощные, и в таком случае можно условно применять термины, означающие принадлежность того или иного архитектора к определенной застройке (проспект, улица, микрорайон, ансамбль и т.п.). К примеру, «Хабаровск Мамешиных», «бульвар А.П. Редькина», «проспект Первостроителей М.Е. Петрова» или «вокзалы Б.Т. Германа», «Владивосток Н.С. Рябова».

Наверняка подобного рода словосочетания можно встретить во всех городах Дальнего Востока, да и не только. Правда, следует сделать следующую оговорку: поскольку проектирование, а затем и строительство объекта – дело долговременное, то подразумевается, что деятельность архитектора должна составлять в том или ином городе длительный период (как правило, несколько десятилетий). И таких архитекторов в каждом из городов Дальнего Востока немало. В Хабаровске, например, это такие архитекторы, как семейные династии Мамешиных (архитекторы в трех поколениях), Горкавенко, Семеновых, Руденко, архитекторы старшего поколения, работавшие в 1930-1970-е гг., - Б.Т. Герман, М.Р. Брельгин, В.М. Кампиони, Н.И. Васиков, М.Е. Петров, А.Д. Левкович. Сюда же следует отнести и современных архитекторов, работавших или продолжающих работать в городе последние 20-25 и более лет. Это А.Н. Матвеев и А.С. Ческидов, Ю.В. Подлесный и В.А. Васильев, С.И. Демчук, А.П. Редькин, Г.Ю. Бычкова и В.Н. Белошниченко, Н.Н. Прокудин и В.В. Носырев, Ю.А. Живетьев и А.И. Селеменев и др. Все они являются авторами и соавторами многочисленных построек и ансамблей не только в Хабаровске, но и в других городах края.

Например, архитектор Михаил Елисеевич Петров отдал архитектурному творчеству в Хабаровске почти 50 лет. За весь период своей проектной деятельности он выполнил более 150 проектов и построек. Осуществленные по его проектам в 1950-70-е годы здания стали украшением города, они и сегодня выполняют свои функции. Эти жилые дома по улицам К. Маркса, Дзержинского, Серышева, Фрунзе, санаторий «Уссури», общежитие медицинского института. Им были разработаны проекты крупных многоэтажных жилых домов по ул. Дикопольцева, Гайдара (с магазином «Тысяча мелочей»), на площади Южного жилого района (414-квартирный), 14-этажные жилые дома в пос. Горького, по ул. Пионерской, на углу ул. Калинина и Госпитального переулка. Из его административных зданий следует назвать пристройку к зданию Крайисполкома по ул. Фрунзе, спортивный и актовый залы школы милиции, стадион им. Орджоникидзе. В городе Комсомольске-на-Амуре по его проекту на пр. Первостроителей построен самый крупный жилой дом на 700 квартир. В результате мы имеем полное право употреблять такой термин, как «Хабаровск архитектора Михаила Петрова».

Разумеется, и во Владивостоке найдется немало таких архитекторов, которые оставили своими работами заметный след в архитектуре и градостроительстве этого приморского города. Если говорить об архитектуре Владивостока 1940-60-х гг., то непременно следовало бы вспомнить архитектора Н.С. Рябова (1912-2004), работавшего много лет в проектном бюро «Дальзавода» и ставшего автором многочисленных проектов промышленных сооружений в городе. По его проектам построены промышленные цеха и здания, жилые дома для рабочих завода, кварталы и ансамбли жилых домов в районе ул. Луговой, Сафонова, Борисенко, Папанина, Ленинской. Таким образом, и во Владивостоке есть все основания для употребления подобного словосочетания – «промышленные комплексы, жилые кварталы и ансамбли жилых домов Н.С. Рябова». Кроме него, огромные, заметные архитектурные пласты во Владивостоке и Приморье оставили после себя такие архитекторы, как Е.А. Васильев (1900-1983), Б.Ф. Богомолов (1930-1983), В.Н. Карепов (1925-2003), Ю.А. Траутман (1909-1986). Естественно, какие-то фрагменты городской застройки, площади, кварталы и ансамбли, улицы или проспекты связаны и с этими архитекторами.

Огромную роль в развитии архитектуры дореволюционного Владивостока сыграли, конечно же, архитекторы, гражданские и военные инженеры – авторы многочисленных построек гражданского назначения, а также сооружений комплекса Владивостокской крепости. К примеру, своеобразной архитектурной визитной карточкой Владивостока считается здание железнодорожного вокзала, строительство которого осуществлял гражданский инженер В.А. Плансон по проекту, разработанному в столице. Из архивных документов удалось выявить немало и других великолепных построек, осуществленных по проектам этого архитектора и сохранившихся до сих пор в городе. Более 20 лет (с 1899 до 1922 гг.) проработал он во Владивостоке, оставив после себя замечательные творения, позволяющие тоже употребить подобного рода термин: «дореволюционный Владивосток Плансона». Рассматривая часть улицы Пушкинской в районе прежнего здания ДВПИ, можно увидеть целый ряд зданий, построенных по проектам этого замечательного архитектора.

На облик архитектуры городов влияют не только те постройки, которые создают архитекторы, но и та строительная база, которая существует в тот или иной период. К примеру, для 1960-70-х годов характерно панельное домостроение, когда практически все здания возводились по типовым проектам. В Хабаровске этого периода построено довольно много зданий, созданных в панельном исполнении и проектированных по индивидуальным проектам. К примеру, архитектор А.С. Ческидов разрабатывал проекты зданий института «Хабаровскгражданпроект», Дома Союзов на Комсомольской площади, пристройку к инженерному корпусу «Хабаровсккрайстрой», Дом пионеров в Комсомольске-на-Амуре и целый ряд других. Все они функционируют до сих пор, отражая своей архитектурой состояние строительной индустрии конкретного исторического периода.

Созданные по индивидуальным проектам они заметно выделяются среди многочисленных панельных жилых домов, построенных по типовым проектам.

Современный Хабаровск наполнился совершенно новыми зданиями, отличающимися от тех, что строили здесь не только полвека назад, но и в конце XX столетия. Новая архитектура обогатила портрет города иными чертами, в нем появились совершенно новые штрихи, отражающие слав традиций и новизны. В этой современной архитектуре есть свои герои – авторы новых произведений. Среди тех, кто наиболее плодотворно трудится в этом направлении, следует назвать небольшую проектную фирму «Атриум» под руководством А.П. Редькина, архитекторов Мамешиных, Ю.В. Подлесного и В.А. Васильева, Н.М. Ерошенко и С.С. Вялкину, Е.В. Дворецкую и И.Е. Лавриновича, Н.Т. Руденко и Н.Н. Прокудина, В.В. Носырева – список этот можно бесконечно продолжать.

И даже среди тех, кто назван выше, имеются свои лидеры, которых с полным основанием можно назвать архитекторами, формирующими портрет современного Хабаровска. Здесь следует отметить три небольшие группы – фирму «Атриум» А.П. Редькина, ООО «Акант» А.Е. Мамешина и частную архитектурную мастерскую «Марп» Ю.В. Подлесного, существовавшую в 1993–2008 гг. Именно с фамилиями руководителей этих трех фирм связано большинство современных построек в центре Хабаровска, именно им обязан город своим новым портретом. Безусловным лидером среди них, конечно же, являются архитекторы фирмы «Атриум» А.П. Редькин, В.Н. Белощиченко и Г.Ю. Бычковская, ставшие в 2003 г. лауреатами Государственной премии России в области архитектуры за комплекс здания «НК-Сити». Свою высокую планку они поддерживают постоянно, и каждое новое произведение, созданное по их проекту – это и праздник, и украшение города.

Начиная от «Платинум-арены», мы можем видеть вдоль Уссурийского бульвара сразу несколько построек, которые могут быть включены в понятие «Архитектурный Хабаровск фирмы «Атриум»». Проходя вдоль бульвара к Амуру, мы обратим внимание на храм, а слева от него Г-образный в плане жилой дом на ул. Дикопольцева и далее, тоже слева, на фоне панельной застройки снежно-белый жилой дом с оригинальной пластикой фасада, обращенного к прудам. Необычной группировкой балконов и застекленных лоджий авторы попытались придать и главному фасаду, и всему дому новый пластический образ, с учетом его восприятия с дальних точек (со стороны парка «Динамо»). Кстати говоря, рассматривая фасады многочисленных жилых домов, построенных по проектам группы Редькина, мы можем везде увидеть подобного рода пластику – не по всему фасаду, а, как правило, в верхней зоне, чтобы ее можно было рассматривать поверх более низкой застройки и деревьев, расположенных на переднем плане. Именно таковыми являются фасады крупных жилых домов на том же Уссурийском бульваре (между улицами Дзержинского и Запарина), а также жилой дом-комплекс «Стрела» на ул. Тургенева.

Кстати, недалеко от «Платинум-арены», но с другой стороны, расположено необычное по своей форме гостиничное здание – центр досуга «Конгресс-холл». За его проект авторы были удостоены Золотого диплома на фестивале «ДВ Зодчество-2011». Продвигаясь все дальше и дальше по Уссурийскому бульвару, мы подойдем к центру, где построек группы А.П. Редькина тоже немало. Здесь, и тоже с бульвара, мы увидим совсем уж необычный дом – архитектурный разноцветный «Кубик-Рубик». Отдельные блоки этого дома решены в ярком цвете (зеленый, охристый, малиновый). Как говорит сам архитектор, ему захотелось привнести в застройку что-то необычное, «поиграть» с цветом. Этот необычный жилой дом получил и соответствующее название – «Мозаика».

Непосредственно в историческом центре Хабаровска, на улице Муравьева-Амурского или рядом с ней тоже немало зданий самого разного назначения, построенных по проектам группы А.П. Редькина. Здесь можно видеть ресторан «Саппоро», торговый дом «Иль-де-Ботэ», пристройки к зданиям универмага и краеведческого музея, жилой дом по ул. Шеронова, жилой комплекс «Стрела» и другие. Многие из перечисленных работ были удостоены различных наград на смотрах-конкурсах в Хабаровске и в Москве. Особо следует выделить небольшие, камерные строения проектной группы «Атриум». Это отель «Афалина» на Амурском бульваре (угол Дикопольцева) и офисное здание «ХабЭнерго», расположенное недалеко от Платинум-арены. Эти небольшие по своим размерам домики, словно нарядные шкатулки, всегда притягивают взгляд прохожих, настолько они оригинальны.

Творческая деятельность в Хабаровске семейств Мамешиных охватывает довольно значительный период, начиная с середины 1940-х гг. и до настоящего времени. Старейшина рода Ефим Дмитриевич стал работать в Хабаровске с начала 1940-х годов, а затем, вернувшись после окончания войны, продолжал архитектурную деятельность, работая на самых разных должностях, в том числе главным архитектором города и края (10 лет). Работая с 1966 года в институте «Хабаровскгражданпроект», выполнил значительное количество проектов, большинство из которых были осуществлены в натуре. До сих пор Хабаровск украшают постройки, выполненные по разработанным им проектам. Это несколько зданий в Хабаровске, предназначенных для административных и партийных органов, здания учебных заведений, жилые дома и комплексы, вокзалы на станциях Дальневосточной и Забайкальской железных дорог. Имелись в его послужном списке и проекты, выполненные совместно с Александром, который, продолжая профессию отца, теперь успешно работает в содружестве уже со своим сыном (внуком Ефима Дмитриевича) и супругой – тоже архитектором. Огромное количество работ этой семейной династии в Хабаровске – это солидный архитектурный пласт, позволяющий с достаточным основанием и безо всяких оговорок употребить термин «Хабаровск династии Мамешиных».

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что произведения архитекторов, в течение нескольких десятилетий работающих в том или

ином городе, со временем превращаются в тот материальный пласт, который становится неотделимым от его авторов. Это архитектурные ансамбли, площади и улицы, отдельные сооружения, значимые для города. Именно из них и складывается облик города. В этом, собственно, и заключается роль ведущих архитекторов. Получившие оценку временем эти произведения архитектуры становятся неотделимыми ни от города, ни от их авторов.

ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ МОНОГОРОДОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В 1990-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ЗАТО БОЛЬШОЙ КАМЕНЬ И ЗАТО ФОКИНО)*

Л.А. КРУШАНОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Актуальность данного исследования обусловлена вниманием руководства всех уровней к процессам модернизации Дальнего Востока, и особенно городов, имеющих не только для региона, но и России, стратегическое значение. В качестве объекта исследования были выбраны малые города, имеющие статус закрытых административных территориальных образований, – Большой Камень и Фокино. Цель статьи выявить специфику модернизационных процессов 1990-х гг. в городах, связанных с обороноспособностью России.

Процессы модернизации в России идут с реформ Петра I. Но если в дореволюционной России вплоть до 30-х гг. прошлого столетия модернизация представляла собой макропроцесс перехода от традиционного общества к современному, от аграрного – к индустриальному, то в послевоенный – процесс реконструкции общественной системы полной или частичной с целью ускорения развития¹.

Моногорода, как и модернизация, явление, известное в России еще с петровских времен. Наибольшее их количество появилось в советское время в послевоенный период. Среди них имеются как крупные (численностью от 150 до 300 тыс. чел.), так и небольшие. Современная статистика, следуя советской традиции, к средним относит города, в которых численность населения составляет от 50 до 100 тыс. чел., к малым – менее 50 тыс. чел. По итогам переписи 2010 г. в России к средним отнесено 155 городов и к малым – 781, что составляет три четверти всех городов страны².

На Дальнем Востоке малые и средние города чаще всего являются и моногородами (исключение составляет г. Комсомольск-на-Амуре, который являющийся, по сути, моногородом, но относящийся к категории больших городов). В конце 2009 г. на одном из заседания Президиума коллегии Минрегионразвития РФ под председательством министра В. Басаргина была представлена точка зрения чиновников высшего ранга о том, что такое моногород:

1. Наличие предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на котором занято на основной работе более 25% экономически активного населения.

* Подготовлена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН, проект № 12- III- А-11-219 «Приморский край: потенциал модернизации региона в свете итогов социальной трансформации 1985–2010 гг.».

2. Наличие в населенном пункте одного или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на долю которых приходится более 50% объема промышленного производства³.

Независимые эксперты вводят ряд дополнительных критериев:

- наличие в городе одного или нескольких однотипных предприятий, относящихся к одной отрасли, или обслуживающих один узкий сегмент отраслевого рынка, притом, что остальные предприятия города обслуживают только внутренние нужды города или проживающих в нем людей;
- наличие в городе цепочки технологически связанных предприятий, работающих на один конечный рынок, кроме предприятий, обслуживающих внутренние нужды города;
- значительная зависимость доходной части бюджета города от деятельности одного (или нескольких) крупных предприятий;
- низкая диверсификация сфер занятости населения города (однородный профессиональный состав);
- значительная удаленность города от других, более крупных населенных пунктов, что снижает возможности мобильности жителей, при наличии в городе первых двух признаков, или отсутствие развитой инфраструктуры, обеспечивающей связь города с внешним миром (дороги автомобильные и железные, телефонная сеть и т.д.)⁴.

Анализ дальневосточных городов позволил дать авторское видение классификации дальневосточных моногородов. Условно их можно разделить на три группы: 1) связанные с добычей природных ресурсов – угледобычей, лесо- и рыбопереработкой и т.д. (Александровск-Сахалинский, Партизанск, Дальнереченск), 2) обеспечением и развитием ВПК (Арсеньев, Амурск), и 3) города-базы Восточного военного округа, в котором особую значимость имеет Тихоокеанский флот (Вилючинск).

Развитие моногородов в советский период, особенно в 1970–1980-х гг., имело немало преимуществ, среди которых: 1) относительно быстрое решение жилищной проблемы (как правило, в течение 5 лет, в то время как в краевых и областных центрах от 10 до 20 лет); 2) полное обеспечение детей дошкольными учреждениями; 3) небольшие расстояния, позволявшие жителям обходиться без общественного транспорта, что способствовало экономии финансовых и временных затрат; 4) высокий уровень жизни, обеспечивавшийся высокими зарплатами военнослужащих, рабочих и ИТР, занятых на предприятиях отраслей добывающей промышленности и ВПК.

С началом либерально-радикальных реформ 1990-х гг. были внесены коррективы в дальнейшее их развитие: из-за резкой деформации традиционных моделей существования градообразующих предприятий и разрыва большинства горизонтальных и вертикальных связей народнохозяйственного комплекса СССР многие моногорода оказались депрессивными зонами, стоящими порой на грани коллапса и социальных волнений.

Для приморских, как и в целом для дальневосточных, моногородов ситуация оказалась более критической. Центр отказался от политики государственного патронажа, общий курс на государственное дерегулирование возобладал и в сфере региональных экономических отношений. Иллюзии относительно перспектив рынка быстро рассеялись, но обошлись они очень дорого. За пятилетний период (1991–1995 гг.), получивший неофициальное название "Пятилетка № 13"⁵, в регионе оказалась разрушенной система государственных гарантий поддержания равных условий функционирования экономики Дальнего Востока по сравнению с другими частями страны. В результате многие предприятия в силу катастрофического роста тарифов на энергию и транспортные услуги в 1992–1994 гг. (например, Кавалеровский горно-обогатительный комбинат) не смогли выйти из кризиса и позже, когда эти тарифы стали регулироваться государством.

Вторым ударом для региона стало разрушение системы государственной поддержки функционирования социальной инфраструктуры и стандартов уровня жизни. Лишение льгот и привилегий, резкий рост стоимости жизни и снижение реальных доходов, безработица, вызванная как остановкой предприятий, так и отсутствием рынков сбыта ввиду отказа государства от функций заказчика и основного потребителя⁶ (заводы г. Арсеньев «Прогресс» и «Аскольд», судостроительные и судоремонтные заводы во Владивостоке, Находке, Дунае, Славянке и т.д.). Население отреагировало «ногами». Эта тенденция сохраняется и сегодня: численность населения Приморья за 20 лет (с 1989 по 2010 г.) сократилась на 14 %, в целом по Дальнему Востоку – на 27,8 %, в то время, как в России – на 3,1%⁷.

Особенно сильный удар был нанесен по обороноспособности страны, причем одновременно с нескольких позиций. Во второй половине 1980-х гг. изменился внешнеполитический курс СССР, что выразилось в ликвидации советских ракет средней и малой дальности не только в Европе, но и на советских военных базах, расположенных как в ГДР и Чехословакии, так и на территории Сибири и Дальнего Востока. По мере ухудшения экономической ситуации в стране советское руководство рассматривало сокращение вооружений и военных расходов как способ решения финансовых проблем. Весной 1989 г. в СССР было принято решение о сокращении на 500 тыс. чел. армии и на 14,2 % расходов на оборону. Началась конверсия военного производства, т.е. перевод военных заводов на выпуск мирной продукции⁸. В целом, за три года (1989–1991 гг.) объем производства военной продукции в СССР уменьшился по сравнению с 1989 на 37 %⁹.

В 1992 г. вышел закон о конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации¹⁰, в котором указывались такие основания для конверсии, как решения органов государственной власти и сокращение бюджетных расходов (ст. 2), сохранялся оборонный заказ (ст. 3), наличие государственных программ конверсии, осуществлявшихся Министерством промышленности РФ, и региональных, разработанных соответственно местными органами исполнительной власти национально-государственных и

административно-территориальных образований, координационными советами по конверсии, причем участие конверсируемых предприятий в государственных и региональных программах было добровольным, основанным на принципах экономической заинтересованности и конкурентности (ст. 4). Законом допускалась и приватизация конверсируемого предприятия (ст. 6). Статьи 7 и 8, посвященные социальной защите сотрудников в случае их сокращения, повторяют положения закона «О занятости населения в РСФСР» от 19 апреля 1991 г. № 1032-1.

Таким образом, цель экономии ресурсов страны за счет снижения их потребления в военном производстве к концу 1990-х гг. оказалась достигнутой. В 1997 г. производство военной продукции по сравнению с 1991 г. снизилось более чем в 10 раз. Почти полуторное преобладание численности занятых в производстве военной продукции в ВПК в 1991 г., уменьшившись в 2,5 раза, к 1997 г. сменилось преобладанием занятых в гражданском производстве¹¹. Обратной стороной конверсии стало существенное ухудшение стратегических позиций России на Тихом океане. Вопросы конверсии оборонного производства, заявленные в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг., с середины 1990-х гг. фактически с повестки дня были сняты.

В этих условиях моногорода искали выход из фактически безвыходной ситуации. На Дальнем Востоке в число таких городов попали Комсомольск-на-Амуре, Амурск Хабаровского края, в Приморье – Арсеньев, пгт Дунай, Славянка. Особенно плачевная ситуация сложилась в г. Большой Камень. К моменту начала конверсии здесь насчитывалось три завода – «Звезда», «Восток» (достроечная площадка Амурского судостроительного завода) и «Эра» с охватом более 15 тыс. занятых, что составляло ориентировочно более 50% трудоспособного населения города.

Конверсия, а затем и либерально-радикальные реформы, в совокупности означавшие отсутствие госзаказов, поставили на грань выживания практически все население города. Молодые люди, не успевшие втянуться в заводские будни, отправились на поиски лучшей доли. Численность населения за 1989–2002 г. сократилась почти в два раза: с 65,6 тыс. до 38,4 тыс. чел.¹² В более сложном положении оказались люди среднего возраста, занятые на заводах «Восток» и «Эра», поскольку работа на них была сведена к минимуму.

В более выгодном положении оказался завод «Звезда». История трудового коллектива началась с ремонта гражданских и вспомогательных военных судов, с 1957 г. начинаются работы по ремонту и переоборудованию подводных лодок, первоначально дизельных, а с 1962 г. – и атомных первого поколения. С этого времени главной задачей предприятия на многие годы становится поддержание обороноспособности страны. С развитием Тихоокеанского флота потребность в ремонте АПЛ возрастала из года в год. Одновременно наряду с ремонтом АПЛ завод осваивал производство товаров народного потребления: кухонные гарнитуры и мягкая мебель местного производства пользовались популярностью не только у большекаменцев.

В 1991 г. директором завода «Звезда» был назначен В.А. Маслаков. С началом перестройки в рамках проводимой конверсии завод постепенно лишился оборонного заказа и, как следствие, начались длительные задержки выплаты заработной платы. На заводах «Восток» и «Звезда» в 1992-1994 гг. 7 тыс. работников не получали зарплату по полгода¹³. В ноябре 1996 г. долг российского правительства по зарплате «оборонщиков» Приморья составил 26 млрд. руб., в том числе 16 млрд. руб. предназначалось работникам завода за утилизацию старых АПЛ¹⁴.

В это сложное время «Звезде» удалось выстоять лишь благодаря непрерывным поискам заказов от сторонних организаций. Немалая заслуга в этом принадлежит тогдашнему директору В.А. Маслакову. Благодаря его настойчивости, вере в будущее предприятия, умению решать вопросы на самых высоких уровнях, завод выжил и сохранил статус государственного предприятия. Огромную роль здесь сыграло то, что в 1993 г. министерство обороны США и комитет оборонной промышленности России подписали соглашение о сотрудничестве в области сокращения стратегических наступательных вооружений. Завод «Звезда» получил заказ на утилизацию стратегических подводных лодок, выведенных из состава ВМФ России. В рамках заключенных контрактов США поставили на завод различное оборудование, а также профинансировали ремонт существующих и строительство новых объектов. На «Звезде» был создан современный универсальный комплекс по утилизации атомных подводных лодок. За годы его существования утилизировано более 40 АПЛ¹⁵. В этих условиях два других завода – «Восток» и «Эра» – оказались менее конкурентноспособными, в том числе и в области гражданского кораблестроения. Фактически на этом рынке их вытеснили китайские и южнокорейские конкуренты. Испытания для рабочих этих предприятий оказались более тяжелыми.

Не менее тяжелая ситуация сложилась и в другом городе Приморского края – Фокино. Особенность данного города заключается в том, что здесь располагается военно-морская база Тихоокеанского флота. Военная реформа 1990-х гг. крайне негативно отразилась на населении города, немалую часть которого составляли военнослужащие ТОФ и их семьи.

Накануне реформы в 1987 г. флот имел в своем составе 2 авианесущих крейсера, 1 атомный ракетный крейсер, 2 ракетных крейсера типа «Варяг», 2 больших ракетных корабля типа «Владивосток», 8 больших противолодочных кораблей типа «Ворошилов» и «Петропавловск», 4 артиллерийских крейсера типа «Сенявин», новые БПК «Адмирал Захаров» и эсминец «Осмотрительный». На подходе были еще несколько кораблей этого типа. Кроме этого, уже был сформирован экипаж для новейшего ракетного крейсера «Червона Украина», ныне – «Варяг». Все это были корабли 1-го ранга. Эсминцев, сторожевиков и противолодочных кораблей 2-го ранга насчитывалось в то время порядка 30 единиц. По количеству атомных и дизельных подводных лодок Тихоокеанский флот вполне мог соперничать не только с США, но и с НАТО. Однако в рамках договоренностей с США о

сокращении вооружений к началу 1992 г. из состава ТОФ исчезло более половины кораблей и подводных лодок¹⁶.

Тяжелая экономическая ситуация в стране отразилась на Вооруженных силах страны. В первых числах апреля 1993 г. новым командующим ТОФ был назначен Г. Гуринов. На пресс-конференции, состоявшейся 7 апреля 1993 г., он сообщил о дальнейшем сокращении флота еще на 20 % как за счет некомплекта, так и за счет вывода некоторых кораблей, дальних бомбардировщиков ТУ-16 и частей с устаревшей технологией¹⁷. В действительности в 1990-х гг. на ТОФе списали 77 кораблей различных классов¹⁸. И если списание старых судов было оправдано, прежде всего, с экологической точки зрения, то до сих пор вызывает недоумение списание двух тяжелых авианесущих крейсеров – «Новороссийск» (проект 11433), сданного в эксплуатацию в 1982 г., и «Минск» (проект 1143), сданного в эксплуатацию в 1978 г и списанного в 1993 г.¹⁹ Корабли такого класса служат не менее 20 лет, а «Новороссийск» и «Минск» прослужили соответственно 10 и 15 лет. Командующий ТОФ Г. Гуринов имел все основания признавать, что ТОФ, по сравнению с другими флотами России, находился в самом худшем положении²⁰.

Активно шло сокращение численности военнослужащих. В первом полугодии 1993 г. Вооруженные Силы России были укомплектованы на 25%²¹, а весенний призыв на ТОФ оказался выполнен всего на 40%²². Однако российские военачальники ничего трагического в этом не видели. Первый заместитель главнокомандующего ВМФ РФ И.В. Касатонов во время пребывания во Владивостоке в августе 1993 г. сказал: «Флот постепенно переходит на систему контрактов. Профессиональным, в полном смысле этого слова, он должен стать где-то лет через 20»²³. А пока Тихоокеанский флот готовился стать «профессиональным», город Фокино постепенно приходил в упадок. В 1996 г., через три года после этого интервью, ТОФ был не в состоянии прокормить своих военнослужащих. Задолженность перед краевым бюджетом только за продукты питания составила 25 млрд. руб. (по ценам 1996 г.)²⁴.

Отсутствие работы и перспектив трудоустройства на «гражданке» негативно отразилось на социальных процессах фокинцев. Отсутствие градообразующих предприятий, закрытие завода ЖБИ²⁵ стали причиной быстрого снижения численности населения. Ситуацию усугубила произошедшая в 1985 г. авария АПЛ в б. Чажма (30-й судоремонтный завод в пос. Дунай, который входит в городской округ Фокино). После аварии уволились высококвалифицированные кадры. Из пос. Дунай уезжали целыми семьями²⁶. К сожалению, из доступных источников по переписи населения 1989 г. нам не удалось выяснить, сколько же жителей проживало в Фокино, поскольку город относился к категории закрытых. По оценкам самих жителей, численность населения города в межпереписной период (1989–2002 гг.) сократилась не менее чем в два раза.

В этих условиях каждый моногород, имевший предприятия ВПК или военные базы, искал собственный способ выживания. Для многих из них

таким способом стало создание закрытого административно-территориального образования (ЗАТО). Право на его создание получили органы местного самоуправления населенного пункта, в пределах которого располагались промышленные предприятия по разработке, изготовлению, хранению и утилизации оружия массового поражения, переработке радиоактивных и других материалов, военные и иные объекты, для которых устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны²⁷. Особенностью таких образований было нахождение части вопросов в ведении федеральных органов (ст. 1, п. 3 Закона РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1)²⁸. Немаловажным является тот факт, что значительная часть бюджета ЗАТО формируется за счет ассигнований (дотаций) из федерального бюджета (ст. 5 Закона РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1).

Ухудшение общей ситуации (многочисленные невыплаты заработной платы офицерам, реальное сокращение их доходов) в 1990-х гг. заставило местную власть двух городов Фокино и Большого Камня обратиться к Закону о ЗАТО²⁹. В 1994 г. Фокино, а в 1996 г. Большой Камень были преобразованы в закрытые административно-территориальные образования, что не стало панацеей. В 1990-е гг. два приморских города, имевших стратегическое значение в обороноспособности страны, продолжали приходить в упадок.

Не улучшила ситуацию и Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года», вышедшая в 1996 г., целью которой было выправление сложившейся негативной ситуации к 2005 г., а затем к 2010 г. В числе основных мероприятий Программы назывались развитие топливно-энергетического комплекса, модернизация отраслей традиционной специализации (рыбохозяйственного комплекса, цветной металлургии, лесной и деревообрабатывающей промышленности), развитие транспортного и минерально-сырьевого комплексов, социальной инфраструктуры и закрепление населения на южных территориях региона. Объем финансирования затрат правительство определило в 441202,4 млн руб.³⁰ Но к сожалению, в данном документе не было ни слова о поддержании другой традиционной региональной отрасли – ВПК.

Отвечая на вопрос, что же из себя представляла модернизация стратегических городов, мы можем констатировать, что для Большого Камня и Фокино после пристального внимания государства в 1960–1980-е гг., 1990-е годы стали периодом разрушения ВПК и флота, невостребованности высококвалифицированных кадров. Как и для всей страны, это десятилетие было временем поиска способов выживания, осознания и адаптации к новым условиям, т.е., по сути, периодом социальной и экономической демодернизации.

Сноски и примечания

¹ Модернизация // Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.09.2013).

² Клуб «Малые и средние города России» // Режим доступа: <http://clubs.ya.ru/4611686018427461893/> (дата обращения: 14.09.2013).

³ Режим доступа: <http://archive.minregion.ru/WorkItems/NewsItem.aspx?NewsID=1561> (дата обращения: 14.09.2013).

⁴ Перспективы моногородов в современной России // Режим доступа: http://www.memoid.ru/node/Perspektivy_monogorodov_v_sovremennoj_Rossii (дата обращения: 10.09.2013).

⁵ Такое название дали своей работе Локосов В.В. и Орлов И.Б. «Пятилетка № 13. Взлеты и падения». М., 1996. 126 с.

⁶ Ишаев В.И. Концепция развития Дальнего Востока России // Режим доступа: <http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/concept.htm> (дата обращения: 14.09.2013)

⁷ Крушанова Л.А. Особенности демографических процессов на Дальнем Востоке в 1980-х гг. // Россия и АТР. 2012. № 2. С.19.

⁸ Внешняя политика СССР во второй половине 1980-х гг. // Режим доступа: <http://aleho.narod.ru/book2/ch29.htm> (дата обращения: 14.09.2013).

⁹ Соколов А.В. Конверсия оборонной промышленности Сибири // Режим доступа: <http://russiasib.ru/konversiya-oboronnoj-promyshlennosti/> (дата обращения: 14.09.2013)

¹⁰ Закон РФ о конверсии оборонной промышленности в Российской Федерации (от 24 марта 1992 г., № 2551-1, в ред. Указа Президента РФ от 24.12.93 г., № 2288) // Режим доступа: <http://kodeks-luks.ru/ciws/site?nd=9003314&prevDoc=901705734&tid=0> (дата обращения: 15.09.2013).

¹¹ Соколов А.В. Конверсия оборонной промышленности Сибири // Режим доступа: <http://russiasib.ru/konversiya-oboronnoj-promyshlennosti/> (дата обращения: 14.09.2013).

¹² Большой Камень // Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.09.2013).

¹³ Режим доступа: <http://novyeludi.ru/books/gvachnadze/kreiser-novorossiisk-go>

(дата обращения: 15.09.2013).

¹⁴ Москва выделила деньги – оборонщики края недовольны // Режим доступа: http://old.vladnews.ru/magazin.php?id=8&idnews=33056¤t_magazin=21

(дата обращения: 16.09.2013).

¹⁵ Дальневосточный завод «Звезда». История завода // Режим доступа: <http://www.fes-zvezda.ru/about/history/> (дата обращения 17.09.2013).

¹⁶ Режим доступа: http://old.vladnews.ru/magazin.php?current_magazin=152&id=8&idnews=65975 (дата обращения: 18.09.2013).

¹⁷ Тихий океан. Владивосток. 1993. 10 апр.

¹⁸ Режим доступа: <http://novyeludi.ru/books/gvachnadze/tikhookeanskii-flot-ros> (дата обращения: 18.09.2013).

¹⁹ Режим доступа: <http://www.nashflot.ru/page/sssр/minsk/4> (дата обращения: 21.09.2013).

²⁰ Тихий океан. 1993. 10 июля.

²¹ Тихий океан. 1993. 14 авг.

²² Тихий океан. 1993. 10 июля.

²³ Тихий океан. 1993. 14 авг.

²⁴ Яковец А., Лобода М. Будем рассчитывать на свои силы. К итогам поездки в Приморье первого вице-преьера правительства России Виктора Илюшина // Владивосток. 1996. 7 нояб.

²⁵ Фокино (Приморский край). // Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

²⁶ «Чужими руками грязь выгребать!» // Режим доступа: <http://www.arsvest.ru/archive/issue900/economy/view18578.html>

²⁷ Режим доступа: <http://be5.biz/ntav/z29.htm> (дата обращения: 17.09.2013).

²⁸ Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании» // Режим доступа: <http://base.garant.ru/10108046/> (дата обращения: 18.09.2013).

²⁹ Стоит отметить, что еще в 1980 г. пос. Тихоокеанский (тогдашнее название г. Фокино) был отнесен к городам закрытого типа, а самому городу установлен почтовый адрес Шкотово-17.

³⁰Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 и до 2010 года» // Режим доступа: <http://www-sbras.nsc.ru/win/sbras/bef/pos480.html> (дата обращения: 18.09.2013).

ОТКРЫТИЕ ГРАЖДАНСКИХ БОЛЬНИЦ В ГОРОДАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

О.Ю. КУЗНЕЦОВА

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск

Конец XIX – начало XX вв. стали временем активного освоения дальневосточных земель. История развития большинства городов была одинакова, сначала основывался военный пост, затем он разрастался и получал статус города. В 1858 г. были основаны посты Хабаровка и Усть-Зейский¹, в 1860 г. - пост Владивосток². Пост Усть-Зейский (станция Благовещенская) уже в год своего основания стал центром образованной Амурской области и получил статус города³. Хабаровке и Владивостоку пришлось пройти более длительный путь. Оба населенных пункта были переведены в разряд городов в 1880 г.⁴.

Численность жителей в городах Дальнего Востока постоянно увеличивалась (табл.1).

Таблица 1

Динамика роста численности населения в городах Дальнего Востока

Год	Владивосток	Хабаровск	Благовещенск
1868	510	1032	3500
1878	8393	2036	5000
1897	30847	14932	32606
1901	36000	15000	21096
1905	43648	18649	45440

Таблица составлена на основании источников: Владивосток. Штрихи к портрету. Владивосток, 1985. С. 21, 28.; Крушанов А.И. Некоторые вопросы социально-экономической истории Владивостока (1860–1916) // Материалы по истории Владивостока, Владивосток, 1960. С. 27.; Смирнов Е.Т. Приамурский край на амурско-приморской выставке 1899. Хабаровск, 1899. С. 388-389.; Хабаровск 1858–1983. Очерк истории. Хабаровск, 1983. С. 19, 47.; Вехи времени. Благовещенск 1858-2003 // Режим доступа: <http://amur-ivanovka.narod.ru/histori/blag.htm> (дата обращения 19.09.2013); Население Благовещенска // Режим доступа: <http://molodblag.ru/stati-o-blagoveshchenske/8-naselenie-blagoveshchenska> (дата обращения 19.09.2013).

В структуре населения Дальнего Востока в начале колонизации преобладали военные. Соответственно первые лечебные заведения в крае принадлежали военному ведомству. В них же оказывалась медицинская помощь и гражданскому населению. В Хабаровске таким учреждением был местный военный лазарет на 14 коек, открытый в 1867 г. и преобразованный в 1871 г. из постового в гарнизонный, а в 1874 г. - в полугоспиталь на 100 коек⁵, в Благовещенске – местный лазарет, состоявший при втором Восточно-Сибирском батальоне с 1858 г.⁶, во Владивостоке – военноморской госпиталь, перенесенный из Николаевска-на-Амуре в 1871 г.⁷

Несмотря на отсутствие гражданских больниц в Хабаровске в 1871 г. была введена должность гражданского врача, во Владивостоке в 1884 г. и в Благовещенске в 1885 г. – должности городских врачей⁸. Однако процесс открытия городских больниц, несмотря на рост численности жителей и появление в крае гражданского медицинского персонала, во всех трех административных центрах занял довольно длительное время.

Уже в 1885 г. Приамурский генерал-губернатор доводил до сведения Управляющего Министерства Внутренних Дел (МВД) ходатайство Городской думы об «установлении в г. Владивосток, на основаниях, высочайше утверждённых 26.05.1881 г. для г. Кронштадта, больничного сбора с лиц обоего пола, нанимающихся в черте города для домашнего услужения и разного рода работ, а также занимающихся ремёслами, извозом и торговлей в разнос или развоз. Сбор Городскою Думою предложено взимать в размере 3 рублей в год с каждого плательщика и обращать на устройство и содержание городской больницы. А до её открытия направлять на уплату морскому ведомству денег за лечение лиц подлежащих сбору и их семейств в морском госпитале или на устройство в городе временного лазарета или амбулаторной лечебницы». Сам же генерал-губернатор сообщал, что «вследствие постоянного скопления в г. Владивостоке рабочих (до 4500 душ), лишённых при современном положении дел, почти всякой медицинской помощи, устройство в этом городе особой городской больницы представляется настоятельной необходимостью. Хотя в кассу г. Владивостока ежегодно поступает немалое количество доходов (свыше 50 тыс. руб.) и город, кроме того, имеет запасной капитал в 30 тыс. руб., средств этих недостаточно для устройства и содержания больницы, по причине дороговизны всех вообще построек в городе. Необходимо по местным условиям назначить всем служащим в больнице жалование в значительном размере»⁹.

Спустя пять лет 28 октября 1889 г. Приамурскому генерал-губернатору из МВД пришёл ответ, что Министерство финансов, с которым Министерство внутренних дел состояло в переписке по этому вопросу, ответило, что оно не признаёт возможным согласиться на введение в г. Владивостоке больничного сбора на том основании, что установление подобного сбора, составлявшего личный налог и падавшего исключительно на лиц с наименьшим достатком, было бы, по мнению Министерства финансов, несовместимо с направлением, усвоенным позднейшим финансовым законодательством, клонящимся к постепенной замене подушной подати имущественным налогом. При этом Министерство финансов заметило, что хотя прекращение подушной подати с сельского населения Сибири ещё не состоялось, тем не менее, и там уже отменён бывший подушный сбор с городских обывателей, мещан, под названием окладного сбора и принимались меры к возможному ограничению земских подушных сборов¹⁰.

К обсуждению этого вопроса Городская дума Владивостока вернулась на заседании 26 июня 1890 г. Внимание Думы было обращено на следующие

обстоятельства: с последовавшим в 1872 г. перенесением из Николаевска главного порта во Владивосток, население последнего быстро увеличивалось: «Вследствие неблагоприятных климатических условий Владивостока, развитие многих эпидемических болезней, например, корь, скарлатина, тиф, дифтерия, оспа, холера может принимать угрожающий характер. В Китае нередко свирепствуют оспа и холера, занесение которых во Владивосток весьма легко в виду большого протяжения пограничной линии. Развитие этих болезней, как показывает опыт прежних лет, особенно усиливается среди рабочего населения. Приходящие на заработки, в случае заболевания, поступают на попечение города, который для борьбы с эпидемией, обеспечивает им и содержание, и медицинскую помощь в ущерб интересам коренного населения города»¹¹. Гражданское население вовсе не было обеспечено надлежащей медицинской помощью. За общественный счет содержался временный амбулаторный покой для приходящих больных с выдачей им бесплатно лекарств и устроен околоток для лечения заболевающих сифилисом женщин. На обозначенные предметы из городских сумм расходовалось ежегодно около 5000 руб., выделять на медицинскую помощь город больше не мог, поэтому, по мнению Городской думы, крайне необходимо было ввести сбор с населения¹².

Постоянные обращения к администрации региона возымели действие и в 1892 г. было получено «Высочайшее повеление о проведении больничного сбора». Больничный сбор должен был взиматься в размере одного рубля с человека за каждое полугодие. Этому сбору подлежали все лица обоего пола без различия звания, нанимавшиеся в черте Владивостока для домашнего услужения и разного рода работ и занятий как у частных лиц, так и в разных учреждениях, заведениях, на фабриках и заводах, а равно занимавшиеся комиссионерством, работою подённо, извозом, торговлею в разнос или в развоз, каким-либо мастерством или ремеслом. До устройства городской больницы во Владивостоке городское общественное управление уплачивало военному лазарету при больнице за лечение указанных выше лиц и их семей. В случае надобности оно устраивало за счёт больничного сбора временную амбулаторную лечебницу для приходящих больных или лазарет с кроватями. Остаток же сбора за покрытие из него расходов по взиманию обращался в специальный капитал на устройство и содержание городской больницы¹³.

После издания «Высочайшего повеления» в городе сразу же приступили к сбору денежных средств. Немалую роль в деле открытия городской больницы сыграло созданное в 1892 г. Общество врачей Южно-Усурийского края. Бурно обсуждались формы работы по сбору средств. Врачи Ф.А. Кучинский и И.К. Эпов предложили устроить серию публичных лекций о первой помощи, а городской врач Б.А. Перлин передал в распоряжение общества 255 руб., вырученных от благотворительного спектакля. Члены общества выбрали место для строительства больницы и, собрав необходимые средства, в 1892 г. приступили к нему¹⁴. В 1893 г. Владивостокская городская больница приняла первых пациентов. Первоначально это было деревянное здание, в котором разместилось всего 18

коек. Первым главным врачом больницы стал Борис Александрович Перлин¹⁵.

В 1894 г. военный губернатор Приморской области сообщал Приамурскому генерал-губернатору: «Владивостокская городская больница состоит из двух бараков, один, сперва выстроенный для летнего времени и обложенный затем кирпичом, а другой из брусьев. Эти бараки, по сути постройки временные, и предстоит неотложная необходимость в постройке постоянной каменной больницы в этом городе. Если обратиться к упомянутому больничному сбору, то он за полтора года достиг 18000 рублей и в настоящее время совершенно израсходован на постройку и содержание названных барак. Предстоящий больничный сбор ежегодно в размере 12000 рублей весьма долго будет держаться на одном уровне и если от увеличения города будет увеличиваться и число чернорабочих, то с другой стороны окончатся такие капитальные сооружения как док и железная дорога, привлечшие в настоящее время большое число рабочих; 1200 рублей в год будет достаточно лишь на содержание больницы. Следовательно, на постройку постоянной больницы в г. Владивостоке приходится расходовать деньги из другого источника. Городская касса г. Владивостока не имела достаточных средств, т.к. город был совершенно неустроен и ему предстояла масса расходов на благоустройство, как то водопровод, канализацию, мощение улиц, постройку школ и пр. В связи с чем, военный губернатор считал возможным, чтобы Государственное Казначейство ссудило потребные деньги на постройку больницы. По предварительному расчёту архитектора на каменную больницу в 50 кроватей требовалась 100000 рублей»¹⁶.

В 1895 г. было построено второе здание больницы, где расположились аптека и операционная, были построены также летний барак на 18 коек, покойницкая и склад. В 1899 г. по проекту инженера А.Н. Левтеева построили три здания, и количество коек увеличилось до 48¹⁷.

Потребовалось семь лет, чтобы в 1900 г. штат больницы Владивостока, состоявший из единственного врача Перлина, увеличился ещё на одного врача. Теперь в больнице работали Смирнов и заменивший Перлина Тенчинский¹⁸. Проблемы больницы были связаны не только с нехваткой персонала. По сообщению газеты «Владивосток», в ней не было надлежащего порядка. В зимнее время температура помещения нередко понижалась до -8°C и «больные говорят, что часто остаются без горячей пищи»¹⁹. Многочисленные ходатайства о необходимости изменения такого положения вещей возымели действие и городские власти приступили к расширению больницы. В 1908-1910 гг. по проекту архитектора В.В. Постникова был выстроен хирургический корпус. В 1907-1916 гг. был возведён терапевтический корпус, открыты венерологическое и инфекционное отделения, коечная мощность больницы возросла до 450. С 1914 г. при больнице был учреждён больничный совет, на заседаниях которого решались важнейшие вопросы внутренней жизни больницы и оказания медицинской помощи населению города и края²⁰.

В Хабаровске в 1893 г. по инициативе полицмейстера А.М. Чернова был учреждён приёмный покой, ставший впоследствии основанием городской больницы. В новом приёмном покое в течение 1893 г. медицинской помощью воспользовалось всего 10 стационарных больных. Амбулаторный приём производился правительственным врачом Лобарским²¹. До этих событий единственным гражданским лечебным учреждением служила богадельня «для призрения немощных больных всякого звания и состояния», организованная в 1890 г. В 1897 г. наконец было выстроено здание для городской больницы на 50 коек, а в следующем году в Хабаровске открыли вакансию на должность первой городской фельдшерицы-акушерки²².

В 1907 г. городская больница Хабаровска включала в себя уже 100 коек. При ней состояли 4 врача, 6 фельдшеров, из них 2 фельдшерицы-акушерки. По отношению к населению, проживавшему в городе, она была мала, постоянно переполнена. Кроме того в городе осуществлялся приём больных при Александро-Ксениевской общине сестёр милосердия Красного Креста как амбулаторных так и коечных. Бедные пользовались амбулаторным лечением бесплатно, состоятельные за амбулаторное лечение в сутки платили 50 коп., а за коечное и на полном пансионе – 3 руб. В Хохлацких слободках функционировала городская амбулатория, которой заведовал санитарный врач²³. В 1911 г. было закончено строительство двух барakov для заразных больных и общее количество мест в городской больнице Хабаровска увеличилось до 120²⁴. В 1913 г. на средства австралийской лесной концессии в городе была построена больница²⁵.

90-е гг. XIX в. стали временем создания городской больницы и для главного города Амурской области – Благовещенска. Переписка по этому вопросу с правительственными учреждениями велась с 1882 г. Центральные органы неизменно отписывались, что строительство и содержание городской больницы должно финансироваться за счёт городского бюджета, а городские власти настойчиво повторяли, что «у города нет средств для устройства больницы»²⁶. С 1897 г. в городе собирали пожертвования на строительство больницы²⁷. Однако средств не хватало, а увеличение населения и часто вспыхивающие эпидемии привели к тому, что «власть в 1899 г. купила здание, предназначавшееся под паровую мельницу»²⁸, положив начало основанию городской больницы, которая была открыта в 1900 г. Она была рассчитана на самое ограниченное число кроватей²⁹. В 1902 г. была закончена постройка собственного здания для терапевтического отделения городской больницы, рассчитанного на 50 кроватей и стоившего городу 18316 руб.³⁰ В 1905 г. было построено хирургическое отделение на 30 кроватей стоимостью в 15009 руб. Г.П. Ларин, житель Благовещенска, принёс в дар городу каменное здание операционной с полным её оборудованием стоимостью 30160 руб.³¹

Количество кроватей в Благовещенской городской больнице к 1912 г. было увеличено до 150, и теперь она состояла из следующих отделений: терапевтического на 65 кроватей, хирургического - на 30, венерического - на

25 и психиатрического - на 30³². На основании отчёта врачебного инспектора Приамурского генерал-губернаторства от 1914 г. можно представить себе состояние Благовещенской больницы. Он писал, что в «хирургическом отделении замечается сильное зловоние, проникающее в коридор и палаты, в венерическом – для мужского и женского отделений одна общая ванна, клозеты расположены на улице и очень грязно содержатся; нет хороших ящиков для нечистот, почему последние вытекают наружу и заражают почву здания». За отсутствием специальных лабораторий в больнице не могли производить нужных исследований³³.

Амбулаторной медицинской помощью население Благовещенска было обеспечено в достаточной степени, в городе существовали в разных местах четыре амбулатории: городская, при общине Красного Креста и при больницах – городской и лечебно-благотворительного общества³⁴.

Таким образом, открытие всех трех городских больниц сталкивалось с определенными трудностями и занимало достаточно продолжительное время. Главной проблемой было отсутствие средств на строительство специально оборудованных помещений, поэтому приходилось прибегать к введению специальных сборов с населения и материальной помощи благотворителей. Открытие гражданских больниц не решало проблем в сфере здравоохранения городов. Помимо нехватки средств, существовали также проблемы с персоналом и с санитарным состоянием лечебных заведений. Количество койко-мест в больницах увеличивалось быстрее, чем кадровый персонал медицинских учреждений. Но даже возросшее число коек не могло вместить всех заболевавших, и больницы часто были переполнены, что неблагоприятно сказывалось на санитарном состоянии помещений. Однако, несмотря на все существовавшие проблемы, открытие городских больниц было очень важным событием в жизни каждого города, потому что разгружало переполненные госпитали и лазареты и делало медицинскую помощь более доступной для гражданского населения.

Сноски и примечания

¹ Хабаровск. 1858 – 1983. Очерк истории. Хабаровск, 1983. С. 10.

² Крушанов А.И. Некоторые вопросы социально-экономической истории Владивостока (1860–1916) // Материалы по истории Владивостока. В 2-х книгах. Владивосток, 1960. Кн. 1. С. 22.

³ Высочайше утвержденное Положение об управлении Амурской областью от 8 декабря 1858 г. // Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856-1861 гг. Владивосток, 2002. С. 54.

⁴ Хабаровск 1858–1983. Очерк истории. Хабаровск, 1983. С. 27.

⁵ Хабаровск. 1858–1983. Очерк истории. Хабаровск, 1983. С. 22,38.

⁶ Обзор Амурской области за 1885 год. Благовещенск, 1886. С. 37.

⁷ Исаева Г.П., Кривелевич Е.Б., Лищинский Б.Д., Мизь Н.Г. Русская медицина второй половины XIX – начала XX в. // От шаманского бубна до луча лазера (очерки по истории медицины Приморья). Ч. 1. Владивосток, 1997. С. 106.

-
- ⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 250. Л. 44.; Обзор Амурской области за 1885 год. Благовещенск, 1886. С. 36.; Хабаровск. 1858–1983. Очерк истории. Хабаровск, 1983. С. 38.
- ⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 17. Л. 3.
- ¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 17. Л. 7.
- ¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 17. Л. 18.
- ¹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 17. Л. 20.
- ¹³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 17. Л. 38.
- ¹⁴ Лишинский Б.Д., Исаева Г.П. Благотворительная деятельность медиков Приморья (страницы истории) // Здоровоохранение Российской Федерации. 1991. № 1. С. 27.
- ¹⁵ Исаева Г.П., Кривелевич Е.Б., Лишинский Б.Д., Мизь Н.Г. Русская медицина второй половины XIX – начала XX в. ... С. 117-118.
- ¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 250. Л. 184.
- ¹⁷ Исаева Г.П., Кривелевич Е.Б., Лишинский Б.Д., Мизь Н.Г. Русская медицина второй половины XIX – начала XX в. ... С. 117, 119.
- ¹⁸ Щебенков В.Г. Из истории медицины и санитарии на русском Дальнем Востоке // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток, 1973. С. 182.
- ¹⁹ Владивосток. 1896. 7 янв.
- ²⁰ Исаев Е.П., Кривелевич Е.Б., Лишинский Б.Д., Мизь Н.Г. Русская медицина второй половины XIX – начала XX в. ... С. 120.
- ²¹ Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска. Хабаровск, 2008. С. 129.
- ²² Востриков Л.А. Светя другим. Хабаровск, 1974. С. 178.
- ²³ Обзор г. Хабаровска Приморской области за 1907 г. // Хабаровск. Страницы истории: Сборник документов Государственного архива Хабаровского края, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока об истории развития города Хабаровска. Хабаровск, 2008. С. 64.
- ²⁴ Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1913. С. 74.
- ²⁵ Города Хабаровского края. Хабаровск, 1972. С. 256.
- ²⁶ Приамурские ведомости. 1899. 12 дек.
- ²⁷ РГИА ДВ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.
- ²⁸ Приамурские ведомости. 1899. 12 дек.
- ²⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 57. Л. 273.
- ³⁰ Щебенков В.Г. Из истории медицины и санитарии на русском Дальнем Востоке... С. 181.
- ³¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 57. Л. 273.
- ³² Там же. Л. 359.
- ³³ Щебенков В.Г. Из истории медицины и санитарии на русском Дальнем Востоке... С. 181.
- ³⁴ РГИА ДВ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 173. Л. 6.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ГОРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР В 20–30-е ГОДЫ XX В.

Н.Г. КУЛИНИЧ

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

Город представляет собою не только административно-территориальное образование, но и особый организм, состоящий из двух взаимосвязанных компонентов: искусственно созданной городской материально-бытовой среды и городского населения, с характерными для него общественными отношениями. Из этих двух составляющих и складывается, в основном, социальный облик города. Его динамика определяется социально-экономическими, политическими и культурными трансформациями, происходившими в стране и регионе.

В 1920-е гг. изменение городского социального облика, обозначенное автором как «советизация дальневосточных городов», определялось, главным образом, социальными преобразованиями, осуществлявшимися новой советской властью. Оно нашло выражение в смене классового состава городского руководства: место буржуазно-мещанской городской Думы заняли городские Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Первые горсоветы возникли в 1923 г. в крупных губернских городах: Чите, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке. В 1924 г. «для продуктивности работы» при горсоветах стали создаваться секции – финансовая, здравоохранения, народного образования, социального обеспечения, земельная и коммунального хозяйства¹. Долгое время работу горсоветов затрудняло отсутствие самостоятельного аппарата и достаточных средств. Сложно складывались отношения между городскими советами и руководством промышленных предприятий, всячески тормозившим передачу советам объектов социально-бытового назначения². Основная роль в решении проблем городского благоустройства, жилищного строительства и т.п. в рассматриваемый период принадлежала партийным органам, имевшим особые рычаги воздействия.

Проведенная горсоветами национализация и последующее перераспределение «крупных» домовладений разрушили демаркацию городской территории по социальному признаку. В основу советской жилищной политики был положен классовый подход, четко разграничивавший «социально близкие» и «социально чуждые элементы». Для первой группы, к которой относились рабочие и служащие госпредприятий и учреждений, жилая площадь предоставлялась в первую очередь, и давались существенные (от 10 до 80%) льготы по ее оплате. Лица, относившиеся к «социально чуждым элементам», напротив, ущемлялись в жилищном вопросе. Для них устанавливалась самая высокая квартплата³. Шло планомерное вытеснение из благоустроенных жилищ этой категории граждан. В отчетном докладе Владивостокского горисполкома (1928 г.) говорилось, что «нетрудовой элемент», проживающий в коммунальных

домовладениях, «доведен до 4,3% по занимаемой площади и до 3,5% по числу проживающих»⁴. В результате кампании по перераспределению жилья произошло перемещение рабочих семей с городских окраин, традиционно составлявших основной район их размещения, в центр города, ранее принадлежавший исключительно привилегированным слоям населения. Анализируя изменения, произошедшие в социальном облике Владивостока за тринадцать лет советской власти, корреспондент газеты «Тихоокеанская звезда» Л. Решетов утверждал, что главное из них состоит в том, что «рабочий класс занял весь город. Он хозяин и житель не только Рабочей слободки, выделенной старыми «отцами города» за пределами «европейского» Владивостока, но и всего остального города, в том числе его красивейших центральных улиц»⁵.

Учреждения новой власти разместились в лучших городских зданиях: Дальревком (а позже Далькрайисполком) – в Хабаровске в бывшем Доходном доме купца 2-й гильдии А.К. Архипова, Далькрайком ВКП(б) – в здании бывшей Городской думы, Амурский губком ВКП(б) – в Благовещенске в бывшем универсальном магазине Торгового Дома «Кунст и Альберс», Приморский губком ВКП(б) и губисполком – во Владивостоке в здании Главного морского штаба Сибирской флотилии и т.д. Новую социальную географию городского пространства маркировали главные советские символы – красные флаги и звезды, украсившие фасады этих архитектурных объектов. На городских зданиях разместились вывески новых социально-значимых учреждений: рабочих кооперативов, клубов, отделов записи актов гражданского состояния, дошкольных учреждений (сады, очаги, гнездышки, ясли), детских консультаций, «Домов матери и ребенка» и т.п. В дни новых революционных праздников города расцвечивали гирлянды иллюминаций, символизировавшие торжество нового строя.

Новый социальный облик закреплялся повсеместным переименованием городских площадей и улиц. Для этой цели при горсоветах создавались специальные комиссии. В качестве новых названий выбирались знаковые для новой социалистической реальности имена основоположников марксизма, руководителей советского государства, героев революции и Гражданской войны. В Хабаровске были изменены названия улиц: Муравьева-Амурского на Карла Маркса, Барановская – Ленина, Протодиаконовская – Фрунзе, Поповская – Калинина и т.д. Улицы с теми же названиями появились в других городах. Преобразователи городской топонимики не забыли события собственной революционной истории, что было важно для осознания включенности региона в общегосударственный революционный процесс. Корсаковская улица Хабаровска в честь одного из важнейших событий Гражданской войны на Дальнем Востоке стала называться Волочаевской. Имена погибших красноармейцев получили благовещенские улицы: Офицерская стала улицей Мухина, Корсаковская – Лазо. Смерть В.И. Ленина усилила распространение его имени в городской топонимике. По решению горсоветов главная улица Владивостока Светланская и ул. Большая Благовещенска были переименованы в улицы им. Ленина⁶.

Социальный облик городов изменила национализация бывших казенных и частновладельческих предприятий и создание социалистического сектора экономики. В 1924–1925 гг. на долю государственной промышленности в ДВО приходилось уже 72% всей продукции, еще 12% обеспечивалось за счет кооперации, увеличилась доля социалистического сектора в торговле (до 61,5%)⁷, банковском деле (до 96%)⁸. Первыми были национализированы крупнейшие предприятия: Дальневосточный судоремонтный завод (Дальзавод), государственные механические мастерские Владивостока и Никольск-Уссурийска, Дальсельмаш (бывший завод Арсенал) в Хабаровске, Петровский чугунолитейный завод в Забайкалье и др. Все больше горожан вовлекалось в сферу социалистического производства и потребления.

Однако темпы социальных преобразований в городах региона в 1920-е годы были значительно ниже, чем в центральных районах страны. Нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов, приехавший в июле 1931 г. в ДВК, был поражен плачевным состоянием дальневосточных городов, заявив, что «они представляют довольно гнусную картину». Занятые новой властью прекрасные здания нуждались в срочном ремонте. «В самой прекрасной зале, которая вам, очевидно, многим знакома, где происходил сам Пленум Крайисполкома, свисает на стенах штукатурка» – возмущался Ворошилов на заседании партактива г. Владивостока. По его мнению, «такие картины» в других городах «можно было видеть в 1922, 23, ну еще в 1924 году», но никак не в 1931 г.⁹.

В 30-е гг. XX в. основным фактором, определявшим изменение социального облика дальневосточных городов, стала форсированная индустриализация, превратившая край в широкомасштабную строительную площадку. Здесь одновременно строилось 100 промышленных объектов, из них более 20 предприятий «союзного значения». Как правило, новые заводы и фабрики возводились на окраинах уже существовавших городов или в абсолютно пустом месте, вдали от крупных населенных пунктов, а вокруг них вырастали рабочие поселки («городки»). Эти символы индустриальной мощи региона выступали своеобразной городской доминантой, на многие годы определившей облик дальневосточных городов. Первостроитель Комсомольска-на-Амуре П. Кривonosов позже так объяснил сложившуюся ситуацию: «Можно утверждать, что в Комсомольске произошла замена понятий «город» – «завод»: там возводили именно *завод*, а не *город*. На всех этапах его строительства его можно было назвать «городом-заводом»¹⁰. О том, что Комсомольск представляет собою не город, а объединение нескольких «заводов, строек и заводских поселков» говорилось в докладной записке руководства горсовета председателю СНК РСФСР Н.А. Булганину (март 1938 г.)¹¹.

Руководители крупных предприятий, централизованно по ведомственным каналам получавшие денежные средства для строительства жилья, объектов здравоохранения и образования, стали подлинными «городскими хозяевами», оттеснив на второй план и горсоветы и горкомы

ВКП(б), что не укрылось от взгляда дальневосточников. Особенно явно роль нового хозяина ощущалась в молодых строящихся городах. В письме в газету «Тихоокеанская звезда» (1935 г.) комсомольчанин Т. Арнольд писал, что «Дальпромстрой безраздельный сегодня «хозяин» города. Ему принадлежит всё... Хорошо, если он сегодня хозяин «добрый» и соглашается выполнить просьбу...». Так, например, Дальпромстрой выделил средства на постройку новой трехэтажной школы в Комсомольске. Но у него «не хватило доброты» на ее оборудование и отопление, поэтому школьники по-прежнему вынуждены тесниться в бараках¹².

Еще одним фактором изменения социального облика дальневосточных городов стало уничтожение наиболее значимых культовых сооружений с тем, чтобы они не создавали «оппозицию» строившимся социалистическим зданиям. Одним из первых был разобран кафедральный Успенский собор Хабаровска. Решение о его сносе обосновывалось тем, что в архитектурном отношении он не представляет какой-либо ценности, занимает земельный участок, могущий быть использованным под застройку другим зданием. Опасаясь негативной реакции горожан, президиум Далькрайисполкома поручил органам ОГПУ принять «необходимые меры». Редакции газеты «Тихоокеанская звезда» было поручено «осветить в печати этот вопрос», чтобы подготовить «соответствующее общественное мнение»¹³. Затем в Хабаровске была разобрана Алексеевская церковь, во Владивостоке – здание православного храма на Русском острове, высокая шатровая колокольня Архиерейского подворья, кладбищенский Покровский храм и одно из красивейших зданий города – Успенский собор¹⁴.

Доминировавшее положение в городской застройке предназначалось новым социалистическим объектам архитектуры. Основным направлением социалистического строительства стали дома-коммуны. Первым в Хабаровске (в 1933 г.) был построен пятиэтажный дом-коммуна работников НКВД со столовой на 1500 чел., магазином-кооперативом, спортивным магазином, клубом со зрительным залом на 1000 мест, гимнастическим залом, интернатом для детей, амбулаторией и светолечебницей. Не менее значимой постройкой стал Дом командиров Красной Армии. В трех-, четырех- и даже пятикомнатных квартирах были предусмотрены: отдельная комната для домработницы, удобная кухня со шкафом-холодильником, ванная, водопровод, уборная и мусоропровод¹⁵. Дома повышенной комфортности строились, в первую очередь, для специалистов, создавая тем самым еще один знаковый символ социализма, соединивший ценности образования и индивидуального жилья. В 1933 г. был создан специальный комитет содействия строительству «домов специалистов»¹⁶. В Хабаровске были построены жилые дома связистов, работников банка, журналистов. Одно из новых зданий так и называлось – Дом специалистов. Во Владивостоке одним из первых был выстроен новый дом для рабочих и служащих Дальзавода¹⁷.

В дальневосточных условиях городское строительство, особенно в молодых городах, осуществлялось хаотично, в отсутствии единого плана

городской застройки, «без всякого учета соседних и предстоящих строителей, без взаимной согласованности»¹⁸. Житель г. Охи инженер К. Поливанов писал об этом: «Оха строилась беспорядочно. Смешно сказать, но ведь в этом двадцатипяти тысячном городе нет ни одной улицы. Строили дома, где вздувается. Город разбит сейчас на несколько «городков» – сезонный, «ситцевый» (по названию ситцевых палаток – Н.Г. Кулинич), осовский, радиозуловой, 12-го участка, 5-го участка...»¹⁹. Отсутствие единого плана застройки порождало эклектическую организацию городского пространства: искусственное соединение худших форм городского и сельского быта. Жителям двухэтажных, казалось бы, городских домов приходилось «как в деревне» по вечерам зажигать керосиновые лампы, топить печи и приносить из водопроводной колонки воду²⁰. Основная ставка в новом городском строительстве в 1930-е гг. делалась на временные сооружения барачного типа. Эта установка на «временность» не укрылась от глаз современников, отмечавших, что в ходе городской застройки «одна временка вытесняет другую, чтобы, в свою очередь, уступить место третьему временному сооружению»²¹.

Форсированная индустриализация, сопровождавшаяся массовой миграцией населения, превратила центральные дальневосточные города, в первую очередь, Хабаровск и Владивосток в настоящие перевалочные пункты, принимавшие и переправлявшие дальше на восток (в Комсомольск, Магадан, на Камчатку и Сахалин) десятки тысяч рабочих. Однако специальных мест (гостиниц, общежитий и т.п.) для приема и временного проживания переселенцев до отправки создано не было. Люди вынуждены были устраиваться «где попало», «спать вповалку в красных уголках», в коридорах учреждений и других непригодных для этого помещениях²². Эта ситуация усиливала отпечаток «временности» в социальном облике дальневосточных городов.

Своеобразным свидетельством растущей индустриальной мощи региона стало открытие весной 1934 г. в городах автобусного движения. В Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске были установлены светофоры, электрические предупредительные знаки и, как писали восторженные корреспонденты, «засновали по улицам взад и вперед» новенькие голубые автобусы. Однако, достаточно скоро восторги по этому поводу утихли, сменившись критикой на плохую работу городского транспорта. Так, в Хабаровске из 13 автобусов работало только 8, для остальных 5 не нашлось профессиональных водителей. Горожане жаловались, что в отдаленные районы автобусы не ходят, «можно простоять полчаса в огромной очереди», «на первый автобус набрасывается толпа» и т.п.²³ В среднем на одного жителя краевого центра приходилось 2,1 автобусной поездки в год²⁴. В молодых городах, даже таких крупных как Комсомольск, полностью отсутствовало автобусное движение. По городу ходили пешком, а «в отдаленные районы ездили на попутных или грузовом транспорте»²⁵.

Утвердившаяся в середине 1930-х гг. концепция «культурности», представлявшая собою отказ от послереволюционного аскетизма, внесла

свои коррективы в городской социальный облик. Были вновь открыты рестораны с профессиональными шеф-поварами, «роскошно обставленными залами», отдельными кабинетами, оркестрами и вечерней (до 3-х часов ночи) танцевальной программой. У входа, как и до революции, посетителей встречали швейцары, обслуживали гостей метрдотели и официанты. Напоминало о новых социалистических порядках только особое, первоочередное обслуживание ударников труда и стахановцев производства²⁶. В 1935 г. заработали магазины, торговавшие уже свободно (без карточек) давно невиданными продуктами питания (фруктами, копченостями, тортами, пирожными и т.п.). Внимание уделялось не только ассортименту, но и художественному оформлению магазинов. Стены открывшегося в Хабаровске образцового рыбного магазина были облицованы мрамором, а внутри его был установлен «аквариум для живой рыбы Амура», чтобы покупатель мог «покупать рыбу прямо из воды». В оформлении магазина принимала участие группа специалистов: скульптор Шутц, архитектор Спиридонов, художник-декоратор Цимбаровский, краеведы Мариковский, Мельников и Шапошников²⁷. Однако сохранить и поддержать возникшую тенденцию развития дальневосточной торговли и ресторанного сервиса в 1930-е гг. не удалось. Уже через год после открытия ресторанов и магазинов в редакции дальневосточных газет посыпались критические письма горожан, где говорилось о безобразно организованной торговле, о плохом обслуживании в ресторанах, о том, что в городах «на берегах Амура невозможно купить свежей рыбы» и т.п.²⁸ Газета «Тихоокеанская звезда» в 1936 г. даже опубликовала острую карикатуру Д. Нагишкина на работу хабаровского универмага, снабдив ее такой надписью: «Не магазин, а просто маг, хабаровский универмаг: зимой, в буран, в морозец крепкий, он вам продаст трусы, гамак, а летом не найдешь и кепки»²⁹. Приезжие из центральных городов страны, говоря о дальневосточной торговле, в первую очередь, отмечали «чудовищную дороговизну», отсутствие элементарных предметов потребления (хозяйственного мыла, зубного порошка, синьки, белых ниток, электроприборов и т.д.), неизменные очереди, грубость и «особенную» грязь³⁰.

В 1930-е гг. было впервые обращено внимание на благоустройство и озеленение городской территории, что отвечало интересам горожан, выраженным в коллективном письме в редакцию «Тихоокеанской звезды» рабочих ударников завода Дальсельмаша, заявивших: «Мы ударно работаем и хотим культурно отдыхать, – жить в чистых городах, с такими улицами, по которым приятно ходить». В 1934 г. по инициативе шахтеров Горловки (Донецкая область) началось широкое движение рабочих за благоустройство своих городов, подхваченное жителями Хабаровска, Владивостока, Никольск-Уссурийского, Сучана и т.д. На заседании Хабаровского горсовета было принято решение о том, что «каждый трудящийся Хабаровска должен отработать два дня на благоустройстве своего города». Был проведен «месячник по озеленению» г. Хабаровска, во время которого было высажено

2 000 деревьев и 4 000 кустов, разбито 400 цветников³¹. Новыми центрами городского досуга в летнее время стали парки. В 1935 г. Хабаровский городской сад был преобразован в парк культуры и отдыха, там был открыт ресторан с танцевальной площадкой на крыше, организована открытая эстрада, построено семь беседок, шла демонстрация звукового кино³². Тогда же первая очередь парка, в строительстве которого в свободное от работы время принимали участие простые горожане, была открыта во Владивостоке³³. Однако и в деле благоустройства установка на «временность» не позволила сохранить и закрепить положительную динамику. Города региона, даже такие крупные как Владивосток и Хабаровск, оставались практически незамощенными, что не позволяло избавиться от пыли и непролазной грязи. В парке культуры и отдыха г. Владивостока, устроенном на месте бывшего Покровского кладбища, и спустя год после открытия все еще виднелись неубранные могилы. В парках царило запустение, были сломаны заборы и скамейки, не работало большинство аттракционов. Обычным явлением там стали драки, поножовщина, грабежи и даже убийства³⁴.

Годами культивировавшееся откровенное пренебрежение к внешнему виду советского человека сменилось интересом к эстетической стороне его облика. В 1934 г., освещая майскую демонстрацию, корреспондент «Тихоокеанской звезды» впервые отметил, что «никогда еще трудящиеся Благовещенска не одевались так щедро, красиво и красочно». Тогда же открылись первые в крае розничные магазины парфюмерии и косметики. В 1935 г. в городские универмаги были завезены «платья из натурального шелка, шерстяные, новейших фасонов и самых разнообразных цветов, блузки, костюмы и джемпера»³⁵. За 1934–1938 гг. выделяемые для ДВК фонды промышленных товаров выросли по шерсти в 7,2 раза, кожаной обуви – в 4,2 раза, трикотажу – в 3,1 раза³⁶. Однако, по справедливому замечанию Е.А. Осокиной, преувеличивать степень «сталинского изобилия» не стоит. В 1940 г. советская легкая промышленность производила в год на душу населения лишь 16 кв. м хлопчатобумажной, 90 кв. см шерстяной и 40 кв. см шелковой тканей, менее 3 пар носков и чулок, менее одной пары белья, пару кожаной обуви³⁷. За предметами туалета, необходимыми для поддержания нового внешнего облика горожанина, приходилось выстаивать «чудовищные» очереди. В письме на имя секретаря Далькрайкома ВКП(б) (1938 г.) рассказывалось о том, что, когда в Благовещенске стало известно, что универмаг получил семь зимних пальто, уже с 2-х часов ночи выстроилась очередь из 300 человек. Не получив желаемой обновки, одна из покупательниц «в гневе разбросала по магазину деньги» в размере 1500 рублей с криком: «Зачем мне ваши деньги, если я не могу купить пальто»³⁸. Утвердившийся в регионе тотальный дефицит предметов одежды заставлял руководителей предприятий даже в условиях свободной торговли сохранять систему распределения «остродефицитных» товаров, к которым относились: обувь, костюмы, пальто, зимняя одежда и т.п.³⁹

Таким образом, изменение социального облика городов Дальнего Востока РСФСР в 20–30-е гг. XX в. происходило под воздействием общих для всей страны процессов социалистических преобразований - установления советской власти, национализации жилого фонда и промышленных предприятий, форсированной индустриализации, принятия концепции «культурности» и т.п. В дальневосточных условиях дополнительными факторами, оказывавшими воздействие на его трансформацию, стали: в 1920-е гг. замедление темпов социально-экономического развития; в 1930-е гг. – чрезмерное усиление роли предприятий тяжелой и оборонной промышленности и чрезвычайно быстрый рост городского населения при существенном отставании социальной сферы, а также психологическая установка на «временность» пребывания в регионе большинства городских жителей.

Сноски и примечания

- ¹ Благовещенску сто лет (1858–1958). Сб. док. и мат. Благовещенск, 1959. С. 323–324.
- ² Лазарева С.И. Местные Советы Дальнего Востока России в системе органов государственной власти в 20–30-е годы XX в. //Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в конце 1917–60-е годы XX в.: Сб. науч. ст. Владивосток, 2005. С. 187–193.
- ³ Об оплате жилых помещений и о порядке пользования ими. Постановление № 91-86 Хабаровского горсовета РКК и К депутатов. Хабаровск, 1930. С. 1-2, 8-10.
- ⁴ Материалы к отчетному докладу Владивостокского окрисполкома. Владивосток, 1929. С. 120.
- ⁵ Тихоокеанская звезда. 1935. 5 июня.
- ⁶ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 47. Л. 2-5.
- ⁷ Дальревком: Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке (1922–1926 гг.): Сб. док. Хабаровск, 1957. С. 14, 63.
- ⁸ Три года советского строительства в Дальневосточном крае (1922–1925). Хабаровск, 1926. С. 127.
- ⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. П-74. Оп. 2. Д. 18. Л. 100-116.
- ¹⁰ Цит. по: Савенкова В.Н. Символика власти при формировании топонимического пространства Комсомольска-на-Амуре // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Т. 1. Благовещенск, 2001. С. 295.
- ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-259. Оп. 20. Д. 95. Л. 4,5,6,7.
- ¹² Тихоокеанская звезда. 1935. 29 окт.
- ¹³ Религия и власть на Дальнем Востоке России: Сб. док. Гос. архива Хабар. края. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. С. 191.
- ¹⁴ Крадин Н.П. Старый Хабаровск: Портрет города в дереве и камне (1858–1938). Хабаровск, 1999. С. 40–41.
- ¹⁵ Там же. С. 246–247.
- ¹⁶ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 409. Л. 116–125.
- ¹⁷ Владивосток. Штрихи к портрету. Владивосток, 1985. С. 224–225.
- ¹⁸ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 111. Л. 4-4об.
- ¹⁹ Тихоокеанская звезда. 1935. 1 марта.
- ²⁰ Бутовская А.Б. Комсомольск, школьные годы военные... Комсомольск-на-Амуре, 2008. С. 5-6.
- ²¹ Тихоокеанская звезда. 1935. 29 окт.

-
- ²² Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 443. Л. 67; Д. 903. Л. 5об., 18.
- ²³ Тихоокеанская звезда. 1934. 9, 28 апр., 24, 27 мая.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 16. Д. 21. Л.16.
- ²⁵ Бутовская А.Б. Комсомольск, школьные годы... С. 6.
- ²⁶ Тихоокеанская звезда. 1934. 18 марта, 10 апр.; 1935. 17 июня, 28 дек.
- ²⁷ Тихоокеанская звезда. 1935. 24 марта, 28 дек.
- ²⁸ Тихоокеанская звезда. 1937. 24 июня.
- ²⁹ Тихоокеанская звезда. 1936. 29 марта.
- ³⁰ ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 443. Л. 67; Д. 903. Л. 4-5.
- ³¹ Тихоокеанская звезда. 1934. 20 апр., 4 мая.
- ³² Тихоокеанская звезда. 1935. 24 марта.
- ³³ Владивосток. Штрихи к портрету... С. 230.
- ³⁴ Тихоокеанская звезда. 1936. 9 авг.; 1937. 12 авг.
- ³⁵ Тихоокеанская звезда. 1934. 9, 30 апр., 17 мая; 1935. 28 дек.
- ³⁶ ГАХК. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 416. Л. 14.
- ³⁷ Осокина Е.А. Легенда о мешке с хлебом: Кризис снабжения 1936/37 года // Отечественная история. 1998. № 2. С. 94.
- ³⁸ ГАХК. Ф. П.-2. Оп. 6. Д. 380. Л. 50-52.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1254. Л. 28.

РОЛЬ И МЕСТО ХАРБИНА В АДМИНИСТРАТИВНО- ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОБУСТРОЙСТВЕ РУССКИХ В МАНЬЧЖУРИИ (1898 – 1917 гг.)

С.И. ЛАЗАРЕВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

В последнее десятилетие большое внимание со стороны отечественных исследователей вызывают вопросы, связанные с появлением в конце XIX – начале XX вв. в азиатском регионе новых поселков, городов, построенных российскими специалистами по проектам российских инженеров.

Среди построенных в тот период поселков и станиц выделялись узловые, превратившиеся впоследствии в главные поселения строившейся через Маньчжурию железной дороги, соединившей Забайкалье и российский Дальний Восток. Возникшие города стали ее административными, экономическими и торговыми центрами. К ним относились Харбин, Дальний, Порт-Артур. О стремительных темпах их роста говорит тот факт, что к концу Великой Отечественной войны Дальний и Харбин входили в число 16 самых крупных городов всей Маньчжурии, занимая 2-е и 4-е места. Численность населения Дальнего в 1945 г. составляла 873 тыс. чел., а Харбина – 680 тыс. чел.¹.

Можно с уверенностью говорить о том, что возникновение русских городов самым непосредственным образом связано с появлением железной дороги, а дальнейшее их развитие, впоследствии превращение данных населенных пунктов в крупные города следует связывать с функционированием самой дороги и активной колонизацией Маньчжурии как русскими, так и населением из южных районов Китая.

Строительство КВЖД имело большое значение для развития экономики Китая в XX в. Об этом достаточно четко и ясно говорится в «Историческом обзоре» КВЖД: «Эта дорога, пройдя в 1898-1900 годах через пустынную до того времени страну, подобно Суэцкому или Панамскому каналам, сливающим воды отдельных океанов, сопоставила лицом к лицу различные культуры Востока и Запада, создав новую возможность их мирного и плодотворного синтеза. С другой стороны, эта же дорога пробудила к пышному экономическому рассвету всю обширную область Маньчжурии, этой недавно почти безлюдной пустыни, которой суждено в настоящем сделаться новою житницей мира...»².

Летом 1903 г. Китайско-Восточная железная дорога вместе с Южно-Маньчжурской ветвью была полностью сдана в эксплуатацию. Негласной столицей Маньчжурии стал считаться город Харбин, расположенный на пересечении водных и железнодорожных путей. Щедрое финансирование предприятий, богатые природные ресурсы, огромные возможности использования местной рабочей силы в сочетании со смелой инженерной мыслью дали отличные результаты.

Уже в начале XX в., как писали в российской прессе, Харбин рассматривали как регион огромных возможностей, «дальневосточный клондайк», называли его и «восточным Петербургом». Подчеркивали схожесть его улиц с петербургскими - Садовая, Первая, Вторая линия и т.д. Спустя 40 лет после создания Харбина авторы многих исследований по его истории отмечали весомый вклад в развитие города прежде всего русских людей. Именно они «приступили к домостроительству, не медля ни одной минуты, и в короткий срок выстроили город, ставший базой для разносторонней деятельности, направленной к налаживанию европейской культуры в дикой неустроенной стране»³.

В отечественной и зарубежной историографии отсутствует специальное исследование, посвященное начальному периоду истории Харбина. Отдельные вопросы истории Харбина в указанный период поднимались в книгах и статьях, посвященных различным аспектам деятельности КВЖД, взаимовлиянию и взаимопроникновению культур сопредельных стран, проблемам образования для русской эмигрантской молодежи, архитектурному наследию, науке русского Харбина, истории Харбинской епархии и др.⁴

В начале XX в. Маньчжурия являлась русской сферой влияния в Китае, близкой к положению российской колонии, на чьей территории властные структуры России осуществляли свои полномочия. Маньчжурия, имея плодородные земли, дешевую рабочую силу из местного населения, являлась объектом перспективной выгодной эксплуатации. Она также привлекала Россию как сфера приложения капитала, рынок сбыта русских товаров, источник сырья и продовольствия для русских областей Дальнего Востока.

В этом плане представляет научный интерес рассмотрение истории Харбина, важного железнодорожного узла, полосы отчуждения КВЖД, возникшего и выросшего под влиянием различных благоприятных условий, имевшего большую притягательную силу для русского и китайского населения и сыгравшего большую роль в административно-хозяйственном освоении русскими Маньчжурии в 1898-1917 гг.

На территории будущего Харбина до появления первых русских строителей стояли фанзы. В них жили маньчжуры и китайцы, занимавшиеся рыболовством и сельским хозяйством. Общей застройки, составлявшей единый комплекс, не существовало. Харбин был спроектирован и построен русскими специалистами. Город был задуман как административный центр полосы отчуждения КВЖД.

Население Харбина быстро росло, преимущественно за счет приезжающих из России строителей и рабочих. Уже в 1890 г. в Харбине насчитывалось 14 тыс. жителей. Это были люди 28 национальностей (русские, украинцы, поляки, армяне, грузины, китайцы и т.д.)⁵.

В развитии Харбина в дореволюционный период имели место две основные тенденции: с одной стороны, город строился и жил подобно другим русским губернским городам с таким же укладом жизни, городским управлением, сферой развлечений, с другой – он развивался как типичный

колониальный город с присущими ему функциями, составом населения и т.п., как в других иностранных селтльментах в Азии.

Основными функциями города в указанный период были административная, транспортная и торговая, но если первые две доминировали в начальный период существования Харбина – с 1898 по 1907 г., то уже с 1907 по 1917 г. преобладающей функцией стала торговая. Эти изменения и позволили выделить в развитии города в дореволюционный период два соответствующих этапа развития.

Через 5 лет после основания города в 1903 г. в г. Харбине (без его пригорода Фуцзядяня) насчитывалось 44576 чел., из них 38983 муж. и 5593 жен. Русских подданных было 15579 чел.⁶

К этому времени в Харбине было построено более 300 больших каменных зданий (большинство же сибирских и дальневосточных городов были деревянными). С самого начала в Харбине стали внедрять все новейшие достижения городской цивилизации. Уже в 1902 г. в городе появилось уличное электрическое освещение, в 1903 г. начала работать телефонная станция на 178 номеров, в этом же году открылось омнибусное сообщение. К 1903 г. работало несколько театров, 3 книжных магазина, общественные читальни (издавались 33 наименования журналов и 17 газет центральной России)⁷. За высокие темпы роста Харбин получил название «маньчжурский Сан-Франциско».

Новый этап развития города был связан с открытием в 1906 г. Харбина для международной торговли и началом в 1907 г. экспорта маньчжурского зерна и бобов на европейские рынки. 24 февраля 1913 г. была проведена однодневная перепись населения г. Харбина и его пригородов. По данным переписи, в городе проживало 68100 чел., в том числе 48153 мужчин и 19947 женщин⁸. Эти показатели позволяли отнести Харбин к числу крупных городов.

Однако следует отметить, что быстрое развитие города не было напрямую связано с ростом русского экономического влияния в Маньчжурии. Нестабильность политического положения России в Северной Маньчжурии, тяжелые условия кредита, недостаток капиталов, негибкая тарифная политика тормозили развитие русской торговли и привели к тому, что постепенно русские коммерсанты уступали свои позиции в харбинской торговле иностранцам, в основном японцам и китайцам.

Анализ состава городского населения показывает, что в Харбине преобладало мужское работоспособное население. Мужчины составляли 59% всего населения, 35% всех городских жителей находились в возрасте 21-30 лет⁹. Характерной чертой являлся также многонациональный состав населения Харбина и преобладание временных жителей. 22% населения города работало на железной дороге, 14% были заняты в общественном и местном управлении, с торговлей и промышленностью были связаны около 17% населения¹⁰. Это соответствовало главным функциям города – транспортной, административной и торгово-промышленной.

Одним из важных проявлений независимости и самостоятельности города стала деятельность Харбинского общественного управления, которое начало свою работу 1 апреля 1908 г. (собрание избирателей состоялось 27 февраля 1908 г.). В марте 1908 г. на основе «Положения», принятого правлением КВЖД, в выборах в городское самоуправление Харбина приняли участие 1696 чел. Первым председателем был избран Е.Э. Берг (1908-1910 гг.), после него был Е.Л. Диновский (1910-1911 гг.), затем М.С. Усманский (1911-1917 гг.)¹¹.

Общественное управление в Харбине имело как много общего с городским управлением в России, так и свои особенности, свидетельствующие о стремлении его к самостоятельности в решении городских вопросов и независимости от железнодорожной администрации. Распорядительный орган – собрание уполномоченных – отличался интеллигентным составом, так как избирались уполномоченные по примеру тогдашних столиц не только из числа домовладельцев, но и из числа квартирантов, обладавших определенным квартирным цензом. Поэтому наряду с домовладельцами, коммерсантами в собрании уполномоченных участвовали инженеры, врачи, юристы, педагоги. В «Положении об общественном управлении» говорилось, что собрание можно считать состоявшимся, если присутствует половина всего состава уполномоченных вместо трети, как это было принято в русских городах¹².

«Положение об общественном управлении» Харбина казалось более либеральным законом в сравнении с «Городовым положением», действовавшим в России. Городскому самоуправлению было предоставлено право самостоятельно ведать пожарной частью, школьным делом, чего не было в русских городах. Но, главное, администрация могла только контролировать действия Харбинского общественного управления, в то время как в России губернаторы имели право надзора не только над законностью действий городских самоуправлений, но и над целесообразностью городских мероприятий и поэтому могли вмешиваться в чисто хозяйственные функции самоуправления¹³.

Первые муниципалитеты много сделали для становления и развития города. Они занимались вопросами народного образования и просвещения, медицинского обслуживания, городского благоустройства и строительства. За 5 лет работы (1908-1913) силами городского самоуправления было открыто 5 городских бесплатных школ, замощено 55% всех улиц, построены новые торговые ряды, ветеринарный пункт, аптека. Во время чумы 1911 г. в Харбине Е.Э. Берг вместе с другими членами общественного управления – Е.Я. Дыновским и Е.И. Добисовым руководил противочумными мероприятиями. Большую и сложную работу проводила оценочно-налоговая комиссия, возглавляемая С.Г. Барским – юристом, имевшим практический опыт в сфере городского хозяйства.

Вопросы самоуправления обсуждались в газетах «Вестник Востока», «Девятый Вал» (из их слияния родилась газета «Новая жизнь»). Статьи преданных общественному делу Н.Г. Барского, Г.О. Левинциглера и других

авторов помогли установлению общественного самоуправления на тех условиях, которые отстаивали жители города в споре с железнодорожной администрацией¹⁴. Следует сказать, что первые муниципалитеты были стойкими и умелыми защитниками своей «Конституции», когда были посягательства со стороны администрации.

В годы войны 1914-1917 гг. Собрание уполномоченных избрало особую комиссию, которая занималась беженцами, оказывала помощь семьям запасных нижних чинов, призванных на войну. Таких семей в Харбине было 4000. Комиссия выдавала пособия на найм квартир. Возглавлял комиссию председатель горсовета М.С. Уманский¹⁵.

С первых дней строительства Харбин стал формироваться как торгово-промышленный город. Для этого он имел все условия: Харбин стал важнейшим транспортным узлом Северной Маньчжурии, а также финансовым центром полосы отчуждения КВЖД. Коммерсантов привлекали здесь значительный потребительский рынок, свобода от пошлины и налогов, дешевый китайский труд, отсутствие национальных ограничений.

Еще до постройки КВЖД в Маньчжурии существовала обрабатывающая промышленность, в основном, по переработке продуктов земледелия в пищевые средства. Эта промышленность была представлена многочисленными маслобойными заводами примитивного типа, предприятиями по переработке сои. Выработка грубых тканей и предметов домашнего обихода сосредотачивалась в ремесленных и кустарных предприятиях. Все производимые на этих заводах продукты шли на нужды местного рынка и за пределы края не вывозилась.

С началом строительства КВЖД энергия русских была направлена на постройку вальцовых мельниц, винокуренных заводов и др. предприятий, имевших первое время ту же задачу – переработку сельскохозяйственного сырья для нужд местного рынка. Однако при постройке заводов русскими применялись новые методы производства и только с их приходом появилась в крае промышленность европейского типа. В Харбине уже в 1903 г. зародилась мукомольная промышленность, находившая сбыт своим продуктам не только на местном рынке, но и вывозившая их в Южную Маньчжурию и в г. Дальний. Тогда же появились в городе и винокуренные заводы.

В промышленности Харбина получили развитие только те отрасли, которые были связаны с переработкой сельскохозяйственной продукции – мукомольная, винокуренная, маслодельная и др. Развитие промышленности тормозили недальновидная политика Правления КВЖД и постоянный отлив капиталов в наиболее выгодную сферу посреднической торговли.

Главный толчок развитию харбинской промышленности дала русско-японская война. Огромный спрос на предметы разного вида довольствия для сосредоточенных в Маньчжурии армий и поток золота, хлынувший в край, привлекли в Маньчжурию массу торгового люда и предпринимателей из России, китайских купцов и чернорабочих¹⁶.

Харбин, будучи главной тыловой базой действующих армий, являлся пунктом, где проходила заготовка продовольствия, оборудования, предметов первой необходимости для армии. Громадный спрос и неимоверно высокие цены на многие заводские и фабричные изделия вызвали возникновение при станциях КВЖД, а особенно в Харбине разнообразных промысловых предприятий.

К 1908 г. Харбин представлял собой крупный торгово-промышленный город с большими фабрично-заводскими предприятиями, солидными банками, множеством богатых магазинов. Общественная жизнь была представлена несколькими клубами, редакциями газет, профессиональными и просветительскими организациями, лечебными учреждениями и школами.

Однако после окончания русско-японской войны в крае разразился жесточайший торгово-промышленный кризис. Главный потребитель предметов местной промышленности – армия – был выведен в Россию, а местное население было слишком малочисленно, чтобы потреблять продукцию многочисленных предприятий. Особенно сильно пострадали при кризисе русские предприятия. Обесценивание русского бумажного рубля особенно тяжело отразилось на промышленности и торговле края. Общая политическая обстановка также усложнилась, и целый ряд русских предприятий вынуждены были или закрыться, или перейти под иностранный флаг. На первых порах они сократили наполовину свое производство, а затем целый ряд заводов – по производству стекла, мыловаренных, макаронных, часть мельниц – были закрыты.

С окончанием войны и установлением нормальных условий производства, с возвращением цен к довоенному уровню, с введением транспорта в обычный режим работы начала восстанавливаться и промышленность. Однако потребовалось несколько лет, чтобы промышленные предприятия, изыскивая пути для реализации своих товаров, стали быстро развиваться. В 1911 г. Харбин вышел на 4-е место по оборотам внешней торговли в Китае, уступая лишь Шанхаю, Кантону, Дайрену. В большей части торговый баланс Харбина был активным, то есть стоимость товаров, вывозимых за границу, была выше, чем ввозимых. Это обстоятельство способствовало образованию капиталов и являлось благоприятным условием для развития города. К 1913 г. Харбин представлял собой крупный торгово-промышленный центр. В нем располагалось более 200 магазинов, 46 фабрик и заводов, огромное количество мелких лавок, складов, мастерских. При этом, большинство предприятий принадлежало русским предпринимателям (из 2200 различных предприятий – 1200 русских, 800 китайских, 116 японских, 15 британских, 6 французских)¹⁷.

К 1915 г. торговые обороты Харбина, по данным Харбинского биржевого комитета, достигли 100 млн. руб., но, как утверждает исследователь М.В. Кротова, фактически эта цифра была гораздо выше, так как не учитывались обороты контрабандной торговли спиртным и опиумом, приносившей огромные прибыли и занимавшей важное место в городской экономике. До Первой мировой войны ежегодно из Харбина на Дальний

Восток вывозилось контрабандного спирта на сумму свыше 2 млн руб., а опиума – на сумму до 8 млн руб.¹⁸

Следует отметить, что в Харбине отсутствовали известные торговые фирмы и фамилии в этой области. Большинство местных коммерсантов создали начальные капиталы во время строительства дороги и русско-японской войны. И как показывает история, они были более предприимчивыми, чем их коллеги в России. Но в сравнении с японскими, европейскими и китайскими коммерсантами они значительно проигрывали, так как им не хватало хорошего и глубокого знания рынка, местных условий, знания восточных языков, а также вкусов покупателей.

Относительная слабость русского торгово-промышленного класса, а также общее ослабление позиций России на Дальнем Востоке привели к тому, что русский капитал постепенно сдавал позиции в Маньчжурской торговле и промышленности, теряя свое первоначальное преобладающее положение. Тем не менее, на протяжении первых двух десятилетий XX в. Харбин управлялся русской администрацией, русский сектор занимал в экономике города ведущее место. Русское влияние в Северной Маньчжурии оставалось достаточно сильным на протяжении всего рассматриваемого периода и определило на несколько десятилетий дальнейшее развитие города.

Сноски и примечания

¹ Архитектура Восточной Сибири и Дальнего Востока. Вып.1. Русские города на Дальнем Востоке. Владивосток, 2002. С. 113.

² Исторический образ Китайской Восточной железной дороги. 1896-1923 гг. Сост. Е.Х. Нилус. Т. 1. Харбин, 1923. С. 1.

³ Крадин Н. Харбин – русская Атлантида: очерки. Хабаровск, 2010. С. 9.

⁴ Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: Материалы междунаучно-практ. конф. (Хабаровск, 1-3 июня 1998 г.). Хабаровск, 1998. 320 с.

⁵ Планета Харбин. КВЖД – Харбин. 1898-1945. Хабаровск, 1998. С. 5.

⁶ ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 40. Л. 129.

⁷ Планета Харбин... С. 5.

⁸ ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 40. Л. 129, 130

⁹ ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 2,5,6.

¹⁰ Кротова М.В. Харбин – аванпост русской промышленности, торговли и культуры в Маньчжурии (1898-1917 гг.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 12.

¹¹ ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 39. Л. 29.

¹² ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 39. Л. 9,10.

¹³ ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 39. Л. 1-3.

¹⁴ ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 39. Л. 1.

¹⁵ ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 39. Л. 18.

¹⁶ Политехник (Сидней). № 8. 1976. 2 апр. С. 43.

¹⁷ Кротова М.В. Харбин – аванпост русской промышленности С. 17.

¹⁸ Там же. С. 17.

ДОСУГ ЖИТЕЛЕЙ ВЛАДИВОСТОКА В 30-60-е ГОДЫ XX В.

Т.Е. ЛОМОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

В последнее время досуг всё чаще становится объектом научного исследования, однако единой трактовки данного понятия не существует. В нашей работе «досуг» понимается как «самодеятельная активность в свободное время»¹.

В отличие от более ранних исторических периодов² для изучения досуга жителей Владивостока в 1930-1960-е гг. могут быть привлечены не только архивные документы и научные исследования, но и личные воспоминания горожан, детство, юность и молодость которых пришлось на эти годы³. При этом, конечно, следует учитывать, что «память людей сохраняет воспоминания о событиях избирательно и фрагментарно; очень часто это происходит под влиянием восприятия происходящего или более позднего осмысления событий»⁴.

Город как особая социально-пространственная форма существования общества предоставляет человеку широкие возможности для выбора досуговой деятельности. Доступ к культурным ценностям увеличивает потенциальные возможности для творческого развития личности и её самореализации.

По словам одного из советских исследователей, во Владивостоке в предвоенные годы «совершилась подлинная культурная революция»⁵. Городские власти придавали большое значение сфере досуга. «Приходилось ... проводить поистине необъятную политико-массовую работу по коммунистическому воспитанию трудящихся»⁶. Клубы, библиотеки, красные уголки и другие культурно-просветительные учреждения служили важным средством повышения культуры трудящихся города. Многие библиотеки предприятий имели десятки тысяч томов (например, библиотека клуба им. Ильича). В 1938 г. городской библиотекой им. Горького было выдано 829 экз. книг по марксистско-ленинской теории, а в 1939 г. – более 5600⁷. К 1960 г. во Владивостоке уже было 162 библиотеки с книжным фондом в 2 млн томов⁸.

Важную роль в культурной жизни города играли театры и кинотеатры. В 1932 г. во Владивостоке были созданы драматический театр им. А.М. Горького и театр Тихоокеанского флота. Только за 1939 г. театр им. А.М. Горького посетили 231487 чел.⁹ В декабре 1946 г. начал свою работу Театр юного зрителя¹⁰.

В 1935 г. был перестроен бывший китайский кинотеатр, получивший название «Родина», ставший впоследствии любимым кинотеатром многих горожан: «Первым кинотеатром моей жизни стала «Родина». Помню, там, в вестибюле долго стояла огромная статуя Сталина»¹¹.

В 1934 г. кинотеатрами Владивостока было обслужено 1743 тыс. зрителей, а в 1939 г. – 3400 тыс. чел., то есть за пятилетие посещаемость

кинотеатров возросла почти вдвое¹². Кино являлось, прежде всего, средством пропаганды: «Трудящимся Владивостока, как и всем советским людям, горячо полюбились герои таких шедевров советского киноискусства, как «Чапаев», «Трилогия о Максиме», «Великий гражданин». Революционный пафос и большевистская правда лучших произведений советского кино оказывали огромное воспитательное воздействие»¹³.

В 1940 г. в центре Владивостока была оборудована киноустановка с дневной проекцией. Из-за отсутствия крыши зрители в солнечную погоду вынуждены были смотреть фильм на солнцепеке, а в дождливую погоду кинотеатр вообще не мог работать¹⁴: «...в 1943–1944 годах – там, где теперь стоит театр имени Горького, был уличный киноэкран. Фильмы показывали с наступлением сумерек, бесплатно, потому что скамеек не было, и смотрели стоя. В основном – хронику, документальное кино, очень редко – художественные ленты. Бывало, идёшь по Ленинской и нет-нет да и зайдёшь вечером в сквер посмотреть хронику»¹⁵.

Пик расцвета кинотеатров во Владивостоке пришёлся на послевоенные годы. В 1946 г. в городе было шесть кинотеатров и семь киноустановок¹⁶. В 1949 г. был построен Летний кинотеатр на 420 мест с дневной проекцией. В нём даже в жаркие дни было прохладно, а наличие крыши давало возможность демонстрировать фильмы в любую погоду¹⁷.

Однако кинотеатры не могли вместить всех желающих. В справке исполкома Владивостокского городского Совета депутатов трудящихся от 25 ноября 1953 г. отмечалось, что «окраины города почти совершенно не имеют культурно-просветительных учреждений», речь шла о таких районах, как Эгершельд, Рабочая слободка, Вторая речка, Луговая и мыс Чуркин¹⁸.

Ещё острее стоял вопрос о кинообслуживании детей. В городе действовал «передвижной» кинотеатр «Малютка»¹⁹, однако он не мог полностью удовлетворить детские запросы. В январе 1954 г. в газете «Пионерская правда» было опубликовано письмо девочки из Владивостока: «...мы с маленьким братишкой Серёжей пошли смотреть кино... Билеты взяли, простояв два часа. Касса на улице, был сильный мороз с ветром. ...Все замёрзли и хотели попасть побыстрей. Здесь начали толкаться... Многие плакали, потеряли калоши, большие дяди и тётки ругались. Когда попали в кино, половина картины уже прошла...»²⁰. В целях улучшения детского досуга в кинотеатрах были введены дополнительные детские сеансы²¹.

Форсированными темпами велось строительство новых кинотеатров. В 1955 г. был построен кинотеатр «Маяк» на 350 мест. В 1958 г. такой же кинотеатр «Вымпел» получили жители Эгершельда. В 1960 г. открылся новый широкоэкранный кинотеатр «Владивосток» на 500 мест, а в 1962 г. – такой же кинотеатр «Океан», впоследствии переименованный после строительства нового «Океана» в «Искру».

Несмотря на то, что в 1955 г. во Владивостоке состоялся показ первой телевизионной передачи, её принимали только три имевшихся в городе телевизора²². *Помню, другу телевизор купили, так нас, человек двадцать, сбежалось кино смотреть (задумался)* (4. В.И.).

Кинотеатры по-прежнему были востребованы у горожан: «Кино было самым популярным видом отдыха, и на иные фильмы просто было не попасть: пришёл – а билетов нет... Поход в кино был событием»²³; «И не так-то просто было попасть в кино, особенно в первые дни показа. Билет стоил 50 копеек, но с рук брали и по два рубля»²⁴.

Для того, чтобы «избавить сотни и тысячи трудящихся от необходимости простаивать в очередях», кассиры кинотеатра «Родина» выступили в начале 1962 г. с инициативой продавать билеты на кинофильмы непосредственно на предприятиях и в учреждениях города²⁵.

Другим способом решения данной проблемы стало выполнение коллективных заявок на билеты в кино. Моряки торгового флота часто, находясь еще в море, на подходе к Владивостоку, заказывали по радио билеты в кинотеатры, а кассиры нескольких кинотеатров города продавали билеты непосредственно на кораблях во время их стоянки в порту²⁶.

Деятельность кинотеатров не ограничивалась показами кинофильмов. В их залах читались лекции на идеологические темы, проходили встречи с передовиками производства, руководителями городских предприятий и учреждений, секретарями райкомов и горкомов КПСС. Часто перед началом киносеанса играл эстрадный оркестр или устраивались концерты художественной самодеятельности. В кинотеатрах имелись читальные залы, где к услугам зрителей были предоставлены газеты, журналы, шашки, шахматы и другие игры²⁷.

В некоторых кинотеатрах проводились киновечера. Один из вечеров в кинотеатре «Вымпел» «был посвящен творчеству А.П. Чехова и проведен совместно с библиотекой. В фойе кинотеатра библиотека организовала выставку книг, провела литературную викторину с выдачей небольших призов. Молодежь имела возможность потанцевать, а затем в 22 часа – посмотреть художественный фильм, поставленный по произведению великого писателя»²⁸.

Некоторые киновечера были ориентированы преимущественно на женскую аудиторию. В 1961 г. ряд городских кинотеатров организовал кулинарные вечера, на которых работники владивостокских ресторанов «рассказывали женщинам о том, как вкусно приготовить пищу, как красиво сервировать стол и как принимать гостей. Интерес к этому вечеру был настолько велик, что задолго до его проведения все билеты были проданы, а в день мероприятия кинотеатр так и не сумел удовлетворить всех желающих попасть на него»²⁹. Огромный интерес женщин вызвала также лекция «Как красиво одеваться» в кинотеатре «Вымпел», которая сопровождалась демонстрацией последних моделей одежды³⁰.

В 1960 г. после проведения первых Всесоюзных кинофестивалей в кинотеатрах Владивостока прошли вечера «Поговорим о кино». Вот как проходил один из них: «Активность кинозрителей была необычайной. Один за другим к трибуне подходили рабочие, служащие, инженеры и военнослужащие, студенты и научные работники. Все они говорили о полюболюбившихся им фильмах, с горечью отмечали (часто очень в резкой

форме) промахи наших режиссеров, говорили, что они не имеют права делать плохие картины... Желающих выступить было так много, что только после 21-го оратора прения были прекращены. С большим вниманием кинозрители слушали ответы на поставленные ими вопросы»³¹.

Свои пожелания кинорежиссёрам зрители могли высказать в анкетах. Приведём лишь некоторые примеры:

«Делать картины более жизненными. Героев показывать со всеми их недостатками. Меньше показывать молодежи любвеобильных героев, браконустойчивых семей, воспитывать молодежь в духе коммунистического отношения к семье. Служащая А. Кузнецова.

«Нужны фильмы о молодых строителях коммунизма, умеющих здорово работать, крепко любить, интересно отдыхать. Пусть только фильмы меньше походят друг на друга». Курсант мореходного училища В. Фесько»³².

По причине отсутствия во Владивостоке своих музыкальных театров в 1961 г. в кинотеатре «Комсомолец» стали распространять киноабонементы «Для любителей оперы и балета». Однако продажа двухмесячных киноабонементов не могла полностью удовлетворить любителей музыки, и поэтому было решено в кинотеатре «Приморье» каждое воскресенье на вечернем сеансе демонстрировать оперы, балеты и музыкальные фильмы. Каждый зритель, пришедший на такой сеанс, получал либретто, информацию о фильме и композиторе, написавшем музыку»³³.

Воспоминания горожан показывают, что посещение культурных учреждений было для многих из них неотъемлемой частью повседневной жизни.

А ещё помню, как в первый раз в театр пошла – зимой 1941 года в Горьковский, мне тогда 15 лет было. Впечатление, конечно, было грандиозное. С тех пор старалась как можно чаще ходить на спектакли, особенно на премьеры... (12. М.Е.).

В театр я ходила очень часто. Я очень любила театр. К нам приезжала оперетта из Хабаровска и из другого города. Оперные театры из Перми, Новосибирска, Москвы... Мы и в кино ходили (10. Л.М.).

Ещё в кино ходили. Жили мы в центре, поэтому на Лазо бегали в «Комсомолец» (11. Л.А.).

Мы с мужем частенько захаживали в кинотеатр. Он находился на останковке Лазо и назывался «Комсомолец». И на концерты различные в филармонию. У нас в те годы что ни выходной, так обязательно куда-нибудь ходили, как-нибудь развлекались! (1. А.М.).

Помню, мы ещё музей посещали (5. В.М.).

Ну, конечно, мне очень запомнился Кукольный театр, он находился по Почтовому переулку, затем его перенесли в кинотеатр «Приморье». А ещё ходили в музей Арсеньева, в картинную галерею (15. С.М.).

Руководство различных предприятий города уделяло большое внимание культурному просвещению своих работников. Информанты оценивают данный факт положительно.

Ещё в кино ходили, «Приморье» и в «Комсомолец». Да и в театры ходили, в основном в театр Горького, хорошие тогда постановки были, и на работе, бывало, давали билеты бесплатные в качестве премии (14. Н.П.).

Любили мы ходить в театр, с билетами никаких проблем не было. У нас на работе как премию давали билеты в театр. Киноцентр посещали, фильмы любили смотреть... (2. А.П.).

...во всех организациях была своя художественная самодеятельность... Каждое воскресенье в ДОФе [Дом офицеров флота. – Л.Т.] устраивались смотры самодеятельности всех организаций. Проводились общеобразовательные лекции, на которые специально приглашали агитаторы. Всё было на высоком уровне, и за всем смотрела партия (6. В.М.).

Важнейшую роль в «коммунистическом воспитании трудящихся» играли государственные праздники. Они не отличались большим разнообразием и были типичны для всей страны. Однако благодаря статусу военно-морского города праздничная культура советского Владивостока имела некоторые особенности. Владивосток был первым городом в Советском Союзе, которому было дано разрешение на проведение военного парада в день своего 100-летия 2 июля 1960 г. после московского парада войск в ноябре 1947 г.³⁴ 9 мая 1965 г. во Владивостоке родилась традиция – ритуал коленопреклонения, описание которого дал в своей книге писатель К.М. Симонов, посетивший Владивосток в 1967 г.³⁵

Как видно из воспоминаний информантов, их отношение к «официальным» праздникам было неоднозначным.

На 1-е мая, на 7-е ноября всегда ходили на демонстрацию... Очень любили (13. Н.И.).

Мне нравилось ходить на демонстрации, митинги, это и в самом деле был праздник. Мы шли вместе с оркестром, с транспарантами, пели песни, все радовались, было так торжественно и красиво (16. Ю.М.).

Это всегда было зрелище! Хоть всегда и очень однообразное. Но мы тогда над этим не задумывались. Да и ходили на эти праздники чуть ли не в обязательном порядке, всем рабочим коллективом, по приказу начальства. Однако никто не жаловался. Ведь для всех это был очередной повод развлечься... (1. А.М.).

...я не любила ходить на всякие митинги и парады... (14. Н.П.).

Помню демонстрации всякие разные, но я не очень люблю подобные мероприятия... Я больше любила спокойные места, такие как театры, кино, музеи (8. Л.А.).

Особенно массовые праздники нравились детям.

На демонстрации мы все с удовольствием ходили. Весёлые были, пели ... Демонстрации проходили напротив центрального банка. Там трибуну делали... А площадь раньше была только вокзальная. Там проходили мероприятия, связанные с пионерией. Помню, слёт там проходил, году в 33-м (10. Л.М.).

... мы с подружкой очень любили городские демонстрации, например, на 1-е мая или на 9-е мая. Мы залезали на крышу сарая по Светланской, неподалёку от площади, и сверху нам было всё видно... (15. С.М.).

Конечно, самыми важными мероприятиями были демонстрации... В детстве они мне очень нравились – так много людей и все такие красивые, нарядные, а главное – лица у всех счастливые. Потом, когда постарше стала, нужно было в обязательном порядке на демонстрации ходить, и я... просто ходила, ну не через силу, конечно, но и без особой радости (12. М.Е.).

Несмотря на жёсткий идеологический контроль, досуг горожан не ограничивался демонстрациями. Уже в сентябре 1946 г. во Владивостоке был организован городской смотр художественной самодеятельности³⁶. В 1954 г. состоялись: молодёжный карнавал; гуляние, посвящённое 300-летию воссоединения Украины с Россией; праздник школьников, посвящённый окончанию учебного года; массовые гуляния, посвящённые празднованию 1 мая, дню Военно-Морского флота, дню физкультурника и др.³⁷ В 1956 г. был впервые проведён краевой фестиваль молодёжи³⁸. Подготовка краевого и городского фестивалей молодёжи и студентов в 1958 г. способствовала развитию художественной самодеятельности города³⁹.

Одним из популярных мест массовых гуляний была центральная городская площадь.

Мне ещё помнится цирк-шапито на центральной площади. Устанавливался огромный купол, под которым и проходили всевозможные представления (1. А.М.).

Ещё мне помнится цирк-шапито на площади. Вот это было мне по душе! Забавное зрелище! Жаль, что сейчас такого не устраивают (3. Б.С.).

А ещё, наверное, самым ярким событием было, когда приехал цирк-шапито, для нас это было новым, раньше мы такого не видели (8. Л.А.).

Цирк приезжал, раньше цирк-шапито был. Мы туда ходили (9. Л.А.).

Ещё помню, как цирк-шапито приезжал. Тогда ещё на главной площади сквер был, а рядом цирк раскидывал свой брезентовый купол. Мы с подружкой там часто сидели, уж очень красиво там было (смеётся) (12. М.Е.).

Любимым развлечением молодёжи Владивостока в послевоенное время были танцевальные вечера. Несмотря на то, что они «проводились строго по утверждённой программе»⁴⁰, на некоторых вечерах отдыха наблюдались «бескультурие» и «толкучка». В целях повышения танцевальной культуры молодёжи и популяризации новых советских танцев городской отдел культурно-просветительной работы в 1948 г. организовал курсы переподготовки преподавателей танцев и чтение лекций «О культуре танца» «с показом, как нужно правильно танцевать»⁴¹.

Интерес к танцам у жителей Владивостока сохранялся и в 1950–1960-е годы.

Очень часто ходили с женой на танцы! Они проходили в «Матросском клубе»... (3. Б.С.).

На танцы ходила! У нас раньше танцплощадки повсюду были... Да, часто, часто мы веселились, не пили, не курили, а всё-равно весело было! (улыбается) (5. В.М.).

Мы с подружками ходили на танцы в ДКМ. [Дом культуры моряков. – Л.Т.] А летом возле дома офицеров флота в парке проводились танцы, и вся молодёжь была там... В доме культуры им. Ильича проводились вечера отдыха, их мы посещали (2. А.П.).

Помню, любили на танцы бегать, что уж там, молодые были, любили повеселиться. «Клуб Ильича», а ещё на фуникулёре «Клуб моряков» был, вот туда и ходили. Жили в центре, поэтому недалеко было, чаще пешком туда и приходили. Вот набираем 30 копеек и на танцы с девчонками (14. Н.П.).

Точно помню, что мы ходили на танцы. Танцевали вальс и танго. Я любила это занятие (8. Л.А.).

Ещё очень часто мы ходили на танцы! Молодые ведь были, энергии много было... (1. А.М.).

На танцы очень любили ходить, молодые ведь были. Весело было... (11. Л.А.).

А ещё мы ходили на танцы, танцплощадка была на месте Покровского парка. Ходили в ДК [Дом культуры. – Л.Т.] потанцевать (15. С.М.).

Особенностью досуга жителей Владивостока было также и то, что многие горожане предпочитали проводить свободное время на природе.

Со своими детьми и мужем каждое воскресенье (тогда был только один выходной) ходили пешком на бухту Горностай... На Песчаный ездили... (10. Л.М.).

Всё свободное время мы проводили в походах... Эх...весело было! (улыбается). На острова часто ездили... (7. Г.К.).

Однако самыми любимыми местами массового отдыха горожан были городские Набережные.

Набережную любила посещать. Там так красиво было... (5. В.М.).

Помню, очень нравились концерты на Корабельной Набережной с оркестром. Мы любили ходить туда с подругой (11. Л.А.).

Мы с женой постоянно ходили на Набережную. Там отдыхали, гуляли... У нас в семье по части отдыха всё решала жена. Постоянно водила меня с собой на Корабельную Набережную. Там проводились оркестровые концерты. Мне это жутко не нравилось, но приходилось слушать (3. Б.С.).

Гуляли на Набережной, летом от жары мы прятались под большими деревьями... Конечно, Набережная собирала много народу... (15. С.М.).

Набережная! Конечно, тогда она была местом сбора всех горожан вне зависимости от их возраста и финансового достатка. Да в те годы и не нужно было много денег, чтобы по-настоящему хорошо отдохнуть!... Помнится мне, на Корабельной Набережной часто проводились оркестровые концерты. Мне они очень нравились! (1. А.М.).

Таким образом, несмотря на доминирующую роль советского государства в вопросах организации досуга, следует отметить, что в рассматриваемый период были созданы достаточно благоприятные условия

для досуговой деятельности жителей Владивостока. Горожане независимо от своего возраста, уровня образования и достатка могли найти себе занятие в свободное время в соответствии со своими культурными вкусами и потребностями.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

1. А.М. – Антонина Михайловна, 1939 г.р., живёт в городе с 1967 г.
2. А.П. – Антонина Павловна, 1942 г.р., живёт в городе с 1961 г.
3. Б.С. – Богдан Степанович, 1937 г.р., приехал в 60-е гг. из Украины.
4. В.И. – Виктор Иванович, 1947 г.р., коренной житель города.
5. В.М. – Вера Михайловна, 1939 г.р., коренная жительница города.
6. В.М. – Виктор Михайлович, 1940 г.р., коренной житель города.
7. Г.К. – Галина Константиновна, 1936 г.р., приехала в город из Ростова-на-Дону в 1956 г.
8. Л.А. – Леонида Алексеевна, 1930 г.р., приехала в город в 1958 г. из Украины.
9. Л.А. – Лидия Алексеевна. 1940 г.р., приехала в город в 1951 г. из г. Флорово (под Сталинградом).
10. Л.М. – Лидия Михайловна, 1920 г. р., коренная жительница города.
11. Л.А. – Людмила Алексеевна, 1930 г.р., приехала в город в 1950 г. из Украины.
12. М.Е. – Мария Евдокимовна, 1926 г.р., приехала в город в 1935 г. из Украины.
13. Н.И. – Нина Ивановна, 1937 г.р., живёт в городе с 1963 г.
14. Н.П. – Надежда Прокопьевна, 1928 г.р. живёт в городе с 1950 г.
15. С.М. – Светлана Михайловна, 1950 г.р., коренная жительница города.
16. Ю.М. – Юрий Михайлович, 1942 г.р., живёт в городе с 1963 г.

Сноски и примечания

¹ Соколов А.В. Феномен социально-культурной деятельности. СПб., 2003. С. 95.

² См., например: Андриец Г.А. Повседневная и праздничная культура дальневосточных городов: сфера досуга (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 114–124.

³ Интервью были записаны в г. Владивостоке в 2008–2013 гг. и хранятся в личном архиве автора.

⁴ Байбурин А., Пиир А. Счастье по праздникам // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 237.

⁵ Степенев В.В. Развитие социалистической культуры во Владивостоке в годы предвоенных пятилеток // Материалы по истории Владивостока. Кн. 2. Т. 4. 1917–1960. Владивосток, 1960. С. 111.

⁶ Там же. С. 112.

⁷ Там же. С. 124.

⁸ Город нашенький. Владивосток, 1970. С. 339–340.

⁹ Степенев В.В. Развитие социалистической культуры во Владивостоке... С. 125.

-
- ¹⁰ Яковлева Т.И. К вопросу об экономическом и культурном развитии Владивостока (1946 – 1950 гг.) // Материалы по истории Владивостока. Кн. 2. Т. 4. 1917–1960. Владивосток, 1960. С. 139.
- ¹¹ Николаева Т. На экране – обыкновенный фашизм // Владивосток. 2013. № 58 (5029). С. 22.
- ¹² Степенев В.В. Развитие социалистической культуры во Владивостоке... С. 124.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Зусман Е.И. Для кинозрителей Приморья. Владивосток, 1962. С. 10–12.
- ¹⁵ Макарова Н. Музей кино? Почему бы нет? // Владивосток. 2013. № 26 (4997). С. 17.
- ¹⁶ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 319. Л. 4.
- ¹⁷ Зусман Е.И. Для кинозрителей Приморья... С. 10–12.
- ¹⁸ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 32.
- ¹⁹ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 39.
- ²⁰ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 65.
- ²¹ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25.
- ²² Город нашенский. Владивосток, 1970. С. 341.
- ²³ Крамар Л. Кто по полу валялся, кто с дерева падал // Владивосток. 2013. № 30 (5001). С. 17.
- ²⁴ Макарова Н. Музей кино? Почему бы нет? // Владивосток. 2013. № 26 (4997). С. 17.
- ²⁵ Зусман Е.И. Для кинозрителей Приморья... С. 94.
- ²⁶ Там же. С. 95.
- ²⁷ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 105.
- ²⁸ Зусман Е.И. Для кинозрителей Приморья... С. 62–63.
- ²⁹ Там же. С. 65.
- ³⁰ Там же. С. 65–66.
- ³¹ Там же. С. 58.
- ³² Зусман Е.И. Для кинозрителей Приморья... С. 46–47.
- ³³ Там же. С. 70–71.
- ³⁴ Трифионов-Репин Ю. Военный парад в честь 100-летия Владивостока в июле 1960 года // Арсеневские вести. 2012. № 27 (1007). С. 3.
- ³⁵ Симонов К. Город встаёт на одно колено // Город нашенский. Владивосток, 1970. С. 386–387.
- ³⁶ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4.
- ³⁷ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 52.
- ³⁸ ГАПК. Ф. 1259. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11.
- ³⁹ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 122.
- ⁴⁰ ГАПК. Ф. 1349. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 4.
- ⁴¹ ГАПК. Ф. Р-1349. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 15 об.

НАРОДНЫЙ ДОМ В НИКОЛЬСКЕ-УССУРИЙСКОМ

О.Б. ЛЫНША

Дальневосточный федеральный университет, Уссурийск

В конце XIX – начале XX века в России появляются народные дома – общедоступные культурно-просветительские учреждения, которые старались объединить все формы образовательной и досуговой деятельности. Организуя культурный досуг населения, они ставили перед собой задачу развивать внешкольное образование, бороться с неграмотностью, вести лекционную работу. В них размещались библиотека с читальней, театрально-лекционный зал со сценической площадкой, воскресная школа, вечерние классы для взрослых, хор, чайная, книготорговая лавка.

Большинство народных домов до 1914 г. были государственными (например, земские и муниципальные дома попечительства о народной трезвости), однако встречались и негосударственные народные дома, построенные и финансируемые частными благотворителями. Именно такой тип народного дома возник в Никольске-Уссурийском – его строительство связано с благотворительной деятельностью Иннокентия Павлиновича Пьянкова, представителя известной на Дальнем Востоке фирмы – Торговый дом «Михаил Пьянков с братьями». Открытие Народного дома в Никольске пришлось на время после первой русской революции, когда в России строительство народных домов получило широкий размах. Власти надеялись, что появление народных домов свяжет революционную активность населения, сделает городской досуг более культурным и, в какой-то степени, будет противодействовать массовому пьянству (соучредителями народных домов часто выступали общества трезвости).

Идея открыть в Никольске-Уссурийском Народный дом возникает в начале XX века среди членов Общества народных чтений и офицеров Никольского гарнизона. В декабре 1902 г. местная газета сообщила читателям: «...вопрос постройки Обществом народных чтений Народного дома можно считать решенным, благодаря сочувствию всех слоев населения нашего города. Командир корпуса генерал-лейтенант Линевиц, всегда сердечно отзывавшийся на местные нужды, любезно предложил председателю Общества г. Губанову свое содействие»¹. 26 декабря 1902 г. состоялся спектакль в пользу Народного дома, устроенный генерал-лейтенантом Линевицем. Сбор со спектакля свыше 800 руб. полностью поступил «в пользу народной аудитории»².

14 марта 1903 г. на заседании городского самоуправления обсуждался вопрос по заявлению командира 1-го Сибирского армейского корпуса и правления Общества народных чтений об отводе места для постройки Народного дома и ассигновании пособия в 1000 руб. из городских сумм под будущее строительство. Городские уполномоченные согласились с мнением общественности, что «самым подходящим местом для постройки Народного дома» являлся бы земельный участок на Бульварной улице. Однако пособия в

1000 руб. город дать не мог, поскольку смета на 1903 г. была уже утверждена, но было обещано включить в смету 1904 г. просимую сумму³.

В России устройство народных домов сталкивалось с извечной проблемой – отсутствием средств для строительства здания. Можно привести в качестве примера возведение народного дома во Владивостоке, где в течение 1899-1907 гг. горожане строили этот очаг культуры. В Никольско-Уссурийском поначалу дело принимало такой же оборот. Еще бы долго «нужные суммы» собирались по подписке, но молодому дальневосточному городу (село Никольское было преобразовано в город в 1898 г.) повезло – И.П. Пьянков пожертвовал 100 тыс. руб., значительную по тем временам сумму, для строительства Народного дома. Иннокентий Павлинович в молодости был революционером, в 1881 г. он был осужден к ссылке в Сибирь. Благодаря протекции старшего брата Михаила он переехал на Дальний Восток, занялся семейным бизнесом. Но «вопросы просвещения и культуры особенно были близки его сердцу, ... и он им более всего посвящал свое время, знания и силы». Народный дом, по мысли И.П. Пьянкова, должен был стать чем-то «вроде Народного университета, распространяющего свои знания и культуру во всех слоях общества»⁴.

В январе 1907 г. И.П. Пьянков лично осматривал центр Никольско-Уссурийского, чтобы выбрать место для будущего Народного дома. У него уже имелся план здания «с двумя фасадами»⁵. Меценат считал наиболее подходящим для строительства участок по Бульварной улице напротив Коммерческого собрания (нынешняя улица Агеева, 71). Это была граница между городом и Никольским военным гарнизоном. На тот момент в Коммерческом собрании имелась единственная в городе сцена, на которой происходили гастроли артистов и выступления местных художественных сил. Рядом, в нескольких кварталах от собрания, находился дом Пьянковых. Но «поставить дом» напротив Коммерческого собрания мешал средневековый вал, тянувшийся вдоль улицы, поэтому от этой идеи пришлось отказаться.

24 февраля 1907 г. в городской управе состоялось заседание комиссии для рассмотрения проектов Народного дома «предлагаемого к постройке на средства, пожалованные И.П. Пьянковым»⁶. Были предложены проекты архитекторов Виноградова, Мешкова и Чеснокова. «План Мешкова, как по удобству взаимного расположения всех помещений Народного дома, так и по величине каждого из них признан единогласно лучшим. Здания по планам Виноградова и Чеснокова дешевле, но неудачное расположение помещений»⁷.

Владивостокский архитектор И.В. Мешков среди конкурсантов имел наибольший опыт возведения зданий общественного назначения. Так, например, в 1906-1907 гг. он отстроил после пожара гостиницу «Золотой Рог», в которой имелся театральный зал. Талант архитектора у военного инженера А. Виноградова раскроется спустя несколько лет, когда по его проекту рядом с Народным домом будет возведено эффектное здание

Никольск-Уссурийского реального училища. Для М.Н. Чеснокова, которому было 23 года⁸, это был, вероятно, первый опыт участия в конкурсе.

Городское самоуправление предложило под строительство участок земли в юго-западном углу обширной Сенной площади. Строительство началось не сразу. В мае 1907 г. «о приготовлениях к постройке Народного дома Т.Д. Пьянков и К^о еще ничего не слышно»⁹.

Возведение здания было завершено к началу 1909 г. Владивостокская газета писала: «Выстроенный на личные средства купцом Пьянковым Народный дом на праздниках будет открыт для публики. Последние находят его довольно удачным по своей архитектуре. По крайней мере, это будет единственным в своём роде для Никольска-Уссурийского помещением, где до сих пор нет еще ни публичной библиотеки, ни постоянного театра. При Народном доме будет открыта начальная школа»¹⁰.

Разместившись на перекрестке улиц Муравьевской и Александровской (ныне Советской и Володарской), здание Народного дома заметно выделялось своим выразительным обликом среди скромных домов никольских жителей. Народным дом являл собой блестящий образец стиля модерн, который был тогда наиболее популярным направлением в архитектуре.

5 февраля 1909 г. состоялось освящение Народного дома. В Никольске-Уссурийском появилась театральная сцена и просторный зрительный зал на 682 места. Уже 7 февраля в Народном доме состоялся любительский концерт «в пользу пострадавших от землетрясения итальянцев»¹¹.

«Выстроенный на средства г. Пьянкова Народный дом в Никольске передан городу. Как видно, заведывание делом идет не гладко, ибо многие, принимавшие ранее участие в его судьбе и функциях, ныне отказываются от такового. Рабочие же железнодорожных мастерских прямо выражают намерение бойкотировать Народный дом»¹². Косвенным подтверждением этого разлада служит тот факт, что об освящении Народного дома узнали в городской управе и комитете Народного дома на следующий день¹³.

17 февраля 1909 г. состоялось вторичное открытие Народного дома. Оно было «более многолюдным, чем в первый раз». Была поставлена пьеса Леонида Андреева «Дни нашей жизни». Постановка была сделана в стиле «кафешантана, публика хохотала до слез, хотя на сцене проходила глубокая житейская драма»¹⁴.

Первый опыт объединения общественности города под эгидой Народного дома был связан с празднованием юбилея Н.В. Гоголя. В программу проведения праздника входила постановка пьесы «Ревизор» силами никольских любителей театрального искусства и учеников местных школ. Талантливым режиссером и исполнителем главной роли в спектакле являлся инспектор ремесленного училища К.М. Прокофьев. 20 марта 1909 г. в день столетия великого русского писателя прославленную пьесу сыграли на сцене Народного дома. Хлестаков в исполнении Константина Прокофьева «был очень реален и своеобразен», «живо представил почтмейстера Федоров». Никольская газета после этого удачного дебюта с пафосом писала:

«Прекрасно прошедший спектакль в день юбилея подтвердил мысль о возможности создания интеллигентным обществом своего «интеллигентного театра». Существующему местному театральному кружку предстоит самой жизнью выдвинутая почетная задача – воспользоваться пустующим Народным домом, дать народу, обществу то, что является лучшей школой жизни, лучшим воспитателем народа – театр»¹⁵.

Менее чем через месяц, жители провинциального Никольска-Уссурийского увидели на сцене Народного дома великую русскую актрису Веру Комиссаржевскую. На пути из Владивостока в Харбин труппа Комиссаржевской сделала остановку в Никольске. Известно, что Вера Федоровна прибыла в Никольск 15 апреля 1909 г. Актриса блистала в лучших своих ролях в пьесах «Кукольный дом» Г. Ибсена и «Дикарка» А.Н. Островского и Н.Я. Соловьева, сыграв Нору и Дикарку. 20 апреля был дан последний третий, благотворительный спектакль. «Театр был битком набит народом. Этот спектакль, как и все три – триумф тура Веры Федоровны. На просьбы никольцев дать еще один концерт, гастролерша отказалась»¹⁶.

Таким образом, первые гастроли на сцене Народного дома были связаны с именем прославленной русской актрисы. Комиссаржевская своей игрой невольно задала высокий уровень мастерства, с которым сравнивали всех последующих гастролеров.

22 октября 1910 г. в Народном доме пела «королева русского романса» Анастасия Дмитриевна Вяльцева. «Был сплошной триумф. Переполненный театр стонал от аплодисментов. Дороги были билеты, но дорого было и удовольствие»¹⁷.

В отчете за 1912 год указывается, что в Народном доме состоялось 114 спектаклей. Плата за вход составляла от 20 копеек до 2 руб.50 коп.¹⁸ В предреволюционные годы на сцене Народного дома в Никольске выступали все гастролирующие на Дальнем Востоке театральные труппы, а также отдельные исполнители. Выступления артистов носили не только коммерческий характер, но и благотворительный. Например, сказитель былин П.Т. Виноградов прочитал лекцию и «пропел три былины» на вечер 18 августа 1910 г. бесплатно¹⁹.

И.П. Пьянков, пожертвовав деньги на строительство, выдвинул условие по организации управления Народным домом. Оно поручалось комитету, в который входили три члена, назначаемых Пьянковым и три городских полномоченных из состава городских гласных. Кроме того, в состав Комитета по выбору городского управления входили 9 горожан. Первые 6 членов были несменяемы, а из горожан ежегодно третья часть обновлялась. Председателем Комитета стал пасынок И.П. Пьянкова А.А. Квятковский, товарищем председателя – Л.С. Сафарьянц. Активными членами являлись присяжной поверенный А.М. Федотов и Сазонов, «остальные члены Комитета мало интересовались делами народного дома»²⁰. Леон Саркисович Сафарьянц был инженером-путейцем, начальником 2-го участка службы пути Уссурийской железной дороги. Помощником Л.С. Сафарьянца являлся

заведующий хозяйством Народного дома Адам Фомич Серошевский, бывший политкаторжанин. В 1885 г. он был осужден в Варшаве по делу польской партии «Пролетариат» и отправлен на каторгу на о. Сахалин. В 1904 г. Серошевский покинул остров и поселился в Никольске-Уссурийском.

Комитет Народного дома был обязан предоставлять сметы расходов и доходов на утверждение городского самоуправления, но в целом благодаря поддержке И.П. Пьянкова он пользовался большой самостоятельностью.

Народный дом, «имеющий целью дать всем желающим возможность, отчасти за плату, отчасти бесплатно, пользоваться общепользовными развлечениями, спектаклями, концертами, чтениями, библиотекой и т.д.» принял под свою крышу начальную школу и библиотеку. 1-ое городское начальное училище, открытое в 1907 г., не имело собственного здания, располагалось в арендуемом помещении. В августе 1909 г. оно перешло в Народный дом, где и оставалось все предреволюционные годы. Для школы были выделены просторные, светлые, теплые классные помещения, в которых получали начальное образование 136 мальчиков²¹.

Никольск-Уссурийский Народный дом, по оценкам современников, стал «любимым детищем» И.П. Пьянкова. От имени торгового дома «М. Пьянков с братьями» он пожертвовал Народному дому библиотеку, на основе которой 25 сентября 1909 г. открылась библиотека-читальня. С этого времени библиотека-читальня при Народном доме стала самой крупной и значимой общедоступной библиотекой Никольска-Уссурийского. Для руководства библиотекой была создана библиотечная комиссия в составе священника П.С. Мичурина, городского архитектора С.Н. Клименко и присяжного поверенного А.М. Федотова, который исполнял также обязанности заведующего библиотекой. Первым библиотекарем являлась Евлампия Федоровна Кипарисова, в 1914 г. – «мадмуазель» Прокопенко.

В марте 1910 г. библиотечный фонд насчитывал 5137 томов. Все эти книги, за исключением 53, были подарены фирмой И.П. Пьянкова. Книги распределялись по 18 разделам, библиотечным абонементом пользовались 217 человек. Большинство читателей составляли учащиеся учебных заведений, учителя, врачи, офицеры, чиновники. Месячный библиотечный абонемент составлял всего 10 копеек. 22 февраля 1910 г. на заседании Комитета Народного дома было решено разрешить всем бедным ученикам городских школ бесплатно пользоваться библиотекой. Бедность учеников удостоверялась учителями, которые также ручались за сохранность библиотечных книг²². Жители Никольска принимали участие в формировании книжного фонда. Так, с 1 июля по 18 ноября 1911 г. в библиотеку были пожертвованы книги и журналы «в количестве 113 томов разных авторов г-жами Субботиной, Рехневской, Латти-Броневской, Ткаченко и господином Макаровым»²³.

В 1913 г. в библиотеке имелось 7000 томов²⁴. Местные газеты регулярно сообщали своим читателям библиотечные новости. Например, в статье «Что читают в Никольске», сообщалось о читательских предпочтениях. Из отчета библиотеки Народного дома видно, что с самого её основания в 1909 г.

больше всего читался Л.Н. Толстой, на книги которого в 1913 г. было 399 требований. Спрос на этого писателя держится на одном уровне с 1910 г. Второе место занимал Достоевский – 296 требований. Далее следовали «в нисходящем порядке: Д. Лондон – 294, Вербицкая – 293, Дюма – 253, Тургенев – 234, Вернер – 211, Немирович-Данченко – 182, Амфитеатров – 178, Мамин-Сибиряк – 153, Салиас – 149, Майн Рид – 123, Куприн – 112, Арцыбашев – 97, Мережковский – 97, Гоголь – 73, Л. Андреев – 66, Чириков – 66, Чехов – 62, Короленко – 56, Некрасов – 38, Горький – 29»²⁵.

Как видно из списка, наиболее популярными произведениями были книги Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, забытой ныне писательницы А.Н. Вербицкой, Д. Лондона, А. Дюма. Повышенный интерес к русской классической литературе, произведениям современных писателей того времени, содержащих гражданские мотивы, говорит о достаточно высоких духовных запросах жителей Никольска-Уссурийского в начале XX в.

9 ноября 1911 г. скончался И.П. Пьянков. «Если общество потеряло в лице Иннокентия Павлиновича крупного деятеля на многих поприщах общественной жизни, то Народный дом потерял своего представителя и любящего отца» - сказал Л.С. Сафарьянц на заседании Комитета, посвященного этому скорбному событию. «Да не погаснет память о нем на многие и многие лета. Пусть его заветное желание видеть Народный дом народным университетом, станет целью и стремлением для нас, как нынешних, так и будущих членов Комитета»²⁶. Эти слова в память отца-основателя станут своеобразной программой дальнейшей работы Народного дома. Комитет выступил с предложением присвоить Народному дому имя братьев Пьянковых. Городское самоуправление поддержало инициативу общественности и выступило с ходатайством перед властями. 11 сентября 1912 г. приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти разрешил именовать Никольск-Уссурийский Народный дом именем братьев Пьянковых²⁷.

При народных домах обычно работали различные кружки. В Никольске-Уссурийском также была попытка организовать курсы кройки и шитья, рукоделия, рисования, лепки «и прочих изящных искусств для лиц всех возрастов и сословий». Предполагалось брать за обучение 5 руб. в первый месяц и по 3 руб. за все последующие, бедные приглашались на обучение бесплатно²⁸. Из всего планируемого удалось организовать работу только курсов кройки и шитья.

В 1912 г. при Народном доме была открыта воскресная школа для взрослых. В ней учителя городских школ обучали основам грамотности взрослых людей²⁹. В том же году в Народном доме было организовано чтение публичных лекций. Всего было прочитано 5 лекций: по одной лекции читали агрономы Эггенберг и Розенберг, артист Гаврилов, 2 лекции – присяжной поверенный Ровинский³⁰.

В 1913 г. по инициативе Маньчжурского общества Народных университетов возникла переписка с правлением Никольск-Уссурийского Народного дома о приглашении лекторов для чтения лекций. «Духовный

голод» заставляет искать лекторов в столице. Сестра Л.С. Сафарьянца Полина встретила в Петербурге с известным общественным деятелем В.В. Водовозовым, который согласился прочитать лекции на Дальнем Востоке. Было также получено согласие Н. Морозова, известного революционера, бывшего узника Шлиссельбургской крепости. В.В. Водовозов сообщал в письме Л.С. Сафарьянцу темы лекций: «Очерки истории Турции, «Что такое политическая партия» («избегаю касаться России»), «История политических партий в Германии», «Парламентаризм и политическая борьба в Англии», «Сравнительные очерки местного самоуправления в России и на Западе». Предполагалось устроить 22 лекции в 5 дальневосточных городах³¹.

Местная полиция усмотрела в этих, в общем-то, просветительских мероприятиях революционную пропаганду. «Выписываются лекторы исключительно из революционного лагеря: В. Мякотин, В.В. Водовозов (известные революционные деятели 1905-1906 гг.), д-р Козловский, сотрудник левой газеты «Русские ведомости», Морозов – известный политический преступник. Переписка о выписке лекторов при помощи кружка Потанина, известного революционного деятеля Сибири. Комитет Никольск-Уссурийского Народного дома взял на себя инициативу созыва съезда в г. Никольске-Уссурийском представителей просветительских учреждений городов: Владивостока, Никольска-Уссурийска, Хабаровска, Харбина и Читы»³². Предполагаемые к чтению лекции В.В. Водовозова в Европейской России «были категорически запрещены» властями, но он готов «с удовольствием их читать, если местные условия, т.е. администрация, допустит это».

В апреле 1914 г. была произведена полицейская ревизия в библиотеке Народного дома, которая обнаружила 29 книг, запрещенных цензурой, и 14 изданий, «не внесенных в каталог книг, одобренных министерством внутренних дел для народных библиотек-читален». Чиновник П.Я. Полетика, обследовавший библиотеку, отметил в своём рапорте, что на 1914 г. выписаны общественно-политические журналы «исключительно левого направления»: «Вестник Европы», «Современник», «Вестник знания», «Русское богатство», «Русская мысль», «Бюллетень современной литературы» и «Новый журнал для всех». Из газет были выписаны: «Речь», «Биржевые ведомости», «Всеобщая газета», «Современное слово», «Русские ведомости», «Русское слово», «Сибирь», «Далекая окраина», «Текущий день», «Сибирская жизнь», «Уссурийский край» и «Эхо». «Все эти газеты более или менее ярко выраженного антиправительственного направления»³³.

Ревизия выяснила, что основными читателями библиотеки являлись учащиеся – 193 человека, затем шли офицеры и их жены – 169, чиновники – 32, нижних чинов числилось от 40 до 60. Библиотека-читальня ежегодно приносила убыток, но «несмотря на это ежегодно пополнялась все новыми изданиями», подписная цена не повышалась, составляя 10 коп. в месяц. «Принимая во внимание, писал П.Я. Полетика, что в числе подписчиков библиотеки-читальни главную массу составляют учащиеся, надлежит признать столь тенденциозный подбор изданий по политико-социальным

вопросам в библиотеке недопустимым»³⁴. П.Я. Полетика предложил отстранить от работы в Народном доме Л.С. Сафарьянца и его помощника А.Ф. Серошевского.

Л.С. Сафарьянец был вызван в Никольск-Уссурийское жандармское управление. На допросе он заявил, что «состоя товарищем председателя Комитета Народного дома около 3-4 лет, я не получал ни от кого никаких указаний или советов о направлении деятельности Народного дома в антиправительственном или даже либеральном духе»³⁵. Санкции в отношении Л.С. Сафарьянца последовали незамедлительно – он был фактически выслан из Никольска-Уссурийского. 18 июня 1914 г. Леон Саркисович вместе с семьей уезжает к месту нового служения на ст. Ашихе КВЖД³⁶. А.Ф. Серошевскому удалось избежать наказаний, и он продолжал заведовать хозяйством Народного дома.

С отъездом Л.С. Сафарьянца Комитет Народного дома утратил общественно-политическую активность, его деятельность свелась к организации досуга населения. Задуманная в начале века «народная аудитория» стала главной театральной ареной города, где выступали гастролеры и местные любители сцены. Здесь размещалось первое городское начальное училище, работала библиотека-читальня и курсы кройки и шитья.

После революционных событий 1917 года Народный дом пережил самую бурную страницу своей истории – он стал площадкой для самых разнообразных политических собраний и митингов. Например, в 1917-1918 гг. здесь прошли Всероссийские съезды корейцев, осенью 1917 г. состоялась II Дальневосточная конференция РСДРП, на которой произошло размежевание большевиков и меньшевиков. И, конечно, на сцене Народного дома постоянно устраивались самые различные вечера: и развлекательные, и благотворительные. Проходили театральные постановки. Интересно отметить, что ставились пьесы и на острые политические темы – о гражданской войне в России. Например, «На пожарище в России» И.А. Дьякова, преподавателя Никольск-Уссурийской женской гимназии³⁷. В декабре 1919 г. в Народном доме работал «военно-передвижной театр»³⁸.

После установления советской власти в Народном доме разместился Дом командиров Красной армии. Вскоре выяснилось, что скромные размеры дореволюционного Народного дома не отвечают потребностям возросшей мощи Никольского военного гарнизона. В предвоенные годы начинается возведение помпезного Дома командиров Красной армии в стиле сталинского классицизма, который удалось достроить к 1955 г. После переезда советских офицеров в новое здание, старинный дом принял под свою крышу городской театр. В марте 2012 г. Уссурийскому театру драмы присвоили имя В.Ф. Комиссаржевской. Так, спустя сто лет, имя великой русской актрисы, положившей начало театральным выступлениям на сцене Народного дома, вновь зазвучало в городе.

Сноски и примечания

- ¹ Никольск-Уссурийский листок. 1902. 12 дек.
- ² Там же.
- ³ РГИА ДВ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 229. Л. 57-58 об.
- ⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 412. Л. 296.
- ⁵ Уссурийский край. Никольск-Уссурийский. 1907. 23 янв.
- ⁶ Там же. 24 февр.
- ⁷ Там же. 6 марта.
- ⁸ Амурская область. Опыт энциклопедического словаря. Благовещенск, 1989. С. 396.
- ⁹ Уссурийский край. Никольск-Уссурийский. 1907. 1 мая.
- ¹⁰ Восточная речь. Владивосток. 1909. 1 янв.
- ¹¹ Уссурийская окраина. Никольск-Уссурийский. 1909. 7 февр. Бесплатное приложение.
- ¹² Восточная речь. Владивосток. 1909. 1 февр.
- ¹³ Уссурийская окраина. Никольск-Уссурийский. 1909. 18 февр.
- ¹⁴ Там же. 21 февр. Бесплатное приложение.
- ¹⁵ Там же. 2 апр.
- ¹⁶ Уссурийская окраина. Никольск-Уссурийский. 1909. 23 апр.
- ¹⁷ Уссурийская окраина. Никольск-Уссурийский. 1910. 24 окт.
- ¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 412. Л. 256.
- ¹⁹ Весть. Никольск-Уссурийский. 1910. 20 авг.
- ²⁰ РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 1. Д. 99. Л. 55.
- ²¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 418. Л. 52.
- ²² Никольск-Уссурийский. 1910. 10 марта.
- ²³ Приморский край. Никольск-Уссурийский. 1911. 29 нояб.
- ²⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 595. Л. 61.
- ²⁵ Уссурийский голос. Никольск-Уссурийский. 1914. 22 июня.
- ²⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 412. Л. 296.
- ²⁷ Там же. Л. 299.
- ²⁸ Приморский край. Никольск-Уссурийск. 1911. 27 нояб.
- ²⁹ РГИА ДВ. Ф. 511. Оп. 1. Д. 99. Л. 53.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Ф. 1. Оп. 11. Д. 451. Л. 26 об.-27 об.
- ³² Там же. Ф. 511. Оп. 1. Д. 99. Л. 54.
- ³³ Рапорт чиновника особых поручений при военном губернаторе Приморской области П.Я. Полетика об обследовании деятельности комитета Никольск-Уссурийского Народного дома // Никольск-Уссурийский: страницы истории. Документы и материалы. Владивосток, 2003. С. 139-140.
- ³⁴ Там же. С.139.
- ³⁵ РГИА ДВ Ф. 1. Оп. 11. Д. 451. Л. 44 об.
- ³⁶ Там же. Л. 104 об.
- ³⁷ Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биобиблиографический словарь. Владивосток, 2000. С. 116.
- ³⁸ Уссурийский край. Никольск-Уссурийский. 1919. 31 дек.

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ (1899-1930-Е ГОДЫ): СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ*

В.Г.МАКАРЕНКО

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Система высшего образования является важным социальным институтом, состоянием и результатами деятельности которого в любой стране определяется развитие экономики, науки, культуры и государства в целом. В свою очередь высокий уровень и качество подготовки специалистов в высшей школе достигается при условии своевременной и адекватной государственной финансовой поддержки. Это позволяет создавать социальные условия подготовки специалистов: обеспечивать вузы современной материально-технической базой, качественным составом научно-педагогических кадров, социально-бытовой инфраструктурой (лабораторно-аудиторный фонд, спортивные сооружения, столовые, буфеты, квартиры для преподавателей, общежития для иногородних студентов, бытовые комнаты и т.п.).

Создание полноценной вузовской инфраструктуры зависит от географических условий, от наличия строительной базы территории, активных позиций и реальных действий городских властей. Как правило, вузы располагаются в крупных городах и населенных пунктах, развитых в промышленном и культурном отношении. Изучение социальных аспектов подготовки специалистов в высшей школе на Дальнем Востоке России в контексте развития городской инфраструктуры в 1899-1930-е гг., на наш взгляд, позволит лучше понять проблемы взаимоотношений государственной власти и высшей школы, истоки некоторых современных противоречий в ее деятельности. Исторический опыт развития системы высшего образования и результатов ее деятельности являются одним из важных научных направлений в современной отечественной и зарубежной историографии, в том числе и в региональном аспекте. По состоянию системы высшего образования можно судить о социальных проблемах всего общества, определенного региона (или города) в целом на разных этапах его развития.

Актуальность данной темы возрастает и в связи с принятием очередной программы социально-экономического развития Дальнего

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Президиума РАН (грант № 12-1-ПЗ3-04 «Традиции и инновации в системе высшего образования на Дальнем Востоке в период социальных трансформаций в XX – начале XXI в. в свете историко-культурных ценностей России»).

Востока и Байкальского региона до 2025 г. Изучение основных социальных аспектов подготовки специалистов – формирования и укрепления материально-технического и кадрового потенциалов региональной высшей школы, специфических особенностей ее функционирования – позволит учесть исторический опыт, извлечь определенные уроки для дальнейшего совершенствования ее деятельности.

Учебные заведения в России и в восточных районах страны открывались преимущественно в городах и крупных населенных пунктах¹.

21 октября 1899 г. в г. Владивостоке было создано первое высшее учебное заведение на Дальнем Востоке – Восточный институт. Его основной целью было «подготавливать учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и прилегающих государств». Его создание потребовало крупных государственных ассигнований: на окончание постройки здания Института и ремонт училищных корпусов в 1899 г. из государственного казначейства было отпущено 89 тыс. руб. (в счет общего кредита в 2,5 млн. руб.). В первый год работы института на его содержание с учетом специфических условий г. Владивостока (отдаленность от культурно-образовательных центров страны, сложный рельеф, суровый морской климат) по смете Министерства народного просвещения выделено 35 тыс. руб., на 1900 г. – 77,6 тыс., на 1901 г. – 94 тыс., и, начиная с 1902 г. – по 95,6 тыс. руб. ежегодно². Взимаемая плата (30 руб. за полугодие) за слушание лекций, размер которой определяло Министерство просвещения по представлению Конференции институт³, расходовалась не только на поечение малоимущих студентов, но и на приобретение учебных материалов, на премии и награды студентам, на их поездки (с 1900 г.) на языковую практику за границу (в крупные города Китая, Маньчжурии, Кореи, Японии и Монголии. Однако средств, выделяемых Министерством, на командировки не хватало, поэтому по решению Конференции удерживалось 125 руб. из годовой студенческой стипендии (500 руб.), хотя это и не улучшило финансовую ситуацию в целом⁴, но осложняло жизнь студентов в условиях дороговизны в портовом городе.

Для студентов Восточного института Министерством народного просвещения была утверждена специальная форменная одежда. Обучение осуществлялось по строгому регламенту внутренней жизни учебного заведения. Значительная часть студентов жила в общежитии-интернате на почти казарменном положении, с жестким режимом дня. Отлучаться на прогулки по городу, встречаться с родителями и друзьями они могли только с разрешения инспектора, причем в специальной комнате при интернате⁵.

Проживание в г. Владивостоке всегда было дорогостоящим⁶. В среднем студент Восточного института вынужден был тратить в месяц на свое содержание не менее 45 руб. (для сравнения: в европейской части России – 25 руб.). Не так просто иногороднему студенту было найти работу и квартиру. И с каждым последующим годом материальное положение студентов становилось все более нестабильным. Так, например, в феврале

1903 г. они подали директору института профессору А.М. Поздневу петицию, в которой жаловались на низкое качество пищи, недобросовестное поведение врача и эконома, в связи с чем они, «несмотря на дороговизну, вынуждены были искать питание на стороне, чем употреблять даваемое в столовой разложившееся мясо»⁷.

Начавшаяся русско-японская война 1904-1905 гг. значительно осложнила жизнь преподавателей и студентов Восточного института. Так, 3 декабря 1904 г. и.д. директора Восточного института профессор Е.Г. Спальвин направил министру народного просвещения телеграмму с ходатайством «о выдаче соответственного пособия за прошедшее время с начала войны до конца года, чтобы разделаться с долгами», в связи с вздорожанием в городе «продуктов вдвое, втрое сравнительно с началом войны: мясо раньше – 15, теперь – 25, сахар – 18, теперь – до 50, дрова – 650, теперь – более 1400, керосин – 215, теперь – 400, яйца – 25, теперь – до 65, соль – 3, теперь – до 8, рис – 10, теперь – 30, спички – 8, теперь – до 35, картофель – 18, теперь – до 75, капуста – 3, теперь – до 30, мука удвоилась в цене. Дороговизна продолжается уже десять месяцев, с каждым днем увеличиваясь. (Имеет место. – В.М.) сокращение (денежного. – В.М.) содержания, благодаря ежемесячным вычетам за полученное вперед третное содержание на отправление из города семей, ... уменьшение содержания учителей». Преподаватели Восточного института вынуждены «платить бешеные цены, а получают значительно меньше мирного времени»⁸. Студентам было еще сложнее. В связи с этим значительную поддержку нуждающимся студентам Восточного института оказывало Общество вспомоществования г. Владивостока: выделяло деньги на проезд к родителям в центральные и западные районы России, расселяло студентов в общежития Морского ведомства, выделяло продукты из интендантских служб Владивостокской крепости, организовывало дешевые городские столовые, разрешало пользоваться гарнизонными кухнями⁹. В конце весны 1904 г. студенческое общежитие было передано под военный госпиталь, а студентов разместили в переселенческом доме и на частных квартирах.

Напряженная военная обстановка отражалась на психологическом состоянии и настроении горожан¹⁰, в том числе и студентов, не способствовала регулярному проведению занятий, поэтому лекции часто срывались. В самом начале военных действий погибли офицеры – слушатели Восточного института – штабс-капитан Александр Селиверстов (убит в сражении при Вафангоу), мичман Борис Хрушев (погиб при взрыве транспорта «Енисей» 29 января 1904 г.). Из 120 студентов в институте осталось только 72, так как в ноябре-декабре 1904 г. более 30 студентов и слушателей старших курсов были откомандированы в качестве переводчиков в штабы русской армии, подразделения Тихоокеанской морской эскадры, в распоряжение крупных военачальников (командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала Н.И. Скрыдлова, генералов П.К. Ранненкампа, Н.П. Линевича (с. Посьет-Хунчунь), А.Д. Анисимова (с. Раздольное), Н.М. Чичагова (г. Харбин) и др.), в военные суды и казначейства: китаисты

Михаил Алексеев, Дмитрий Дедевич, Петр Тищенко, Илья Доброловский, Николай Кибардин, Николаев, Александр Спицын, Прокопов, Сивяков, Ананий Зинькевич, Меньшиков, Успенский, Брайковский, Н.К. Новиков; японисты Геннадий Доля, Алексей Кобелев, Лебедев, Богословский, Сухоруков, Занковский, кореисты Цицерин, Владимир Репин, Николай Сенько-Буланый, Михайлов, С.Г. Вологодский, Ящунский), офицеры-слушатели капитаны Афанасьев и Козлянинов, а также преподаватели – монголовед и китаист Хионин, китайский лектор Цишань-цин, корейский лектор Тхэ-цоносен¹¹.

Как впоследствии оказалось, в русской армии в то время было всего три человека, владевших японским языком. На просьбу главнокомандующего армией А.Н. Куропаткина, адресованную факультету восточных языков Санкт-Петербургского университета, прислать студентов, которые бы знали японский и китайский языки, последовал ответ: «таковых нет», после чего к работе переводчиками и были привлечены студенты 4 курса Восточного института¹².

Самоотверженная, квалифицированная переводческая деятельность ряда студентов и слушателей института во время русско-японской войны была отмечена государственными наградами, что укрепило авторитет Восточного института и его профессоров в России и за рубежом. Так, М. Алексеев – золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте, Г. Доля – серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте, прапорщик В. Репин – орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Святого Станислава 3-й степени. Эти награждения стали основой для профессиональной аттестации студентов-участников войны и выдачи 17 выпускникам дипломов без сдачи выпускных экзаменов¹³.

В последующие годы, в тяжелых социально-экономических условиях первой мировой войны, двух революций 1917 г., Гражданской войны и интервенции преподаватели и студенты Восточного института пытались «безболезненно пережить ... временную разруху государственной жизни»; продолжить обучение на основе демократических начал, провозглашенных Временным правительством: самоопределения, академической свободы, автономии и самоуправления¹⁴.

Еще в ходе Гражданской войны, в 1918-1919 гг. при отсутствии регулярного государственного финансирования, скоплении в г. Владивостоке массы беженцев, в том числе и профессоров из учебных и научных учреждений западных районов страны, при активной помощи городского Общества содействия высшему образованию были созданы частные факультеты и вузы (историко-филологический, юридический, высший политехникум)¹⁵. Учитывая высокие потребности региона в специалистах, 17 апреля 1920 г. Приморская областная земская управа приняла постановление № 220 об объединении Государственного Восточного института и всех вновь созданных факультетов и институтов в единое учреждение – Государственный Дальневосточный университет (ГДУ), ставший «в особых исторических условиях фундаментом для развития просвещения населения

русского Дальнего Востока». Первым ректором был избран профессор Г.В. Подставин¹⁶.

После установления на территории Дальнего Востока Советской власти (орган управления – Дальревком в г. Чите) был создан аппарат уполномоченного по делам высшей школы во главе с профессором В.И. Огородниковым и началась ее «советизация» в соответствии с принятыми в 1918 г. в РСФСР законами о высшем образовании. В декабре 1922 г. была ликвидирована домовая церковь при ГДУ, в январе 1923 г. – переизбран состав его правления и назначен новый ректор – В.И. Огородников; в сентябре 1923 г. – принято постановление Дальревкома о слиянии ГДУ с Читинским университетом с переводом последнего в г. Владивосток и переездом 180 студентов, 7 профессоров, 10 преподавателей, 7 научных сотрудников и 2 чел. технического персонала, соответственно были пересмотрены штаты¹⁷.

В конце 1920-х годов проведение индустриализации в стране, недоверие Советской власти к буржуазным специалистам вызвали рост потребности в кадрах с высшим образованием. В результате значительно расширилась сеть учебных заведений, их специализация в подготовке специалистов, особенно технического профиля, резко возросла численность студентов, кардинально изменилась структура управления вузами (за счет начавшегося «отраслирования» учебных заведений, предусматривавшего их подчинение, материально-техническое и кадровое обеспечение за счет ведомств и наркоматов).

В крупных городах Дальнего Востока – Владивостоке, Хабаровске, Чите, Благовещенске – согласно решению Наркомпроса РСФСР от 11 июля 1929 г. «О реорганизации сети высшего образования в ДВК», в спешном порядке создавались на базе факультетов ДВГУ самостоятельные институты¹⁸. Если в СССР общее число вузов с 1928 по 1930 гг. увеличилось в 2,2 раза, то на Дальнем Востоке – в 9 раз. Только в 1930 г. в ДВК было создано 9 новых вузов: в г. Хабаровске – Дальневосточный коммунистический университет (Далькомвуз), медицинский институт и институт народного хозяйства (на базе Восточного факультета); в г. Владивостоке – политехнический (ДВПИ), рыбопромышленный (Дальрыбвуз), Дальневосточный лесотехнический, Дальневосточный индустриально-педагогический институты, Тихоокеанский институт социалистического сельского хозяйства (ТИССХ); в г. Благовещенске – аграрный педагогический институт. Во всех высших учебных заведениях сохранялась характерная для вузов страны 1930-х годов узкая специализация при небольшой численности студентов¹⁹.

При создании новых вузов в организационном плане было много поспешности, непродуманности, бюрократизма. Так, на базе планового отделения созданного в 1930 г. и ликвидированного год спустя Хабаровского института народного хозяйства открылись Плановый институт, в г. Владивостоке – Интернациональный педагогический институт (обучались только корейцы и китайцы), в январе 1932 г. – Дальневосточный горный

институт (в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 26 сентября 1931 г.), Высшая китайская ленинская школ²⁰, Дальневосточная промышленная академия; весной 1932 г. Дальневосточный институт инженеров водного (морского) транспорта²¹. В 1933 г. Дальневосточный индустриальный педагогический институт был объединен с Благовещенским аграрным пединститутом и переведен в г. Благовещенск. В соответствии с решением СНК РСФСР (1934 г.) при всех педагогических вузах страны, в том числе и на Дальнем Востоке, были открыты двухгодичные учительские институты. В 1935 г. в г. Хабаровске началось строительство здания педагогического института, но из-за слабой строительной базы, несогласованности действий партийного и советского руководства, оно затянулось до конца 1938 г.²²

Уже в первой половине 1930-х гг. по причине неразвитости строительной отрасли и городской социально-бытовой инфраструктуры на Дальнем Востоке возникли большие трудности в организации учебной работы во вновь созданных вузах. Хроническое отставание социально-бытовой инфраструктуры вузов от роста контингента студентов являлось главной особенностью развития высшей школы в регионе не только в 1930-е, но и в последующие годы. При острой нехватке аудиторного фонда помещения для занятий приходилось арендовать у городских учреждений и школ, обучение осуществлялось в две смены. В 1932 г. только 34% от всего числа нуждающихся студентов были обеспечены местами в общежитиях. Во всех городах Дальнего Востока очень слабо была развита система общественного питания, снабжения промышленными товарами, культурно-бытовыми услугами²³. Например, ДВГУ в 1932 г. «получил через городской распределитель только 6 пар ботинок и одну пару брюк. Прачечных, пошивочных, починочных мастерских в общежитии вуза не было. Студенты пользовались услугами общегородской бани на общих основаниях, без льгот»²⁴. Так, в первом квартале 1932 г. студенты не разу не получили (согласно утвержденным спискам) жиров, рыбы, мяса, овощей, что негативно отразилось на состоянии их здоровья.

Питание в столовых города было неудовлетворительным и дорогим. У студентов г. Владивостока в январе, феврале, марте 1932 г. от недоедания отмечались резкое похудение, «упадок сил, потеря трудоспособности и при суровых климатических условиях Дальнего Востока – быстрое развитие туберкулеза, цинги». «Рабфаковцы сидят на голодном пайке – 60% их бюджета уходит на питание. Будучи рабочими, они имели снабжение по «первому списку». С переходом в вуз они переведены на «второй список» и потеряли преимущества в нормах питания и снабжения промышленными товарами, поэтому имеется большой отсев (студентов. – В.М.). В 1932 г. в трех студенческих столовых г. Владивостока, имеющих крайне малую пропускную способность, питались 5450 чел.; из-за этого создавались огромные очереди, «зимой студенты вынуждены были стоять на улице, чтобы получить питание». «В шести вузах ДВК организована работа студенческих буфетов, но в ассортименте только булочки и их не хватает на

всех, т.к. в городе не хватает муки». Кроме того, административным путем снижался стипендиальный фонд (например, в ДВГУ и Индустриальном педагогическом институте без решения правительства он был уменьшен с 70% до 65%). При этом размер стипендии у студентов вузов ДВК составлял 55-60 руб., столько же, сколько и в г. Москве, но стоимость жизни в городах Дальнего Востока была гораздо выше, и эта главная особенность Центром не учитывалась. Все это в совокупности являлось причиной снижения качества обучения, увеличения отсева студентов и уменьшения числа выпускавшихся специалистов²⁵.

В 1932 г. при быстром росте общего контингента студентов в вузах Дальнего Востока резко возросла учебная нагрузка преподавателей, но уменьшилось финансирование по оплате труда и стипендиальному фонду. Согласно инструкциям Центра, оплата труда преподавателей должна была зависеть от среднего числа студентов в группах, но фактически она производилась за число групп на одного преподавателя, что впоследствии и обусловило «искусственную малочисленность» студенческих групп²⁶. В начале 1930-х гг. размер оплаты труда преподавателей вузов ДВК был адекватен размерам оплаты труда преподавателей вузов в городах Восточной Сибири, что, естественно, не учитывало специфических особенностей Дальневосточного региона²⁷. Размер заработной платы преподавателей в начале 1930-х гг. снижался также и из-за частых отвлечений студентов от учебы (по требованию городских властей) на различные «авральные» и хозяйственные работы²⁸. Кроме того, не выплачивались и надбавки (35%), установленные Наркомпросом преподавателям дальневосточных вузов «за отдаленность» от центральных городов СССР. Средства на командировки выделялись «ничтожные»: в 1932 г. ДВГУ, например, получил 4 тыс. руб., Индустриальный педагогический институт и Горный – по 3 тыс., Интернациональный педагогический – 2 тыс. руб., в то время как только стоимость билета в г. Москву, в оба конца, без суточных составляла 700 руб.²⁹

В совокупности все это порождало высокую текучесть преподавательских кадров, преимущественно за пределы Дальнего Востока. В числе основных мотивов их выбытия были следующие: «слабость материально-технической базы для учебной и научной работы; боязнь из-за этого потерять квалификацию; оторванность от культурных центров страны, т.к. высока стоимость проезда; нехватка учебной и научной литературы; недостаток средств, выделяемых на научные командировки в крупные города страны (за границу командировок вообще нет); отсутствие санитарно-курортной помощи; плохие жилищные, материально-бытовые и культурные условия жизни и работы. Из 28 научных работников ДВГУ только 9 (31%) имели удовлетворительные жилищные условия. В холодных и сырых квартирах проживали 6 чел. (22%), в темных (нет электричества) и сырых помещениях – 5 чел. (25%); часть преподавателей проживала в студенческих общежитиях. Помощи от городского совета в улучшении ситуации с жильем не было; принятые решения президиума Далькрайисполкома по этому

вопросу не выполнялись; в связи с этим у преподавателей не оставалось надежд на улучшение ситуации с жильем в г. Владивостоке. Более того, имели место случаи выселения преподавателей из городских квартир (Юшкевич, Татур, Быков) и взамен им ничего не было предоставлено...»³⁰.

Подготовка специалистов в вузах Дальнего Востока практически никак и никем не планировалась (ни из Центра, ни местными краевыми и городскими органами), а была отдана «на откуп» самим преподавателям, в соответствии с их базовой подготовкой и педагогическими возможностями. В связи с отсутствием тесной «увязки» основной деятельности вузов с потребностями народного хозяйства региона существовало дублирование в подготовке специалистов (химиков, геофизиков, экономистов), в то время как в ДВК остро не хватало строителей, горных инженеров, геологов, учителей. В учебных программах, присылаемых из Москвы, не было сбалансированности, определенности, четкости и ясности. В разные семестры соотношение теоретических и практических занятий для одних и тех же специальностей составляло то 1:1, то 3:2, то 2:1. В связи со слабостью материально-технической базы вузов не планировалось и проведение крупных фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ для нужд краев, областей и городов региона. Она осуществлялась лишь в порядке индивидуальной инициативы преподавателей, без согласования с задачами, стоящими перед народным хозяйством Дальнего Востока³¹. Наиболее узким местом в подготовке специалистов в 1930-е гг. являлось отсутствие мест для производственной практики студентов, что негативно отражалось на качестве их обучения³².

В первой половине 1930-х гг. в вузах г. Владивостока преподавали профессора дореволюционной школы – В.Л. Абрамович, А.П. Бекеев, Ю.В. Бранке, В.П. Вологдин, Ф.И. Кузьмич, Н.П. Овидиев, Н.Н. Павлов, В.С. Пак, А.О. Рейн, А.В. Рудаков, В.М. Савич, Г.К. Татур, В.И. Туранский, М.Я. Чернышев, В.Н. Шумкин и др.³³ В 1932 г. в вузах Владивостока работали 42 (20%) профессора, 107 (50%) доцентов, 39 (18,5%) ассистентов, 20 (10%) аспирантов, 3 (1,5%) научных работника первого разряда (всего 211 чел. при дополнительной потребности в 101 чел., в том числе 20 профессоров, 40 доцентов, 40 аспирантов). Подготовка преподавательских кадров через аспирантуру осуществлялась только в трех вузах во Владивостоке: в ДВПИ (обучался 21 чел.), Дальневосточном горном – 10, Дальневосточном индустриально-педагогическом – 18 чел. (всего 49 чел.)³⁴.

С учетом сложной ситуации, сложившейся после «отрасливания» учебных заведений, ВЦИК СССР 19 сентября 1932 г. принял постановление об упорядочении и укреплении сети вузов в стране. Исполняя данное решение, Дальневосточный крайком ВКП(б) 4 января 1933 г. принял постановление «О размещении вузов, втузов и техникумов в крае», в котором предусматривалось приведение численности студентов в учебных заведениях в соответствие с наличием учебной и жилой площади в них³⁵, и, соответственно, сокращение числа вузов, рабфаков и техникумов.

В рамках реализации принятого решения уже в начале 1933 г. на Дальнем Востоке были ликвидированы морской, плановый, горный, рыбопромышленный институты, промышленная академия; объединены педагогический институт (г. Владивосток) и Благовещенский аграрный; в ДВПИ был восстановлен горный факультет (в 1937 г. закрытый по приказу Наркома оборонной промышленности); Лесотехнический институт возвращен из г. Хабаровска в г. Владивосток и преобразован в факультет ДВПИ; Тихоокеанский институт социалистического сельского хозяйства реорганизован в техникум и переведен в г. Благовещенск.

К 1935 г. в ДВК осталось шесть вузов: ДВПИ, ДВГУ, медицинский институт (в г. Хабаровске), Владивостокский (интернациональный) и Благовещенский пединституты, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа (создана в 1932 г. на базе Далькомвуза, закрыта 7 сентября 1937 г.)³⁶.

Все проводившиеся в первой половине 1930-х гг. многочисленные реорганизации и реформы высшей школы (по отраслевому признаку страны в целом и Дальневосточного региона, в частности, носили, на наш взгляд, характер всесоюзной реформы, но имели ряд перекосов и не учитывали в полном объеме региональные особенности. Но принятие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» (июнь 1936 г.) способствовало установлению единых сроков, порядка и условий приема и обучения студентов вузы страны.

В 1930-1937 гг. в вузах ДВК было подготовлено около 3000 «узких» специалистов, однако потребности народнохозяйственного комплекса региона в них были удовлетворены лишь на 10%, что требовало дальнейшего расширения системы их подготовки³⁷. В 1937 г. был издан приказ Наркомата путей сообщения СССР о создании в г. Хабаровске Института инженеров железнодорожного транспорта³⁸.

Вместе с тем политическая атмосфера в стране во второй половине 1930-х гг., характеризовавшаяся усилением бдительности в поисках «вредителей», «врагов народа» и «шпионов» во всех областях народного хозяйства, не могла не затронуть и высшую школу. Новую волну усиления подозрительности и политической бдительности вызвал состоявшийся в Москве февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г., и в частности доклад И.В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников», призывавший покончить с «врагами партии и народа»³⁹. На практике этот призыв привел к многочисленным арестам талантливых преподавателей, студентов и в итоге – к закрытию Дальневосточного университета и ликвидации научных учреждений Дальневосточного филиала Академии наук СССР⁴⁰.

Накануне войны, 2 октября 1940 г. принято постановление Совнаркома СССР «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и высших учебных заведениях»⁴¹. Это решение обосновывали возросшим уровнем материального благосостояния народа, но по сути дела оно стимулировало поступление малообеспеченной части населения на

-
- ²¹ При всех вузах работали рабочие факультеты, на которых обучалось в 1932 г. 3908 чел., в том числе вне вузов, из-за нехватки учебных помещений, на предприятиях дальневосточных городов, по вечерней форме обучалось 2046 чел. (ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 8).
- ²² Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация... С. 151, 84-85.
- ²³ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 17.
- ²⁴ Там же. Л. 26 об., 27, 34.
- ²⁵ Там же. Л. 20, 26, 26 об., 33-34.
- ²⁶ Там же. Л. 9-10.
- ²⁷ Там же. Л. 32 об., 33.
- ²⁸ Там же. Л. 10, 33.
- ²⁹ Там же. Л. 9.
- ³⁰ Там же. Л. 16-17, 19, 34.
- ³¹ Там же. Л. 9, 19.
- ³² Там же. Л. 34-35.
- ³³ Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация С. 162, 163, 164, 165, 166, 167.
- ³⁴ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 221. Л. 13-14.
- ³⁵ Кузнецов М.С. Дальневосточная партийная организация... С. 156-157.
- ³⁶ Там же. С. 157-158, 159.
- ³⁷ Там же. С. 186-187.
- ³⁸ Подробнее см.: Макаренко В.Г. Деятельность Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта по подготовке специалистов (1939-1985) // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 100-летию КВЖД. Владивосток. 1997. С. 128-130.
- ³⁹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 7.
- ⁴⁰ Подробнее см.: Васильева Е.В. Политика советского государства в области науки как фактор трансформации социальной структуры научной интеллигенции Дальнего Востока. Владивосток, 2011. С. 275-279, 282-283, 285.
- ⁴¹ Народное образование в СССР. Сб. док. 1918-1973. М., 1974. С. 176-177.
- ⁴² Балдин С.С. Профессионально-техническое образование на Дальнем Востоке России. XX-XX вв. Владивосток, 2007. С. 127.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ ГОРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

А.В. МАКЛЮКОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

В конце XIX в. в социально-культурном облике городов происходили значительные изменения, связанные с появлением электрического освещения, развития электрической связи и зарождением трамвайного движения. Электричество «проникало» во все сферы городской жизни и становилось не только мерилем престижа, культуры, состоятельности горожан, но и важным элементом городского благоустройства. Первые электрические станции стали появляться в крупных российских городах в 80-е гг. XIX в. Электрическая энергия использовалась для освещения центральных улиц, административных зданий, частных магазинов и домов зажиточных горожан. В 1892 г. в г. Киеве было открыто трамвайное движение, а к 1900 г. трамваи обслуживали уже 9 городов России¹.

Дальний Восток постепенно втягивался в общий процесс модернизации городской инфраструктуры. Благодаря частной инициативе в 90-е гг. XIX в. в регионе стали появляться первые электрические станции. В 1893 г. во Владивостоке торговый дом «Кунст и Альберс» построил электростанцию для освещения своего магазина, а к 1902 г. электрический свет использовался во всех крупных филиалах фирмы – в Благовещенске, Хабаровске и Никольск-Уссурийске². К началу XX в. мелкие частные электростанции освещали магазины, гостиницы и рестораны во всех дальневосточных городах. Но использование электричества носило еще локальный характер и ограничивалось, как правило, владельцем генерирующего источника. Для освещения жилых помещений горожане продолжали пользоваться лучинами, салными и стеариновыми свечами, более состоятельные – масляными и керосиновыми лампами.

Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. предоставляли возможность общественности решать насущные проблемы хозяйственно-бытового плана на городском или уездном уровне. Проблема централизованного электроснабжения городов становится самой актуальной. Устойчивый рост численности населения городов Дальнего Востока на рубеже XIX – начала XX в., развитие промышленности, жилищно-коммунальной инфраструктуры, ставили перед органами местного самоуправления вопрос об организации центральной подачи электрической энергии для освещения улиц, жилых домов и предприятий.

В управления городов Дальнего Востока с середины 90-х гг. XIX в. стали поступать многочисленные просьбы и предложения об устройстве электрического освещения и трамвая. Первое заседание думы г. Владивостока, специально посвященное вопросу электроснабжения города, состоялось 1 февраля 1897 г. Однако скудный городской бюджет не позволял приступить к решению этой задачи. Тогда военный губернатор Приморской

области Н.М. Чичагов в ноябре 1899 г. добился от правительства разрешения на электрификацию города концессионным способом. В своем обращении в министерство губернатор отметил, что «...мы не должны отставать в культурном отношении от других городов России, и то, что сегодня предлагает наука и техника, давно уже перестало считаться роскошью, и признано предметами обыкновенного городского благоустройства»³.

Итак, органы городского самоуправления вынуждены были в основном решать этот вопрос за счет частных инвестиций, путем заключения концессии. Однако, как показала практика, в этом деле возникало немало трудностей. Главная проблема заключалась в том, что концессионер стремился получить максимальную выгоду от эксплуатации электростанции, а город опасался попасть в многолетнюю кабалу. Предприниматели, опасаясь рисков, стремились навязать выгодные для себя условия. В конечном итоге, переговоры, которые вели городские управы с различными фирмами, к положительным результатам не приводили, а начавшееся русско-японская война отодвинула решение этого вопроса.

Первая электростанция общего пользования на Дальнем Востоке появилась только в 1906 г. В г. Хабаровске начальник артиллерийских мастерских полковник С.Н. Ванков смог убедить местных купцов вложить средства в строительство электростанции и создать «Товарищество на вере по электрическому освещению города». Найдя всестороннюю поддержку со стороны местных властей, Ванков 1 ноября 1906 г. запустил электростанцию мощностью 120 кВт для освещения улицы Муравьева-Амурского⁴.

Примеру Хабаровска последовали и другие дальневосточные города. Так, Благовещенская городская дума в сентябре 1906 г. признала необходимым строительство центральной электростанции. Специально проведенный властями опрос показал, что большинство горожан отдает предпочтение электрическому свету, нежели керосиновому⁵. Благовещенская управа объявила о создании «Товарищества по эксплуатации электрической энергии» и начала сбор средств на строительство станции. Однако собранных средств хватило только на закупку оборудования, в конечном итоге завершить строительство удалось только за счет выделения средств из городского бюджета, и в декабре 1908 г. на Дальнем Востоке появилась первая муниципальная электростанция⁶.

Практически таким же путем как в Хабаровске решался вопрос об электрификации в г. Никольск-Уссурийске. Но сложнее всего обстояло дело со строительством электрической станции в г. Владивостоке. Негативный опыт переговоров с концессионерами и опасение отдать это важное дело в частные руки заставили в марте 1906 г. гласных думы принять решение строить электростанцию исключительно на средства города⁷. Так как финансов на электрификацию в городском бюджете не было, на протяжении пяти лет, с 1906 по 1911 г., Владивостокская дума продолжала рассматривать всевозможные предложения по изысканию средств, делала неоднократные запросы военному губернатору Приморской области, в министерства внутренних дел и финансов с просьбами на разрешение получения кредита. В

городское управление поступали заявления от горожан об ускорении решения этого вопроса. В январе 1911 г. газета «Далекая окраина» писала «Владивосток существует уже 50 лет, но до сих пор нет водопровода, мостовых, электрического освещения. Трамвайный вопрос находится пока в стадии предположения»⁸.

Только в феврале 1911 г. Владивостокская управа получила от правительства разрешение пользоваться кредитом, в сумме не превышающем общую задолженность города. Кредит на сумму 564 тыс. руб. был приобретен у Сибирского торгового банка под 7 % годовых⁹. На эти средства началось строительство городской электростанции мощностью 1350 кВт, которая 18 февраля 1912 г. была введена в постоянную эксплуатацию¹⁰. Мощность станции вполне позволяла обслуживать электрический трамвай. Для строительства трамвая управа Владивостока заключила концессию с крупным предпринимателем Х.А. Циммерманом. Трамвайное движение было открыто во Владивостоке 9 октября 1912 г.¹¹

Таким образом, во Владивостоке была построена не только электрическая станция, но и первый на Дальнем Востоке и в Сибири городской трамвай. Не смотря на то, что вопрос об электрификации Владивостока решался долго и сложно, на протяжении почти 15 лет, здесь на городские средства была построена самая мощная и современная электрическая станция, которая могла обеспечить коммунальные, промышленные и транспортные нагрузки города.

Вопрос об электрификации пытались решить местные власти и в уездных городах Дальнего Востока, в которых была небольшая численность населения. Если в относительно крупных городах региона представители городского самоуправления имели возможность отдать это дело в концессию, то малые поселения с незначительной купеческой прослойкой фактически были лишены возможностей частного инвестирования таких проектов. Малым городам приходилось изыскивать собственные средства или предлагать местным предпринимателям дополнительные льготы. Так, в г. Зея управа заключила с мещанином В.С. Яворским договор на льготную аренду участка земли для строительства электростанции. Станция была построена в 1913 г., но из-за небольшого числа жителей и всего 40 подключившихся абонентов через год Яворский оказался в убытке и вынужден был оставить свое дело¹².

Успешность электрификации отдельных городов региона зависела от спроса на электрическую энергию, от желания и возможностей местных властей организовать это дело, от стоимости энергии и прибыльности электростанций.

В городах Дальнего Востока, как и в других регионах России, в начале XX в., существовали различные тарифы стоимость электроэнергии. Стоимость 1 кВт/ч в городах страны колебалась от 25 до 50 коп. Во Владивостоке при наличии счетчиков она составляла 28 коп. за кВт/ч, в Благовещенске – 30 коп., в Хабаровске и Никольск-Уссурийске - 40 коп. за кВт/ч¹³. Электроэнергия стоила дорого и была не каждому по карману.

Установка одной лампочки в квартире обходилось почти в 10 руб., притом, что среднемесячная заработная плата рабочего составляла 25 – 30 руб., поэтому электрическое освещение могли себе только зажиточные слои населения.

Таблица 1.

Городские электрические станции на Дальнем Востоке. 1906–1917 гг.

Город	Год начала эксплуатации	Начальная мощность в кВт	Мощность к 1917 г. в кВт	Источник энергии	Собственник
Хабаровск	1906	120	390	Уголь	АО «Электрической энергии»
Благовещенск	1908	360	1062	Дрова Уголь	Городская управа
Никольск-Уссурийск	1909	120	348	Дизель	Уссурийское товарищество электричества
Владивосток	1912	1350	2850	Уголь	Городская управа
Петропавловск-Камчатский	1914	12	-	Дрова	А.П. Жуковский
Николаевск-на-Амуре	1915	36	-	Дрова	Городская управа

Таблица составлена автором на основании: РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 499. Л. 10; Ф. 159. Оп. 1. Д. 6. Л. 171; Ф. 755. Оп. 2. Д. 788. Л. 13 об; Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2613. Л. 16; ГАХК. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 22. Л. 8; Общие условия пользование электрической энергией из центральной станции Товарищества по освещению Хабаровска электричеством. Хабаровск, скоропечатная т-ва «Приамурье», 1906, С. 2; Петров А.А. Силовое хозяйство Дальнего Востока // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. № 5. С. 70.

Несмотря на достаточно высокую стоимость электрической энергии, спрос на нее продолжал расти. Так, число абонентов Владивостокской электростанции к июню 1914 г. составляло 1785, а к началу 1916 г. - уже 6500, то есть за 2 года их количество увеличилось в 3,5 раза¹⁴. Уже через год после начала эксплуатации станции, стал рассматриваться проект ее расширения и увеличения мощности в 2,5 раза¹⁵. Однако не стоит преувеличивать размах электрификации городской жизни. Во Владивостоке к 1917 г. по приблизительным подсчетам (около 6800 абонентов на 130000 жителей) электричеством пользовались только примерно 5 % городского населения. Недостаточная мощность электростанций и высокая стоимость электроэнергии не удовлетворяли потребительского спроса.

Необходимо отметить, что электрические станции стали самыми высокодоходными предприятиями городов и «электробизнес» приносил внушительную прибыль. Если Владивостокская электростанция в первый год эксплуатации дала 88598 руб., то уже в 1915 г. – 309333 руб. чистой прибыли¹⁶. Благовещенская городская станция только за 1912 г. принесла 140818 руб. годового дохода¹⁷.

На начальном этапе электрификации городов возникало немало проблем. Они были связаны с трудностями эксплуатации технически сложного импортного оборудования, с отсутствием позитивного опыта устройства электростанции и обеспечения бесперебойного электрического освещения городских улиц, жилых домов и предприятий. Так, на Владивостокской городской станции только за 1915 г. из-за технических неполадок 4 раза происходила ее полная остановка, а с 28 по 31 декабря 1915 г. Владивосток оставался без электричества трое суток¹⁸.

Несмотря на все трудности, электрификация дальневосточных городов, безусловно, способствовала росту экономики, изменению социально-культурного облика, развитию благоустройства и транспортной системы. Городские центральные электростанции общего пользования со сложной структурой и оборудованием являлись наиболее рентабельными предприятиями города. Электричество постепенно вытесняло другие источники энергии, освещало улицы и жилые дома, объекты социальной инфраструктуры, внедрялось на промышленных предприятиях.

Таким образом, на начальном этапе электрификации городов Дальнего Востока огромную роль сыграли органы местного самоуправления. Но недостаточность их финансирования государством, несогласованность интересов с государственными ведомствами, а также небольшая численность населения городов, их удаленное положение от центра в значительной степени тормозили электрификацию. Дальневосточные города значительно отставали в благоустройстве от городов центральной России, а на решение столь сложных вопросов, как электрическое освещение, уходило по 5–15 лет.

Сноски и примечания

¹ Coopersmith J. The Electrification of Russia, 1880–1926. Ithaca, N. Y., 1992. P. 33.

² Деег Л. Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924). Владивосток, 2002. С. 146.

³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 233. Л. 13.

⁴ Приамурские ведомости. 1906. 2 нояб.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 315.

⁷ Дальний Восток. 1906. 17 окт.

⁸ Далекая окраина. 1911. 2 янв.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 6. Л. 171.

¹⁰ Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 399. Л. 11.

¹¹ Далекая окраина. 1912. 10 окт.

¹² РГИА ДВ. Ф. 939. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

¹³ Дальний Восток. 1909. 5 июня.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 15. Л. 171; 90 лет Владивостокской ТЭЦ-1. Тепловые сети. ООО «Дальэнерго». Владивосток, 2002. С. 54.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 499. Л. 8.

¹⁶ Там же. Д. 500. Л. 18а.

¹⁷ Там же. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1055. Л. 12.

¹⁸ Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 503. Л. 78а.

СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД В ЗЕРКАЛЕ ВЫВЕСОК (НА МАТЕРИАЛАХ ЯЗЫКА ВЛАДИВОСТОКА)

Н.В. МИХАЙЛЮКОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Город – продукт исторического, социально-экономического, социокультурного, политического развития цивилизации, средоточие промышленных, торговых, образовательных, культурных и научных ресурсов; это своеобразный «каркас» современного мира.

С лингвистической точки зрения, город представляет собой коммуникативное пространство повседневной жизни. Активизация неформальной жизни города, появление множества новых форм бытовой культуры и досуга привели к усложнению языкового быта. Поэтому изучение языкового кода различных городов, городских этикетных стереотипов, исследование процессов обновления характерных средств языка в ситуации меняющегося современного общества является актуальным и важным.

Городская среда, по образному выражению Ю.М. Лотмана, представляет собой «котел текстов», бытующих в самых различных социальных сферах¹. Город обладает неисчерпаемым информационным потенциалом и способен в изобилии генерировать тексты.

Важнейшей социолингвистической особенностью большого города является речевое взаимодействие различных слоев населения (людей разных национальностей, профессий, образования и т.д.). Основным принципом языкового существования горожанина является полиглоссность, то есть владение разными подсистемами языка. Современный город открывает перед лингвистами широкие возможности для изучения социальной дифференциации языка, выявления специфики речи лиц разного социального статуса, образовательного и культурного уровня, возраста, профессии.

Социальный облик города репрезентируется в живой речи горожан и в письменных урботекстах. Настоящее исследование посвящено социолингвистическому анализу текстов городских вывесок Владивостока. Тексты городской среды, в частности вывески, отражают языковую и национально-культурную специфику того или иного города. Кроме того, городские вывески отражают и формируют лингвокультурное пространство современного города, поэтому их рассмотрение имеет отношение к лингвоэкологической проблематике и языковой политике.

Язык Владивостока (как любого большого города) – явление лингвистически неоднородное, что обусловлено социальной гетерогенностью. Языковая неоднородность города обнаруживает себя как в устной речи, так и в письменных городских текстах. При этом исследователи отмечают такую особенность, как «экспансия бытового», за счет которой происходит вытеснение «единственного в советском городе официально-монументального стиля»². В городской речи обнаруживаются различные

функционально-стилистические варианты языка – кодифицированный литературный язык, разговорная речь, профессиональный и социальный жаргоны, городское просторечие. Все указанные подсистемы наблюдаются и в текстах вывесок. Названия городских объектов также дают представление о том, носителями какого языкового субкода являются номинатор и адресат: литературного языка, просторечия, жаргона и т.д. Рассмотрим данные явления подробнее.

Городское просторечие в текстах вывесок.

Городское просторечие – особая разновидность живой речи, занимающая промежуточное положение между групповыми и профессиональными жаргонами и литературным языком³. Данная подсистема языка в целом аномативна. Носители городского просторечия – это малообразованные горожане, использующие слова и выражения, грамматические формы и конструкции, свойственные нелитературному разговорному употреблению. Приведем примеры текстов вывесок, основанных на элементах городского просторечия: бар «*Всё путем*», кафе «*Надо же!*»; мебельный магазин «*Мебеля*», автомастерские «*Привода*»; кафе «*У Лехи*», автомагазины «*У Серого*», «*У Толяна*», закусочные «*У дяди Славы*», «*У тети Любы*»; мясная лавка «*Мяско от фермера*», продуктовая лавка «*Колбаска и сырок*» и др.

Такие вывески демонстрируют речь определенной социальной группы горожан и уровень образованности имядателей. Кроме того, подобные тексты отражают и ориентацию на определенный тип адресата, носителя городского просторечия. Следует отметить, что объекты с подобными названиями, как правило, расположены в отдаленных от центра районах.

Элементы просторечия, как и разговорной речи, делают речевой облик города менее официальным и способствуют сокращению дистанции между поставщиком товаров и услуг и потребителем.

Профессиональные жаргоны в текстах вывесок.

Особый интерес представляют тексты вывесок, основанные на использовании морского жаргона, поскольку Владивосток – портовый город. Примечательно, что подобные тексты названий принадлежат городским объектам, как правило, расположенным в отдаленных от центра районах, где находились раньше общежития и «гостинки» для моряков и их семей. В качестве примеров можно указать бар «*Винные параллели*» (*винные параллели* – так моряки называют пояс тропиков, где команды советских рыболовных судов получали (до 1985 г.) «тропическое» вино по 300 г в день: разбавленное водой, оно хорошо утоляет жажду); продовольственный магазин «*Артелка*» (*артелкой* в морском жаргоне называется помещение для хранения судовой провизии); кафе «*У кока*» (*кок* – повар на корабле); бар-клуб «*Баковый вестник*» (*баковый вестник* – шутивное обозначение слухов, которыми обмениваются матросы в кают-компаниях); бар «*У стенки*» (*стенка* – причал, пирс).

Яркой особенностью языкового облика Владивостока является широкое распространение автомобильного сленга, что объясняется особым

статусом Приморья, известного большим количеством подержанных автомобилей японского производства. Специфической чертой владивостокских вывесок является то, что в текстах названий предприятий, занимающихся автобизнесом, широко распространены разговорные названия автомобилей. В качестве примеров приведем названия автомагазинов, специализирующихся на автозапчастях для определенной марки автомобиля: «Джипус», «Джипчик» («Jeep»), «Крузак» («Land Cruiser»), «Чайник» («Toyota Chaser»), «Кубик» («Nissan Cube»), «Вагонерки» («Wagon R», но так называют не только эту модель, но ей подобные по внешнему виду), «Прадик» («Land Cruiser Prado») и мн. др.

Самый крупный автомобильный рынок во Владивостоке называется «Зеленый угол», неофициальный, разговорный вариант этого названия – «Зеленка», производное слово – *зеленик* (продавец автомобилей на рынке «Зеленый угол»). Как следствие появились следующие тексты вывесок: автомагазины «У зеленика», «АвтоВыгода (ниже) Самый честный зеленик», «Зеленка.NET».

В коммуникативном пространстве Владивостока представлено значительное количество вывесок, отражающих поставки японских автомобилей непосредственно из Японии, например, «AutoVlad (ниже) Флажковые авто: Качество Гарантия», «Japan Star (ниже) Авто со стоянок Японии (не паковские)». Прокомментируем данные тексты: *Флажковые авто* – это автомобили, привезенные с так называемых «флажковых стоянок» в Японии, на которых продают непосредственно сами японцы, следовательно, есть гарантия честной сделки (информация о машине самая достоверная). *Паковскими* называют автомобили, которые продают в Японии пакистанцы; их качество вызывает сомнения, так как машины, как правило, восстановлены после аварий.

В текстах названий автомагазинов и автомастерских также используются прозвищные наименования автозапчастей и различных процессов: «Авторазборка Good Parts (ниже) Богатый выбор запчастей: губа, уши на Бочку, поросенок и многое другое» (*губа* – спойлер ниже бампера, *поросенок* – привод масляного насоса, *уши* – боковые зеркала, «Бочка» – «Toyota Corona»); «Tuningoff (ниже) Прокачаем ваш Харек» (*прокачать* – улучшить автомобиль, добавить дополнительные опции, «Харек» – «Toyota Harrier»).

Таким образом, в текстах владивостокских вывесок находят отражение такие особенности экономики дальневосточного региона, как автомобильный бизнес и производство, связанное с морем.

Социальные жаргоны в текстах вывесок.

Характерной особенностью языка современного российского города, как известно, является формирование так называемого общего жаргона, единицы которого не принадлежат определенной социальной группе, а известны практически всем носителям русского языка. Общий жаргон занимает промежуточное положение между литературным языком и

городским просторечием. Широкое употребление жаргонизмов в городской коммуникации объясняется их экспрессивными возможностями.

На вывесках Владивостока нами обнаружены прежде всего жаргонизмы, функционирующие преимущественно в речи молодежи: это популярные среди молодежи кафе «Клевое место», «Зачетное место», «Зависни здесь», «Мажоров. Net», «Туса» и т.п.; бар «Попсы. НЕТ», где представлена альтернативная музыка; магазин молодежной одежды «Модный прикид»; магазин с товарами для розыгрышей «Приколись!»; парикмахерская «Хайр» и т.п. Наблюдаются и элементы так называемого общего жаргона, например, продовольственный магазин «Пацанский магазин на районе». Специфичны названия объектов, расположенных вблизи воинских частей, например: магазин-буфет «Чепок» (чепок – в солдатском жаргоне «магазин»); бар «Дембель» (используется армейский социолект). Используется и хорошо известный горожанам компьютерный жаргон для названия соответствующих объектов: киоск с литературой по компьютерному программированию «Все для чайников»; интернет-кафе «Юзер.net» и др.

Употребление элементов жаргона служит не только для того, чтобы обозначить определенный тип адресата, на который ориентировано данное предприятие (как в предыдущих примерах), но и с целью показать ассортимент предлагаемых товаров или услуг, например, *магазин промышленных товаров «Всё ... до лампочки!»*. В данном случае актуализировано именно буквальное значение фразы: есть все - от крупных товаров и до маленькой лампочки. Номинаторы стремились с помощью яркого широко употребительного выражения с помощью приема языковой игры привлечь клиентов.

Жаргонизмы в текстах названий городских объектов, являясь средством экспрессивности, участвуют также и в создании языковой игры, при помощи которой устанавливается непринужденный шутивно-ироничный настрой коммуникации, что повышает эффективность рекламной функции вывесок. Необходимо отметить особую мотивированность подобных номинаций – мотивированность адресатом, так товары и услуги названных объектов, как правило, рассчитаны на молодежь, из речи которой используемые средства номинации и заимствованы.

Тексты городских вывесок в аспекте лингвоэкологии.

Названия предприятий как элемент языка современного города нуждаются в рассмотрении с точки зрения лингвоэкологии, поскольку всеобщее закрепление личностного и игрового начала способствовало проникновению в тексты городской среды ярко выраженных нелитературных элементов, обладающих сниженной экспрессией. Эколингвистика как научное направление, объединяющее экологию и лингвистику, изучает взаимодействие между языком, человеком как языковой личностью и его окружающей средой, представляющее собой как влияние внешней среды через человека и социум на язык, так и влияние языка на нравственный и духовный уровень общества. Язык при этом рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком,

обществом и природой. Современные лингвоэкологические исследования характеризуются широким охватом целей и тематик – таких, как дисфункция языка и языкового поведения, коррекция языкового поведения, сленгирование речи, использование инвективной (ненормативной) лексики.

Прежде всего обращает на себя внимание использование элементов, созвучных инвективным лексемам: например, текст вывески бара «*Ё-bar*», расположенного в одном из развлекательных центров. Негативно влияет на лингвоэкологическую ситуацию в городе и использование жаргонных фразеологизмов, например: прачечная «*Сунул-Вынул-и Пошел*», кафе «*Янона мать*», «*Японский городской*» и т.д. В тексте вывески дискаунтера «*Халява Please*» жаргонное слово «халява» сообщает потребителям о том, что здесь представлены товары по очень низким ценам («халява – то, что достается бесплатно, без труда, за чужой счет, дармовщина»⁴).

Использование жаргона в текстах вывесок отражает разные языковые вкусы имядателей и реципиентов, для кого-то данные элементы являются приемлемыми, для кого-то нет. Подобные тексты вывесок свидетельствуют об определенном типе адресата и адресанта, об уровне их речевой культуры. Жаргонные слова в названиях предприятий можно рассматривать как особый вид языковой игры, которая не всегда соответствует нормам культуры речи.

Необходимо отметить то, что в некоторых ситуациях использование элементов жаргона обусловлено региональной спецификой Владивостока. Так, например, название автомобильного рынка «*Автобарыга*» мотивировано тем, что «барыгой» традиционно во Владивостоке называют продавцов автозапчастей и подержанных автомобилей из Японии (ср.: «барыга – (презрит. жарг.) скупщик краденого, перекупщик, спекулянт»⁵). В коммуникативном обиходе жителей Владивостока данное слово не имеет негативной окраски, а является нейтральной номинацией. Кроме того, данный городской объект находится в отдаленном специализированном районе, на улице Снеговой, где расположено множество автомобильных рынков, магазинов, автомастерских и т.д. Таким образом, можно сказать, что место определяет данное название. Еще один пример – бар «*Дембеля*» располагается именно в районе воинской части, что показывает ориентацию на определенного адресата – военнослужащих, особенно срочной службы.

Помимо элементов жаргона в городской эпиграфике Владивостока, в текстах вывесок наблюдаются просторечные формы. Например, в названии автомастерской «*Привода*» использована ненормативная форма множественного числа; имядатель мебельного магазина «*Мебеля*» намеренно использовал данную просторечную грамматическую форму, чтобы эпатировать адресата и тем самым привлечь внимание к своему предприятию. Это подчеркивается особым материальным оформлением вывески: очень большой размер букв.

Неудачными с точки зрения лингвоэкологии можно считать вывески с некорректным использованием прецедентных феноменов. Современной тенденцией в сфере городских номинаций является использование имен мифологических и литературных персонажей. Однако имядатели зачастую

употребляют их неуместно по отношению к определенным типам объектов, что вызывает негативную реакцию у адресата. Например, текст вывески *гинекологического центра «Медея»* отталкивает тех потенциальных клиентов, кто знает содержание мифа о Медее-детоубийце. Подобными неудачными рекламными номинациями оказываются следующие: *свадебный салон «Аксинья»* (на вывеске используется изображение шолоховской героини, как известно, несчастливой в любви и в браке), *автошкола «Фазтон»* (герой мифа, как известно, погиб на украденной у Гелиоса колеснице), *салон красоты «Фата Моргана»* (по преданию, фея Моргана живет на морском дне и обманывает путешественников призрачными видениями).

В связи с использованием подобных текстов на вывесках встает вопрос о языковой политике и необходимости применения цензуры для регулирования языковой ситуации в городе в рамках лингвоэкологии.

Считаем нужным обратить внимание на динамику в сфере городских вывесок. Так, наблюдается ситуация, когда назначение городского объекта меняется, а название сохраняется. Подобные преобразования, в частности, произошли с некоторыми кинотеатрами Владивостока: *кинотеатр* → *торговый центр*; *кинотеатр* → *фитнес-центр*. Например: в здании, где до 2012 г. был кинотеатр *«Варяг»*, сейчас находится фитнес-центр с тем же названием; в хорошо знакомых жителям города зданиях кинотеатров *«Родина»* и *«Искра»* в настоящее время разместились одноименные торговые центры.

Вывеска в таком случае оказывается своеобразной мемориальной доской, которая хранит исторический облик города. Так, например, в одном из зданий, ранее принадлежавших известной швейной фабрике *«Заря»*, в настоящее время находится центр современного искусства с таким же названием. Примечательно, что номинаторы показали первоначальное предназначение данного здания (швейная фабрика) в иллюстративном элементе на вывеске. Вербальный компонент текста дополнен изображением швейной иглы.

Тенденцию сохранения исторических названий при смене функционального назначения здания можно объяснить и прагматическими намерениями владельцев новых учреждений: использовать широко известное имя городского объекта выгодно с коммерческой точки зрения.

В сфере эпиграфики Владивостока проявилась и обратная тенденция, когда назначение объекта сохраняется, а текст вывески меняется. Например, изменилось название кинотеатра *«Союз»*, существовавшее в советское время (оно мотивировано названием одноименной космической станции). Примечательно, что названия всех улиц в микрорайоне, где находится кинотеатр, связаны с темой *«Космос»*: центральной в данном микрорайоне является улица Космонавтов, другие же названы в честь космонавтов – улицы Беляева, Волкова, Пацаева, Добровольского. В эпоху перестройки кинотеатр получил новое название – *«Галактика»*. Вероятно, имядатели стремились заменить название, которое вследствие омонимии напоминало о

советском строе, но при этом все же сохранили тематическую связь эргонима и годонимов.

Городские вывески, таким образом, наглядно фиксируют изменения в социальной, экономической и политической жизни города, поэтому изучение такого материала позволяет видеть смену ценностных ориентиров в обществе. Названия предприятий и учреждений дают представление о социальной структуре данного города, являют социальный облик Владивостока.

Сноски и примечания

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 99.

² Шмелева Т.В. Многоязычие как черта речевого быта современного города // Русский язык в контексте современной культуры: тез. докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998. С. 153.

³ Крысин Л.П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация М., 2003. С. 64.

⁴ Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004. С. 663.

⁵ Там же. С. 39.

ИСТОРИЯ ГИЖИГИ В XVII – НАЧАЛЕ XX В.

Я.В. НАЗАРОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Актуальность изучения истории Северо-Востока России и роли городов в освоении этой территории обуславливается возросшим интересом к моделям отношений Центр-регион в имперском, советском и постсоветском пространстве. Современное Российское государство использует исторический опыт присоединения новых регионов, их удержания в составе государства, эволюцию тенденций «безопасность» - «развитие» в региональной политике для легитимации своих позиций на отдаленных, но богатых ресурсами окраинах. В связи с этим, изучение эволюции региональной политики государства на Северо-Востоке и плодов ее реализации имеет не только академический, но и практический интерес.

Историческая регионалистика получила развитие в России 1990-2000 гг., когда интеграция истории и политологии в условиях переходного периода и глобального социального кризиса, распада прежних общественных связей и институтов стимулировала интерес к преемственности, неразрывности исторического и социально-политического процесса, поиску определенных универсальных смыслов и ментальных составляющих, которые двигают людьми в поисках выхода из социальных катаклизмов¹.

Данная статья посвящена истории города Гижиги, на данный момент небольшого села на территории Магаданской области с населением всего в 269 чел. Особенности развития этого населенного пункта определяли время вхождения в состав империи, географические и природно-климатические факторы, удаленность от имперского центра, этнический и конфессиональный состав населения, уровень социально-экономического развития, влияние внешнеполитического окружения.

Колонизация Северо-Востока России в значительной степени отличалась от западносибирской. Для ее проведения понадобилась переброска казачьих отрядов по арктическим морям к устьям крупных рек и создание защищенных базовых поселений — острогов на реках, связанных с морем. В связи с этим в Якутском казачьем войске помимо традиционных конных и пеших казаков появились и казаки-мореплаватели, которые посылались якутскими воеводами на «морскую службу» в качестве кормщиков и проводников-лоцманов. Они должны были доставлять казачьи отряды на «дальние реки», снабжать их продовольствием и всем другим необходимым, а также вывозить пушнину, полученную в качестве ясака и добытую самими казаками. Помимо казаков морской путь использовался купцами и промысловиками, которые зачастую обязаны были брать на свои суда и казаков, выполнявших функции представителей власти и следивших за тем, чтоб купцы и промысловики не обижали ясачное население и тем самым не наносили государю «урона в ясачной подати».

Первым из русских, в 1654 году, на реку Гижига вышел казачий десятник Михаил Стадухин, где им было основано зимовье. Почти одновременно со Стадухиным открыл Гижигу отряд охотничьих людей во главе с И. Барановым, соратником Стадухина и Дежнёва².

Гижига относилась к тем населённым пунктам Северо-Востока России, которые вошли в состав Российской империи еще на первом этапе освоения новых земель. Главной функцией государства стал сбор налогов с населения, а в XVII – первой половине XVIII вв. на Северо-Востоке России этой функцией правительственная политика практически и ограничивалась. Сбор ясака был возложен на казацкие отряды. Разновидностью казачьей службы можно считать и экспедиции, организованные для «прииску новых неясачных земель». Однако значение таких «ясачных» походов выходило далеко за рамки чисто административных функций и имело своим следствием не только колоссальное расширение границ Российского государства на востоке, но и серию географических открытий в Северной Азии³.

На этом этапе освоения территории проявлялось стремление «сцентрировать» новую территорию путем установления региональных центров государственной власти (на первых порах преобладали военно-административные и фискальные интересы, а затем уже собственно экономические)⁴.

Однако, несмотря на то, что за русскими служилыми и промышленными людьми стояла вся мощь огромного государства, их усилия по подчинению малочисленных обитателей Охотского побережья трудно назвать успешными. Последние в своем большинстве, не желая платить ясак и противодействуя русским попыткам закрепиться на их землях, оказали ожесточенное сопротивление, в результате чего вторая половина XVII — первая четверть XVIII вв. были насыщены многочисленными столкновениями⁵. Военные походы казачьего головы А.Ф. Шестакова из Охотска на север вдоль Охотского побережья в 1729–1730 гг., капитана Д.И. Павлуцкого из Анадырска на Чукотку в 1731 и 1732 гг. и в район Пенжинской губы в 1732 г. с целью подчинения и объясачивания коряков и чукчей вызвали активное вооруженное противодействие со стороны последних⁶.

Во второй половине 1750-х – первой половине 1760-х гг. правительство изменило стратегические и тактические подходы к урегулированию ситуации на северо-восточной окраине империи. Оно полностью отказалось от применения военной силы и пыталось заключить мир любой ценой. В результате начавшиеся в середине 1750-х гг. переговоры русских властей (сначала командира Анадырской партии, затем командира Гижигинской крепости) с главами отдельных чукотских стойбищ закончились в конце 1770-х гг. официальным принятием чукчей и коряков в состав подданных Российской империи. Но даже в середине XIX в. правительство признавало, что чукчи и коряки относятся к народам, «не вполне покоренным»⁷.

Таким образом, произошло первоначальное освоение региона, создание опорных военно-промышленных пунктов и установление периметра внешней границы. В 1748 г. в Охотске был получен указ о постройке крепостей и острогов на побережье Охотского моря для обеспечения безопасного проезда сухим путём на Камчатку⁸. Основание Гижигинской крепости принято датировать донесением сержанта Авраамия Игнатьева в Охотскую канцелярию, полученным 14 апреля 1752 г. И уже летом 1752 г., спустя всего год, якутская таможня стала выдавать проезжие грамоты на Гижигу. Здесь возник маленький острог. Строилась Гижигинская крепость на левом берегу реки Гижиги, в 25 верстах от ее устья, «дабы обеспечить сухопутное сообщение России с Камчаткою и чтобы постановить преграду возмущениям коряков...»⁹. Гижигинская крепость в это время являлась вторым по величине населенным пунктом на побережье Охотского моря.

Высота стен крепости составляла 4,5 метра, рва вокруг нее не было. Позднее крепость перестраивалась; ее обнесли более крепкими стенами с башнями, а в стенах появились еще двое ворот. В Гижигинской крепости располагался значительный по тем временам казачий гарнизон – 77 чел., в 1757 г. казачий гарнизон в Гижиге заменён постоянной военной командой¹⁰, и в этом же году была построена церковь Святого Михаила¹¹. В 1758 г. в устье реки Гижига был построен маяк¹², а берег около Гижигинской крепости укреплен сваями¹³.

Во второй половине 1760-х гг. сюда были переведены присутственные места, чиновники и часть жителей уничтоженного Анадырского острога, поэтому население Гижигинска заметно увеличилось. В 1773 г. здесь в 83 дворах проживало 672 чел. обоего пола, в том числе лиц духовного звания - 3, регулярных военных - 175, нерегулярных (казаков) - 474, разночинцев - 17 и дворовых 3 чел.¹⁴

В 1783 г. крепость была объявлена городом Гижигинском и центром Гижигинского уезда, протянувшегося по берегу Охотского моря от Охотска до Камчатки. 26 октября 1790 г. Гижигинск получил свой герб. «В верхней части щита герб Иркутский. В нижней – в голубом поле видна при море часть крепости с башнями и на средней флаг с именем Ее величества, каковая в сем городе находится»¹⁵.

В 1759 г. вышел Сенатский указ о разрешении свободной торговли пушниной внутри государства, и начался этап создания крупных торговых компаний. Деятельность созданной в 1799 г. Российско-Американской компании, которая находилась «под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством», с самого начала была направлена, прежде всего, на североамериканские территории, и Гижига использовалась ею прежде всего как постоянный склад для «компанейских товаров», и деятельность чиновников и военной команды Гижиги была направлена на поддержку Компании, и именно в этот период количество русского населения достигло максимума (около 800 чел.). Но в самом уезде процветала, прежде всего, мелкая меновая торговля, чиновники, зависевшие от Русско-Американской Компании, не позволяли развиваться свободной

торговле. Но в начале XIX в. такое однобокое развитие стало причиной оттока населения¹⁶. Особенностью Гижиги было то, что в отличие от Охотска и появившейся в середине XIX в. новой фактории РАК – Аяна, она снабжалась продовольствием только морским путем, так как не была связана сухопутными трактами с Якутском.

За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство. Значительную роль в управленческих процессах играл город, который выступал в качестве регионообразующего фактора, стягивая территорию не только административно, но и экономически. Это было связано, прежде всего, с деятельностью генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского (1819-1821 гг.). Он преобразовал всю систему сибирской торговли, поскольку, по мнению Сперанского, она являлась движущим началом сибирской экономики. В ноябре 1819 г. Сперанским были изданы «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли», согласно которым были запрещены все виды ограничений на торговые сделки, отменялась так называемая «запретная система» и все виды монополий. Введение свободной торговли, по мысли Сперанского, должно было способствовать развитию промышленного освоения рыбных промыслов и оленеводства. Сперанский иначе взглянул и на развитие торговли с американцами, во время массовых голодовок разрешил заключать контракты на поставку продовольствия (контракт с Пиготом – поставка в обмен на «китовую ловлю»), чем вызвал сильное недовольство Русско-Американской Компании. «Несравненно дешевле можно снабдить всю Сибирь через Охотское побережье, если здесь откроется торговля, Охотский, Гижигинский округ уже не будут в тягость правительству», - написал Сперанский 14 апреля 1820 г. К.В. Нессельроде. К сожалению, ограничить в тот период деятельность Русско-Американской компании не удалось, ей ещё дважды продавали привилегии на торговлю¹⁷.

После продажи Аляски в 1867 г., когда закончила своё существование и Русско-Американская компания, к тому времени сильно тормозившая торговлю в Гижигинском уезде, на совершенно новых основаниях начал своё дело Александра Фёдорович Филиппеус. Впервые появился он на севере в качестве окружного начальника Анадыря, потом служил в Петропавловске и Гижиге. Проживая много лет в этом крае, он познакомился с потребностями населения. В 1864 г. записавшись в Петропавловский купцы, приобретя корабль *Алма* и загрузив его товаром, он отправился в первый рейс в Тигиль и Гижигу, где завязал отношения с местными купцами. В 1867 г. ему было предложено взять на себя поставки провианта по побережье Охотского моря на 6 лет. Он выполнил это требование, но продолжать контракт на следующий срок он согласился только при условии правительственной субсидии в 30 тыс. руб. Его условия были приняты, и 15 июля (по ст. с.) 1876 г. между Петропавловским купцом 1 гильдии А.Ф. Филиппеусом и МВД был заключен контракт на 10 лет, которым оговаривалось обязательное

посещение Гижиги. Таким образом, он оказался в привилегированном положении сравнительно с остальными купцами, ведь завозя казённый провиант в Гижигу, он привозил попутно и всё для меновой торговли, вывозил пушнину, работал со своими личными приказчиками. Иностранцы и русские купцы тоже считали контракты Филиппеуса с МВД и Интендантским управлением «синекурой». В первый же год в Управление Восточной Сибири стали приходиться письма от недовольных иностранных купцов, которые сообщали, что Филиппеус торгует припасами в селениях, не упомянутых в контракте по свободным, а не оговоренным ценам. Филиппеус со своей стороны жаловался на купца 1 гильдии, американского гражданина Генри Пирса из-за того, что тот ведет каботажную и беспрошленную торговлю иностранными крепкими напитками¹⁸.

С 1886 года поставка провианта перешла к Добровольному Флоту. А.Ф. Филиппеус продолжал свои ежегодные Охотские рейсы для доставки уже своим приказчикам товаров и приёма пушнины (для этого он уже фрахтовал иностранный пароход, так как это обходилось дешевле). Скончался он в пути, в 27 рейсе между Охотском и Гижигой 17 августа 1889 г.¹⁹

С 1895 г. торговлей занималось в основном Русское товарищество котиковых промыслов и Приамурское Товарищество, но в Гижиге у компаний не было своих приказчиков, и они были вынуждены ограничивать свою деятельность только лишь доставкой товаров и сбором пушнины. Гижига служила ввозным портом и торговым центром для огромного района; привезенные в Гижигинскую губу товары расходились по всем направлениям. Гижигинский рейд посещали обыкновенно 4 судна в навигацию. Самый большой оборот имело Приамурское Товарищество, с 1900 г., вследствие выхода из состава Товарищества Шустова, дело велось Коковиным и Басовым²⁰.

Дело Русского Товарищества Котиковых промыслов в Гижиге было поставлено на иных, чем у Приамурского Товарищества, принципах. Даже владея домами и складами, Товарищество не находило для себя выгодным вступать в непосредственные отношения с местным населением ввиду того, что торговля в Гижигинском округе производилась преимущественно в развоз, требовала посещения всех разбросанных по огромному району ярмарок, причем собирание долгов с кочующего населения требовало знания не только местности, но и языка чукчей, коряков и эвенов. Товарищество ограничивало свою деятельность ежегодным привозом товаров, сдававшихся в обмен на пушнину братьям Брагиным, которые, порознь, вели всю мелкую торговлю в Гижигинском, Анадырском и даже Колымском округах от имени Товарищества. Два брата Николай и Василий Прокопьевичи Брагины были самыми крупными и известными торговцами во всем Охотско-Камчатском крае. Василий Прокопьевич Брагин был единственным в крае почетным гражданином, а также кавалером ордена Св. Станислава. Эти отличия были получены им за крупные пожертвования в пользу местного и Анадырского храмов и многолетнее исполнение обязанностей Гижигинского городского

головы. Первоначально он торговал на Камчатке в Тигиле, но потом переехал в Гижигу. Обладая большой энергией, он сам разъезжал по кочевьям, зная их языки, и дело его шло очень хорошо, об этом можно судить по его состоянию – несколько сот тысяч рублей и огромная коллекция отборной пушнины. К 1898 г. Василий Брагин остался бездетным вдовцом. Зимой он жил в собственном доме в Гижиге, а летом переезжал в свою заимку, находившуюся ниже по течению реки Гижига. Здесь у него были свои рыбные промыслы, имелся огромный скотный двор и большие хозяйственные постройки. Вести хозяйство ему помогал К.Т. Молодой, приехавший в Гижигу в 1895 г. в качестве фельдшера; женившись на родственнице Брагина, он вышел в отставку и стал помогать старику Брагину с торговлей. Старший брат Николай, умерший зимой 1898-1899 г., до последнего он был энергичен и сам возил товар на ярмарки зимой на собаках. Братья ежегодно брали товаров Русского Товарищества Котиковых промыслов на 5 тыс. руб. каждый, а потом расплачивались с товариществом пушниной²¹.

В начале XX в. обрели значение ярмарки, устраивавшиеся в округе в течение зимы и весны; включая три главные – Апутская, Вархаламская и Пенжинская, на которые собирались коряки и эвены со всех окрестностей, приберегая лучшие образцы пушнины в надежде получить более высокую цену. Пушные промыслы для инородческого населения были не самыми важными, больше доставлялось на рынок продукции оленного промысла (у некоторых кочевых коряков и эвенов стада достигали несколько тысяч голов). Меха оленя был дешевле (около 1 руб. 50 коп.—2 руб. за штуку), очень громоздок и тяжёл для перевозки, русские компании брали его с большой неохотой, но именно из-за него на ярмарку приезжало большое количество инородцев. Русским компаниям пришлось искать рынки сбыта и для продуктов оленеводческого промысла. Приамурское Товарищество нашло сбыт в Сибири, где из оленьего меха начали шить теплую одежду, даже для Москвы, Русское же Товарищество Котиковых промыслов стало отправлять продукцию в Сан-Франциско, где ее охотно покупали одно время для Аляскинских золотых приисков, а также в Петербург – для выделки замши²².

В Гижигинской и Пенжинской губах суточные приливы достигают 13 м (это наибольшие приливы у берегов России)²³, в условиях таких приливов при увеличении тоннажа морских судов вход в реку Гижига для выгрузки становился нереальным. Суда, чтобы не сесть на мель, вынуждены были оставаться на рейде за несколько миль, а из-за непогоды вообще могли не произвести выгрузку.

Участник экспедиции «Вестерн Юнион» Джордж Кеннан три года прожил в Гижиге (1865-1868 гг.) в ожидании судна из Америки с грузами для телеграфной линии, изучая условия проживания «инородцев», казаков, русского населения. В его книге «Палаточная жизнь в Сибири» («Tent Life in Siberia»), опубликованной в Америке в 1870 г., впервые были описаны трудности доставки грузов в Гижигинский округ морским путём. Два года подряд он был свидетелем летней навигации, которая начиналась с середины

июня и совпадала по времени с приходом рыбы на нерест. В эти годы приходили трёхмачтовые парусные барки водоизмещением в 2 тыс. тонн, но и на расстоянии 2-3 мили во время отлива, о начале которого предупреждал выстрел из пушки, судно могло лечь на бок. Разгрузка производилась на вёсельных вельботах, казачья команда была на вёслах. Из-за частых ветров суда уходили в море с якорной стоянки, и иногда разгрузка занимала целый месяц.

Джордж Кеннан сделал вывод о том, что без постройки нормального порта Гижигинский уезд скоро запустеет. Часто вместо 4 судов с продовольствием доходило только два или три, а если в этот год был недоход рыбы, то голод в зимний период был обеспечен. Голод сильно ударял, прежде всего, по населению побережья, и особенно влиял на сокращение поголовья ездовых собак (их кормили сухой рыбой), что приводило к полнейшей изоляции Гижигинского уезда в зимний период. В 1860 г., по словам Кеннана, погибло около трети населения, и только помощь оленных коряков спасла ситуацию. Один из выходов из этого положения он видел в создании общественного фонда так называемого «Сберегательного банка Рыбы». Каждый мужчина должен был отдавать 10 % своего улова в общественный фонд, и из этого формировался неприкосновенный запас на случай голодовки, а при нормальном улове фонд увеличивался и накапливался. Но эта хорошая идея натолкнулась на бюрократизм русских военных, и без поддержки правительства этот фонд просуществовал два года, позволив накопить к 1869 г. 300 тыс. голов высушенной рыбы, что обеспечило бесперебойную работу зимней почты в течение нескольких лет²⁴.

Русско-японская война продемонстрировала серьезнейшие проблемы в обеспечении окраин России надежной связью. Эта проблема была частично решена, когда в 1910-1912 гг. германская фирма «Сименс и Гальске» построила радиостанции и на тихоокеанском побережье, и в 1912 г. была закончена транссибирская радиобагистраль для обеспечения связи правительства и Верховного командования русской армии и флота с периферийными восточными районами страны. Станция, построенная недалеко от Гижиги, в местечке Наяхан, оказалась одной из самых мощных в России²⁵.

Несмотря на принимаемые администрацией Камчатской области меры, постоянные голодовки не прекращались, одна из них случилась в 1907 г. В 1912 г. с Наяханской радиостанции были отправлены телеграммы следующего содержания: «... снова возможен голод. Есть опасения, что последний пароход выйдет из Владивостока ранее прихода туда опаздывающего «Варга», а тогда Гижига совершенно не получит купеческих грузов»²⁶; 15 августа 1912 г. Петербург Министерству торговли (копия) председатель Добровольческого Флота: «Вследствие неожиданного сокращения торговых операций Шустова население Гижигинского уезда осталось недостаточным количеством продовольственных припасов. Последний пароход ушёл раньше получения этого известия...

Недостаточность припасов неминуемо вызовет зимой голодовку. Губернатор Мономахов»²⁷.

Основные средства к существованию давал населению рыбный промысел. О роли рыбных промыслов для населения Охотского побережья Н.В. Слюнин писал: «Для всего оседлого населения... лов рыбы служит единственным и исключительным источником существования. Рыбные промыслы жителей делятся на вспомогательные и основные; первые служат для временного продовольствия уже начинающего ранней весной голодать населения, а во время вторых все внимание населения направлено к заготовке корма как для себя, так и для собак»²⁸. На протяжении двухсот лет пребывания Охотского побережья в составе России примитивные способы добычи и обработки рыбы практически не менялись, едва позволяя местному населению заготавливать рыбу для собственных нужд. Только появление во второй половине XIX в. в водах Камчатки иностранных браконьеров заставило российские власти обратить внимание на более рациональное использование рыбного богатства края²⁹.

После окончания русско-японской войны 15 июля 1907 г. была подписана российско-японская рыболовная конвенция сроком на двенадцать лет, согласно которой японским рыбакам предоставлялось «право ловить, собирать и обрабатывать всякого рода рыбу и продукты моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль побережий морей Японского, Охотского и Берингова, за исключением рек и бухт». Пошлина за вывоз рыбы из России с японских предпринимателей не взималась. Браконьерство японских рыбаков на побережье наблюдалось ещё с 1897 г., когда в Японии был принят закон о поощрительных премиях за охоту и рыболовство в отдаленных морях. Десятки японских шхун заходили в устья рек Охотского побережья, перегораживали их русла сетями, чтобы выловить всю проходящую рыбу. Это подрывало воспроизводство лососей и обрекало на полуголодное существование жителей селений, расположенных выше по течению³⁰. В 1914 г. было организовано японское монополистическое объединение по лову и переработке рыбы в русских конвенционных водах «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша», которое держало в своих руках 50% всей добычи Гижигинского округа³¹.

Формирование основных структур жизнедеятельности в Гижигинском уезде представляет особый интерес, так как оно осуществлялось в трудных условиях отдаленности, пограничного положения, слабой освоенности и малонаселенности края, среди населения с разной этнической принадлежностью, при наличии влиятельного иностранного капитала. Тем не менее, при поддержке государства, благодаря усилиям правительственных чиновников, моряков и офицеров, а также исключительному терпению и трудолюбию частных лиц в регионе не просто поддерживалась жизнь, но даже осуществлялось развитие цивилизованных форм деятельности.

Политика государства по отношению к Северо-Востоку в XIX в. постоянно колебалась между двумя полюсами – осознанием потенциальной выгоды региона в будущем и его явной убыточности в настоящем. Интерес к

региону возрастал в моменты обострения геополитической ситуации, и соображения военно-политического характера всегда доминировали над социально-экономическими. Население региона страдало от этого отсутствия стабильности, последовательности, резких переходов от усиленного внимания к полному забвению.

Сноски и примечания

¹ Барзилов С.И. Российское историческое пространство в имперском и региональном измерениях // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 10.

² Садовников Д. Подвиги русских в Сибири. Ерофей Хабаров и Семен Дежнев. М., 1906. С. 58.

³ Никитин Н.И. Первый век казачества России // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 83.

⁴ Ремнев А.В. Имперское пространство России в региональном измерении: Дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 317.

⁵ Вдовин И.С. История и культура чукчей: Историко-этнографические очерки. Л., 1987. 288 с.; История и культура ительменов: Историко-этнографические очерки. Л., 1990. 210 с.; История и культура коряков. СПб., 1993. 236 с.

⁶ Зуев А.С. Поход Д.И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г. Новосибирск, 2001. С.3-38.

⁷ Там же.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 1067. Оп. 1. Д. 10. Л. 3об.

⁹ Вестник Европы 1802-1830. М., 1861. С. 180.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 1067. Оп. 1 Д. 12. Л. 14-19об.

¹¹ Там же. Д. 56. Л. 182.

¹² Там же. Д. 29. Л. 3об.

¹³ Там же. Д. 56. Л. 17об.

¹⁴ Козлов А. Гижигинская крепость // Маяк Севера. 1982. 6 мая.

¹⁵ Изображение герба см. в приложении О. Рево // Наука и жизнь. 1983. № 4.

¹⁶ Тихменёв М.П. Историческое обозрение образования российско-американской компании и действий её до настоящего времени. Ч. I. Историческое обозрение образования российско-американской компании и действий её до настоящего времени. Ч. II. СПб., 1861.

¹⁷ Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 1. СПб, 1872. С. 245; Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 2. СПб, 1872. С. 76.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 11. Л. 180.

¹⁹ Скальковский К.А. Русская торговля в Тихом Океане. СПб, 1883. С. 213.

²⁰ Прозоров А.А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб, 1902. С. 155.

²¹ Там же. С.163.

²² Кушнарева М.Д. Влияние развития пушного промысла и торговли на социально-экономические отношения коренного населения Сибири (конец XYII – начало XX вв.) // Третьи университетские социально-гуманитарные чтения 2009 года: материалы. В 2 т. Иркутск, 2009. Т. 2. С. 354-361.

²³ Пономарева Т.Г. Морские устья рек Северо-Восточного региона Дальнего Востока [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dvgu.ru/meteo/Intra/PonomLect.html>

²⁴ The Project Gutenberg EBook of Tent Life in Siberia. George Kennan. 1868. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gutenberg.net/etext06/>.

²⁵ Венцимеров С. В эфире Сибирь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2006/06/29-2009>.

²⁶ РГИА ДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 214. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 6.

²⁸ Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. Т. 1. СПб., 1900. 239 с.

²⁹ Там же.

³⁰ Аров В.Н. Иностранное браконьерство в водах Камчатки в XIX — начале XX вв [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-21.htm>.

³¹ Аров В.Н. Иностранное браконьерство в водах Камчатки в XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-21.htm>.

ЯКУТСКИЙ ОСТРОГ – РАЗГАДКА ТАЙН

П.П. ПЕТРОВ

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

Хотелось бы особо отметить тот исторический факт, что город Якутск с самого основания стал форпостом освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Процесс открытия и освоения новых территорий начался в XVII в. Енисейский казачий сотник П.И. Бекетов в 1630 г., совершив поход в бурятские земли, повернул отряд на север и остановился на зимовку в Усть-Кутском острожке, срубленном десятником В. Бугром. Готовясь к новому походу на независимые якутские улусы, расположившиеся ниже по течению р. Лена, рядом с Усть-Кутским П.И. Бекетов со своими людьми построил сборный острожек. Возможно, он получил указание от енисейских воевод о дальнейшем продвижении его отряда вглубь Ленского края и об основании укрепленного населенного пункта в центре якутских улусов. По весне 1632 г., разобрав строения и укрепления острожка, отряд Бекетова сплавом двинулся вниз на завоевание новых территорий. После нескольких удачных походов на якутские улусы с целью закрепления успеха на облюбованном им месте он поставил сборный острог в «Чуковом поле» местности Чымаадай, на правом берегу реки Лена, примерно в 70 км ниже современного Якутска. Об этом историческом событии в челобитной царю Бекетов писал: *«Того же году сентября в 25 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, поставил я с служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней украине и для государева ясачново збору и для приезду якутских людей. А преж того на Лене реке и в якутской земле государева острогу не бывало нигде. А поставил государев новый острожек я, Петрушка, против якуткова князца Мамыкова улусу»*¹.

В этом донесении в Москву основатель острожка Бекетов кратко, но емко сформулировал цели и задачи строительства нового для Якутии населенного пункта; во-первых, новый острог был основан по указу царя Михаила Романова и должен войти в перечень населенных пунктов Российского государства как «государев острог»; во-вторых, острог стал центром распространения царской власти и сбора ясака со всей территории северо-востока Азии; в-третьих, он предназначался «для приезду якутских людей», что означало открытость и дальнейшее его развитие за счет переселения представителей коренного населения в новый для них населенный пункт. П.И. Бекетов достаточно четко определил местонахождение острога, указав при этом, что ко времени его прибытия в Ленском крае не было других подобных населенных пунктов. Острогами назывались первые оборонительные поселения русских в Сибири, огражденные вертикально поставленными заостренными вверх бревнами в

виде частокола. Крупные остроги включались в систему городов тогдашней России.

Местонахождение Якутский острога, наиболее выдвинутое к востоку, выбрано было Бекетовым исключительно удачно, и острог немедленно стал отправной базой для русских поисковых экспедиций не только на север, к Студеному морю, но и на восток, а позднее и на юг – к Амуру и Тихому океану. За каких-нибудь два десятка лет русские люди с помощью представителей местного населения открыли и обследовали обширные пространства от западной границы Якутии до Охотского моря и от Ледовитого океана до Амура. Это стало замечательным вкладом русского народа в историю мировых географических открытий. Присоединение Якутии к Российскому государству завершилось, таким образом, в середине XVII в. Учитывая историческую роль города Якутска в освоении вновь открытых земель, начальной датой вхождения Якутии в состав Российского государства принят год основания Якутского острога, поставленного П.И. Бекетовым².

Многие исследователи задавались целью определить местонахождение бекетовского острога. Проблема определения местонахождений бекетовского и галкинского острогов является дискуссионной. Историография вопроса изложена Ф.Г. Сафроновым. По его данным, исследователи XIX в. Н. Остолопов и П. Словцов в качестве места расположения острога указывали «гору Чебыдал» или «Гимадай», Н. Щукин же — «урочище Гимадай». Первые два исследователя могли ошибиться, поскольку если бы острог стоял на горе, то никакое наводнение не могло его затопить. Н. Щукин это понимал и уже уточнил местонахождение острога «урочищем». Более близок был к истине Г.А. Попов, утверждавший, что острог стоял на территории Мурчукинского наслега Намского района в местности, называвшейся старожилками «Эргэ куорат». Г.А. Попов опирался на местную топонимику и расселение якутов Намского улуса, что дало ему материал более точно определить местонахождение острога³. Он представлял собой маленькую крепость, окруженную деревянным тыном. Внутри, кроме немногих жилых домов, были размещены съезжая изба с государевыми делами, «государев амбар» на подклети с погребом и аманатская («аманаты» – заложники) изба. В 1634 г. острог затопило половодьем и стало непригодным для проживания.

Новый приказчик острога атаман И. Галкин, по данным Г.А. Попова, перенес острог, названный им как «новый Ленский острожек», на новое место в 15 верстах выше от прежнего места, тоже на правом берегу Лены. Он же на основании топонима «Ярмонг» («Дьяарбан») предположил местонахождение галкинского острога «на берегу реки у начала тракта в долину рек Амга и Татта», то есть в 50 верстах от старого места (ныне территория наслега Мегино-Кангаласского улуса), что активно оспаривается жителями 2-го Хомустахского наслега Намского улуса. Они считают, что острог Галкина стоял на территории их наслега, в местности под названием «Воин».

Галкинский острог, носивший двойное название (Якутский и Ленский), состоял из трех изб и двух амбаров с рубленными нагороднями, крытыми тесом, с караульной над воротами и был окружен частоколом. Вне острога для защиты водозабора стояла отводная караульная и баня. Острог, построенный Галкиным, быстро рос, появились новые казенные постройки. Вне стен острога вырос крупный для того времени населенный пункт. В 1641 г. в нем было 46 юрт якутского типа и 24 избы, в которых проживало 280 человек, в том числе служилых людей – 68, торговых людей – 3, промышленников – 86, якутов – 123. Достопамятными событиями Якутского острога были нападения и осады доведенных до отчаяния грабительскими поборами и насилием отрядов казаков и промышленных людей восставших якутских улусов⁴. Наиболее мощным и опасным для острога было восстание якутов 1642 г., когда князцы якутских улусов с воинами числом более 1000 чел. в течение марта осадили острог, но осознавая военное превосходство русских, вооруженных пушками, пищальями и другим оружием ограничились демонстрацией силы и разошлись по улусам.

Краеведы, в том числе пишущий эти строки, сопоставляя как данные архивных материалов XVII в., так и данные современного визуально-рекогносцировочного осмотра указанных местностей, склоняются ко второму населенному пункту, где до недавнего времени сохранялось древнее русское кладбище, ныне большей частью размытое рекой. Как было выше сказано, острог, названный строителем его атаманом Иваном Галкиным «Ленским новым острожком», к 1642 г. представлял собой значительный для Якутии населенный пункт, который и после переноса его воеводой П. Головиным в 1643 г. на левый берег Лены, несмотря на истечение 370 лет, не мог бесследно исчезнуть.

Историки, занимающиеся проблемами социально-экономической истории Якутии XVII в., к вопросу о названии первого русского укрепленного острога на территории Ленского края, относятся, по нашему мнению, по-разному. Одни считают, что острог, поставленный П. Бекетовым, носил название «Ленский острог», другие – «Якутский. Расхождения историков по данному вопросу всегда давали повод тем, кто, не обращая внимания на первоисточники и историографию событий XVII в., пытается сделать ревизию давно установленных фактов и утверждать, что Якутск возник не в 1632 г., а в 1643 г., то есть, когда воевода П.П. Головин перенес острог на левый берег реки Лены на земли кангаласских князцов⁵.

Историк С.В. Бахрушин в статье «Исторические судьбы Якутии», опубликованной в 1927 г., однозначно пишет только о «Якутске»⁶. Другой известный советский ученый С.А. Токарев в книге «Очерки истории якутского народа», изданной в 1940 г., утверждает, что «Бекетову удалось, построив Якутский острог», покорить якутские племена⁷. Два видных историка из Москвы и Ленинграда, одними из первых поднявших и исследовавших многочисленные архивные документы XVII в., в своих ранних работах не использовали названия «Ленский острог». Лишь позднее, в очерках «Якутия в XVII в.» Бахрушин назвал острог Бекетова Ленским⁸.

Местные историки также обращались к данной проблеме. О.В. Ионова в книге «Город Якутск» впервые указывает, что в 1638 г. с установлением Якутского воеводства «Ленский острог становится его центром» и что Якутским он назван позднее⁹. С этого времени стало превалировать мнение о том, что Бекетов присвоил своему острогу название «Ленский». Профессор Ф.Г. Сафронов, специально изучавший этот вопрос, острог, поставленный Бекетовым в 1632 г., в своих трудах считал «Ленским». В «Энциклопедии Якутии», главным редактором которой и основным автором статей по истории Якутии XVII в. был Федот Григорьевич, он повторил свои выводы¹⁰. Другой крупный исследователь истории Якутии XVII в. В.Н. Иванов в своих ранних трудах и в последней статье, посвященной основанию Бекетовым острога на Лене реке, тоже пишет о нем, как о «Ленском остроге»¹¹.

В республиканских средствах массовой информации, особенно в последние годы, на основании разночтений названий острога учеными появляются статьи о том, что Ленский острог – это другой острог, не имеющий ничего общего с современным Якутском, поэтому дату основания Якутска следует передвинуть на 1643 г., когда в долине Туймаада на левом берегу Лены возник острог, поставленный первым якутским воеводой П.П. Головиным.

Для разрешения споров обратимся к источникам, касающимся времен основания первого острога и его переносов в связи с разрушительными наводнениями реки Лены.

Основанный П.И. Бекетовым острог первоначально не имел точно установленного и официально принятого названия. В одном документе, заполненном стрелецким сотником, сказано, что он поставил «на Лене реке острог», в другом – «острог в Якуцкой земле»¹². Очевидно, П. Бекетов понимал, что поскольку острог, поставленный им на реке Лене, является «государевым», порядок присвоения ему названия относился к прерогативе царя или московским органам власти в лице Сибирского приказа.

Затем новый приказчик острога атаман И. Галкин после наводнения 1634 г. перенес строения острога на более высокое место, по нашему мнению, не столь далеко от старого местоположения. С этого времени острог стал носить название «новый Ленский острог» или «Ленский острог». Во всяком случае, в заполненной Галкиным «Книге ясачного сбора за 1634/35 гг.» острог проходит под названием «новый Ленский острожек».

Думается, что это название плавно перешло от срубленного «на Лене реке, на Усть-Куты реки под острожком, который поставил вновь атаман Иван Галкин с товарищы» в 1631 гг. В документе этот острожек носил название «Ленский новый острожек»¹³. По казачьей традиции И.А. Галкин весной разобрал стены укрепления построенного им острога и по воде доставил на предполагаемое место переноса бекетовского острога. Поэтому наиболее вероятным является тот факт, что строители второго острога вместо старого, бекетовского, не имевшего названия, присвоили усть-кутское название «новый Ленский острожек». А тот верхоленский острог, построенный Галкиным «на Усть-Куты реки», с 1630-х гг. перестал

фигурировать в документах. Кроме того, там же существовал и другой острог, Усть-Кутский, срубленный, как мы выше отметили, десятником Василием Бугром чуть ранее, а впоследствии ставший одноименным населенным пунктом.

В нашем распоряжении имеется и другой документ. Это описание первой печати Якутского острога, сделанной через три года после основания первого острожка. Так, в «Росписи государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всея Руси сибирским печатем какова в которых городах и острогах и в которой печати что вырезано и подписано. В лето 1635 году», помещенной в знаменитой «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова дается следующее описание печати острога: *«На якуцкой бабр в роте несет соболя, высподе горы и трава, а около вырезано: «Печать государева земли Сибирские Якуцкого острогу»*¹⁴. Доставка челобитной П.И. Бекетова к адресату, в Сибирский Приказ, разумеется, с учетом времени продвижения, затем рассмотрения на месте, принятия решения, изготовления новой печати занимал определенный период времени, примерно охватывающий три года, что соответствует дате описания вышеуказанной печати.

В августе 1638 г. Московское правительство, озабоченное устройением новых приобретенных земель и народов, издало указ о создании самостоятельной административной единицы – Якутского уезда с центром в Якутском остроге, и на основании первой отписки П. Бекетова об основании острога на якутской земле московские власти приняли решение присвоить этому острогу название «Якуцкий». Но, как мы выше отметили, якутские служилые люди в ясачных книгах 30-х и начале 40-х годов XVII в. острог, вновь построенный в 1634 г. атаманом И.Галкиным, неизменно писали как «новый Ленский острожек» или «Ленский острожек». Таким образом, этот острог носил двойное название: в правительственных бумагах как «Якуцкой острог», в ясачных книгах, в большинстве случаев заполненных атаманом И.Галкиным и последующими приказчиками, как «Ленский острожек».

Лишь с приездом воеводы П.П. Головина в 1641 г. вопрос о двойном названии острога был решен окончательно и бесповоротно. Еще до переезда на левый берег р. Лены Головин подписывал официальные документы с указанием острога, но только как «Якутского».

На основании вышеизложенного, в период с 1632 по 1641 гг., когда острог носил двойное название, предлагается использовать название «Якутский (Ленский) острог», поскольку прерогатива в присвоении наименований новым населенным пунктам принадлежала московским властям, которые уже на раннем этапе основания приняли решение именовать его «Якутским». Однако необходимо учитывать также вклад служилых людей, которые совершили перенос населенного пункта с неудобного места и проявили инициативу в присвоении нового названия «Ленский».

В «Наказной памяти», выданной в 1638 г. первым якутским воеводам в Сибирском приказе в Москве, было указано найти «стройное и угодное»

место для переноса острога, население которого часто страдало от внешних наводнений. Весна 1642 г. тоже оказалась разрушительной. Поиски нового места начались сразу же, когда на реке стояла высокая вода. Были осмотрены луга местности Кильдема в долине Туймаада на левом берегу Лены, но забракованы из-за того, что от воды далеко и «безлесно..., добра верст больши по дрова ездить, а хоромного... лесу и далее нет». Под «острожное место и по чертежу всех лутче и угоже» оказался «Эюков луг» в Табаге¹⁵ (вероятно, в те годы эта местность носила топоним Табага – П.П.). Этот луг принадлежал известному кангаласскому князю Эюку, сыну Ники, родного брата легендарного Тыгына. Поэтому требовалась его согласие, которое, видимо, было быстро получено, поскольку князец Эюк в это время привлекался по делу о восстании якутов 1642 г.

Но воевода П.П. Головин, занятый расследованием дел о восстании якутов и конкурентной борьбой с другим воеводой М.Б. Глебовым «с его сотоварищи», «острогу ставить новово не поспел»¹⁶. Новый острог начали строить в апреле 1643 г. 40 казаков под руководством и наблюдением сына боярского А. Бедарева, известного строителя сибирских крепостей. Сохранилось полное описание этого острога, сделанное самим П. Головиным в его челобитной в Москву. По его данным, периметр острожных стен составлял 333 сажени, они отстояли от берега реки на 50 сажень. Высота стен достигала 2½ сажений. В середине каждой из четырех сторон имелись 4 воротные башни с вышками, высотой до 4 сажений. По углам стояли башни высотой по 3 сажени каждая. Внутри внушительной по тем временам крепости находились «приказ двойной на подклетах с сеньми», аманатский двор, пороховой погреб, 4 амбара «на соболиную казну», храм во имя преподобного отца Михаила Малейна, храм Живоначальной троицы, шатровый. За внешними стенами устроили гостинный двор для приезжих торговцев, поставили двор «для приезду иноземцев», то есть якутов. Разобранные строения старого острога были и по воде доставлены на новое место. Официальный переезд в новый острог на судах «с соболиною казною и с нарядом и со всякими запасами и с аманаты» Головин совершил летом 1643 г. Таким образом, новый острог занял центральную часть долину Туймаада, которую еще в незапамятные времена предки якутов называли «*КиэI Күрээйи хотун*» (Раздольная жаворонковая Госпожа).

Многие сегодня задаются вопросом о местоположении головинского острога, предположительно указывая при этом сравнительно высокий береговой и надлоговой (Логовое, ныне Теплое озеро – П.П.) угол квартала, ныне застроенного многоэтажными жилыми домами и зданием общежития ЯНЦ СО РАН. Краевед П.В. Попов считал, что острог занимал юго-западную территорию от здания Центральной городской бани¹⁷. По нашему мнению, учитывая, что внутри крепости были построены церкви, впоследствии перенесенные в различные части города, их места заняла церковь во имя Преображения Господня, сначала деревянная, затем и каменная – ныне современный Свято-Преображенский собор, имеющий долголетнюю историю. Этот храм служит верным ориентиром исчезнувшей головинской

крепости, возведенной над неглубоким логом, который в виде затапливаемой протоки во время паводка прослеживается даже на картах города 1770 г. Также следует указать месторасположение гостиного двора, который стоял вплоты к стенам головинского острога. В XVII–XIX вв. он служил местом ярмарочных торгов, затем с начала XX в. и последующие годы под названием Малый базар (Кружало) сохранился до наших дней.

История основания Якутска таит себе много интересных загадок и тайн, которых можно разгадать, применяя новые методы исследования, в том числе археологические раскопки на местах исторических построек города, изучением еще не раскрытых архивных документов, древних музейных экспонатов.

Сноски и примечания

¹ Сафронов Ф.Г. Город Якутск в XVII – начале XIX веков. Якутск, 1957. С. 11, 12; Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953. С. 222.

² Сафронов Ф.Г. Город Якутск... С. 15.

³ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978. С. 172; Попов Г.А. История города Якутска: 1632-1917 // Сочинения. Т. 3. Якутск, 2007. С. 16, 17.

⁴ Иванов В.Н. Якутия в составе Русского государства (XVII в.). Якутск, 2002. С. 80–81.

⁵ Эверстов А.И. Айыы аймахтара, кун улуустара. Якутск, 1998. С. 3, 4.

⁶ Бахрушин С.В. Исторические судьбы Якутии // Якутия. Сб. статей. М., Л. 1927.

⁷ Токарев С.А. Очерки истории якутского народа. М., 1940. С. 13-105.

⁸ Якутия в XVII в... С. 31.

⁹ Ионова О.В. Якутской куорат (Город Якутск). Якутск, 1950. С. 8.

¹⁰ Энциклопедия Якутии. Якутск, 2000. Т. 1. С. 127.

¹¹ Иванов В.Н. Форпост важнейших географических открытий XVII в. // Город Якутск: история, культура, фольклор. Якутск, 2007. С. 62.

¹² Сафронов Ф.Г. Город Якутск... С. 10, 12.

¹³ Материалы по истории Якутии XVII в. Ч. 1. С. 1, 2; Ч. 3. С. 1067, 1068, 1069.

¹⁴ Соболева Н.А. Старинные гербы русских городов. М., 1985. С. 31, 167.

¹⁵ Сафронов Ф.Г. Город Якутск... С. 23, 24.

¹⁶ Сафронов Ф.Г. Город Якутск... С. 23, 24.

¹⁷ Попов П.В. Историко-графический атлас города Якутска в 1917 г. Якутск, 2009. С. 78.

СОВРЕМЕННЫЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОРОД В АСПЕКТЕ АНТРОПОЛИНГВИСТИКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Т.И. ПЕТРОВА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Антропоцентризм современного языкознания открыл широкие горизонты исследований, определил появление новых направлений в лингвистике. К числу активно разрабатываемых в настоящее время относятся и исследования языка города – направление, начало которому было положено в 20-е годы прошлого века¹, и которое в последние десятилетия, «включившись в новый научный контекст»², непосредственно связано с изучением повседневной речи горожан. В этом случае язык города рассматривается в тесной взаимосвязи с внеязыковой действительностью и понимается как «сложноструктурированное коммуникативное целое»³, включающее все формы функционирования языка в городе.

При изучении этого феномена особую значимость приобретает территориальный признак, поэтому актуальным становится речевое портретирование российских городов, позволяющее получить сведения о тех или иных региональных особенностях современного русского языка и дополняющее таким образом представление о понятии «региолект», появившемся в языкознании конца XX в. Внимания лингвистов заслуживает и языковое существование дальневосточных городов, до сих пор практически неизученное: это различные проявления устной речи горожан, а также городская эпиграфика (объявления, плакаты, вывески и другие письменные тексты городской среды).

С темой «язык города» органично связаны исследования живой речи, базирующиеся на «функциональном принципе», в соответствии с которым в поле зрения исследователя оказываются любые проявления естественной речи, в том числе «нелитературного характера или с нелитературными привнесениями просторечия, жаргонов, диалектных окрасок». Причем такие включения, по мнению уральских лингвистов, «дают наиболее интересный материал для определения специфики городской речи в данном регионе»⁴. Очевидна теоретическая значимость таких исследований, они необходимы для уточнения представлений о вариантах национального русского языка – в частности, о городском просторечии. Нерешенным, например, остается вопрос о его «арегиональности». По замечанию А.Ф. Прияткиной, «чтобы этот тезис утвердить окончательно, нужно изучить просторечие по всем городам России», и если просторечие «арегионально», то правомерен вопрос: что объединяет его носителей от Москвы до Владивостока?»⁵. Необходимым условием для таких исследований является создание фонда данных живой русской речи различного географического происхождения – своеобразных коллекций, включающих региональные варианты национального русского языка.

Именно этому направлению посвящен проект, над которым в течение ряда лет работает группа сотрудников кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета. Целью проекта стало создание электронной базы данных «Живая речь дальневосточников» (на материале Приморского края). Прежде всего, разработан алгоритм, позволяющий отбирать речевой материал с учетом принципа сбалансированности: 1) определение административно-территориальных единиц для сбора материала («Речь большого города» – «Речь малого города» – «Речь поселка» – «Речь села»); 2) определение круга информантов (с учетом возрастного, гендерного, профессионального и др. факторов); 3) определение круга ситуаций речевого общения. При формировании базы данных используются методы записи спонтанной речи (включенное и скрытое наблюдение). Расшифрованные тексты вводятся в электронную базу данных в двух вариантах: графическом (стенограмма устного текста) и звуковом (аудиозапись); в настоящее время общий объем расшифрованных аудиозаписей, включенных в электронную коллекцию, составляет около 150 тыс. словоупотреблений.

В качестве примера приведем фрагмент одного из таких текстов («Рассказ о поездке в Китай»; запись сделана в городе Владивостоке, в 2009 г.; О. (26 лет) и М. (28 лет) в гостях у Л. А. (53 года), слушают рассказ Л. А. о поездке в Китай):

Л.А. *(нрзбр) Там кормили отворотительно// Мы/ один день поужинали/ а потом/ на следующий день поехали ужинать (нрзбр)// Там такая/ в Чуньке уже как бы ру../ русифицированная еда/ а здесь ещё такое всё/ китайское// Мне там не очень нравилось/ конечно.../*

М. Почему?

Л.А. *...еда// Ну еда// Еду эту китайскую.../*

О. Не любите?

Л.А. *Ну-у-у не в восторге// Я что-то могу съесть//*

О. *Что-то не нравится/ да//*

М. *Но не всё//*

В приведенном фрагменте зафиксированы особенности, отражающие спонтанность живой речи: поиск нужного слова (*как бы ру.../ русифицированная еда*), прерывистая структура высказывания, растяжка гласных (*ну-у-у*), обилие местоимений и т. п.

Разнообразие вводимого в базу данных речевого материала позволит проводить разноаспектные исследования: изучение стереотипных диалогов в ситуациях повседневного городского общения («Магазин», «Рынок», «Почта» и т.п.); разработка речевых портретов дальневосточников; выявление стратегий и тактик речевого поведения в процессе ситуативно-ролевого варьирования речи и др.

Одной из важнейших задач в исследовании языка города лингвисты считают «анализ коммуникативной структуры и жанрового воплощения типовых ситуаций, соотносимых с коммуникативным пространством города»⁶. Объектом рассмотрения при этом становится не только устная

городская речь, но и малые письменные жанры, в своей совокупности составляющие городскую эпиграфику. По мнению Л.А. Капанадзе, «минимизация речевых жанров», являясь яркой чертой современности, вызвана быстрым темпом жизни, который приводит к тому, что «временное пространство структурируется, делится на всё более и более мелкие части»⁷. Письменные тексты малой формы, порожденные новыми условиями функционирования языка и ставшие неотъемлемой частью городского общения, безусловно, вызывают большой интерес, поскольку несут в себе самую разнообразную информацию о современном городе.

Прежде всего, проявляется характерное для конца XX – начала XXI вв. «усиление диалогизации устного городского общения, активное развитие личностного, авторского начала⁸, возрождение игровой, карнавальной стихии в жизни города»⁹. В качестве примеров приведем тексты различных малых письменных жанров, собранные в городах Приморья.

Шутливые реплики-наклейки на автомобилях органичны в языковом облике Владивостока, признанного одним из «наиболее автомобильных городов России». Они могут быть обращены к водителям (*Не едь за мной – я заблудился; Удачи тебе, браток!*), могут быть оформлены «от лица автомобиля» (*Меня продают. Очень дешево. ОБИДНО!*), могут выражать протест (*Руки прочь от японских иномарок!!!*) и т.п. Инициаторами «дорожного» общения иногда могут выступать и прохожие – особым проявлением жанра реплик на автомобилях в этом случае становятся надписи на грязных машинах: *НЕ СМЫВАТЬ! Грязь лечебная; СВЕРХгрязная машина; НЛО* (написано на испачканных грязью номерах); *Помой меня!* (после того, как хозяин стёр надпись, добавили: *НЕТ! Помой меня всю!*).

Шутливые объявления в автобусах – это тексты, в которых реализуются две цели: воздействие на пассажиров и авторизация водителя автобуса; при этом для них характерна установка на несерьезность, на шуточное общение. В текстах, предназначенных для воздействия на пассажиров, регламентируется поведение в автобусе, тематические группы таких объявлений разнообразны: «Не мусорить!» (*Кого везем, такой и порядок; Просьба бананы и прочее есть вместе с кожурой*); «Оплата проезда» (*Крупные деньги не давать – сдачу не унесешь; Лучшие маленький рубль, чем большое спасибо*); «Предупреждение об остановках» (*Говорите громче, все равно закричите, когда проедем; На остановках «здесь», «туда», «тама» и «на повороте» высадка пассажиров не производится; Остановка «где-то здесь» будет где-то там*) и др. Менее распространены тексты, служащие для авторизации водителя автобуса. Например: *Водитель не дед Мазай – зайцев не возит; Стаж за рулем – неделя; Старый опытный камикадзе* и др. (Следует заметить, что шутливые объявления в автобусах Владивостока, наиболее характерные для 1990-х гг., в последние годы значительно сократились.).

Несмотря на некоторую внешнюю примитивность, тексты названных выше жанров имеют коммуникативную значимость: они формируют шутливое поле, тем самым разряжая напряженную атмосферу на улицах

города. В условиях открытого городского пространства обнаруживается стремление горожан к коммуникативному взаимодействию. Показателен такой факт: в салоне одного из автобусов г. Уссурийска нами зафиксирован текст, набранный на компьютере и размещенный на видном месте: *Даже в самый хмурый и холодный день улыбка творит чудеса. Улыбнитесь!*

Плакаты во все времена были обязательным элементом языкового облика города, традиционно побуждая горожан к каким-либо гражданским действиям. Современный плакат оперативно реагирует на происходящие в городе события. Так, после пожара 16 января 2006 года (в здании Примстройниипроекта) в центре Владивостока появились плакаты Государственного учреждения Приморского края по пожарной безопасности, делам гражданской обороны, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций: *Видишь дым – звони 01! Краевая целевая программа «Пожарная безопасность»; Горе от огня! 01; Причины пожара могут быть разные, последствия одинаковые.* Но в новых условиях функционирования языка изменения произошли и в этом жанре: широкое распространение получили плакаты фатического содержания – прежде всего, поздравления и пожелания. Так, важное место в языковом облике Владивостока, Уссурийска и других городов занимают плакаты, посвященные Дню города. По своей коммуникативной цели они довольно разнообразны: плакат-поздравление: *С днем рождения, любимый город!*; плакат-пожелание: *Город любимый, город родной... Мира, счастья и любви!*; плакат-признание: *Мы любим тебя, Владивосток! Владивосток – мой город!* и т.п. В последние годы наблюдается тенденция, когда горожане выступают в роли авторов плакатного текста. Это, например, плакаты-поздравления и признания в любви, предназначенные частным лицам: *С днем рождения, дорогая!* (рядом фотография женщины); *Виктория! Я тебя люблю!!!* Такие плакаты отражают авторизацию, персонификацию личности в современном городском пространстве.

В текстах городской среды находит отражение такая тенденция, как широкое распространение в различных коммуникативных сферах признаков естественного диалогического общения. Происходит своеобразное стирание границ между звучащей живой речью и речью письменной, кодифицированной. Сказанное подтверждается не только приведенными выше фактами (например, лишенные официальности тексты объявлений и плакатов), но и проявлениями иного рода.

В частности, на вывесках Владивостока нередко фиксируются названия тех или иных городских объектов, привычные именно для неофициального устного общения горожан, например: торговый центр *«Зеленые кирпичики»* (давно используемое в живой речи владивостокцев название одного из центральных магазинов в начале XXI века закрепилось на официальной вывеске); супермаркет *«Толстошеинский»* (первоначально имел другое название, но широко распространенная в живой речи горожан номинация по фамилии владельца закрепилась затем на вывеске в качестве официальной) и др. Часто в качестве официальных номинаций начинают функционировать

неофициальные топонимы, являющиеся яркой особенностью живой речи горожан. Это, прежде всего, названия различных торговых учреждений: рынок «*Ярмарка на Тихой*» (по неофициальному названию микрорайона, расположенного на берегу бухты Тихой); торговый центр «*Сотка*» (по неофициальному названию проспекта 100-летия Владивостока); магазин автозапчастей «*На Тецином Языке*» (по названию крутого участка дороги на улице Стрелочной) и т.п. Иногда номинация живой речи становится официальным названием места остановки городского транспорта: так, хорошо известная владивостокцам номинация *Серая лошадь* закрепилась в официальном названии остановки на улице Алеутской (в устной речи оно приобрело сокращенную форму – например, в речи водителя автобуса: *На «Лошади» есть выходящие?*).

Раскованность живой речи в полной мере проявляется в коммуникативном пространстве городского рынка – и не только в звучащей речи (возродившиеся жанры зазывов, уговоров и расхваливания товара), но и в письменных текстах. Обращают на себя внимание, например, тексты ценников: *Дынька Узбекская; Арбузы спасские сахарные!!! Масло сливочное Очень вкусное! Сметанка домашняя Свеженькая! Косточки для собачек*¹⁰ и много других. Средства естественного речевого общения (диминутивы, интонационная окрашенность и т.п.) сокращают дистанцию между покупателем и продавцом, способствуют установлению контакта между ними, привлекая внимание к товару.

Особую научную значимость при исследовании языка города имеет выявление региональной специфики, которая обнаруживается прежде всего на лексическом уровне. Например, Б.Ю. Норман выявил ряд синонимов-регионализмов, называющих маршрутное такси: *топик* (в Севастополе), *газель*, *газелька* (в Чебоксарах), *микрик* (на Дальнем Востоке, в Калининградской области и в Латвии), *автолайн* (в Москве)¹¹. Предпринимаются попытки составления словаря русских регионализмов – в частности, над проектом словаря «Языки русских городов» работает В.И. Беликов; примечательно, что одна из первых предложенных им словарных статей была посвящена слову *бархат*: «Бархат амурский – дерево семейства рутовых до 25 м высотой с раскидистой кроной, пробковой корой и прочной декоративной древесиной; в естественных условиях растет на юге Хабаровского края и Амурской области, в Приморье, на юго-западе Сахалина и на северо-востоке Китая. Кора и плоды широко используются в китайской медицине» (дано пояснение: «толковыми словарями не отмечается»)¹². Такую же локальную – дальневосточную – окрашенность имеют и слова *сонка*, *распадок*, *падъ*, *пянце* и ряд других.

Если говорить о региональном колорите языка Владивостока, то, безусловно, необходимо учитывать и фактор приграничья. Его действие имеет различные проявления. Так, на городских вывесках рядом с русским названием может быть китайское, часто имеющее совсем другое значение: «*Элисс*» 海參崴餐厅 (*ресторан «Владивосток»*); «*Фортель*» 海洋餐厅

(ресторан «Океан»); «Чайна-Таун» 飘香食坊 («Благоухающий аромат»). На вывесках владивостокских ресторанов и кафе широко распространены названия, отражающие близость со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, причем кроме известных и в других российских городах названий «Пекин», «Шанхай», «Харбин» и т.п. используются также названия исключительно «местные»: «Далянь», «Мишань», «Хунь-Чунь» и нек. др. Кроме того, естественные для повседневной жизни владивостокцев ситуации торговли на китайском рынке приводят к появлению элементов контактного языка – русско-китайского пиджина: например, хорошо всем знакомые личные наименования (как правило, в роли обращений) *куня, мадама, корефана, капитана, друга*. Своеобразными в таких ситуациях оказываются и ценники, написанные по-русски китайскими продавцами, например: *ЯБЛОКИ КИСРЫЙЙ* («яблоки кислые»); *МАПАТАВКА* («молдавка»). В данном случае проявляются такие типичные для русского письма китайцев ошибки, как смешение букв *Р* и *Л* и смешение глухих и звонких согласных.

В настоящей статье представлен обзор возможных направлений описания языкового быта дальневосточного города – объекта почти неизученного, но нуждающегося в изучении, поскольку результаты таких исследований дополняют представления не только о национальном русском языке, но и о современном дальневосточном городе.

Сноски и примечания

¹ В 1928 г. напечатаны две статьи Б.А. Ларина, которые послужили началом изучения языка города: «К лингвистической характеристике города» и «О лингвистическом изучении города» (в 1977 г. они вошли в сборник работ Б.А. Ларина «История русского языка и общее языкознание»).

² Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 5–44.

³ Красильникова Е. В. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города: Сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 5–18.

⁴ Живая речь уральского города: Сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 3–4.

⁵ Прияткина А. Ф. К определению внутренних свойств просторечия // Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные труды. Владивосток, 2007. С. 369–374.

⁶ Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 103–126.

⁷ Капанадзе Л. А. Развитие речевых жанров в русском языке // Голоса и смыслы: Избранные работы по русскому языку. М., 2005. С. 238–248.

⁸ Неслучайно в лингвистике последних лет появился термин «антропотекст»: в частности, в ряде работ Н.Д. Голева он используется для обозначения текста, «рассматриваемого как воплощение языковой личности автора и адресата» - Антропотекст-1. Сб. ст. Кемерово-Томск, 2006. С. 3.

⁹ Земская Е. А. Активные процессы в русском языке на рубеже XX-XXI вв. // Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М., 2004. С. 513–532.

¹⁰ Тексты даны с сохранением орфографии и пунктуации.

¹¹ Норман Б. Ю. В языковом микромире маршрутки // Антропотекст-1. Сб. ст. Кемерово-Томск, 2006. С. 68–74.

¹² Режим доступа: <http://forum.lingvo.ru>

**ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ
В 1930-1980-е гг.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР НА ОСНОВЕ
ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КАМЧАТСКОГО КРАЯ**

А.А. ПИЛИПЕНКО

*Камчатский филиал Российского государственного университета туризма и
сервиса, Петропавловск-Камчатский*

В 1920-е гг. на Камчатке началась организация школьного обучения в соответствии с идеями советской единой трудовой школы (ЕТШ). Для обеспечения учебного процесса требовалось наличие подготовленных педагогических кадров, в то время как школы округа (до 1926 г. – губернии, с 1932 г. – области) испытывали острую нехватку учителей. До 1930 г. пополнение состава педагогических кадров на Камчатке осуществлялось исключительно за счет организации педагогических курсов и приглашения учителей с материка. Кроме того, существовала практика приема на педагогическую работу людей без специального образования.

К концу 1920-х гг. назрела необходимость в создании на полуострове специализированных учебных заведений, которые могли бы обеспечить квалифицированными работниками расширяющуюся сеть школ. Поскольку наибольшее распространение на Камчатке получили школы первой ступени (начальные), в первую очередь необходимы были специалисты со средним педагогическим образованием. Главной кузницей таких кадров стало Петропавловск-Камчатское педагогическое училище, организованное на базе старших классов Петропавловской школы-девятилетки в 1930 г. по решению Дальневосточного Краевого исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. Прием в училище осуществлялся на основе вступительных испытаний на базе семи классов. Кроме того, было организовано подготовительное отделение, которое давало основное количество учащихся.

Первые годы существования училища стали кризисными для него, поскольку немногие выпускники семилетних школ решались на получение учительской профессии. С наибольшей охотой абитуриенты поступали в учебные заведения промысловой направленности. Несмотря на сложности в работе, в 1932 г. состоялся первый выпуск преподавателей школы I ступени в количестве пятнадцати человек¹. В последующие годы количество выпускников педучилища колебалось от 18 до 25 чел., притом, что планами устанавливалось не менее 40 чел. Связано данное обстоятельство было в первую очередь с небольшими наборами и отсевом учащихся во время учебы из-за неуспеваемости. Некоторые студенты оставались на второй год для повторного обучения². Кроме того, часть студентов выбывала в связи с переездом на материк. Документы Государственного архива Камчатского края (ГАКК) свидетельствуют, что количество выпускаемых педучилищем специалистов не могло удовлетворить нужды расширяющейся сети школ. На

работу по специальности шли немногие выпускники, часть из них уезжала с Камчатки. В 1942 г. два педагогических училища Камчатки (Петропавловское и Тигильское) дали в общей сложности выпуск всего лишь из 24 специалистов. В складывающихся условиях было невозможно отказаться от практики приглашения на учительскую работу людей без специального образования. Чтобы исправить ситуацию в данной области, на базе училища к 1949 г. было организовано заочное обучение, курсовая переподготовка, действовала программа экстерната для школьных работников³.

К 1944 г. в училище сложилась система практического обучения. Будущие учителя проходили несколько учебных практик. На втором курсе они занимались исключительно наблюдением за ходом уроков, воспринимая опыт других педагогов. Кроме того, они принимали участие в дежурстве, организации перемен, приеме и отправке детей домой. На третьем курсе студенты приступали непосредственно к педагогической практике, которая проходила в нескольких школах Петропавловска, одна из которых являлась базовой. Учащиеся под руководством опытных преподавателей готовили планы учебных занятий и необходимые дидактические материалы, давали пробные уроки⁴.

Студенты обеспечивались стипендией и питанием. Однако выделяемых средств было недостаточно для удовлетворения их нужд. Приходилось силами самих учащихся производить заготовки на зиму. В качестве дополнительного питания в летний период заготавливались рыба, мясо, ягод, дикоросы, что позволяло улучшить и удешевить питание. Кроме того, выращивали овощи на имеющемся при училище земельном участке⁵. Низкий уровень стипендии являлся одной из причин отсева студентов из учебного заведения, поскольку многие из них не имели возможности пользоваться помощью родителей из-за отсутствия связи с ними в течение всей зимы. При училище имелся интернат-общежитие, здание для которого было построено еще в 1918 г. Несмотря на регулярно проводившиеся ремонтные работы, к середине 1940-х гг. оно уже не отвечало потребностям учебного заведения – наборы постепенно увеличивались, а помещение было очень тесным и старым. Возникали даже ситуации, когда студентам приходилось спать по двое на одной кровати⁶.

Эффективной организации учебного процесса в значительной степени мешал низкий уровень учебно-методического обеспечения училища, нехватка и даже отсутствие учебников. В отчете о работе училищ Камчатской области за 1944-1945 учебный год отмечалось, что «... в Петропавловском училище имеется всего шесть учебников по психологии, нет методик по естествознанию, истории, русскому языку, арифметике; очень мало учебников грамматики..., задачников... и почти отсутствуют учебники по истории СССР..., нет совершенно учебников по литературе..., физике..., по педагогике... Учебно-наглядного оборудования (физ., хим. кабинет) имеется крайне мало и [оно] изношенное...». Сложной была ситуация с учебными

помещениями. Здание училища, построенное еще в 1872 г., к 1945 г. пришло в полную негодность даже при условии капитального ремонта⁸.

В 1953 г. в училище обучалось 176 чел., объединенные в шесть групп: одна подготовительная, две на первом курсе, одна на втором, одна на третьем и одна на четвертом курсе⁹. Из-за небольшого количества классных комнат училище работало в две смены. Из 13 преподавателей восемь имели высшее образование, два – незаконченное высшее, три – среднее. Существенным недостатком в работе являлось то, что большинство преподавателей училища сами никогда не работали в начальной школе и, следовательно, допускали серьезные ошибки в преподавании методик. В документах ГАКК отмечается наличие оторванности образования от реальных условий работы камчатских учителей. В частности, это касалось проведения педагогической практики: «...большинство из них [начальных школ области] двухкомплектные. Практика же проводится... с одним классом, поэтому учащиеся не получают навыков работы в одно-двух комплектных школах...»¹⁰. В 1955 г. учебная практика студентов училища проходила в базовой школе, расположенной на улице Советской, 46.

К 1957 г. школьное отделение педучилища подразделялось на школьное народов Севера и школьное русское. Общее количество учащихся составляло 167 чел., 110 из которых обучалось на отделении народов Севера¹¹. В 1958 г. помимо русского языка, литературы, математики, физики, педагогики, психологии, истории, методики и других традиционных дисциплин в училище преподавался корякский язык¹². Таким образом, из призванного готовить специалистов исключительно для южных районов Камчатки училище постепенно стало переходить в разряд учебного заведения областного значения. В 1958 г. выпуск учителей начальных классов составил 56 чел., девять из которых являлись представителями коренных народностей¹³.

В 1963 г. педучилище из старого учебного помещения, построенного еще в конце XIX в. и пришедшего в полную негодность, переехало в бывшее здание педагогического института на улице Набережная, 26. Новые условия позволили в том же году открыть дошкольное отделение, готовившее воспитателей для детских садов. Первый выпуск воспитателей состоялся в 1966 г.

К началу 1970-х гг. в педучилище функционировало два отделения: школьное и дошкольное, прием на которые осуществлялся на базе восьми классов. Школьное отделение готовило специалистов по двум направлениям: учитель начальных классов общеобразовательной школы, а также учитель начальных классов и старший пионервожатый. Занятия проходили в две смены: в первой половине дня проводились все уроки по учебному плану, во второй – индивидуальные музыкальные занятия. В 1974 г. полностью был выполнен план набора – 155 чел., однако, несмотря на хорошие количественные показатели, качество абитуриентов было довольно низким. Это были выпускники восьмых классов, занимавшиеся преимущественно на «3». Данное обстоятельство было связано с тем, что лучших учеников школы

старались оставить для дальнейшей учебы в девятом и десятом классах¹⁴. В целях повышения количества и качества наборов по школам Петропавловска, Елизово, а также в Мильковском, Тигильском и Пенжинском районах велась профориентационная работа. Перед выпускниками восьмых классов выступали преподаватели и студенты педучилища с лекциями о профессии педагога, воспитателя, вожатого. Абитуриентов старались привлечь к поступлению информацией о повышающихся размерах стипендий, наличии общежития, наличии льгот и росте заработной платы для учителей. Преимущественно в училище поступали девушки. За шесть лет работы училища (с 1973 по 1979 гг.) его выпускниками стали только четверо мужчин. Подавляющая часть студентов были русскими, кроме них, в училище обучались представители коренных народностей (коряки, эвены, ительмены, чукчи, алеуты), корейцы, белорусы, украинцы, башкиры, буряты, мордовцы и другие.

Выпускников педучилища распределяли на работу в различные районы области, в том числе национальные. Самых сильных учащихся рекомендовали на учебу в педагогические институты страны. В 1970-е гг. проявилась тенденция к предоставлению выпускникам возможности свободного самостоятельного трудоустройства: если в 1971 г. на свободное трудоустройство было отпущено всего 9 чел., то уже в 1978 г. – 21 чел.¹⁵.

К 1982 г. закончилось строительство комплекса педучилища на улице Бохняка, 13, где оно располагается до настоящего времени. Комплекс включал трехэтажный учебный корпус, актовый зал на 240 мест, спортивный комплекс, пятиэтажное здание общежития, книгохранилище и читальный зал¹⁶. Улучшение материальных условий способствовало увеличению численности учащихся. В 1984 г. был осуществлен один из самых крупных выпусков за весь предшествующий период – 166 чел.¹⁷. Однако, несмотря на рост числа выпускников, потребность в учителях начальных классов с каждым годом увеличивалась. Ситуация осложнялась тем, что далеко не все выпускники шли на педагогическую работу. Молодые специалисты получали распределение по школам и детским садам, а свободное трудоустройство предоставлялось только в самых крайних случаях при наличии соответствующих документов. В то же время Петропавловское педучилище ежегодно обращалось в Управление кадров Министерства просвещения РСФСР с просьбой о перераспределении учащихся или предоставлении права на свободное трудоустройство в связи с выездом детей военнослужащих за пределы области. Кроме того, случались ситуации, когда девушки-выпускницы, ставшие матерями до распределения, документально получали назначение на работу, а по факту уходили в декретный отпуск, работая во время отпуска не по специальности. Недосток учительских кадров по области требовал увеличения наборов, чему препятствовало то обстоятельство, что учебное здание педучилища было рассчитано не более чем на 22-23 учебные группы¹⁸. В 1984 г. начался капитальный ремонт, в ходе которого предполагалось провести реконструкцию холлов с

переоборудованием их в учебные кабинеты. Такая реконструкция позволила увеличить количество учебных групп до 25.

В 1980-е гг. расширился состав преподавателей, имеющих высшее образование. В десяти базовых начальных классах СШ № 11, которая находилась в пятнадцати минутах ходьбы от училища, проводилась практика пробных уроков. Непрерывную (государственную) практику студенты проходили в школах города (например, школы № 11, 8, 36, 43)¹⁹, в исключительных случаях – в школах области. В период практики студентам выплачивалась стипендия. Выпускникам училища предоставлялись льготы при поступлении в вузы на родственные специальности²⁰. В целях повышения качества работы училища проводилась работа с молодыми специалистами и курирование их профессиональной деятельности по месту распределения²¹. В 1988 г. было открыто заочное дошкольное отделение, первый выпуск которого составил 57 чел.

Петропавловск-Камчатское педагогическое училище, переименованное в 2004 г. в Камчатский педагогический колледж, прошло долгий исторический путь. Оно явилось одним из первых учебных заведений педагогического профиля на Камчатке и сыграло огромную роль в развитии народного просвещения на полуострове. В настоящее время педагогический колледж является ведущим учебным заведением Камчатского края, выпускающим специалистов со средним педагогическим образованием.

Сноски и примечания

¹ Смышляев А.А. Школа нас в жизнь выпускает... Образование на Камчатке: этапы большого пути. Петропавловск-Камчатский, 2010. С. 109.

² См. например: ГАКК. Ф. П-49. Оп. 1. Д. 385. Л. 23.

³ ГАКК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 1244. Л. 78.

⁴ Там же. Д. 769. Л. 25-26.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ ГАКК. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 1681. Л. 17.

⁷ Там же. Д. 769. Л. 10-11, 36.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 1681. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 16.

¹¹ Там же. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.

¹² Там же. Л. 35.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Там же. Д. 36. Л. 2.

¹⁵ См., например: ГАКК. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 27, 50.

¹⁶ Там же. Д. 87. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 94. Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 41.

ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЛАГОВЕЩЕНСКА ДО ВВЕДЕНИЯ ГОРОДОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ 1870 г.: ДОЛЖНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ ГОРОЖАН*

Т.З. ПОЗНЯК

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

В последнее десятилетие XX и первое десятилетие XXI вв. активизировалось изучение отечественными историками проблем городского общественного самоуправления в Российской империи. Данная тематика включает огромное разнообразие проблем, и на данный момент можно констатировать, что применительно к европейской части России, Уралу, Западной и Восточной Сибири достигнуты впечатляющие успехи в освещении разнообразных аспектов данной темы. В этой связи нельзя не упомянуть ставшие уже классическими работы В.А. Нардовой по городскому самоуправлению в России, в которых основное внимание уделено городам Европейской части страны¹. Значительное число монографических исследований и диссертаций посвящено порядку избрания, структуре, функциям и основным направлениям деятельности органов городского самоуправления в Сибири². Внимание уральских историков сосредоточено на становлении гражданского общества в России и органы городского самоуправления рассматриваются ими как важный структурный элемент этого процесса³. Заметные успехи в исследовании проблем формирования и деятельности органов городского общественного управления достигнуты и на материалах Дальнего Востока России второй половины XIX – начала XX в.⁴

В то же время многие проблемы городского самоуправления на российском Дальнем Востоке остаются совершенно неизученными, в частности, выборы в органы городского самоуправления в Благовещенске до введения в городе в действие Городового Положения 1870 г. Так в ряде диссертационных исследований и в недавно изданном капитальном труде по истории Благовещенска приведены неточные сведения об этом периоде истории городского самоуправления⁵. Исследователи до сих пор не касались таких аспектов темы, как состав городских должностей, выборные практики, общественная активность горожан в сфере самоуправления. Хотя подобные работы имеются для более раннего периода – конца XVIII – первой половины XIX в. и других регионов, в частности следует сказать об обобщающем и новаторском исследовании, посвященном городской культуре, социокультурным представлениям и практикам горожан в центральных российских губерниях и Западной Сибири⁶.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта 12-III-A-11-220 «Российской город на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв.: политические, социально-экономические и культурные аспекты».

Основной целью данной статьи является рассмотрение процесса становления органов городского самоуправления в Благовещенске на основе дореформенного законодательства, а именно: правовые основы и порядок выборов, персональный состав лиц на основных городских должностях, общественная активность горожан⁷ и пр.

В Амурской области во второй половине XIX в. был один город – Благовещенск. Основанный в 1856 г. как Усть-Зейская станица, согласно именному указу, объявленному Сенату 5 июля 1858 г., он был переименован в город Благовещенск и в этом же году стал местом пребывания военного губернатора только возникшей Амурской области⁸. С этого момента и до введения в городе общественного управления городским хозяйством заведовал особый чиновник в звании полицмейстера⁹. По мере роста населения и формирования постоянного контингента жителей эта форма управления потребовала замены. Инициатива в изменении существовавшего положения дел исходила от военного губернатора Амурской области, который предложил выработать временные правила по общественному управлению в Благовещенске. В 1863 г. комиссия в составе коллежского асессора Д.И. Иванова, титулярного советника М.С. Дмитриева, почетного гражданина Н.Я. Стоюнина, купеческого сына Д.Н. Замошникова и мещанина М.А. Яркова подготовила «Проект правил об образовании в Благовещенске общественного управления», отличавшийся весьма демократичным характером. Однако из документов о практике выборов в Благовещенске не вполне понятно был ли введен в действие данный проект или учрежденное в конце 1868 г. городское общественное управление в Благовещенске действовало на основании общероссийских дореформенных положений. Правовой основой организации выборов в Российской империи в дореформенное время служил один из Уставов о службе гражданской – Устав о службе по выборам издания 1857 г. И хотя существовали изъятия из общих правил о городских выборах для Сибири, большинство положений устава распространялись на сибирские и дальневосточные города.

Сибирские города делились на три разряда: многолюдные, средние и малолюдные, в первых - общество выбирало городского голову, гласных думы, городского судью и заседателей городского суда, во вторых – городского судью и заседателей ратуши, в третьих – городских старост и словесных судей (ст. 486-489)¹⁰. В городах империи же выборных должностей было значительно больше (ст. 303). На должности городского головы, депутатов городского депутатского собрания, писаря городского общества, старосты для составления городской обывательской книги, депутатов для составления раскладки земских повинностей выбирали всем городским обществом (ст. 302, 303). Во всех городах империи, включая сибирские, к названным и другим выборным должностям на случай отлучки избранных лиц по торговым делам избиралось по одному кандидату (ст. 304, 491). Выборы на городские должности проходили через каждые три года, за

исключением словесных судей и депутатов квартирных комиссий, которые избирались ежегодно (ст. 308). Избранные на все должности утверждались губернатором (ст. 490)¹¹.

Избирательными правами (правом быть избранными и избирать на городские должности) пользовались почетные граждане, имевшие в городе недвижимую собственность, «наличные купцы, мещане и цеховые, внесенные в городскую обывательскую книгу», дворяне, записанные в городе в гильдию, иногородние купцы 1 и 2 гильдии, имевшие в городе «дом, фабрику, лавку или другое торговое заведение», ведущие торговлю и промыслы или имеющие постоянное жительство, а также иногородние купцы 3 гильдии при условии выборки торгового свидетельства и постоянного проживания (ст. 345). Правом участия в выборах органов городского самоуправления обладали лица не моложе 25 лет, имевшие в городе капитал, с которого взимались сборы не ниже 15 руб. серебром, однако в случае отсутствия или малочисленности в городе подобных капиталов последнее требование дозволялось игнорировать (ст. 347). От выборов отстранялись лица, обанкротившиеся, опороченные судом, исключенные обществом «заявный и нарушающий доверие порок» (ст. 349). Лица, находившиеся под следствием, имели право участвовать в делах общества, если последнее не решало удалить их от дел своих и отказать в избрании в должность (ст. 353)¹².

Согласно существующему законодательству, в городах существовала иерархия должностей по выбору. Купцы 1 гильдии были обязаны принимать только должности городского головы или старосты, заседателя, директора общественного банка, председателей и членов совестных судов, от остальных - имели право отказаться (ст. 393). Купцы 2 гильдии, кроме вышеозначенных должностей, обязаны были принимать и должности ратманов и бургомистров, а купцы 3 гильдии – кроме того, и депутатов при разных местах. На все же прочие низшие должности, если купцы не пожелают их принять, избирались мещане (ст. 394). В статьях устава не упоминаются кандидаты и товарищи к основным должностям – старосте, заседателю, директору банка, и потому непонятно считались они за низшие должности или равные основным. В городах малонаселенных при недостатке купцов устав разрешал принимать на общественную службу по выбору купеческих детей и братьев не моложе 25 лет, если они имели недвижимую собственность, а также мещан, если только они «не принадлежали к расколу» (ст. 395)¹³.

Дворяне, не состоявшие в гильдии, чиновники государственной службы и лица других званий, не входившие в состав городского общества, городским выборам не подлежали, даже если имели в городе недвижимую собственность. Однако в случае недостатка лиц, принадлежавших к городскому обществу, последнему разрешалось избирать на общественные должности дворян и чиновников «с собственного их на то согласия». В

состав же «депутатского собрания» допускались выборные от всех сословий, включая дворян, записанных в обывательскую книгу (ст. 391)¹⁴. Таким образом, почетные граждане и купцы первой и второй гильдий имели право отказаться от несоответствующей им по статусу должности, а дворяне и чиновники и вовсе могли служить по выбору, только если сами пожелают.

На городские должности, наравне с российскими, имели право избираться и иностранные подданные, владевшие недвижимостью или ведущие в городе торговлю и имевшие постоянное жительство. Они могли отказаться от должности, если не владели русским языком в достаточной степени, однако степень эта определялась городским обществом (ст. 401)¹⁵.

Для представителей городского общества, подлежащих участию в выборах, исполнение выборных должностей по городскому самоуправлению было одновременно правом и обязанностью, причем исполнявшейся безвозмездно. Лицо, избранное городским обществом, на общественную службу не могло отказаться от нее без законных оснований. Таковыми могли служить «тяжкая и продолжительная болезнь, или совершенное от преклонных лет изнеможение сил», удостоверенное «законным образом»; и для купцов и мещан из иностранцев – незнание русского языка, но принятие этого обстоятельства было оставлено на усмотрение общества. Отказавшийся же исполнять должность без уважительных причин подвергался «денежному взысканию от пяти до десяти рублей и сверх того обязан принять сию должность» (ст. 401)¹⁶. Общественная служба исполнялась, как правило, бесплатно, только директора общественных банков имели жалованье, начислявшееся с процентов от прибыли.

Какова же была реальная практика выборов в Благовещенске?

Судя по документам, в городе не собиралось общее собрание городских обывателей (глав семейств), а выборы производились на собрании выборных от каждого сословия. Благовещенск относился к числу малолюдных городов, потому до введения в конце 1875 г. в нем Городового Положения 1870 г. все обязанности по городскому самоуправлению нес городской староста, кроме того, выбирался кандидат к нему для замены в случае длительных отлучек из города, а также заседатель городского общественного управления и кандидат к нему. Эти лица одновременно избирались на должности председателя и членов словесного суда. Все члены городского самоуправления Благовещенска переизбирались ежегодно, хотя согласно закону выборы городского головы (старосты) и заседателя должны производиться раз в три года. Собрание выборных от сословий, как правило, происходило в октябре-декабре, а должностные лица приступали к своим обязанностям с 1 января следующего года. Однако в связи с отказами от должностей, увольнениями в отпуск или отлучками по торговым делам в течение года реально исполняли обязанности по несколько человек, причем они либо вступали в должности из кандидатов, либо замещали их по желанию при условии оплаты лицом, избранным на эту должность. В случае

отсутствия такой возможности иногда происходили внеочередные выборы. Все лица на указанных должностях утверждались военным губернатором Амурской области. Перед вступлением в должность они приводились к присяге. В Благовещенске довольно часто нарушался юридически установленный иерархический порядок выбора на должности лиц соответствующего статуса, и не всегда лица, выбранные на должности не по статусу, указывали на эти нарушения.

Имеющиеся источники, к сожалению, не дают возможности представить в полной мере ход и процедуру выборов, но позволяют выявить персональный состав лиц, избранных на основные городские должности в Благовещенске за все годы до введения в действие Городового положения 1870 г. Более того, за некоторые годы можно проследить процедуру отказа от должностей, обжалования незаконных решений, и таким образом рассмотреть степень общественной активности горожан и некоторые выборные практики.

Общественная служба по выбору была, с одной стороны, правом в первую очередь городских сословий, с другой стороны – обязанностью и довольно обременительной. Реальная практика выборов в Благовещенске показывает, что весьма немногие горожане проявляли общественную активность и желание занимать должности по выбору, большинство считали их обременительными, многие не могли совмещать общественные должности с деятельностью, приносящей доход и позволяющей прокормить себя и семью, об этом свидетельствуют как частая смена разных лиц на выборных должностях в виду отказов, отпусков по торговой и иной надобности.

На первых выборах в конце 1868 г. были избраны на 1869 год городским старостой временный благовещенский купец 2 гильдии П.М. Щегорин, кандидатом к нему благовещенский купец 1 гильдии М.О. Мокеевский, заседателем купец 2 гильдии Ф.Д. Лабунцов, кандидатом к нему А.Ф. Фирстов¹⁷: на эти же должности на 1870 г. – временный благовещенский купец 2 гильдии П.М. Щегорин, коллежский ассессор М.С. Дмитриев, отставной коллежский ассессор П. Федотьев, благовещенский мещанин П.К. Скорняков¹⁸.

25 октября 1870 г. приговором выборных городским старостой на 1871 г. стал благовещенский купец 2 гильдии И.Я. Платунов, кандидатом к нему первоначально был избран временный благовещенский купец, германский подданный Э.К. Люддорф, однако с конца мая в связи с увольнением последнего на эту должность заступил купец 1 гильдии М.О. Мокеевский¹⁹. Заседателем был избран мещанин П.К. Скорняков, а кандидатом к нему мещанин А.И. Карабейников²⁰. При этом обязанности городского старосты в мае исполнял Скорняков, а с июня по август – Мокеевский, в связи с пребыванием Платунова в отпуске²¹.

В ноябре 1871 г. старостой на 1872 г. был избран благовещенский купец 2 гильдии М.В. Лаврушин, кандидатом к нему – коллежский секретарь

Г.Городков, заседателем – купец 2 гильдии И.Х. Берг, кандидатом к нему благовещенский мещанин А.И. Карабейников. Однако в связи с отлучкой Лаврушина по торговым делам должность старосты четыре месяца исполнял Городков, Берг по причине расстроенного здоровья также вынужден был уехать лечиться и по решению схода выборных его заменил П.К. Скорняков²².

В октябре 1872 г. состоялись выборы городского самоуправления на 1873 г. Старостой был избран потомственный почетный гражданин П.И. Пахолков, кандидатом к нему купец 1 гильдии И.С. Сумкин, заседателем – купец 1 гильдии П.В. Ланин, и кандидатом купец 2 гильдии И.И. Галецкий²³. Все они одновременно были избраны и словесными судьями. Видимо, по причине отказа от должностей заседателя и кандидата к нему в декабре состоялись новые выборы²⁴, первым был избран надворный советник И.И. Головков²⁵, вторым купец 2 гильдии, иностранный подданный Э. Стефан. Головков вскоре написал письмо губернатору с отказом от должности: «последние обязанности я по званию своему нахожу для себя низко, к тому расстроенное мое здоровье требует в мае сего года выехать на воды»²⁶. В результате последовали новые выборы и новое лицо на должности заседателя – купец 2 гильдии Н.П. Бабинцев, который попросил сменить его по причине невозможности совмещать общественные обязанности с только начатой и неокрепшей торговлей. В феврале 1873 г. заседателем стал купец 2 гильдии М.П. Бусыгин, который и исполнял эти обязанности до новых выборов²⁷.

29 октября 1873 г. на выборах по городскому самоуправлению на 1874 г. старостой стал отставной надворный советник И.И. Головков, кандидатом к нему – купец 1 гильдии П.В. Ланин, заседателем - купец 2 гильдии И.И. Галецкий, кандидатом к заседателю - купец 2 гильдии М.Н. Бородин. И опять же все одновременно избраны и словесными судьями²⁸. Однако никто из перечисленных лиц не исполнял своей должности в течение всего отведенного времени.

В середине марта к исполнению обязанностей заседателя вместо И.И. Галецкого был допущен купец 2 гильдии Н.Ф. Турчанинов, согласившийся исполнять должность до июля²⁹. Из имеющихся документов не вполне понятно, приступал ли он к исполнению обязанностей или нет, но в середине июля он представил объяснение общественному управлению, что не может нести общественную службу из-за болезненного состояния. Согласно медицинскому освидетельствованию доктора Шперка, он страдал бронхитом («катар бронхов») и «ипохондрией, связанной с болезнью и смертью его единственного ребенка» и не мог «относить общественных обязанностей»³⁰. 8 апреля попросил освободить его от должности Бородин в связи с занятостью торговыми делами и получил отпуск, выйдя из которого исполнял обязанности заседателя³¹.

В начале июля попросил освободить его от должности И.И. Головков, в своем прошении на имя военного губернатора он писал: «состоя в этой обязанности седьмой месяц я совершенно расстроил свое здоровье и относить сказанную обязанность не имею никакой возможности, тем более что медики входя в мое болезненное состояние советуют и считают необходимым для поправления расстроенного здоровья моего при совершенном спокойствии постоянное пользование свежим воздухом»³².

В результате в начале августа на должность городского старосты был избран купец 1 гильдии И.М. Мелкумов³³. Эти выборы были вынужденными, так как купец Ланин, будучи избранным в октябре 1873 г. на должность кандидата к старосте, отсутствовал и не приступил к исполнению обязанностей ни кандидата, ни старосты после ухода Головкова. И даже вернувшись на некоторое время в Благовещенск, Ланин не пожелал вступить в должность и сказался больным. Освидетельствование доктора Шперка показало, что он перенес бронхит, но его состояние вполне позволяло ему исполнять обязанности старосты. В результате Мелкумову пришлось исполнять обязанности старосты не только с 1 сентября 1874 г. по 1 января 1875 г., но и далее, так как следующие выборы были не менее сложными.

Выборы на городские должности на 1875 год – последний год действия в Благовещенске дореформенного законодательства о самоуправлении – одни из самых обеспеченных источниками и показательные для демонстрации выборных практик, отношения горожан к исполнению общественных обязанностей, их обременительности и часто невозможности совмещать с основными занятиями горожанина, приносившими ему доход и позволявшими обеспечивать его повседневные потребности, а также практик обращения по спорным вопросам к военному губернатору области, как к арбитражной инстанции.

Избрание должностных лиц на 1875 год состоялось 19 октября на собрании выборных от сословий. На должность городского старосты и председателя словесного суда был избран временно благовещенский 2 гильдии купец Иван Флегонтович Голдобин, отсутствовавший в городе³⁴. Документы свидетельствуют, что обычной практикой была выборы без личного присутствия кандидатов на должности, фактически у них не спрашивали согласия или желания исполнять общественные обязанности, выбирали из одной кандидатуры, неудивительно, что в дальнейшем возникал ряд недоразумений и отказов от должностей.

В виду отсутствия нового старосты выборы остальных лиц самоуправления прошли под председательством прежнего старосты – Мелкумова. На должность кандидата к старосте и председателю словесного суда снова выбрали ранее уклонявшегося от общественных обязанностей купца 1 гильдии П.В. Ланина, заседателем общественного управления - временного благовещенского 2 гильдии купца В.В. Хлыновского, кандидатом к нему - благовещенского 2 гильдии купца П.Г. Хмелева³⁵.

В середине ноября И.Ф.Голдобин прислал телеграмму, в которой выразил благодарность обществу за избрание старостой и написал: «имея дело в Иркутской губернии, Якутской и Забайкальской областях, не нахожу возможным жить в Благовещенске и относить какую-либо обязанность»³⁶. Эту телеграмму городское управление и военный губернатор, по какой-то причине не приняли в расчет, ибо новых выборов не объявили, а решили, что к исполнению обязанностей старосты должен приступить кандидат по старосте – купец Ланин, который в это время также «находился в отлучке».

Относительно отказа от должности Голдобина в дальнейшем возникла переписка между администрациями Амурской области и Иркутской губернии. Для разъяснения ситуации с отказом от исполнения общественных обязанностей Иркутский 1 гильдии купец И.Ф.Голдобин 29 апреля 1875 г. подал докладную записку «управляющему Иркутской губернией», где указал, что, производя питейную торговлю в Иркутской, Якутской, Забайкальской и Амурской областях на основании устава о питейном сборе, он «вынужден записываться во временные купцы более чем в десяти городах», где имеет недвижимую собственность. При этом, он лично «как в Якутской, так и в Амурской областях, никогда не бывал, да и быть впредь не имею возможности, так как главное производство: принадлежащие мне винокуренные и солеваренные заводы и золотые прииски находятся в Иркутской губернии и Забайкальской области, следовательно, оставить таковые ради общественных служб равнялось бы разорению, да и относить такие службы одновременно в разных городах физически не возможно»³⁷.

Ланин же в ответ на требование прибыть в Благовещенск в октябре прислал телеграмму из станицы Екатерино-Никольской, что болен и в условиях распутицы не в состоянии проделать путь до города верхом на лошади³⁸. Однако Ланину, видимо, вновь настоятельно рекомендовали приступить к исполнению общественных обязанностей. Осложняющим обстоятельством было его уклонение от службы и в 1873, и в 1874 гг.

2 ноября 1874 г. военным губернатором области была получена докладная записка Ланина, посланная из станицы Екатерино-Никольской 30 октября 1874 г., с изложением обстоятельств дела об отказе им от исполнения общественной должности в 1873 и 1874 г. и самовольной отлучке³⁹. Военный губернатор передал записку общественному управлению для определения вины Ланина.

Докладная купца представляет собой удивительный образец изложения жизненных невзгод амурского предпринимателя «эпохи начального освоения региона», которые, по его мнению, должны были служить законным основанием для освобождения от общественной службы, и отражает наилучшим образом практику обращения в вышестоящие инстанции «за правдой и защитой». Сначала П.В.Ланин подробно изложил бедствия, обрушившиеся на него: «... с 1 декабря 1872 года и по 1 апреля 1873 года я был тяжело болен и лежал в Благовещенском лазарете, приехавши в Читу,

где находилось мое семейство, еще совершенно не поправившись сам, нашел жену свою больною, которая после трех месяцев страдания умерла, без сомнения подобная потеря, не могла не отразиться на мне еще больном, поручив четырех своих малюток попечению чужих людей, я больной отправился на Амур, для получения долгов, чтобы тем спасти себя от несостоятельности, потому что дела мои расстроились...»⁴⁰. По приезду в Благовещенск в декабре 1873 г. он получил сообщение, что избран в кандидаты. Однако писал он: «... ссылаясь на свое, вследствие неблагоприятных обстоятельств, физическое и моральное страдание, а также и на существующий закон, коим предоставлено буквально право не принимать по выборам низших обязанностей за исключением городского головы и словесного, в которые и назначаются купцы 1 гильдии, просил общество, на время меня освободить»⁴¹.

Общество не вняло просьбам, однако Ланин к службе не приступил и уехал из Благовещенска без разрешения губернатора и согласия общества. Однако, по его словам, он в Чите в мае 1874 г. при свидетелях договорился с городским старостой Горовковым⁴², что тот отслужит за Ланина четыре месяца, именно с 1 июня по 1 октября за 400 рублей, деньги эти для выдачи ежемесячно он передал «иностранцу Финкентай». Он не мог приехать в Благовещенск для исполнения общественных обязанностей, так как «требовалось мое личное присутствие, во-первых нужно было устроить детей, с которыми я не виделся семь месяцев а во-вторых, пожар гостиного ряда в Чите, где хранились мои товары, похитил все мое состояние, а потом поспешная продажа соболей для оправдания в срок состоящего на мне кредита в убыток, приблизила меня к несостоятельности, все эти лишения, так быстро следующие, одно за другим, уложили меня в Чите в постель...»⁴³. В это время он получил уведомление из Благовещенска, что Головков служить за него отказался и вынужден был подать прошение военному губернатору с приложением двух медицинских свидетельств о «расстроеном здоровье», препятствовавшем исполнению общественных обязанностей. Ланин настаивал, что он имел право на освобождение от службы по причине болезни и «как имеющего право, на основании закона, отказаться от низших назначений обществом»⁴⁴. Однако реакции общественного управления и военного губернатора не последовало, а по прибытии в Благовещенск в августе 1874 г. он был подвергнут медицинскому освидетельствованию врачом Шперком. Ланин писал, что доктор нашел его «действительно больным». Однако в приведенном выше свидетельстве Шперка написано, что Ланин перенес бронхит, воспаление почек, но «он представляет свои болезненные припадки в более сильной степени», чем на самом деле, и в настоящее время может исполнять обязанности городского старосты⁴⁵.

Несмотря на это, Ланин вновь отправился по своим делам. Из текста его письма следует, что он либо действительно не признавал себя виновным

ни в уклонении от общественных обязанностей, ни в самовольной отлучке, либо пытался сделать «хорошую мину при плохой игре»: «... я не сознаю за собой не послушания, не самовольной отлучки, во-первых, потому что на отбытие службы, руководствуясь 393 ст. Уст. о службе по выборам, я не изъявлял согласия, о чем подано мной прошение, и резолюции мне не объявлено по настоящее время, поэтому как неприведенный к присяге, я не считаю себя лицом состоящим на службе, а во-вторых мне не было предварительно объявлено о немедленном вступлении в обязанность Городского старосты, поэтому я мог считать свое присутствие уже ненужным да и я рассчитывал чрез 15 дней вернуться, если бы не застала меня опять болезнь»⁴⁶.

Докладная Ланина демонстрирует знание законов и правил обращения по инстанциям, и несмотря на имеющиеся в тексте пунктуационные ошибки написана довольно грамотно.

Собрание выборных от сословий, состоявшееся 2 декабря 1874 г., составило приговор о невозможности дать заключение, виновен Ланин или нет в самовольной отлучке, однако в виду изложенных им личных обстоятельств «полагали бы быть к нему снисходительными»⁴⁷.

Из-за всех этих отказов и отсутствия избранных лиц обязанности старосты и кандидата исполнять было некому, и в результате состоялись еще одни выборы – в ноябре 1874 г. Они не обошлись без осложнений: предложенный на должность кандидата к городскому старосте областной архитектор, надворный советник С.В. Крыгин набрал больше голосов «против», чем «за», что составляло редкое исключение на местных безальтернативных выборах.

В результате выборы не состоялись, и должность старосты продолжал исполнять И.М. Мелкумов. Однако 2 декабря 1874 г. он обратился к военному губернатору Амурской области с просьбой все же принять вместо него на службу надворного советника Крыгина или назначить кого-либо другого, так как торговые дела требовали его выезда в Иркутск для закупки товаров и погашения кредита⁴⁸. Военный губернатор решил допустить С.В. Крыгина к исполнению обязанностей старосты, ибо он удовлетворял необходимым требованиям, а выборные не указали причин неизбрания⁴⁹. Подобное решение также было единственным за все время выборов в городе на основе дореформенного законодательства, в предыдущие годы губернатор всегда утверждал кандидатуры, избранные большинством голосов.

Судя по дальнейшей переписке, этим дело не закончилось, так как 30 декабря 1874 г. состоялось еще одно собрание выборных, где было решено допустить надворного советника Крыгина «к отнесению должности кандидата к городскому старосте... вместо избранного на эту должность благовещенского 1 гильдии купца Павла Ланина», а 4 января 1875 г. военный губернатор его в этой должности утвердил⁵⁰.

С.В. Крыгин исполнял обязанности городского старосты до 1 мая 1875 г., когда попросил военного губернатора освободить его от службы, так как «служебные... обязанности⁵¹ не позволяют ... далее продолжать службу...» и «распорядиться о принятии должности избранным на сей год старостой... Иваном Флегонтовичем Голдобиным, который ныне находится в отлучке»⁵².

И.Ф. Голдобин к исполнению общественных обязанностей так и не приступил, и С.В. Крыгин с его согласия приговором выборных от сословий от 5 июня 1875 г. вновь был допущен «к исполнению обязанности городского старосты»⁵³. 24 июня 1875 г. военным губернатором он вновь был утвержден в должности, на которой и оставался до введения в городе Городового положения 1870 г. и проведения выборов уже на новых основаниях⁵⁴.

Почти одновременно с Голдобиным и Ланиным купец Хлыновский отказался исполнять должность заседателя общественного управления, так как был избран на общественную службу в Чите. В результате на должность заседателя избрали благовещенского 2 гильдии купца Николая Бродовикова, который также в должность не вступил, так как служил на приисках Верхне-Амурской золотопромышленной компании и не мог прибыть в Благовещенск⁵⁵. Однако он не сообщил об этом ни военному губернатору области, ни общественному управлению и не представил кандидатуры, которая согласилась бы исполнять эти обязанности вместо него за плату.

Пока велась переписка, должность заседателя исполнял Бородин, избранный кандидатом к заседателю на прошлый год, но 1 февраля 1875 г. он обратился к общественному управлению и военному губернатору с просьбой освободить его от должности: «По торговым своим делам мне необходимо ныне же отправиться в Забайкалье, поэтому покорнейше прошу общественное управление уволить меня от службы, так как срок моей службы миновал уже 1-го января с.г. Причем имею честь присовокупить, если я в настоящее время не буду уволен от службы, то торговые мои дела неминуемо должны привести меня к бедственному положению»⁵⁶.

Поэтому собрание выборных от сословий 3 февраля назначило для отнесения службы заседателя за Бродовикова мещанина Петра Скорнякова, которому выплачивали вознаграждение за счет Бродовикова по 100 р. в месяц из городских сумм до 1 мая. Исполнявший на тот момент обязанности городского старосты С. Крыгин обратился к военному губернатору области помочь взыскать с Бродовикова 400 р. для пополнения городских сумм⁵⁷. Однако, как сообщалось в письме из правления Верхне-Амурской золотопромышленной компании, Бродовиков, «считая выборы на общественную службу и взыскание денег за отнесение ее другим лицом неправильными, подал по этому предмету докладную записку господину военному губернатору Амурской области и до распоряжения по ней Его Превосходительства» отказался вернуть деньги общественному управлению⁵⁸.

Докладная записка благовещенского 2 гильдии купца М.С. Бродовикова от 1 марта 1875 г. военному губернатору Амурской области наглядно демонстрирует, что, выбирая купеческое свидетельство в Благовещенске, он работал по найму в течение года на приисках и фактически не мог нести общественной службы в городе: «Я не имею возможности жить в городе Благовещенске, где ныне у меня не только ни какой промышленности, домообзаводства, но даже знакомых, потому что мои средства к жизни заключаются в моей частной службе. В настоящее время я служу на приисках Верхне-Амурской золотопромышленной К°, оставив эту службу для отнесения общественной службы, я теряю место на частной службе, а с ним вместе средства к жизни». Далее он сообщил, что нанял вместо себя почетного гражданина Николая Львовича Караулова, проживающего в г. Благовещенске, сроком с 1 апреля на восемь месяцев, а на оставшееся время просил уволить его, «заместив эту обязанность другим...»⁵⁹.

После получения этой докладной приговором выборных от 2 апреля к отнесению должности заседателя общественного управления и словесного судьи был допущен потомственный почетный гражданин Н.Л. Караулов вместо избранного и утвержденного на эту должность М. Бродовикова. 25 апреля 1875 г. Караулов был утвержден военным губернатором⁶⁰.

Относительно взыскания денег с Бродовикова военный губернатор решил, что поскольку с 1 мая вместо него стал служить Караулов, то он должен получить свою часть денег, а с 1 января по 1 мая до «заступления Караулова в обязанности» вместо Бродовикова их исполнял Скорняков, то он и должен воспользоваться вознаграждением от Бродовикова за прослуженное время, потому следует взыскать с последнего 400 руб. для Скорнякова и препроводить в Благовещенское общественное управление⁶¹.

В августе 1875 г. от должности кандидата к заседателю отказался и последний избранный в октябре – благовещенский 2 гильдии купец П.Г. Хмелев. Приговором от 20 августа 1875 г. вместо него был допущен к службе на должности кандидата по заседателю благовещенский мещанин П.К. Скорняков, утвержденный в ней постановлением губернатора от 18 сентября 1875 г.⁶²

Таким образом, за шесть лет выборов на должности старосты, заседателя и кандидатов к ним на основании дореформенных законов 20 чел. избирались на должности по одному разу, пять человек – по два раза, один – три раза (П.В. Ланин, но так ни разу в должность и не вступил). Но совершенно уникальной представляется личность благовещенского мещанина Петра Кирилловича Скорнякова, который на протяжении 1868-1875 гг. три раза избирался и несколько раз замещал разных лиц на разных должностях – от старосты до кандидата к заседателю.

Благовещенский мещанин П.К. Скорняков происходил «из дворовых людей помещика Гильтебранта Рязанской губернии Касимовского уезда

дер. Мальцевой», имел в Благовещенске участок земли с деревянным домом и другими надворными постройками, в учебных заведениях не обучался, а получил домашнее образование и воспитание. Скорняков родился приблизительно в июле 1837 г., в 1868 г. ему было около 31 года, в 1875 г. – около 38 лет. По данным за 1888 г., он имел семью – жену и сына, все были православными⁶³.

Скорняков избирался кандидатом к заседателю городского общественного управления на 1870 г. и временно исполнял должность заседателя с 1 мая по 1 октября 1870 г., несколько месяцев в 1872 г., с 1 мая по 1 июня 1873 г., с 1 февраля 1875 г. по 1 января 1876 г. Его избирали заседателем на 1871 г., и он временно замещал городского старосту в мае 1871 г. Он был избран и исполнял обязанности товарища директора городского общественного банка с 1 января по 31 декабря 1875 г., причем в начале 1876 г. ему была выражена благодарность за аккуратное ведение отчетности банка. Таким образом, из семи лет выборов на основании дореформенных законов он четыре года был задействован на городских должностях либо в течение целого года, либо по несколько месяцев в году⁶⁴.

Пока органы городского общественного управления в дальневосточных городах действовали на основании дореформенного законодательства число выборных должностей было невелико, однако и численность горожан, записанных в городскую обывательскую книгу и имевших избирательные права, была ограниченной, особенно если учесть, что многие мещане были либо неграмотными, либо малограмотными.

Городское общество Благовещенска по данным на 1869 г. состояло из 349 глав семейств, в городскую обывательскую книгу было записано 9 семейств купцов 1 гильдии, 31 - купцов 2 гильдии, 223 – мещан, 78 – крестьян и 8 семейств чиновников, при этом часть из них еще «не обзавелась оседлостью», т.е. не имели недвижимости в городе. В числе выборных от общества состояли: 1 представитель духовенства, 2 чел. - от чиновников, 5 – от купчества и 7 - от мещан и крестьян⁶⁵.

На протоколах заседаний по выборам на городские должности фигурируют подписи выборных от сословий – чиновников, мещан и купцов, а также наблюдавших за ходом выборов, но не принимавших участия в голосовании – полицмейстера и окружного стряпчего. В разные годы число голосовавших составляло от 10 до 15 чел. – небольшой процент от общей численности населения города, даже учитывая, что они представляли интересы городских сословий, будучи выборными лицами. Фактически за 1868-1875 гг. в списках выборных фигурируют одни и те же лица, многие из них исполняли общественные должности. Из имеющихся источников невозможно понять, связано ли это с низкой общественной активностью городских обывателей или, напротив, «узурпацией» доступа к принятию решений и исполнению должностей узким кругом лиц. Однако последнее

весьма маловероятно для этого периода времени, учитывая обременительность этих обязанностей и частые отказы от них.

Круг лиц, избравшихся на городские должности, был ограниченным (табл. 1).

Таблица 1.

Персональный состав выборных должностей с 1869 по 1875 г.

Год	Городские старосты	Кандидаты к старостам	Заседатели	Кандидаты к заседателям
1869	Щегорин	Мокеевский	Лабунцов	Фирстов
1870	Щегорин	Дмитриев	Федотьев	Скорняков
1871	Платунов Скорняков Мокеевский	Людорф Мокеевский	Скорняков	Карабейников
1872	Лаврушин Городков	Городков	Берг Скорняков	Карабейников
1873	Пахолков	Сумкин	Ланин Головков Бабинцев Бусыгин	Галецкий Стефан
1874	Головков Мелкумов	Ланин	Галецкий Турчанинов Бородин	Бородин
1875	Голдобин Крыгин	Ланин Крыгин	Хлыновский Бродовиков Скорняков Караулов	Хмелев

Таблица составлена на основании источников: РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 7. Л. 1-163, Д. 11. Л. 1-63.

Анализ сословного состава лиц на выборных должностях и количество замещений на должностях в виду отказов, увольнений или отпусков, позволяет выявить, что наибольшее число таковых пришлось на 1873 и 1875 гг. (табл. 2). На выборных должностях чаще других были задействованы купцы 2 гильдии (16 чел.), затем следовали купцы 1 гильдии (7 чел.) и мещане (7 чел.), чиновники (6 чел.) и меньше всего – потомственные и личные почетные граждане и иностранные подданные (по 2 чел.) (табл. 2). Это было следствием не столько большей общественной активности купцов 2 гильдии, сколько более широким представительством их в городском обществе и более высоким уровнем грамотности, чем мещан. Важной особенностью Благовещенска было присутствие среди купцов и мещан молокан, не имевших права избираться на городские должности. Численность же почетных граждан и иностранных подданных в Благовещенске была невелика, неудивительна поэтому и их слабая представленность на выборных должностях.

Таблица 2.

Распределение избравшихся на должности старосты, заседателя и кандидатов к ним по годам и сословной принадлежности.

Год на	Численность лиц избранных на должности по сословиям						Итого
	Чин.	П.п.гр.	Куп. 1 г.	Куп. 2 г.	Мещ.	Ин.п.	
1869			1	2	1		4
1870	2			1	1		4
1871			1	1	2	1	5
1872	1			2	2		5
1873	1	1	2	3		1	8
1874	1		2	3			6
1875	1	1	1	4	1		8
итого	6	2	7	16	7	2	40

Таблица составлена на основании источников: РГИА ДВ. Ф.704. Оп.5. Д.7. 163 л., Д.11. 63 л.

Большинство сохранившихся источников о ходе выборов – прошения, докладные, заявления с отказами от должностей свидетельствуют, что желавших исполнять обязанности по городскому самоуправлению было немного, избранные лица находили эти обязанности обременительными для себя и старались от них уклониться под любым законным предлогом. Лишь немногие соглашались исполнять общественные обязанности в течение длительного времени. Руководствовались ли они чувством гражданского долга, либо выгодой, особенно когда заменяли избранное лицо за плату, судить по имеющимся источникам сложно.

Обременительность должностей по выбору и невозможность совмещать их с трудовой деятельностью для горожанина того времени объяснялась бедностью горожан, необходимостью иметь постоянный заработок и спецификой коммерческой деятельности в регионе. Ведение торговли на дальневосточной окраине на начальном этапе освоения требовало частых переездов с места на место, отлучек для закупки товаров, получения или возврата кредитов, сбора долгов и пр. Товары в Приамурье поступали либо из Забайкалья, либо через Николаевск-на-Амуре морем из-за границы, купцам для совершения торговых сделок или возврата кредитов необходимо было выезжать в Забайкалье, Иркутск или вовсе в европейскую часть России на длительное время. Торговля часто носила разъездной характер: купцы ездили по области, скупая пушнину в «инородческих» селениях и кочевьях, поставляя товары в крестьянские селения и казачьи станицы, приисковые районы. Кроме того, среди лиц, выбравших, по существующим правилам, купеческие и промысловые свидетельства в Благовещенске, были служащие в частных компаниях, в первую очередь, золотопромышленных, которые не имели свободных капиталов и свободного времени для исполнения общественных обязанностей, жили постоянно не в городе, а в приисковых районах.

В рассматриваемый период городские обыватели неохотно исполняли общественные должности, выборы носили номинальный характер (из одной кандидатуры, редкое исключение составляли выборы старосты в конце 1868 г. из трех кандидатур), случались частные отказы от исполнения обязанностей по городской службе, тем не менее в это время горожанами нарабатывался опыт участия в выборах, управления городским хозяйством. Можно сказать, что среди горожан появились мещане, едва ли не профессионально занятые службой в городском общественном управлении. На этом этапе шло формирование местного общества из наиболее активных избирателей и выборных лиц, происходил отбор инициативных горожан, формировалось единое коммуникативное пространство, включавшее в себя представителей разных сословий – мещан, купцов, почетных граждан, дворян и чиновников.

Сноски и примечания

¹ Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л., 1984; Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб.: Наука, 1994.

² Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003; История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006; Литягина А.В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков (по материалам Томской губ.). Автореф. дис. ... к.и.н. Барнаул, 1999; Еремина Л.А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков: структура, функции, основные направления деятельности. Автореф. дис. ... к.и.н. Новосибирск, 2001; Гаврилова Н.И. Участие горожан Иркутской губернии в органах местного самоуправления во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII – начала XX века. Иркутск, 1998. Вып.4. С. 83-110 и др.

³ Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины - начала XX в.: социальный аспект. Екатеринбург, 2011.

⁴ Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2002; ; Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тихомирова Г.В. Социальная помощь нуждающимся в деятельности органов городского самоуправления на Дальнем Востоке во второй половине XIX – первой четверти XX в. Владивосток, 2011.; Скрабневская Е.С. Городское самоуправление на Дальнем Востоке России: конец XIX – начало XX в. Дис. к.и.н. Хабаровск, 2004, Ярославцева Т.А. Жилищно-коммунальное хозяйство на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начала XX вв. Историко-правовой аспект. Хабаровск, 2004 и др.

⁵ Например, в двухтомном издании по истории Благовещенска указано, что первым городским старостой стал Георгий Городков, помощник управляющего канцелярией военного губернатора Амурской области (История Благовещенска. 1856-1917. В 2-х томах. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2009. Т. 1. С. 47). Однако это не соответствует действительности.

⁶ Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007.

⁷ Под общественной активностью горожан в данном контексте понимается готовность горожан участвовать в выборном процессе не только в качестве избирателей, но и избираемых на городские должности, исполнять городские должности, выявлять нарушения в ходе выборов и обжаловать их.

⁸ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856-1861 гг. Владивосток: РГИА ДВ, 2002. С. 48, 54-63. Местом пребывания военного губернатора области он стал согласно Высочайше утвержденному Положению об управлении Амурской области, Именному указу, данному Сенату 8 декабря 1858 г., опубликованному 31 того же декабря.

⁹ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856-1861 гг. Владивосток: РГИА ДВ, 2002. С. 60. Эту должность мог исполнять как гражданский чиновник, так и военный.

¹⁰ Свод уставов о службе гражданской. Кн.2-я. Устав о службе по выборам. СПб., 1857. С. 94.

¹¹ Там же. С. 61-63, 95.

¹² Высочайше утвержденное 16 июня 1870 года Городовое Положение с объяснениями. СПб., 1870. С. 36; Законы о состояниях. Ст. 1661-1662. Т. 9. Свода Законов. Изд. 1857 г. Свод уставов о службе гражданской. Кн.2-я. Устав о службе по выборам. СПб., 1857. С. 70-72.

¹³ Свод уставов о службе гражданской... С. 79.

¹⁴ Там же. С. 78.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 80.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 7. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹ Там же. Ф. 755. Оп. 2. Д. 83. Л. 40; Д. 1064. Л. 211.

²⁰ Сохранена орфография документа, возможно, Коробейников.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 7. Л. 12-19.

²² Там же. Л. 21-23, 28, 35-39. Почему его не сменил кандидат Карабейников из имеющихся в деле документов непонятно.

²³ Там же. Л. 43-44.

²⁴ Вероятно, причиной послужило отсутствие Ланина и невозможность исполнять должность заседателя.

²⁵ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 7. Л. 50-50об.

²⁶ Там же. Л. 48.

²⁷ Там же. Л. 52-56.

²⁸ Там же. Л. 63-63об.

²⁹ Там же. Л. 66-68.

³⁰ Там же. Л. 81-82.

³¹ Там же. Л. 69, 71.

³² Там же. Л. 72.

³³ Там же. Ф. 755. Оп. 2. Д. 13. Л. 16об.-17; Д. 56. 19 л.

³⁴ Там же. Ф. 704. Оп. 5. Д. 11. Л. 1-1об. Как увидим из далее приведенных документов, он не только не имел постоянного жительства в Благовещенске, но и вовсе ни разу не был в городе, а только выбирал свидетельство.

³⁵ Там же. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 6.

³⁷ Там же. Л. 45-45об.

³⁸ Там же. Л. 4-5.

-
- ³⁹ Там же. Л. 23-24об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 23. В тексте сохранена орфография и пунктуация источника.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² В письме видимо ошибка – Головковым.
- ⁴³ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 11. Л. 23об.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Д. 7. Л. 99-100об.
- ⁴⁶ Там же. Д. 11. Л. 24.
- ⁴⁷ Там же. Л. 22.
- ⁴⁸ Там же. Д. 7. Л. 102-102об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 102об.-103.
- ⁵⁰ Там же. Д. 11. Л. 25, 26об., 27.
- ⁵¹ Надворный советник С.В. Крыгин продолжал служить областным архитектором и часто выезжал в служебные командировки.
- ⁵² РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 11. Л. 32-32об.
- ⁵³ Там же. Л. 43-43об. В тексте документа вероятно ошибка, Голдобин вместо Ивана назван Николаем.
- ⁵⁴ Оставив на некоторое время должность в связи с болезнью в начале декабря 1875 г., в должность старосты вместо него вступил П.В. Ланин. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 11. Л. 42об., 50.
- ⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 11. Л. 7-7об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 30.
- ⁵⁷ Там же. Л. 15-15об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 12-12об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 36-36об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 33-33об.
- ⁶¹ Там же. Л. 55-56об.
- ⁶² Там же. Л. 47-48.
- ⁶³ Там же. Д. 35. Л. 11об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 11об.-12об.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 755. Оп. 2. Д. 7. Л. 1-1об.,8.

РОЛЬ ВЛАДИВОСТОКА В РАЗВИТИИ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Г.Н. РОМАНОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Дальний Восток России максимально ориентирован в экономическом смысле на рынки стран Северо-Восточной Азии. Если доля стран СВА во внешней торговле федеральных округов Европейской части России составляет от 5 до 10%, в Сибирском федеральном округе – 17,4%, то в Дальневосточном на страны СВА приходится 77% внешнеторгового оборота¹. В связи с подготовкой к Саммиту АТЭС в 2012 г. во Владивостоке была принята подпрограмма «Развитие Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР». В связи с этим целесообразно проанализировать то большое международное значение Владивостокского порта, которое он имел в начале XX в., отметить насколько были развиты транзитные операции во внешнеторговом обороте порта, подчеркнуть огромную роль Владивостока в развитии торговых связей приграничных территорий.

Установление торговых связей Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая началось после подписания российско-китайских договоров – Айгуньского 1858 г. и Пекинского 1860 г. Главными торговыми центрами во второй половине XIX в. были Николаевск-на-Амуре, Благовещенск и Хабаровск. Товары ввозились в край морем через Николаевск-на-Амуре или сухопутным путем через Благовещенск. Значение Владивостока как главного торгового порта Приморской области стало выявляться с 1870 г. с переносом туда морского порта России на Тихом океане из Николаевска².

В 1886 г. стоимость торговли стран Запада во Владивостоке составила около 1,7 млн руб. Торговые успехи иностранцев на Дальнем Востоке России можно объяснить режимом порто-франко, более низкой стоимостью доставки товаров и переводом ими вырученных денег по телеграфу через российское государственное казначейство с последующей отправкой за границу³.

Торговля была сосредоточена главным образом в руках крупных фирм «Чурин и К^о», «Кунст и Альберс», имевших свои предприятия по всей территории Приамурья и Северо-Восточного Китая⁴. С развитием Добровольного флота в 80-е гг. XIX в. появился новый способ доставки товаров в Приамурье – морем из Одессы до Владивостока. Российские товары ввозились в Приамурье не только русскими, но и китайскими торговыми фирмами, ввоз неуклонно возрастал. В 1891 г. китайскими фирмами, ведущими торговлю в Приамурском крае, было получено из

Одессы товаров в количестве 2,8 тыс., а в 1895 г. – уже более 107,5 тыс. пудов⁵.

Судами Доброфлота стали осуществляться перевозки (в основном морской капусты и керосина) из Владивостока и Николаевска-на-Амуре в порт Нючжуан (Инкоу), откуда импортировались шелк, бобовые и другая сельскохозяйственная продукция. Морской капусты из Владивостока ежегодно вывозилось около 420 тыс. пудов на сумму более 106 тыс. руб.⁶.

На российском Дальнем Востоке китайская торговля стала развиваться в 70-е гг. XIX в. Благодаря своей энергии, предприимчивости, корпоративности, китайцы за сравнительно короткое время заняли значительную часть сферы мелкой и средней розничной торговли. По сведениям Записки Владивостокского 1-й гильдии купца Адольфа Даттана «Значение китайской торговли во Владивостоке и Уссурийском крае» (от 12 ноября 1893 г. Дело №82/77 Областного Правления Приморской области), в 1893 г. во Владивостоке существовало 127 мелких китайских лавок при 23 русских. По данным Управляющего Амурской Казенной палаты, в 1909 г. в том же городе их было 447 при 99 русских и в 1910 г. 625 при 181 русских. Главными видами китайской торговли являлась смешанная торговля разными товарами, торговля съестными припасами, овощами, фруктами и мануфактурными изделиями. Китайская торговля процветала в особенности в Приморской области, меньше – в Амурской. Если китайские торговцы занимали лидирующие позиции по числу торгующих фирм, то по сумме торгового оборота превалировали русские фирмы⁷. Во Владивостоке имели свои отделения торговые фирмы принявшего русское подданство и успешно торговавшего по р. Сунгари купца Тифонтая, китайских купцов, торговавших с Приамурским краем, Тун Шэнчэна, Хэнь Шэнлу, Да Фулу, Та Фахао и других⁸.

Китайские торговые фирмы на Дальнем Востоке России широко кредитовались Русско-Китайским банком. Наибольшее число китайских фирм было во Владивостоке. Крупные фирмы имели уставной капитал от 200 до порядка 500 тыс. руб., средние – от 60 до 100 тыс. руб. и мелкие от 8 до 50 тыс. руб. Китайские фирмы вели оптово-розничную торговлю мануфактурными, бакалейными, скобяными и другими товарами. В 1911 г. 42 китайские фирмы во Владивостоке получили кредиты в Русско-Азиатском банке⁹. В 1899 г. торговый оборот китайских фирм во Владивостоке превышал 19 млн руб.¹⁰. Китайцы были также рабочими и служащими русских фирм, в частности торгового дома «Чурин и К°» в г. Владивостоке с месячными окладами от 12 до 65 руб.¹¹.

Кроме русских товаров в Маньчжурию с территории Приморской области шли транзитом товары иностранного производства и даже центральных и южных провинций Китая. В 1897-1900 гг. транзит китайских товаров составлял порядка 75% общей стоимости экспорта. Из-за отсутствия железнодорожного сообщения китайские товары (одежда, обувь, свечи, посуда, холст и т.д.) доставлялись в Маньчжурию морским путем через порт Нючжуан, либо через Владивосток и приморские заставы¹².

Порто-франко было введено на Дальнем Востоке России в 1862 г.¹³. В начале 1890-х гг. под давлением русской буржуазии на правительство укрепились в противовес порто-франко протекционистский курс во внешнеэкономических связях. В 1899 г. был введен временный таможенный надзор во Владивостоке. 1 января 1901 г. произошла отмена порто-франко, 23 мая 1901 г. были учреждены первые российские морские таможи на тихоокеанском побережье – таможи 1 класса 2 разряда во Владивостоке и Николаевске-на-Амуре. С 1 февраля 1903 г. распоряжением министра финансов был отменен беспошлинный пропуск через Владивосток ввозимых морем китайских товаров. Это осуществлялось для покровительства г. Дальний, для повышения доходности южной ветки КВЖД¹⁴.

Условия товарообмена для России с Китаем улучшились с открытием движения по КВЖД в 1903 г. В начале XX в. 65% ежегодного импорта чая в Россию стали перевозить в европейскую часть страны преимущественно по КВЖД (через порт Дальний – станцию Маньчжурия или из Шанхая морем во Владивосток, затем на станцию Пограничная и далее на КВЖД). В 1913 г. чай преобладал и в импорте китайских товаров во Владивосток (64,1 млн т), оттуда он направлялся в Сибирь и Западную Европу¹⁵. С постройкой Транссибирской магистрали и вводом в эксплуатацию КВЖД прежний торговый путь, связанный с Кяхтой, в значительной степени утратил свое значение.

Россия превратилась в основного китайского партнера в чаеоторговле: ее удельный вес в чайном экспорте Китая увеличился с 35,1% (35,4 тыс. т) в 1890 г. до 62,4% (70,3 тыс. т) в 1910 г.¹⁶ Благодаря разветвленной сети железных дорог Россия к 1914 г. даже стала в значительных количествах реэкспортировать через Владивосток китайский же чай в приграничную Маньчжурию и Синьцзян, поскольку такая его транспортировка из Центрального Китая обходилась намного дешевле, чем традиционными маршрутами.

Российские фирмы впервые в 1908 г. осуществили экспорт маньчжурских соевых бобов в Европу с участием Сибирского вывозного общества, а также Петербургского промышленного банка¹⁷. Однако через 5-6 лет в связи с нехваткой собственных капиталов у русских коммерсантов руководящая роль в экспортной торговле перешла к иностранцам, которые предоставили купцам России лишь роль посредников между своими фирмами и маньчжурским рынком¹⁸. Сначала бобы находили сбыт исключительно в Англии, затем появился спрос на них в Голландии и Дании. Главными иностранными фирмами, занимавшимися экспортом зернобобовых из Северной Маньчжурии, были датские, английские и японские¹⁹. Основная ставка на связь российского Дальнего Востока в его посредничестве между Северо-Восточным Китаем и мировым рынком (в морской торговле) делалась на Владивосток.

Важным шагом в установлении более тесных связей между Северной Маньчжурией и Владивостоком явилось решение правительства России о введении единого управления Китайско-Восточной и Уссурийской

железными дорогами (22 декабря 1906 г.). Уссурийская железная дорога передавалась во временную эксплуатацию «Обществу КВЖД» до 1 января 1931 г. с правом русского правительства «во всякое время потребовать обратной передачи дороги и до истечения указанного срока, поставив лишь об этом в известность Общество за один год до досрочной передачи»²⁰. При решении этого вопроса имелись в виду не столько интересы «Общества КВЖД», сколько задачи привлечения во Владивосток международного транзита и увеличения товарооборота с Маньчжурией²¹.

С 1908 по 1914 г. 80—90% грузов Северной Маньчжурии шло с КВЖД по Уссурийской железной дороге во Владивосток (непосредственно для России было привезено порядка 6%) и только 10 % приходилось на Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД) на порт Дальний²². Грузы, отправлявшиеся в восточном направлении, в основном шли транзитом в Западную Европу, Америку и Японию. Транспортировка их через Владивосток имела важное значение, так как увеличивала доходность КВЖД и Уссурийской железной дороги.

В 1908 г. во Владивостокском порту была создана Транзитная свободная гавань (Эгершельд), через которую шло значительное количество грузов для реэкспорта на мировой рынок. В этом же году в целях дальнейшего развития порта Владивосток, превращения его в крупнейший торговый и перевалочный центр в регионе правительство России приняло решение о передаче его из Министерства внутренних дел в Министерство торговли и промышленности, по указанию которого в 1910 г. был составлен «Проект расширения и оборудования торгового порта»²³.

Маньчжурский транзит до Первой мировой войны составлял 30—40 % от общего грузооборота Владивостокского порта, а в 1917 г. — 85%, при этом только экспорт бобовых составлял 90% экспортных перевозок порта²⁴. Если до 1914 г. Владивосток был преимущественно импортным портом, через который ввозились как заграничные товары, так и товары российского происхождения, приходившие из черноморских и балтийских портов России, то в период Первой мировой войны вследствие роста транзита сельскохозяйственных грузов Северной Маньчжурии он приобрел экспортное значение, став крупнейшим портом Дальнего Востока²⁵.

КВЖД изменила географическое направление российско-китайской торговли. Если в 1895 г. только 6,2% российского экспорта ввозилось в Китай через дальневосточную границу, то в 1914 г. — уже 56%²⁶. В 1914 г. 16% русского экспорта шло в Китай через Синьцзян, примерно 33% — через Забайкальскую и Амурскую границы по железной дороге или по рекам Амур и Усури, 51% — морским путем через Одессу и Владивосток. Экспортировались в основном хлопчатобумажный текстиль (42% к общему итогу в 1914 г.), металлоизделия и металл (соответственно 6,2 и 2%). Торговый оборот России с Маньчжурией в 1909 г. составлял 66% всего объема российской торговли с Китаем²⁷.

С началом строительства КВЖД установилось пароходное сообщение по р. Сунгари, возникла Сунгарийская речная флотилия, которая

обеспечивала строительные работы. Большая часть нужного для дороги оборудования поступала из-за границы через Владивосток, отсюда по Уссурийской железной дороге подвозилась к р. Уссури и далее следовала по Амуру и Сунгари до Харбина. С 1898 по 1902 г. Сунгарийская флотилия перевезла не менее 650 тыс. т различных строительных материалов и оборудования для КВЖД²⁸. Коммерческая деятельность ее началась после 1908 г.

В 1899 г. Обществом КВЖД было создано Морское пароходство, которое должно было связать конечные пункты железных дорог – Дальний и Владивосток – с портами Китая, Японии, Кореи и осуществлять перевозку почты, пассажиров и грузов, следовавших из России и Западной Европы на Дальний Восток и обратно²⁹. Управление Морского пароходства КВЖД находилось в Порт-Артуре, агентство пароходства во Владивостоке было открыто 1 июля 1899 г.³⁰

По сведениям представителей фирм «Кунст и Альберс» и «Чурин и К°», открывших свои отделения в торговом центре Маньчжурии Харбине, в период строительства КВЖД 90 % русских товаров доставлялось через Владивосток. Часть из них предназначалась непосредственно для русского населения, проживавшего там во время сооружения дороги (хлопчатобумажные ткани, табак, металлы и металлические изделия)³¹.

Подводя итог, можно констатировать, что во второй половине XIX - начале XX в. Владивосток играл значительную роль в обеспечении торговых связей Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая. Большое развитие получил транзит через Владивостокский порт сельскохозяйственных грузов Северо-Восточного Китая на мировой рынок, что способствовало превращению преимущественно импортного порта Владивостока в крупнейший экспортный порт Дальнего Востока. Это стимулировало подъем экономики приграничных территорий, так как в индустриальную эпоху значительно более высокий динамизм регионам придавал мировой, а не внутренний рынок. Владивосток также являлся транзитным портом по доставке китайских товаров из южных провинций страны в Северо-Восточный Китай. В городе существовала мелкая и средняя розничная китайская торговля.

Сноски и примечания

¹ Минакир П.А. Россия в Северо-Восточной Азии: вызовы и возможности // Дальневосточный международный экономический конгресс. В 8 т.: мат. конф. (27-28 сент. 2005 г., г. Хабаровск). Т.6. Развитие приграничного сотрудничества на Востоке России. Владивосток; Хабаровск, 2006. С. 80.

² РГИА. Ф. 23. Оп.1. Д. 91. Л. 142, 147; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. М., 1987. С. 69, 73.

³ Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.). Хабаровск, 2001. С. 129, 136-137.

⁴ Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856-1898 гг. Очерк. СПб., 1900. С. 215.

- ⁵ Даттан А.В. Исторический очерк развития приамурской торговли. М., 1897. С.78; Беляева Н.А. От порто-франко к таможене. Очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток, 2003. С. 50.
- ⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 167. Л. 16; Гейшнер И.Э. Торговля России на Дальнем Востоке. СПб., 1903. С. 8.
- ⁷ Граве В.В. Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб., 1912. С. 32-34; Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М.: Наука, 1989. С. 54; Ларин А. Желтый вопрос // Родина. М., 1999. № 1. С. 67.
- ⁸ ГААО. Ф. И15. Оп. 1. Д. 2. Л. 67; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 74; Она же. Юаньдун Э-чжун цзинци гуаньси (19 - шицзичжи 20 шицзичу) [Экономические отношения России и Китая...]. Харбин: Хэйлунцзян цзишу чубаньшэ, 1991. С. 69; Чжан Цзунхай. Юаньдун дишой шицзичжи цзяодэ чжун-э гуаньси (Китайско-русские отношения на Дальнем Востоке за вековой период). Харбин: Хэйлунцзян женьминь чубаньшэ, 2000. С. 187.
- ⁹ РГИА ДВ. Ф. 199. Оп. 1. Д.49. Л. 64-103; Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая в конце XVII – начале XX в. (обзор) // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М., 2000. С. 178.
- ¹⁰ Алепо А. Экономическая деятельность китайцев в дальневосточном регионе России в XIX-XX вв. // Проблемы Дальнего Востока. М., 2002. № 2. С. 140.
- ¹¹ ГАПК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2, 15; Романова Г.Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 3. С. 146.
- ¹² РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 999. Л. 33; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 86; Беляева Н.А. От порто-франко к таможене... С. 87.
- ¹³ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 32.
- ¹⁴ Беляева Н.А. От порто-франко к таможене... С. 64-65, 107-108.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 560. Оп.28. Д. 329. Л. 68; Очерк коммерческой деятельности КВЖД за 15 лет существования Общества. СПб.: Сост. Коммерческим отделом правления, 1912. С. 39; Russian Economic Rev. 1923. Vol. 2. № 5. P. 44.
- ¹⁶ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С.342-343; Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1907 год. СПб., 1909. С.38-39; Yakhontoff V. A. Russia and Soviet Union in the Far East. N.Y.: Coward-McCann, 1931. P.72.
- ¹⁷ Любимов Л.И. Очерки по экономике Маньчжурии. Харбин, 1934. С.95.
- ¹⁸ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 101.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 65. Л. 98-99; Очерки хлебной торговли Северной Маньчжурии. Харбин, 1930. С. 177-179.
- ²⁰ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений... С. 320.
- ²¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1107. Л. 2.
- ²² Аварин В. Империализм в Маньчжурии. Т.1. Этапы империалистической борьбы за Маньчжурию. М.-Л., 1934. С. 141; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 103.
- ²³ Бянкин В.В. В дальневосточных морях. Владивосток, 1981. С. 212, 218.
- ²⁴ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 104, 117.
- ²⁵ ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 91. Л. 142.
- ²⁶ Чжунсу цзинци маои ши (История китайско-советских торгово-экономических отношений). Харбин: Хэйлунцзян женьминь чубаньшэ, 1992. С. 340.
- ²⁷ Романова Г.Н. Порт-франко и протекционизм. Торговые связи Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая (вторая половина XIX – начало XX в.) // Россия и

АТР. Владивосток, 2006. № 3. С. 119; Болобан А.П. Будущее Маньчжурии // Вестник Азии. Харбин, 1911. № 9. С. 138; Хуан Динтянь. Чжун-э цзинмао юй вэньхуа цзяолу ши яньцзю (Исследование истории торгово-экономических и культурных связей между Китаем и Россией). Харбин: Хэйлунцзян женьминь чубаньшэ, 1999. С. 33.

²⁸ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 265. Л. 109-110; Маньчжурия. Экономико-географическое описание. Ч.1. Харбин, 1934. С. 180.

²⁹ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 19. Л. 1; Ф. 98. Оп. 1. Д. 265. Л. 61-62.

³⁰ Бянкин В.В. В дальневосточных морях... С. 80-81.

³¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 29. Д. 180. Л. 48-50.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Л.А. СЛАБНИНА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Обеспечение населения качественными жилищными условиями — одна из самых сложных экономических и социальных проблем. Это обусловлено тем, что наличие благоустроенного жилья определяет образ жизни, быт, качество жизни, благосостояние населения в целом и его различных социальных групп. В современных условиях рыночной экономики решение этой проблемы связано со стоимостью жилья и услуг, расслоением общества по жилищному признаку. С другой стороны — частично решается проблема жилья с новых, по сравнению с социализмом, позиций — сдача жилья в наем и возможность найма, кредиты для покупки жилья, обеспечение населения социальным жильём и т.д. Однако, несмотря на столь очевидные улучшения и положительные изменения в решении жилищных проблем, она является одной из наиболее наболевших в регионе. С ней же связана и проблема оказания услуг жилищно-коммунальным хозяйством, обеспечение не только доступным, но и качественным жильём, индивидуальным строительством, социально-справедливой доступности жилья для различных категорий граждан, социальная защищённость малоимущих слоёв населения, механизм контроля со стороны государства на рынке жилья. В России составили рейтинг «наболевших» проблем. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные о том, какие проблемы волнуют россиян больше всего¹. Ситуация в сфере жилищно-коммунального хозяйства и жилищно-коммунального управления остаётся главной проблемой страны с точки зрения населения (57% граждан отметили этот фактор). И только затем следует низкий уровень жизни населения — 51%, алкоголизм и наркомания — 50%, инфляция — 48% и т.д. По данным Росстата, в 2011 г. более полутора миллионов многоквартирных домов имеют износ от 30 до 65%; это больше половины всех многоквартирных домов, в которых проживают около 45 млн чел. Красноречивые данные, истоки которых следует искать в советском прошлом, жесточайшем жилищном кризисе на протяжении многих десятилетий. Было бы несправедливо отрицать тот факт, что в годы советской власти был сделан огромный прорыв в обеспечении населения благоустроенным жильём и сотни посёлков и обустроенных городов Дальнего Востока — тому подтверждение.

Анализ жилищного строительства в регионе, изменение условий жизни населения предполагает, что общая картина складывается в результате рассмотрения следующих аспектов, составляющих суть проблемы, — основные нормы жилья как в предвоенные, так и в послевоенные годы, характеристика жилья, коммунальных услуг, выявление причин жилищного

кризиса, территориальные особенности в решении жилищной проблемы, соотношение оплаты жилья уровню совокупных доходов семей и др. Данными компонентами не исчерпываются характеристики столь сложной проблемы как «городское жильё», её определяют такие производные понятия как принцип социальной справедливости в распределении жилья, дифференциация жилищных условий, распределение средств на строительство жилья между отраслями промышленности, между регионами страны и т.д. В дальневосточной исторической литературе получили освещение вопросы жилищного строительства в регионе в контексте анализа уровня жизни населения². В последние годы появились монографии и статьи С.А. Власова, в которых тема обеспечения населения жильём, развития строительной отрасли промышленности получила наиболее полное освещение³. Анализируя состояние жилищного фонда, нормы обеспеченности жильём населения городов и рабочих посёлков, его качество и благоустроенность, необходимо учитывать те жилищные условия, которые имело население в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны. Нормы обеспеченности жилой площадью по Дальнему Востоку в 1930 г. были следующими: во Владивостоке — 4 кв. м в среднем по городу на одного проживающего, в Хабаровске — 3,4 кв. м, в Никольск-Уссурийске — 3,2 кв. м. В 1936 г. и эти нормы обеспеченности уменьшились в связи с прибытием населения для освоения региона, например, по городам Хабаровск и Владивосток сократилось до 3 кв. м. Например, по архивным источникам известно, что на каждую коммунальную комнату в Хабаровске вселялось до 5—6 чел. на 18 кв. м при норме 2 чел.⁴ Для сравнения: в тот же период по 176 городам РСФСР на одного проживающего приходилось 6,1 кв. м жилой площади⁵. Приведённые данные свидетельствуют о наличии жёсткого жилищного кризиса в городах и рабочих посёлках в 30—40-е гг. XX в. Великая Отечественная война ещё более обострила все проблемы жилищного строительства, это было связано с недостатком финансов, строительных материалов, трудовых ресурсов. Резкое обветшание существующего жилья привело к ещё большей скученности населения и ещё более неблагоприятным и не качественным жилищным условиям. Ремонт и сохранность жилья, отсутствие нового (строительство жилья было заморожено), не увеличивали норму обеспеченности жилой площадью, так как поглощались естественным и механическим приростом населения в регионе. В годы Великой Отечественной войны из-за отсутствия средств на строительство жилья местные органы власти принимали решение возводить строения упрощённого типа — бараков, полужемляных построек и землянок, ставились и утеплённые палатки, как, например, на предприятиях рыбной промышленности Камчатской области и Хабаровского края.

По качеству жилой фонд региона к началу 1940-х гг. до 60% состоял из деревянных, средней величины домов, не более 40 кв. м жилой площади. По городам края большинство каменных, наиболее благоустроенных домов было изъято из жилфонда и занято госучреждениями и организациями. В небольших городах и посёлках появился новый тип жилья — строения с

насыпными стенами из досок (каркасно-засыпные дома), которыми застраивались преимущественно окраины. Продолжалось сооружение землянок, особенно при предприятиях рыбной и нефтяной промышленности, которые представляли собой сооружения из забитых в землю кольев, обложенных дёрном; толщина стен была от одного до полутора метров, не было деревянных полов, отапливались землянки печками-временками из железных бочек⁶. В послевоенные годы эти типы жилья сохранились и функционировали. Состояние жилищного фонда как по линии местных советов так и ведомств оставалось крайне неудовлетворительным. Так, в 1952 г. в Приморском крае до 30% жилья состояло из временных строений, неблагоустроенных барачков, щитовых домов⁷. Отсутствие достаточных финансов для ремонта жилья в годы войны привело к высокому проценту его изношенности. Так, в г. Комсомольске-на-Амуре большинство домов барачного типа, построенных до 1935 г. пришло в негодность, к началу 1946 г. в городе подлежало сносу 48 тыс. кв. м жилья⁸.

Анализируя проблему обеспеченности жилой площадью населения региона, необходимо отметить и специфические условия, присущие районам освоения Дальнего Востока и, в частности, наличие большого количества сезонных рабочих на предприятиях края и необходимость строительства общежитий в связи с половозрастной структурой населения. Приток сезонных рабочих осложнял и без того плохие жилищные условия постоянного населения. Например, в период путины, когда численность рыбаков в амурском бассейне удваивалась, недостаток жилья принимал особо острый характер, показатель обеспеченности снижался в 2—3 раза. Для временных рабочих в сезонный период возводили деревянные бараки, утеплённые палатки, временно приспособленные для проживания.

В послевоенные годы наблюдался массовый приток молодёжи в край. Требовалось быстрое размещение нового пополнения, для этих целей строились общежития, чаще всего с минимальными удобствами. В ноябре 1946 г. состоялось совещание руководителей медицинских, хозяйственных и профсоюзных органов угольной промышленности восточных районов. На совещании отмечалось, что общежития отрасли не укомплектованы постельными принадлежностями, столами, умывальниками, не имеют прачечных. Особенно неблагоприятная обстановка отмечалась в общежитиях Хабаровского края, где «скученность проживающих приводила к тому, что завшивленность проживающих составляла 80%»⁹, не ликвидирована двухъярусная система кроватей. В 1947 г. в большинстве общежитий Камчатки семейные жили по 2-3 семьи в одной комнате или вместе с одиночками, нормы жилья составляли не более 3-х кв. м¹⁰. В 1940-е — 1950-е гг. серьёзное внимание уделялось приведению общежитий в порядок, что было одним из условий закрепления молодёжи в крае.

Одной из главных причин, сдерживавших строительство и сохранность жилого фонда, было отставание в развитии стройиндустрии. В целом, промышленность Дальнего Востока к 1946 г. превзошла довоенный уровень по валовой продукции, но развивалась замедленными темпами; значительно

отставали от довоенного уровня те отрасли промышленности, от которых зависело решение жилищной проблемы, — лесная и строительных материалов. Таким образом, в послевоенные годы параллельно решались задачи поддержания сохранившегося жилого фонда, наращивание мощностей стройиндустрии как основы жилищного строительства, увеличение капиталовложений в строительство государственного и индивидуального жилья.

Начало новому этапу в развитии стройиндустрии было определено на Всесоюзном совещании строителей в 1957 г. и последовавшем за ним постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению себестоимости строительства»¹¹. На Дальнем Востоке началось строительство заводов и цехов железобетонных конструкций и крупных стеновых блоков, перевод строительства на индустриальные методы работы. И уже к началу 1960 гг. общий объём продукции стройиндустрии на Дальнем Востоке увеличился по сравнению с 1940-ми гг. в 8,5 раза¹². В июле 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР»¹³, в котором были разработаны и предложены конкретные меры по увеличению объёмов государственного и индивидуального строительства жилья. Это была первая государственная широкомасштабная социальная программа, направленная непосредственно на улучшение материального положения населения через увеличение обеспеченности благоустроенным жильём и в большей степени воплощённая в жизнь. В постановлении особо отмечалось «...необходим количественный рост вводимого в эксплуатацию жилья, т.е. массовое жилищное строительство. Следует отметить, что до середины 1950-х гг. в среднем на Дальнем Востоке более 30% общего количества жилья в городах и посёлках региона было построено индивидуальными застройщиками: в Приморском крае — 38%, в Хабаровском — 36%, в Сахалинской и Камчатской областях — 20% и 25%. Однако основной и ведущей формой увеличения жилья оставалось государственное строительство, темпы которого существенно возросли с принятием первой крупномасштабной программы жилищного строительства.

Одним из показателей, подтверждающих это, служит размер жилплощади, приходящейся на одного жителя. Так, в Сахалинской области в 1947 г. на одного проживающего приходилось 2,8 кв. м жилья, 1955 г. — 3,6 кв. м, к началу 1960-х гг. этот показатель увеличился до 6,1 кв. м¹⁴, в Хабаровске к 1960 г. показатель обеспеченности вырос с 3,9 до 5,3 кв. м¹⁵, в Приморском крае в среднем по городам Владивосток, Находка, Арсеньев с 3,7 кв. м увеличилось до 5,6 кв. м¹⁶. Оценивая результаты жилищного строительства в регионе с точки зрения приближения жилищных условий городского населения Дальнего Востока к социальным нормам, принятым по стране (санитарным нормам кв. м жилой площади на одного чел.), и сглаживания диспропорций между восточными и центральными районами страны следует отметить, что хроническое отставание районов Дальнего

Востока сохранялось: ни в одном из районов Дальнего Востока не была достигнута санитарная норма жилья (9 кв. м без кухни и других подсобных помещений), и они были отнесены к группе низкообеспеченных. Это отставание обострялось и низкой степенью благоустройства жилья: если всю жилую площадь региона в 1959 г. принять за 100%, то водопроводом было оборудовано только 20%, канализацией — 16%, 23% площади имели центральное отопление, 2% — газ, 11% — ванну или душ¹⁷. В целом жилой фонд региона по большинству видов коммунальных услуг имел низкие показатели. При этом следует учитывать, что потребности в коммунальных удобствах населения Дальнего Востока, региона с суровыми природно-климатическими условиями, были выше, чем в районах с благоприятным климатом.

Хроническим явлением тех лет стала высокая себестоимость и низкое качество строительства, неполное освоение даже выделяемых на строительство средств. Например, в 1950 г. из средств, отпущенных Сахалинской области, было освоено 86%, в 1951 г. — 81%, в 1952 г. — 64%¹⁸. И этот пример был не единичным, а характерным для других областей и краёв региона.

Для Дальнего Востока, как региона пионерного освоения, высоким был удельный вес быстровозводимых домов, каркасно-засыпных; строились такие дома и бараки из материалов мало соответствовавших суровым природно-климатическим условиям, что приводило к быстрому их износу. Выбытие домов по ветхости в регионе было в 2—3 раза выше, чем в западных районах страны. Требовались значительные средства для поддержания и сохранения такого жилья. Так, в Сахалинской области за три года (1951—1953) выбыло из-за непригодности для проживания свыше 170 тыс. кв. м жилья¹⁹. Несложно провести подсчёты потерь: если строительство жилья в 1950-е годы осуществлялось темпом 175—180 тыс. кв. м в год по области, а выбывало по различным причинам около 90—100 кв. м, то, следовательно, чистый прирост жилой площади составлял около 80—90 кв. м, вместо 300-500 кв. м, как это требовалось для выполнения планов жилищного строительства в той же Сахалинской области²⁰.

Как мы уже отмечали, обеспеченность жильём является одной из важнейших составляющих уровня жизни населения, поэтому анализ такой важнейшей статьи расходов в семейных бюджетах рабочих как оплата жилья так же имеет свои особенности в регионе. В среднем по стране в советский период затраты на квартиру, отопление, освещение в бюджетах семей рабочих составляли не более 4% общих семейных расходов²¹. Рабочие, проживавшие в государственных квартирах, уплачивали за жилплощадь (без стоимости коммунальных услуг) от 44 коп. до 1 руб. 32 коп. за кв. м жилой площади²². По данным бюджетных обследований семей рабочих региона, в Приморском крае в 1953—1954 гг. ежемесячные расходы на оплату жилья и коммунальных услуг составляли от 1,9 до 2,1% общих семейных расходов²³, к 1959 г. они увеличились до 3,9%²⁴, в Хабаровском крае с 1955 по 1959 гг. эти расходы увеличились с 2% до 3,4%²⁵, большая часть расходов

приходилось на покупку топлива и коммунальные услуги. Казалось бы, разница в оплате жилья дальневосточников по отношению к семьям в среднем по стране была незначительной. Но это относится к семьям рабочих, проживавших в благоустроенных домах, но таких в регионе было незначительное количество. В послевоенный период в регионе был низкий удельный вес благоустроенного жилья, следовательно, население городов и рабочих посёлков больше платило за топливо, электроэнергию для обогрева, ремонт и т.д.

В 1960 г. квартирная плата за месяц в Сахалинской области составляла в домах со всеми коммунальными услугами 1 руб. 50 коп. за кв. м, но из общего числа жилого фонда Сахалинской области, например, центральным отоплением было оборудовано только 6% домов²⁶, в домах, не имевших коммунальных услуг, жители приобретали уголь по цене 10 руб. 15 коп. за тонну²⁷. На Камчатке - районе Дальнего Востока с наиболее продолжительной зимой – стоимость топлива была очень высока: кубический метр дров стоил 90 руб., уголь — 300 руб. за тонну²⁸. Большой удельный вес неблагоустроенного жилья и домов индивидуальных застройщиков был основной причиной высоких расходов на жильё у населения региона, чем в среднем по РСФСР, особенно в тех областях, где положение с жильём было особенно сложным — Сахалинской и Камчатской.

Таким образом, трудноразрешимой в послевоенные годы оказалась проблема жилищного строительства и обеспечение населения качественным жильём. Десятилетиями не решаемый жилищный кризис до войны, разрушительные последствия Великой Отечественной войны, когда фактически было остановлено жилищное строительство и ремонт существующего жилого фонда в регионе, создали сложное положение с обеспечением населения городов и рабочих посёлков жильём. Преодолеть жилищный кризис не удалось и до конца 1950-х гг. В советский период в результате перераспределения инвестиций не по экономическим принципам, отвечавшим задачам эффективности, а по политическим мотивам, волевыми, административными способами гипертрофированное развитие получала та часть экономики, которая формировала производство средств производства, оборонный комплекс, при недоразвитии, хроническом отставании отраслей, формирующих социальную инфраструктуру и, в частности строительство жилья. Кроме общеэкономических, характерных для экономики всей страны, на Дальнем Востоке имелись свои, региональные факторы, сдерживавшие жилищное строительство. При ограниченности финансирования из центра, нехватке средств местных бюджетов сохранялась слабость и узость строительной базы, нехватка кадров строителей. Выделяемые региону средства в первую очередь осваивались на производственных предприятиях, в оборонном комплексе, финансирование же социальной сферы, строительства жилья осуществлялось по остаточному принципу. Кроме хронического недостатка средств, в течение десятилетий выделение средств на жильё не учитывало региональный, природно-географический фактор удорожания строительства. И хотя в развитии социально-бытовой сферы в

регионе главная роль принадлежала местным партийно-государственным органам власти, главные рычаги реализации и основного финансирования находились в руках центральных государственных плановых органов, министерств и ведомств. В исследуемый период Дальний Восток оставался сырьевым источником для промышленности центральных районов страны, что непосредственно отражалось на уровне жизни населения. В регионе продолжал действовать заложенный в 1930-е гг. принцип резервного развития экономики. Это проявлялось и в государственных методах привлечения рабочей силы, когда более высокой, чем в среднем по стране, заработной платой компенсировался ведомственный экономический интерес, недоразвитие социальной инфраструктуры, и в том числе строительство жилья.

В регионе высоким был процент индивидуального, чаще всего некачественного, неблагоустроенного жилья, бараков, каркасно-засыпных домов, общежитий. Вследствие этого у дальневосточников были повышенные по сравнению с районами центральной части страны расходы на оплату жилья, ремонт и его содержание. Разрыв в обеспечении жителей социальными благами, в т.ч. жильём, между регионом и центральными районами страны десятилетиями складывался не в пользу Дальневосточного экономического района, усиливал территориальные различия в уровне жизни, не способствовал закреплению населения на Дальнем Востоке. То же жилищное строительство, отставая из года в год от потребностей населения, создавая большие трудности в бытовом обустройстве, являлось одной из причин большого оттока населения из региона. В свою очередь это отражалось на замедленном экономическом освоении, приводило к отрицательному сальдо миграции.

К концу 1950-х гг. не удалось расселить семьи из непригодного, аварийного жилья. Особенно острой эта проблема была в Камчатской и Сахалинской областях, северных районах Хабаровского края. Существовало несколько причин, сдерживавших развитие жилищного строительства как в целом в СССР, так и на Дальнем Востоке. Из-за огромного ущерба, нанесённого войной экономике страны, в первое послевоенное десятилетие государство (а оно было основным застройщиком жилья) не имело возможности финансирования в одинаковой мере. На Дальнем Востоке, как регионе нового освоения, повышенной была доля промышленного строительства. Перераспределение средств на жилищное строительство не в пользу региона, недостаточное материально-техническое снабжение было и в то время, когда закончилось восстановление разрушенных войной городов и посёлков в пострадавших от войны районах и был накоплен определённый потенциал для развёртывания массового строительства жилья. Большая часть капиталовложений на жильё реализовывалась в регионе министерствами и ведомствами, которые главное внимание уделяли финансированию промышленных комплексов, развёртыванию производственной инфраструктуры, оставляя минимум средств для социальной сферы.

На Дальнем Востоке характерной была резкая диспропорция в

наращивании капиталовложений в производственную и непроизводственную сферу. Имеющиеся архивные и статистические данные позволяют проследить это соотношение до начала Великой Отечественной войны. В регионе это выглядело следующим образом: если в 1926—1927 гг. удельный вес капиталовложений в промышленность составлял 20,6%, в жилищное строительство — 21%, то уже в 1927—1928 гг. наметилась диспропорция не в пользу социальных нужд населения: 38,4% вкладывалось в развитие производства и только 16,5% — в строительство жилья, в 1928—1929 г. это соотношение было уже 37,8% и 10,2%, т.е. налицо было резкое уменьшение финансирования социальной инфраструктуры²⁹. Именно в эти годы начал формироваться принцип приоритетного развития промышленного производства. В послевоенный период тенденция «остаточного» финансирования строительства жилья продолжала действовать на протяжении 1940—1950-х гг. и только с принятием первой в стране социальной программы жилищного строительства в 1956 г. увеличились капвложения в эту отрасль народного хозяйства. Но относительно 1920-30-х гг. увеличение это было незначительным. Так, по Камчатской области в 1953 г. удельный вес капвложений в строительство жилья составил 18,8%, в Приморском крае в 1960 г. — 15%, в Сахалинской области этот объём составил 26,1%, но и этот, более высокий удельный вес ассигнований, не решал проблему обеспечения населения региона³⁰. Для сравнения удельный вес финансирования в строительство жилья в общем объёме капвложений в Российской Федерации в среднем составлял 13—16% в 1940—1950-х гг.³¹, т.е. отставание от средних показателей дальневосточных краёв и областей было незначительным. Но на строительство жилья в районах Дальнего Востока средства выделялись по стандартным нормативам, предусмотренным для хорошо обжитых местностей, без учёта специфических природно-климатических условий региона, удорожания строительства, слабой заселённости края. Слабо учитывались и повышенные темпы роста населения в регионе, что было связано с его ускоренным развитием.

С середины 1950-х гг. на Дальнем Востоке на базе новой строительной индустрии начинает развиваться поточный метод крупнопанельного строительства; в быстрорастущих городах региона требовали решения проблемы градостроительства и архитектуры. В декабре 1957 г. в Москве прошло Всесоюзное совещание строителей, и затем было принято постановление ЦК и Совета Министров СССР «Об искоренении излишеств в проектировании и строительстве». Это постановление способствовало перестройке работы зодчих страны в целом и Дальнего Востока в частности³². Постепенно дальневосточные города начали застраиваться большими кварталами, микрорайонами, в при проектировании и строительстве зданий стали использоваться бетон, стекло, пластмассы. Но в архитектурном плане города Дальнего Востока постепенно превратились в безликие новостройки, «Черёмушки. Терялся своеобразный, неповторимый облик городов, в конце 1950-х гг. процесс обезличивания только начинался, в

дальнейшем это стало настоящим бедствием, особенно для старинных городов.

Во второй половине 1950-х гг. закончился послевоенный восстановительный период. Нарастание мощностей стройиндустрии, перевод строительства жилья на индустриальные методы, внедрение новых технологий позволили расширить объёмы государственного строительства, увеличить норму обеспеченности населения жильём, расширить масштабы переселения из бараков и временного жилья, расселения коммунальных квартир. К началу 1960-х гг. жилищный кризис был несколько смягчён в растущих городах и посёлках региона, и всё, что было сделано дальневосточными строителями в те годы, составляло лишь первый, начальный этап большой перестройки, результаты которой сложились в последующие годы. Степень удовлетворения потребности населения в жилье была ниже степени удовлетворения других жизненноважных потребностей. Это объясняется тем, что к концу 1950-х гг. возросли требования к жилищным условиям, и благоустроенное жильё продолжало оставаться одним из самых дефицитных социальных благ.

Сноски и примечания

¹ Арсеневские вести. № 48 (1028). 2012. 28 нояб.-5 дек.

² Залужный В.И. Капитальное строительство в восточных регионах страны. М.: Наука, 1974. 83 с.; Слабнина Л.А. Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР (1946 — начало 60-х годов). Владивосток, 1997. 124 с.

³ Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946—1991 гг.). Владивосток, 2008. 204 с.; Он же. Очерки истории Владивостока. Владивосток, 2010. 252 с.

⁴ ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 351. С. 27; Ф. 137. Оп. 9. Д. 9. Л. 8.

⁵ Там же. Оп. 4. Д. 20. Л. 50.

⁶ ГАКО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.

⁷ ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 312. Л. 1—3 (подчит. авт.).

⁸ ГАХК. Ф. 719. Оп. 23. Д. 4 а. Л. 1.

⁹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 29. Д. 215. Л. 1, 2.

¹⁰ ГАКО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 41. Л. 8—9.

¹¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 3. С. 450—478.

¹² Залужный В.И. Капитальное строительство в восточных районах страны. М., 1974. С. 83

¹³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. М., 1968. Т. 4. С. 359.

¹⁴ ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 доп. Д. 1. Л. 83; Д. 509. Л. 47 (ГИАСО).

¹⁵ ГАСО. Ф. 353. Оп. 1 доп. Д. 1. Л. 83; Д. 50. Л. 48.

¹⁶ ГАПК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 312. Л. 1,3; Приморский край. Владивосток, 1958. С. 397.

¹⁷ Наричина А.Д. Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по решению жилищной проблемы. 1959—1965 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 206.

¹⁸ Леонов П.А. Очерк истории Сахалинской организации КПСС. Южно-Сахалинск, 1975. С. 168.

¹⁹ ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (доп.). Д. 1. Л. 83.

²⁰ Там же. Д. 509. Л. 273.

²¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 26. Д. 1170. Л. 36.

-
- ²² В сопоставимых ценах тех лет. Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъём материального благосостояния трудящихся. СССР. М., 1960. С. 64.
- ²³ ГАПК. Ф. 131. Оп. 12. Д. 8. Л. 20.
- ²⁴ ГАПК. Ф. 26. Оп. 33. Д. 467. Л. 5.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 30. Д. 1229. Л. 30; ГАХК. Ф. 719. Оп. 29. Д. 508. Л. 10.
- ²⁶ Там же. Д. 10142. Л. 20.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 509. Л. 223.
- ²⁸ ГАКО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 47. Л. 84.
- ²⁹ Стенографический отчёт Пленума Далькрайисполкома. Хабаровск, 1926. С. 30.
- ³⁰ ГАКО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 69. Л. 210; Народное хозяйство Приморского края: Стат. сб. Владивосток, 1958. С. 121; Сахалинская область в цифрах за 1946—1966 гг. Стат. сб. Южно-Сахалинск, 1967. С. 68.
- ³¹ Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: Стат. ежегодник. М., 1961. С. 382.
- ³² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. 3. С. 515—525.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА УССУРИЙСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Е.В. СУХОВА

Дальневосточный государственный гуманитарный университет, Хабаровск

Величайшим творением человека во времени и пространстве являются города. Год за годом, век за веком формируется их облик, отражая эстетико-культурные и экономические взгляды общества, находящегося на определенной ступени развития. В постсоветское время многие российские города с трудом сохраняют свой исторический облик, который «стирается» развитием современной городской инфраструктуры, изменением городской застройки. Значение темы исследования определяется ценностью исторического облика города как «формы социально-исторического памятования городского сообщества»¹. Через построенные здания и пространственную композицию осуществляется связь времен, идентификация «с предшествующими поколениями»². Памятники зодчества, ассоциативно связанные с историей и развитием города, красота и разнообразие ландшафта оказывают благотворное влияние на духовное и эстетическое воспитание его жителей, а сохранение неповторимого исторического лица своего города – «важный фактор формирования так называемой духовной оседлости, чувства гордости за малую родину»³. Если «не будет исторического облика города – не будет родины»⁴.

Словосочетание «исторический облик» общеизвестно и общепринято как в краеведческом, так и в публицистическом обиходе. Чаще всего оно употребляется в дискуссиях по сохранению своеобразия городской среды. Тем не менее, широко употребляемое выражение до сих пор не имеет статуса научного понятия. Пытаясь сформулировать определение словосочетания, логично обратиться к его слагаемым. «Облик» трактуется как «внешний вид, наружность», «видимое снаружи», «общность вида»⁵. Смысл термина «исторический» словарь С.И. Ожегова раскрывает как «относящийся ко времени, от которого сохранились вещественные памятники»⁶. Можно предположить, что в широком смысле слова исторический облик города – это материально-пространственная сущность города, формируемая процессами в ней протекающими.

Руководствуясь этим значением, опишем формирование исторического облика г. Уссурийска (с. Никольское, г. Никольск-Уссурийский). Исторический облик Уссурийска, как и большинства российских городов Дальнего Востока, сформировался в конце XIX – начале XX вв.

К началу 1890-х годов плотность населения села Никольского и выгодное его расположение на путях, важнейших в военном и торговом отношении, позволили поселению стать крупным сельскохозяйственным, торгово-промышленным и военно-административным центром Южно-Уссурийского края. К 1 января 1896 г. в селе Никольском проживало 10379 чел.⁷ Из 292 семей, входивших в состав местного общества, «сельским

хозяйством занималось только 150 семей, остальные 142 – торговлей и разными промыслами»⁸.

В ответ «на ходатайство Приамурского генерал-губернатора указанием правительства от 3 апреля 1898 года»⁹ из села Никольского и поселка близ станции Кетрицево Уссурийской железной дороги был образован город под названием Никольск-Уссурийский, получивший территорию «в размере 6638 десятин»¹⁰ по обе стороны реки Раковка.

Естественные факторы, влияющие на планировку городской среды, такие как рельеф местности (организация планировочной структуры только в длину с юга на север), ландшафт («небольшая низменность, окруженная невысокими пологими холмами»¹¹), климатические условия, создали определенную топографическую ситуацию, с учетом которой в 1880–х гг. князем А.А. Кропоткиным был составлен перспективный план села Никольского¹².

Поскольку господствующим приемом застройки второй половины XIX в. был квартал – «часть городской территории, застроенной зданиями и окруженной улицами»¹³, город был разделен на четкие прямоугольные кварталы, которые были пронумерованы и составляли геометрическую сетку взаимопересекающихся улиц-линий. Направление основных улиц в западной части было изменено с северо-восточного на северное. О планировочной структуре села напоминал только треугольник, образуемый первыми улицами Бульварная (Агеева), Корсаковская (Тимирязева), Большая (Краснознаменная).

Постепенно в западной части сложились главные площади: Сенная, Базарная и небольшая Соборная. Сенная площадь была очерчена улицами – Духовская (Фрунзе), Муравьевская (Советская), Матюнинская (Володарского), Барановская (Горького). Она занимала 8 дес. 1138 кв. саженей. Сейчас на ее месте расположен Дом офицеров Российской Армии и парк. Базарная (Мичуринская, Назаренковская, Хабаровская, Корсаковская) и Соборная площади организовывали систему городского центра, собирая на ежегодные ярмарки большую часть земледельческого населения Приморской области.

Основным структурным элементом квартала стала усадьба: дом, двор, огород, сад. Под усадьбой и огородом было занято от общего надела «от ½ и ¼ десятин до 1½ и 3¼ у самых зажиточных»¹⁴. Яркое описание такой сельской усадьбы дает Г.Т. Муров: «...Через несколько минут мы выезжаем во двор. Он большой, в нем много построек, из которых две – жилые избы. Передняя в углу двора – большая изба, в заднем флигелек в два окна. Затем большой амбар, сарай, завозня...»¹⁵. Материалом для строительства домов служило дерево, в редких случаях – камень и другие строительные материалы; стены белили известкой. На крыши шло «обычно волнистое, оцинкованное железо, у менее зажиточных хозяев дома покрывались деревом, тростником или болотными травами»¹⁶. В последних случаях крыши ставились под начес или снопиками, и гребни их заливались глиной.

К 1900 году площадь города расширилась до 18384 дес. 800 саж. земли; из них 1429 дес. 160 саж. занимало военное ведомство¹⁷. Военные разместились в юго-западной части города, за средневековым каменным земляным валом, вдоль которого сама собой сложилась ул. Бульварная (Агеева), и образовали особый городок, куда вели «деревянные триумфальные» ворота¹⁸.

Таким образом, Никольск-Уссурийский представлял собой небольшой провинциальный город с неизменными для царской России колокольным звоном, «белыми» усадьбами, трактирами и непролазной грязью по всем улицам.

С начала 1890-х годов в его облике все более отчетливо проступают черты индустриального города рубежа веков. «Расцвет 90-х годов»¹⁹, как называли эти годы историки, явился отражением того промышленного подъема, который наблюдался в России в последние десятилетия XIX в. Развитие рыночных отношений, новые материальные потребности общества и успехи строительной техники диктовали увеличение масштаба архитектурных сооружений, изменения композиционных приемов. Зарождение новых форм общественной жизни в результате реформ 1860-х гг. потребовало появления новых типов зданий, развития и усовершенствования старых.

В конце XIX – начале XX веков в России вместо пассажей – каменных торговых рядов, состоящих из отдельных частных магазинов, соединенных крытым проходом, появляются здания универсальных магазинов. Название «универсальный магазин» (первоначально «дом товаров») начали все чаще применять для обозначения торговых предприятий для «дешевой розничной продажи»²⁰. Они целиком принадлежали одной крупной торговой фирме, одному владельцу и представляли собой «здания, включающие многоярусный торговый зал, где разные отделы свободно сообщаются между собой»²¹.

Примером таких зданий в Никольск-Уссурийском являются универсальные магазины фирм «И.Я. Чурин и К°» (1890; ул. Калинина, 54), «Зингер и К°» (1890; ул. Тимирязева), магазины А.П. Рябоконт (1890; ул. Калинина, 47; не сохранилось), Хоменко (1889; ул. Краснознаменная, 23). Построенные в русском стиле с элементами классицизма, они имели просторные торговые залы, огромные на всю стену окна и являлись архитектурным украшением торгового центра города.

По своему планировочному решению отличается здание крупнейшей фирмы Дальнего Востока «И.Я. Чурин и К°», основанной в 1867 г. Иваном Яковлевичем Чуриным и Николаем Петровичем Бабинцевым для производства операций по Амуру. Магазин был выстроен буквой Г с огромными почти вытеснившими стену окнами. Товары универмага, преимущественно «русского происхождения»²², пользовались большим спросом. Это были «и продукты (кондитерские изделия, икра, рыба, овощи), и промышленные товары (дамская и мужская обувь, модные шерстяные

ткани, шляпы, музыкальные инструменты и даже револьверы), а также изделия из золота и бриллианты»²³.

В городе существовало отделение и другой крупнейшей на Дальнем Востоке фирмы – «Кунст и Альберс», учредителями которой были Густав Иванович Кунст и Густав Васильевич Альберс²⁴, торговавшие в основном «заграничными товарами»²⁵. Фирма также вела застройку в городе, но уже несколько иного характера. Она представляла другой тип торгового здания, получившего распространение в России на рубеже веков, – торговый дом.

Здания торговых домов были многоэтажными, на нижнем этаже размещался магазин, на верхнем – конторские помещения. Торговый дом «Кунст и Альберс» (1890; ул. Калинина, 52) построен именно в этой традиции, когда в двухэтажном здании «композиция первого яруса, обращенного на улицу окнами - витринами, зрительно противопоставлялась остальной, верхней части здания, выполненной более проше»²⁶. В убранстве торгового дома использованы мотивы северогерманской и голландской кирпичной готики, такие как декорированная кирпичом «мощная башня, завершающая центральный вход»²⁷, шпепс с зубцами, шатры, вставки из белого камня в виде арок. Здание также было украшено и «кронштейнами, к которым подвешивались дуговые фонари, его освещающие»²⁸.

В городе также было много китайских магазинов и промтоварных, и продуктовых, в кирпичных зданиях по улицам Тимирязева, Калинина, а также в районе Китайского базара, «имеющего 79 лавок»²⁹.

К сооружениям нового типа, получившим наибольшее распространение в России именно в рассматриваемый период, относились Народные дома, которые по своему характеру были близки к театральным зданиям.

Появившись на рубеже веков, народные дома еще оставались большой редкостью. Идея постройки Народного дома в Никольск – Уссурийском принадлежала «обществу Народных чтений при содействии командира 1-го Сибирско-армейского корпуса»³⁰. В 1903 г. заявление общества обсуждалось в собрании уполномоченных города, где было принято постановление «о постройке здания в 33 квартале (Агеева), находившемся в пользовании 3-го Восточно-Сибирского Стрелкового полка и выдаче пособия (1000 рублей) из городских сумм»³¹. Строительство долго откладывалось, переносилось место под постройку, и только в 1907 г. благодаря взносу промышленников братьев Пьянковых в размере 100 тыс. руб.³² было выстроено прекрасное здание в стиле модерн в юго-западной части Сенной площади (ул. Володарского, 33).

Архитектурная композиция Народного дома, который занимал площадь в 1200 кв. саженей, воспринимается с различных точек осмотра. Здесь выделяются два главных и два второстепенных фасада, они имеют самостоятельное художественное оформление: главные фасады завершают трапецевидные башни с оконцами, а боковые – фигурные аттики. Здание декорировано ленточными плетениями белого цвета, которые огибают окна, двери, выступы стен и гармонично сочетаются с красным фоном постройки.

В этой разумной экономии декора просматриваются красота строгости, целесообразности, представление архитектора Шебалина о прекрасном, проектировавшего это сооружение. Сейчас здесь действует Уссурийский городской драмтеатр.

В конце XIX – начале XX вв. в городах России возникают так называемые «доходные дома»³³. Сдавать квартиры в наем оказалось делом настолько прибыльным, что доходные дома на рубеже столетий росли, «как грибы», во всех городах. В Никольск-Уссурийском были построены доходные дома А.П. Гончарова «Гранд-Отель» (1907; ул. Краснознаменная, 76), С.К. Гурского (до 1914; ул. Пушкина, 35), Швидченко (конец XIX в; ул. Тимирязева, 57), В.Н. Козлова (1908; ул. Калинина, 5). Квартплата во многих доходных домах составляла «от 1 руб. 50 коп. до 4 руб. за 1 кв. сажень пола»³⁴.

Со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали в восточной части города было построено здание вокзала с привокзальными площадками. Первое здание (1891; ул. Блюхера, 5а) было небольшим по объему и простым в оформлении. Новое здание вокзала (1908-1910; Вокзальная площадь) вмещало большой зал ресторана, примыкавший к залу ожидания 1 класса, и отличалось роскошной отделкой. Фасад, обращенный к площади, имел сложную и крупную пластику за счет расчленения средней его части на два ризалита в глубокую лоджию между ними. Ризалиты были увенчаны четырехгранными куполами, вход выделен козырьком с балюстрадой.

Структура вокзала зависела от принятого сословного и имущественного деления пассажиров, которое требовало отдельных залов ожидания для 1, 2 и 3 классов. Залы 3 класса были объединены с более мелкими обслуживающими помещениями-кассами и изолировались от помещений 1 и 2 классов.

Из других станционных построек обращает на себя внимание группа зданий Главных железнодорожных мастерских, расположенных слева при въезде на станцию. «Оконченные вчерне» в июне 1894 г., открытые с 1 июня 1895 г. они представляли собой «одно главное производственное здание, заключающее в себе паровозо-сборочные, токарно-каменные, кузнечно-литейные мастерские со всеми необходимыми приспособлениями»³⁵. До революции были также построены кирпичное здание для ремонта пассажирских вагонов, кирпичное для производства кузнечных работ при ремонте вагонов, контора мастерских и материальный склад, который впоследствии был передан Уссурийскому локомотиворемонтному заводу под центральную кладовую.

В период конца XIX – начала XX вв. в городе были построены здания учебных заведений, которые и в настоящее время выглядят довольно красивыми, органичными, не утратившими эстетической ценности: двухэтажное кирпичное здание женской гимназии (ул. Чичерина, 54); выполненные в русском стиле здания Никольск-Уссурийского ремесленного

училища (1903; ул. Плеханова, 31) и женской учительской семинарии; здание Никольск-Уссурийского реального училища (ул. Горького, 18), имеющее оригинальный внешний вид, отражающий основные элементы модерна и сложную объемно-пространственную композицию; здание городского шестиклассного училища, выполненное в стиле классицизма (1902; ул. Пушкина, 17).

На рубеже веков новое оформление получают банковские здания, как правило, отличавшиеся торжественным обликом. Это можно наблюдать в архитектурном оформлении здания Никольск-Уссурийского отделения Российского государственного банка (конец XIX в; ул. Некрасова, 35; не сохранилось). Это было единственное здание в городе, которое «включало элементы северо-германского барокко»³⁶. Центральная часть здания банка завершалась четырехгранным шатром, карниз был украшен вычурными аттиками, окна фасада декорированы камнем.

Наиболее выдающейся постройкой, сформировавшей облик города, явился Никольск-Уссурийский Николаевский собор (1894-1901; не сохранилось). Он был расположен в квартале, очерченном улицами Унтербергеровская (Некрасова), Занадворовская (Чичерина), Хабаровская (Ленина), Корсаковская (Тимирязева). Во второй половине XIX в. на этом месте было «озеро, которое постепенно высыхало, зарастало и затем совершенно исчезло»³⁷. Строительство здания обошлось в 200 тыс. руб., причем большая часть суммы была составлена «добровольными пожертвованиями прихожан»³⁸. Огромную роль в организации культового сооружения сыграли «протоирей Павел Мичурин и начальник Южно-Уссурийского округа А.В. Суханов»³⁹.

Это величественное здание, высота которого от пола до купола достигала 51 м, своей основой имело форму креста. Центральный объем, восьмерик на четверике, венчался восьмигранным луковичным куполом и был украшен в русском стиле (килевидные закомары, кирпичная отделка, полуовальные ниши в стенах). С северной и южной стороны примыкали четырехугольные пределы, завершающиеся многогранными шатрами с небольшими луковичными куполами. С восточной стороны, как и во всех православных постройках, находился вход, а с западной - шатровая колокольня со звонницей. Николаевский собор «вступал в диалог» с существующей уже Свято-Покровской церковью, став центром объемно-пространственной композиции.

В 1891 г. в начале улицы Николаевской «в память посещения города наследником, цесаревичем Николаем возведена арка-часовня»⁴⁰. Сочетая элементы русского стиля и готики, арка завершалась трапециевидным шатром, четыремя многогранными пиками с гербами наверху. Стены, шатер и пики были украшены кирпичом так, что постройка напоминала, скорее, сказочный теремок, нежели часовню, в которой «один раз в год 21 мая производились богослужения»⁴¹. Красивое, изящное здание арки-часовни

оформляло въезд в город и радовало всех, кто заезжал в Никольск-Уссурийский со стороны Владивостока.

Так сложилась система доминант городского значения, которую составили подчиненные вертикалям Николаевского Собора шатер и пики арки-часовни, Свято-Покровская церковь, купольное завершение ремесленного училища и пагоды на кровле китайского театра (угол улиц Советской и Тимирязева), а также две церкви при войсковых частях, кладбищенская (конец ул. Краснознаменной; сейчас МЖК; не сохранилось) и железнодорожная церковь.

Из вышесказанного ясно, что строительство в Никольск-Уссурийском достигло больших масштабов, особенно в период «кирпичной горячки» 1905-1913 гг. Это было возможно благодаря дешевой рабочей силе и появившимся в эти годы кирпичным заводам и каменоломням близ города «с производительностью до 10000-15000 кирпичей в сутки»⁴². Среди них можно отметить большой завод Никлевича, строительство которого было завершено в 1910 г. в четырех верстах от г. Никольска-Уссурийского. Завод имел «гофманскую печь, вырабатывая 5 млн. штук кирпича в год для местного использования»⁴³.

Основной контингент наемной силы составляли китайцы, которые «прибывали на пароходе во Владивосток, а затем по железной дороге рассредоточивались по всему Приморью»⁴⁴. Путешественники отмечали, что «все постройки, начиная от церкви и кончая простой избой, производились китайцами»⁴⁵. Чиновник особых поручений Переселенческого Управления А.А. Риттих, посетив большую часть строившихся в 1898 г. деревянных храмов, не увидел «ни одного русского рабочего»⁴⁶.

Город Никольск-Уссурийский не был исключением среди других дальневосточных городов. К 1909 г. в нем проживало до 10230 китайцев, что значительно превышало количество других иностранцев: корейцев было 1411 чел., японцев - 615 чел., европейцев - 152 чел.⁴⁷ В городе китайцы создали в треугольнике улиц Корсаковская, Унтербергеровская, Бульварная свое поселение - китайский квартал.

Итак, период 1890-1917 гг. характеризуется бурным ростом градостроительства; поражают масштабы и темпы сооружения зданий. Несмотря на недостаток средств, удалось построить наиболее важные в экономическом, социальном, культурном плане объекты: доходные и торговые дома, универмаги, учебные здания, народный дом, банк, вокзал и другие, которые придавали Уссурийску облик индустриального города. Постройки отличались самобытностью и оригинальностью исполнения. Образовалась система городских доминант, главным вертикальным акцентом которой являлся Николаевский Собор. Нужно отметить также огромный вклад не только крупных торговцев и предпринимателей, за свой счет осуществлявших строительство, но и городских властей и общественности. В период 1890-1917 гг. окончательно сформировался тот облик, который в

сознании современных жителей образует понятие «дореволюционный Уссурийск».

Сноски и примечания

- ¹ Дахин А.В. Город как место памятования // Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/58> (дата обращения 17.09.2013).
- ² Романовская Е.В. Память и забвение в жизни общества. Саратов, 2011. С. 46.
- ³ Заграевский С.В. Культурно-историческая среда российских городов. Способы ее сохранения. // Режим доступа: <http://terraplan.ru/airhiv/56-2-32-2011/975-658.html> (дата обращения 27.09.2013).
- ⁴ Михаил Посохин. Не будет исторического облика – не будет родины. // Режим доступа: http://www.nvsaratov.ru/nvgrubr/ELEMENT_ID (дата обращения 27.09.2013)
- ⁵ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 345, Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. В 4-х томах. Т.3. М., 2001. С. 217, Толковый словарь Д.В. Дмитриева. М., 2003. С. 312
- ⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка... С. 209.
- ⁷ МУ «Архив Уссурийского городского округа» (МУ АУГО). Ф. 332. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ⁸ Кольцов Н.К. Из истории основания г. Уссурийска. // Материалы VII научной конференции ДВГУ. Владивосток, 1962. С. 84.
- ⁹ Собрание узаконений, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1898. С. 2789.
- ¹⁰ Уссурийску –125 лет: очерки истории. Владивосток, 1991. С. 12.
- ¹¹ От Владивостока до Уральска. СПб., 1891. С. 46.
- ¹² Историко-архитектурный план центральной части г. Уссурийска. ОАО «Приморгражданпроект». Владивосток, 1990. С. 15.
- ¹³ Искрожитский Г.И. Рассказ о градостроительстве. М., 1985. С. 93.
- ¹⁴ Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. М., 1896. С. 124-137.
- ¹⁵ Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901. С. 108.
- ¹⁶ Меньшиков А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Т. 3. Саратов, 1912. С. 70.
- ¹⁷ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) Ф. 702. Оп. 5. Д. 58. Л. 240.
- ¹⁸ По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света доктора А.В. Елисеева. В 4-х тт. Т. 4. СПб, 1890. С. 34.
- ¹⁹ Рябов Н., Обертас В.К. К истории застройки Владивостока. Владивосток, 1961. С. 14.
- ²⁰ Гидион З. Пространство, время, архитектура. М., 1984. С. 161.
- ²¹ Борисова Е.А., Каждан Т.П. Русская архитектура конца XIX – начала XX в. М., 1971. С. 18.
- ²² Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке // Труды Амурской экспедиции. Вып. VIII. СПб., 1911. С. 142.
- ²³ Уссурийский вестник. 1907 год. № 23.
- ²⁴ Настольный календарь-справочник по Дальнему Востоку. Владивосток, 1919. С. 43.
- ²⁵ Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности... С. 143.
- ²⁶ Борисова Е.А. Каждан Т.П. Русская архитектура конца XIX – начала XX в. М., 1971. С. 18.
- ²⁷ Иванова А.П. Торговля как стержень инфраструктуры города // Архитектура Восточной Сибири и Дальнего Востока. Вып. 1. Русские города на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2002. С. 69.
- ²⁸ Никольск-Уссурийский листок. 1903. № 48.

-
- ²⁹ Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока... С. 110.
- ³⁰ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) Ф. 11. Оп. 1. Д. 229. Л.57.
- ³¹ Там же. Л. 58
- ³² Уссурийску 125 лет: очерки истории. Владивосток, 1991. С. 19.
- ³³ Глазачев В.П. О нашем жилище. М., 1987. С. 99-100.
- ³⁴ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1914-1915 гг. Петроград. С. 331.
- ³⁵ МУ «Архив Уссурийского городского округа» (МУ АУГО). Ф. 318. Оп. 1. Д. 1. Л. 18-20.
- ³⁶ Лынша В.А. Эkleктика и модерн в Никольск-Уссурийском // VI Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1992. С. 27.
- ³⁷ МУ «Архив Уссурийского городского округа» (МУ АУГО). Ф. 322. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
- ³⁸ Калинин В.А. Очерки по истории г. Никольска-Уссурийского. СПб, 1913. С. 29.
- ³⁹ Лынша О.Б. Николаевский Собор в Никольск-Уссурийском // VI Арсеньевские чтения. Уссурийск, 1992. С. 29.
- ⁴⁰ Калинин В.А. Очерки по истории г. Никольска-Уссурийского... С. 27.
- ⁴¹ Настольная справочная книга чинов Заамурского пограничного округа: Торгово-промышленный календарь Маньчжурии, Приамурья, Забайкалья и Сибири и «Весь Харбин» на 1913 год. Харбин, 1913. С.12.
- ⁴² Доклад экспедиции, командированной в мае-августе 1910 г. Управлением КВЖД для экономического обследования района Уссурийской железной дороги. Харбин, 1911. С. 107.
- ⁴³ Там же. С. 52
- ⁴⁴ Граве В.В. Китайцы, корейцы, японцы в Приамурье // Труды Амурской экспедиции. Вып. IX. СПб, 1912. С. 159.
- ⁴⁵ Крюков Н.А. Опыт описания землепользования... С. 25.
- ⁴⁶ Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб, 1899. С.65.
- ⁴⁷ Адрес-календарь и Торгово-промышленный указатель Дальнего Востока и Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Сост. И. С. Кларк. Владивосток, 1911.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1922-1941 гг.

Г.А. ТКАЧЕВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Пространственная локализация населения российского Дальнего Востока определялась национально-демографическими и социокультурными особенностями развития страны, государственными программами, детерминированными внешнеполитическими обстоятельствами. Ускоренная модернизация России, обозначившая в начале XX в. социально-политические и экономические изменения, определила стратегическое значение азиатско-тихоокеанского региона. Геополитическое положение восточных районов, наличие значительных природно-сырьевых ресурсов, востребованных на внутреннем и внешнем рынках, являлись важными доминантами национальной безопасности страны.

Военно-политические задачи реализовывались в процессе транспортного и промышленного строительства с использованием миграционных потоков из центральных областей страны. По переписи населения 1897 г. в Дальневосточном регионе проживали 709,7 тыс. жителей (102,3 тыс. — в городских и 607,4 тыс. — сельских поселениях), в 1926 г. — 1881,3 тыс., включая 472,4 тыс. — в городской и 1408,9 тыс. — в сельской местностях. В период между переписями население Дальневосточного края увеличилось более чем в 2,6 раза, по РСФСР — в 1,4.

Край, занимая 12,2% площади СССР и 13,2% — РСФСР, имел всего 1,2% населения Союза и 1,9% — России. Обжитая территория составляла 10,4% дальневосточных земель. Большая часть населения концентрировалась в южных, наиболее освоенных районах (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность населения Дальневосточного края в административных границах середины 1920-х гг. по переписям населения 1897 и 1926 гг., чел.

Наименование округа	Годы	Население		
		городское	сельское	всего
Читинский	1897	12157	185053	197200
	1926	91708	294450	386158
Среденский	1897	6638	140610	147248
	1926	22170	181773	203943
Зейский	1897		14677	14677
	1926	21053	29339	50392
Амурский	1897	32834	70938	103772
	1926	97484	298299	395783
Хабаровский	1897	14971	27568	42539
	1926	61431	126929	188360

Владивостокский	1897	28933	100791	129724
	1926	166125	405906	572031
Николаевский	1897	5991	20203	26194
	1926	8048	29819	37867
Сахалинский	1897	—	9558	19558
	1926	2748	9111	11859
Камчатский	1897	830	28022	28852
	1926	1691	33267	34958
ДВК	1897	102344	607420	709764
	1926	472458	1408893	1881351

Таблица составлена автором на основании источников: Дальневосточный край в цифрах. Справочник. Хабаровск, 1929. С. 36. Исчисления на 1897 г. произведены составителями сборника, исходя из административного деления на 1926 г.: Стат. ежегодник. 1923—1925 гг. Хабаровск, 1926. Ч. 1. С. 10—12; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальневосточный край. Якутская АССР. М., 1928. Т. 7. С. 5, 34, 66, 80, 90, 93, 96, 99, 102, 106, 115.

Несмотря на преимущественно аграрное развитие региона, с 1897 по 1926 г., отмечается увеличение численности городских жителей в 4,6 раза, сельских — только в 2,3 раза. Удельный вес городского населения Дальнего Востока в 1926 г. составлял 25,1%, превышая общероссийские показатели (17,3%). Он соответствовал показателям Центрально-Промышленного (25,6%), но уступал — Крымского (46,3%) и Ленинградско-Карельского (34,5%), — районам с высоким уровнем промышленного развития.

Основная часть городского населения края сосредоточилась в южных районах: во Владивостокском округе — 35,2%, Амурском — 20,6% и Хабаровском — 13%. Что касается внутриокружного расселения, то первое место принадлежало Зейскому округу, где большая часть населения селилась вдоль линии железной дороги в пристанционных посёлках — 41,8% городских жителей, второе место — Хабаровскому — 32,6%, Владивостокский округ занимал третью позицию — 29%, за ним следовали Амурский — 24,6%, Читинский — 23,7%, Сахалинский — 23,2%, Николаевский — 21,3% городских жителей. Для сравнения, в 1923 г., без Камчатки и Сахалина, почти половина — 48,4% населения городов и посёлков городского типа приходилась на Приморскую губернию, в то время как на Забайкальскую — 28,5%, Амурскую — 23,1%¹.

К середине 1920-х гг. Дальний Восток оставался малоосвоенным регионом с низкой плотностью населения, что отражало степень его освоения. Процесс урбанизации начался с низких показателей: Всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала на Дальнем Востоке 14 официально утверждённых городов. В 1923 г. в регионе насчитывалось 3793 населённых пункта, в том числе 67 посёлков городского типа (включая 9 окружных и 7 бывших уездных городов), 20 станционных и 7 фабрично-заводских посёлков, в 1926 г. — 50 городских посёлков, 17 утверждённых городов (при переписи 1926 г. из списка городских поселений

были исключены 10 поселений с общим населением 10967 жителей и включены как городские 9 пунктов с 14463 жителя².

Таблица 2

Численность населения городов Дальневосточного региона по переписям 1917, 1923, 1926 гг., чел.

Города	Годы		
	1917	1923	1926
Владивосток с пригородом	130224	106689	107980
Чита с пригородом	52782	62934	61526
Благовещенск	58799	57723	61205
Хабаровск	36886	34338	49706
Никольск-Уссурийский	39004	30905	35344
Спасск	7876	8927	11414
Сретенск	10313	7573	10252
Свободный	11735	12387	10245
Александровск (Бочкарево)	-	5070	7852
Николаевск-на-Амуре	12204	5128	7356
Петровск-Забайкальский	1859	6222	7307
Нерчинск	7211	6683	6699
Иман	3159	4677	4914
Зея	4744	5667	4342
Рухлово	—	1645	3344
Александровск-на-Сахалине	1593	2453	2748
Петропавловск-Камчатский	—	1193	1691

Таблица составлена автором на основании источников: Стат. ежегодник. 1923—1925 г. Хабаровск, 1926. Ч. I. С. 16—19; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальневосточный край. Якутская АССР. М., 1928. Т. 7. С. 6; Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года по Дальневосточному краю. Хабаровск, 1927. С. 47—49.

Изменение численности населения отдельных городов было обусловлено не только особенностями социально-экономического развития, но и изменением их административно-территориального статуса. В частности, с 1917 по 1926 гг. число жителей уменьшилось на 17,1% во Владивостоке, на 12,7% — в Свободном, на 9,4% — Никольске-Уссурийском, на 8,5% — в Зее, увеличилось на 34,8% — в Хабаровске, ставшем краевым центром, на 72,5% — в Александровске-на-Сахалине (см. табл. 2). Градостроительная деятельность в этот период была направлена на создание опорных центров, обеспечивавших закрепление восточных территорий. Сеть городов была крайне разрежена.

В 20—30-е гг. XX в. советское правительство, унаследовав основные геополитические императивы императорской России, решало военно-стратегические задачи используя административно-командную систему управления. Под влиянием внешнеполитических обстоятельств повышение обороноспособности региона в плановых разработках и директивах ВКП (б) приобретает конкретные очертания.

Мобилизационный тип модернизации оказал влияние на формирование населения региона. С 1927 по 1941 г. его численность выросла в 2,2 раза, причём городское население увеличилось в 3,8 раза, а сельское — только в 1,6 раза (см. табл. 3).

Таблица 3

**Численность населения Дальневосточного региона
в 1927—1941 гг., тыс. чел.**

Годы	Население		
	городское	сельское	всего
1927	372,7	927,5	1300,2
1928	387,3	991,8	1379,1
1929	409,7	1061,6	1471,3
1930	441,6	1075,9	1517,5
1931	538,8	1117,8	1656,6
1932	652,8	1076,8	1729,6
1933	760,5	1099,6	1860,1
1934	810,6	1109,4	1920,0
1935	928,2	1066,5	1994,7
1936	1076,0	1076,2	2152,2
1939	1161,8	1204,7	2366,5
1941	1430,8	1477,6	2908,4

Таблица составлена автором на основании источников: Исчисления Приморского и Хабаровского краевых Управлений народно-хозяйственного учёта в административных границах середины 30-х гг. XX в. ГАХК. Ф. 719. Оп. 13. Д. 42. Л. 14; Д. 99. Л. 2, 3; Оп. 27. Д. 2. Л. 1, 2; ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 15; Д. 170. Л. 25, 33.

Высокие темпы прироста населения отмечены в Хабаровском крае, где за период с 1926 г. по 1941 г. число жителей увеличилось на 189% (с 605,2 тыс. до 1749 тыс. чел.), в том числе в городах со 164,5 тыс. до 863,2 тыс. чел.; в районах Колымы — более чем в 32 раза (в основном за счёт спецконтингента), Сахалинской области — в 9,3, Камчатской — в 4,3, Нижне-Амурской — в 3,6 раза, т.е. на территориях с ускоренными темпами индустриального развития³.

По темпам прироста населения Приморье уступало Хабаровскому краю (в 1926—1941 гг. возросло с 638,9 тыс. до 1 159,4 тыс. чел., в том числе в городах — со 173,0 тыс. до 567,6 тыс. чел.), но самыми заселёнными оставались Уссурийская и Приморская области, где находилось почти 40% жителей региона, несмотря на депортацию примерно 17% населения (в основном корейцев и китайцев)⁴.

Дальневосточный регион был одним из немногих с постоянно растущей долей городского населения. Между переписями населения 1926 г. и 1939 г. численность горожан Приморья увеличилась в 2,7 раза, составив почти 52% населения края, к началу 1941 г. — 49% (при росте в абсолютных величинах). За эти же годы в Хабаровском крае число городских жителей увеличилось в 4,2 раза, составив в 1939 г. 47,5% учётного населения и в 1941 г. — 49,3%.

Рис. 1. Распределение городского населения Дальневосточного края по областям в 1937 г.

Главным фактором советской урбанизации выступило создание транспортной и промышленной структуры преимущественно военно-оборонной направленности, что повлияло на пропорции пространственной урбанизации и выразилось в очаговых формах расселения на Дальнем Востоке. В южных районах региона была сосредоточена основная часть городского населения (см. рис. 1). Можно констатировать о территориальной концентрации видов деятельности городского населения с приоритетной направленностью развития в выгодных с социально-экономической точки зрения районах.

Динамику численности городского населения на Дальнем Востоке определяли меж- и внутрирегиональная миграции, естественный прирост, а также административно-территориальные преобразования. Миграция выступала как средство эффективного межтерриториального и внутрирегионального перераспределения трудовых ресурсов, оказывающее влияние на воспроизводство населения и обеспечивающее устойчивое функционирование оборонно-хозяйственного комплекса региона в интересах безопасности страны. Программно-целевое планирование регулировало как добровольное, так и принудительное перемещение населения, используя сельскохозяйственное и промышленное переселение, организованный набор, общественные призывы, прикомандирование, направление специалистов в порядке перевода, по вызову предприятий, по разрядке вышестоящих органов, а также неорганизованное переселение по личной инициативе.

По предварительным подсчётам, только по централизованным государственным программам дальневосточный регион принял около 900 тыс. чел.⁵, обеспечивая прирост сельского и городского населения, превышающий общероссийские показатели. В 1932 г. на Дальний Восток прибыло 120 тыс. рабочих, в 1934 г. — 107 тыс., в годы второй пятилетки в

результате завоза рабочей силы и промышленного переселения — 446,4 тыс. чел., а за три года третьей пятилетки только в Хабаровский край приехали 616,7 тыс. чел.⁶

Для пополнения трудовых ресурсов использовались романтические, патриотические порывы молодёжи. По ориентировочным сведениям, с 1928 по 1940 г. на Дальнем Востоке осталось 39 тыс. военнослужащих, по общественно-политическим призывам прибыло 60 тыс. молодых энтузиастов, в том числе 6 тыс. — на строительство Комсомольска-на-Амуре, 27 тыс. — по хетагуровскому движению⁷.

Основные потоки внутренней миграции определялись процессами урбанизации и индустриализации восточных территорий. С 1928 г. по июль 1941 г. города и рабочие посёлки Приморского края, по неполным сведениям, приняли 1081,7 тыс. чел., в том числе за 1939—1940 гг. — 243,7 тыс. чел., из них 21,6% в возрасте 24—29 лет; 11,7% — 30—34 лет; 7,1% — 35—39 лет (выбыло 778 тыс. чел. или 71,9% прибывших)⁸.

Основные причины миграции в городские поселения были экономические (уровень жизни в местах проживания), социальные (лучшие условия проживания, доступ к образованию, желание изменить социальный статус), военно-политические (военные действия и конфликты, изменение государственных границ, депортация), этнические (стремление переехать на этническую родину, этническая дискриминация), демографические (воссоединение семьи), эколого-географические (природно-климатические условия), религиозные. Перемещались лица наиболее активных возрастов разных социальных групп и профессий, стремящиеся, с одной стороны, реализовать себя как личность, а с другой, получить более высокие доходы.

Социокультурные особенности развития Дальнего Востока, полиэтничный состав населения влияли на семейно-брачные отношения. За исследуемый период прирост численности мужчин в регионе был более значителен. Согласно переписи 1926 г. в среднем по ДВК на 100 мужчин приходилось 86 женщин (в городской местности — 81,5, сельской — 88 женщин), по переписи 1937 г. — 72 женщины (в городской — 76 и сельской — 70). В начале 1939 г. в Приморье насчитывалось 479,9 тыс. мужчин (52,9% населения), в Хабаровском крае — 827,9 тыс. (56,7%), что сказывалось на воспроизводстве населения.

По материалам переписи 1939 г. коэффициент рождаемости в Хабаровском крае составил 47 промилле, причём в городских поселениях — 52,8, сельских — 42,4. Смертность по краю составила 18,6 промилле, в городской местности — 22,4 и сельской — 15. Для сравнения, в СССР рождаемость равнялась 40 промилле, смертность — 20, (коэффициенты рождаемости менее 16 считаются низкими; с 16 до 24 — средними, с 30 до 39 — высокими, 40 и более — очень высокими; смертность более 20 промилле — очень высокая). С 1935 г. по июнь 1941 г. естественный прирост в Хабаровском крае составил 237 тыс. чел. (390,6 тыс. рождений, 153,6 тыс. смертей) из них 108,2 тыс. в городской и 128,8 тыс. чел. в сельской

местности. Для сравнения, за этот же период механический прирост только в поселениях городского типа (без данных по г. Магадану за 1940 г.) равнялся 485,5 тыс. чел.

Городское и сельское население практически не знало методов регулирования рождаемости. При непрерывном снижении репродуктивности браков, традиционная система прокреационных отношений сохранялась. Она была достаточна для простого воспроизводства населения. Рождаемость и смертность, имея высокие показатели, оставались относительно стабильными.

Интенсивный миграционный обмен, естественный прирост изменили возрастную структуру городского населения дальневосточного региона. Если в 1926 г. в городах лица в возрасте 18—40 лет составляли 39,7% то в 1937 г. — более половины, а в возрасте от 20 до 34 лет — 41%, в то время как по СССР только 26,1% (см. табл. 4).

Таблица 4

Возрастные группы населения Дальневосточного края, %

Возраст, лет	Население					
	городское		сельское		всего	
	1926 г.	1937 г.	1926 г.	1937 г.	1926 г.	1937 г.
0—4	9,6	10,3	15,9	12,9	14,3	12,1
5—14	20,5	17,9	26,6	24,9	24,8	21,1
15	2,0	1,3	2,3	1,6	2,2	1,5
16—17	4,4	3,5	4,5	3,3	4,5	3,4
18—19	4,3	4,1	4,0	3,4	4,1	3,7
20—24	9,0	15,0	7,4	12,0	7,8	13,4
25—29	9,2	14,9	6,9	10,9	7,6	12,7
30—39	17,2	16,3	11,2	13,4	12,8	14,3
40—49	13,3	8,6	9,1	7,7	10,2	8,1
50 и старше	10,4	8,1	11,9	10,9	11,5	9,6

Таблица составлена автором на основании источников: Исчисления дальневосточного УНХУ. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1315. Л. 21.

Ресурсный потенциал дальневосточного региона предопределил его специализацию, размещение производительных сил и социальную структуру. Край, имеющий в 1926 г. удельный вес крестьян-единоличников свыше 70%, превратился к 1939 г. в район наёмных работников промышленно-сырьевой направленности общественного сектора, где рабочие составляли 53,3%, служащие — 30,3%, колхозники — 12,6% самодеятельного населения. Доминирующее положение занимали индустриальные отрасли: в промышленности было занято около 30%, на транспорте — 17,6%, строительстве — 5,8% среднегодовой численности рабочих и служащих 1939/1940 гг. (без учёта районов Колымы).

Официальные источники по административно-территориальному делению свидетельствуют, в 1931 г. в регионе насчитывалось 13 городов и 15 рабочих посёлков, в 1938 г. — 15 городов и 22 рабочих посёлка, в 1941 г. —

20 городов (7 – в Приморском крае и 13 — в Хабаровском), 42 посёлка городского типа.

Урбанизация предопределила поляризацию социально-экономического пространства. Города, основные центры производственных и социокультурных связей, обосновались на экономически активной территории региона. Индустриализация породила новые городские поселения и среди них монофункциональные, специализированные административно-производственные центры (Комсомольск-на-Амуре, Артём, Сучан). Первенство по численности населения по-прежнему принадлежало г. Владивостоку — 206,4 тыс. чел., далее следовали города Хабаровск — 199,2 тыс., Уссурийск — 71,8 тыс., Комсомольск-на-Амуре — 70,8 тыс. чел. (см. табл. 5). Просматривается зависимость между миграционной ёмкостью городов и занятостью населения: темпы прироста были выше там, где создавалось больше рабочих мест. Возникает несбалансированность между потребностями и возможностями в предоставлении рабочих мест.

Поселенческий каркас региона включал в себя по времени возникновения — старые и новые, по административному статусу — краевые, областные, районные города и населённые пункты городского типа. По количественному показателю города считались малыми, в городской структуре появились средние, активно развивавшиеся краевые центры (Владивосток, Хабаровск). Малые городские поселения являлись опорными пунктами развития локальной территории. Промышленность расширяла их экономическую базу, но как приоритетная отрасль, лишала подчас ресурсов другие виды деятельности.

Таблица 5

Численность населения городов Дальневосточного региона в 1926—1941 гг., чел.

Города	Годы		
	1926	1939	1941
Владивосток	107980	206432	244472
Хабаровск	49704	199172	242000
Комсомольск-на-Амуре	360	70808	103000
Уссурийск	35344	71867	85442
Благовещенск	61205	58790	61700
Сучан	6455	36901	45463
Артём	-	34926	43442
Биробиджан	831	29648	35100
Петропавловск-Камчатский	1691	31800	33600
Лесозаводск	-	24078	29769
Спасск	11414	23030	28439
Александровск-на-Сахалине	2748	24905	27200
Николаевск	7356	17314	21700
Иман	4914	13842	17375

Таблица составлена автором на основании источников: На 1941 г. исчисления Хабаровского и Приморского статуправлений. ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 2; ГАПК.

Ф. 131. Оп. 1. Д. 170. Л. 16; Д. 178. Л. 20; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальневосточный край. Якутская АССР. М., 1928. Т. 7. С. 6.

Формирование сети городов в дальневосточных районах страны определялось государственной политикой освоения восточных территорий. Сложность природно-климатических условий, отдалённость территории, слабость транспортно-коммуникативной системы, аграрно-сырьевой характер хозяйствования обусловили создание внегородского сектора промышленности, закрепили за городами функции административно-территориальных центров.

Рост численности общего и городского населения Дальнего Востока России отражает социальные потрясения ускоренной модернизации мобилизационного характера, изменившие ход формирования демографической базы страны в целом и её городской составляющей в особенности, оказав воздействие на весь процесс урбанизации России. Ресурсы сельского населения, поставлявшего мигрантов в города в течение 20—30-х гг. XX в., были исчерпаны и изменили демографический состав городов.

Урбанизация советского государства имела не только экономическое, но и геополитическое значение, поскольку была связана с защитой национальных интересов и обеспечением безопасности восточной границы СССР. Система мер по закреплению населения включала законодательные нормы о юридическом, политическом и профессиональном статусе работников, межотраслевые соглашения. По подсчетам автора, за 1932—1940 гг. было принято 28 постановлений ЦИК и СНК СССР, в которых оговаривался порядок предоставления различных льгот для лиц, проживающих в районах Дальнего Востока. Принимались закрытые постановления и ведомственные распоряжения, поощряющие формирование производственных групп. По линии социального обеспечения предполагались высокие темпы жилищного строительства, инфраструктуры, социально-культурных институтов, повышенный, по сравнению с общесоюзным, уровень заработной платы.

Урбанизация изменила образ жизни всех слоёв дальневосточного общества. Формировался новый тип личности, который стремился вырваться из узких рамок патриархальности. Город как центр индустриального производства, вырабатывая новые формы производственной и социокультурной жизни, становился объектом притяжения, способным удовлетворить запросы наиболее активной части населения, увеличивал ареал влияния на внегородское пространство. Однако все изменения были медленными и непоследовательными. Новые города и посёлки при крупных промышленных предприятиях росли быстро, не располагая финансовыми возможностями для создания городской среды с присущим ей разнообразием занятий, досуга, градостроительных решений. Сложились административные районы, лишённые городской среды в её современном понимании.

Сноски и примечания

¹ Статистический ежегодник. 1923—1925 гг. Хабаровск, 1926. Ч. 1. С. 17—19 (подсчит. авт.).

² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Дальневосточный край. Якутская АССР. Т. 7. С. 5, 194; Стат. ежегодник. 1923—1925 гг. Ч. 1. С. 9; Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года по Дальневосточному краю. Хабаровск, 1927. С. 21.

³ ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 2. Л. 1, 1 об., 2 (подсчит. авт.).

⁴ ГАПК. Ф. 131. Оп. 1. Д. 126. Л. 15; Д. 170. Л. 33; Д. 178. Л. 20; ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 3. Л. 25 (подсчит. авт.).

⁵ Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке в 20—30-е годы XX века. Владивосток, 2000.

⁶ ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 300. Л. 59; Индустрия шагнула к океану. Хабаровск, 1974. С. 201.

⁷ Ткачева Г.А. Миграционные процессы на Дальнем Востоке СССР в 20—30-е годы XX в. // Миграционные процессы в азиатской России в XIX — начале XXI вв.: сб. науч. трудов. Новосибирск, 2009. С. 56-57.

⁸ ГАПК. Ф. 131. Оп. 10. Д. 1. Л. 9об., 13; Д. 5. Л. 3, 6, 8; Д. 9. Л. 12 (подсчит. авт.).

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАЧЕСТВА В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДАХ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В.С. ТОКМАКОВ

Амурская государственная медицинская академия, г. Благовещенск

Повседневная история казачьего заселения и освоения приграничных территорий юга Дальнего Востока на протяжении более полувека представляет собой летопись трудовых подвигов новопоселенцев по освоению суровых и малопригодных для земледелия и скотоводства территорий. Важную роль в адаптации играла предприимчивость казачества, проявлявшаяся в широком круге хозяйственных интересов – от сдачи в аренду земли до накопления торговых капиталов и владения пароходным транспортом. Немаловажную роль в трудовой деятельности казачества играл город, в котором жили как казаки, занятые на рабочих специальностях, так и держатели больших состояний. Успешное развитие казачьего предпринимательства особенно актуально и поучительно для современного Дальнего Востока, сельское хозяйство которого находится в депрессивном состоянии, а из малых и крупных дальневосточных городов идет устойчивый отток населения.

Одним из наиболее привлекательных предприятий для дальневосточного казака была золотодобыча, развивавшаяся в регионе с 1860-х гг. В контракте, заключенном между казаками 1-го Амурского конного казачьего полка и управляющим делами Верхне-Амурской золотопромышленной компании, потомственным почетным гражданином А.И. Нерпиным об уступке рудных золотопромышленных мест мы видим, что описанные условия являлись выгодными для уступающей стороны. Компания платила доверителям 600 руб. серебром ежегодно, которые должны были поступать в войсковой запасной капитал Амурской конной казачьей бригады. За прочие, предоставляемые этим контрактом права деньги по 600 руб. в год поступали в пользу казаков поселка Рейновского, всего же 1200 руб. серебром в год¹.

Однако случались и конфликты между представителями буржуазии и казачества по поводу сдачи золотоносных участков земли в аренду, решавшиеся уже в областных административных органах. В объяснении Наказного атамана Амурского казачьего войска (АКВ), по поводу жалоб купцов Ларина и Некипелова на его действия в отношении сдачи в аренду Джалиндинских земель говорится: «за тем, что касается заявления просителей о той пользе, которую приносят их золотые прииски казачьему населению, то это заявление не могло бы служить основанием к изменению установленного законом порядка отдачи в арендное пользование войсковых земель, даже и в том случае если оно являлось вполне справедливым, а между тем справедливость этого заявления нисколько не поддерживается местным войсковым начальством»².

Среди владельцев объектов золотопромышленности мы неоднократно встречаем представителей войскового сословия. Например, войсковой старшина Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) А.Е. Разгильдеев занимался золотодобычей в Амурской области на протяжении 15 лет (1880–1895), в 1891 г. числился владельцем прииска на реке Ольдой³. Отставной казак АКВ А.Я. Сенотрусов, в 1892–1895 гг. владел прииском «Неожиданный» на реке Уруше, а также был представителем «Средне-Гиллойского золотопромышленного товарищества», в 1893–1895 гг. намыл самостоятельно более 3 пудов золота⁴. Для занятых в данной отрасли, всегда и во всех странах, был характерен образ жизни авантюриста, искателя несметного богатства. Так, Николай Гурбатов, занимался золотоискательством на территории так называемой «Желтугинской республики». Его жена, не выдержав буйного нрава мужа, при том мгновенно тратившего все, что удавалось зарабатывать, ушла жить к одному из сыновей, забрав с собой дочь⁵.

Огромные прибрежные территории, расположенные вдоль таких рек, как Амур, Уссури и др. часто подвергались разрушительным наводнениям. Пострадавшие жители, вынуждены были обращаться за помощью к региональному руководству, сосредоточенному в городах. Местные власти организовывали работу по устранению последствий стихийных бедствий, выделяли средства на восстановление разрушенных хозяйств, начисляли оклады и различные пособия казакам. Многие казачьи семьи станицы Черняева и поселков одноименного станичного округа, расположенного в бассейне Верхнего Амура, страдали от нехватки удобной для хлебопашества земли, сурового климата, наводнений и большой трудоемкости введения в сельскохозяйственный оборот лесистых участков земли. В наводнение 1872 г. дома и посевы многих казачьих станиц были уничтожены полностью. Жители были вынуждены переселяться в Толбузинский, Бекетовский и Ольгинский поселки. Бросать обжитые места приходилось из-за недостатка удобных пахотных земель. В 1880-х гг. в пос. Кузнецовском наблюдалось наличие заброшенных пашен. В период, с 1870 по 1874 г. он потерял семь дворов. В конце XIX в. здесь насчитывалось 62 жителя, что соответствовало населению Кузнецовского поселка в первые годы после основания. По аналогичным причинам пять семей покинули хутор Ермаковский в 1870-е гг.⁶ Но и здешние жители находили дополнительные источники доходов, некоторые были удачливы в предпринимательской деятельности. Так, казак Семен Баженов имел баню с четырьмя номерами, в которой торговал квасом. Антон Савин имел бакалейную лавку и большой магазин в станице Черняева Амурского казачьего войска, а в компании с китайцами владел четырьмя домами, которые сдавал в аренду⁷.

Охотой, одним из главных дел, казаки занимались, по словам Р.К. Богданова, не столько ради удовольствия, сколько ради приобретения рыбы и мяса. промысел белки считался одним из самых важных, так как являлся одним из источников товарно-денежного обмена между казачьими хозяйствами. Ходили также на зайца, лося, кабана и других животных⁸.

Торговля, ориентированная на город, способствовала развитию контактов между купеческой городской и казацкой сельской культурой.

Активно занимались казаки рыболовством. Этот промысел приносил им от 200 до 2000 руб. в год и являлся одним из основных источников дохода. Пойманная рыба употреблялась в пищу, засаливалась, шла на продажу. Старший урядник АКВ Кривонос в 1887 г. арендовал участок на Амуре, где занимался рыбалкой и продажей рыбы. В станице Донской Уссурийского казачьего войска отдельные домохозяева вылавливали до 7 тыс. пудов рыбы, которую продавали свежей своим же казакам по 10-15 коп. за пуд, а в поселке Усть-Медведицком рыбу засаливали и продавали по цене от 80 коп. до 1 руб. 10 коп. за пуд. Уссурийским казакам сопутствовал успех в рыбалке, только за период 1891-1895 гг. их доходы от этого вида деятельности возросли с 35 до 55 тыс. руб.⁹ Помимо свежей рыбы, часто сбываемой на месте, соленая могла реализовываться на городских ярмарках.

Казаки и солдаты линейных батальонов, сыгравшие ключевую роль в основании и первоначальном строительстве таких городов, как Благовещенск, Хабаровка, в дальнейшем закрепившись на селе, не утрачивали связи с городом, для последнего сельская местность выступала в качестве сырьевой базы, обеспечивающей города необходимыми ресурсами.

В опубликованных материалах о населении г. Благовещенска в 1858–1863 гг. встречаются сведения о представителях казачьего сословия. Например, с семейством здесь жили: А.Г. Геце, сотник 2-го Амурского казачьего полка, И.И. Трушанский, командующий 1-м казачьим пешим батальоном, И. Павлов, ветеринарный фельдшер казачьего пешего батальона¹⁰. Обустроиться в городе имели возможность войсковые чины, а также отставные казаки, занимавшиеся предпринимательством. Среди жен городских жителей мы неоднократно встречаем казачек.

О развитии торговли и иных промыслов в среде казачества юга Дальнего Востока мы можем судить по обобщенным количественным показателям хозяйственно-экономической деятельности. О.А. Устюгова приводит ряд фактов, свидетельствующих о постепенном росте доходов казачьих семей. Например, уже в первые годы существования войск количество магазинов и лавок быстро росло. В 1863 г. на территории АКВ насчитывалось 4 лавки, в 1867 г. - уже 6, а в 1868 – 11. В Уссурийском казачьем пешем батальоне было 9 частных лавок. В 1901 г. на территории Уссурийского казачьего войска (УКВ) действовало 11 лавок (три из которых принадлежали китайцам), приносивших казачьим обществам в среднем от 25 до 80 руб. годового дохода¹¹.

Большую роль для казачества играли извоз и почтовая гоньба. Если извозом занимались как крестьяне, так и казаки, то почтовая гоньба была фактически прерогативой последних – отмечалось в губернаторских отчетах начала 1860-х гг.¹² Имея лучшую обеспеченность лошадьми (в 1880-е гг. в среднем 5,6 лошади на хозяйство, у крестьян – 3,5 лошади) казаки Амурского войска от содержания станций и почтовой гоньбы заработали в 1886 г. 155826 руб., крестьяне лишь 6500 руб.¹³

Наряду с почтовой гоньбой и извозом, постоянно практиковавшийся с середины XIX в. сплав заготовленного леса по Амуру, давал местным казакам до 50 тыс. руб. ежегодно. В 1892 г. только заготовка дров для пароходов товарищества Амурского пароходства принесла им свыше 40 тыс. руб.¹⁴

Обследование речного транспорта установило непосредственное присутствие казаков в среде рабочих этой отрасли. В частности, по переписи судоходцев Амура, проведенной в 1910 г., среди обследованных их было выявлено около 5%, в том числе среди матросов 7%, из числа горничных и кухонной прислуги – 9,5%, среди командиров и их помощников от 6,2 до 6,7%, среди рулевых, лоцманов, официантов – от 0,8 до 3,9%¹⁵. Встречались представители казачества и среди судовладельцев. Так, Саватей Андреевич Вертопрахов являлся главой товарищества «С.А. Вертопрахов и К^о», имевшего в своем распоряжении пароход «Хлопец», баржи «Тунгузка» (стальная, 1896 г. производства), «Кречет» (стальная, 1896 г.), «Дивчина» (деревянная, 1906 г.)¹⁶.

Трудились представители казачества также в обрабатывающей промышленности: в металлообработке, кузнечном деле, мукомольном и деревообрабатывающем производстве. В Приморской области в 1903 г. было выявлено 20 казаков среди рабочих лесопильных предприятий, 2 – мукомольных, 2 – кузнечных, 5 – полиграфических и других предприятий¹⁷.

На рубеже веков в казачьей среде имелись крупные предприниматели. Например, казак Колышкин из поселка Графское УКВ поставлял лес на железную дорогу и для этой цели нанимал до 50 рабочих. Уссурийский казак В. Шабанов, в 1896 г. владевший имуществом на сумму 25570 руб., приобрел в частную собственность участок земли, площадью 50 дес., где построил здание лесопилки и другие сооружения. На его предприятиях использовались современные машины: локомобиль, лесопильная машина, паровая мельница¹⁸. Развивалось предпринимательство у амурских казаков и в сельском хозяйстве. Например, Тимофей Семенович Коренев, один из основателей станицы Поярково, возглавлял товарищество «Т.С. Коренев и Сыновья», занимавшееся уборкой и переработкой зерна, скотоводством, различными подрядами в сельской местности, имела в их распоряжении мельница¹⁹.

Закономерным являлся переход в крупные собственники старших казачьих офицеров, имевших различные преимущества служебного характера. Тем не менее, предпринимательскую активность проявляли и многие рядовые казаки. Первый амурский археолог А.Я. Гуров, казак, упомянутой выше станицы Поярково, работавший учителем в школах округа с 1895 по 1901 г., занимавший должность станичного казначея в 1914-1920 гг., уже после революций 1917 г. был членом правления кооператива и председателем кредитного товарищества в 1924-1925 гг.²⁰

Отходничество как явление, характерное для сельской местности, в том числе и для казачьих земель, позволяло пополнить семейный бюджет. Часто казаков приводила в город на заработки не их предприимчивость, а поиск средств к существованию, особенно в годы неурожая, после наводнений. В число отходников попадали и казаки, вернувшиеся с войны. В приказах по

УКВ от 6 сентября 1914 г. отмечалось: «за последнее время вновь замечается большое количество казаков служилого разряда, проживающих в городах, часто без всякой работы, или вырабатывающих лишь столько, сколько требуется на дневное пропитание. Не говоря о тлетворном влиянии городов на молодежь, о чем каждый знает из нас, мое внимание обращено на то обстоятельство, что бродячие по городам казаки в большинстве своем не представляют собой людей, имеющих прочные места, являющиеся преимущественно чернорабочими, поденщиками, не имеющими, ни в городе, ни в станице никакой оседлости. Это обстоятельство полностью отношу к вине поселковой и станичной администрации, которые не только выдают билеты, но и предоставляют простые удостоверения без срока действия, казакам служилого разряда, не проверив предварительно насколько он (казак) исправен, прежде всего, в его главной обязанности – боевой готовности» - заключает наказной атаман УКВ»²¹.

Запустив хозяйство в период участия в вооруженных конфликтах, одинокие казаки вливались в число городских рабочих. «Возвратившись с войны, такой одиночка застаёт свой домишко похилившимся, кругом ни кола, ни двора: все ушло на дрова; о скотинке и помину нет: все продано за невозможностью одинокой женщине заготовить сено. С горя казак начинает пить и... идет в работники, увеличивая число бездомных пролетариев. Скажут, а что же смотрит общество; ведь, например, Грибский в приказе строго велел заботиться о таких хозяйствах. Но это только слова. Своя рубашка ближе к телу», - пишет Р.С. Иванов²².

На протяжении нескольких десятилетий казаки активно вживались в новые природно-климатические и социально-экономические условия юга Дальнего Востока России. Они осваивали, помимо земледелия и скотоводства, самые различные промыслы в сельской местности (охота, рыболовство), сдавали в аренду земельные наделы, участвовали в золотодобыче региона, занимались торговлей, работали в городе на различных предприятиях. Контакты между сельской казачьей и городской культурой были особенно характерны в условиях модернизации российской экономики, в период бурного промышленного развития региона в начале XX в. Дальневосточный город (Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийский и др.) способствовал росту благосостояния казачьего населения, развитию кругозора и самосознания.

Сноски и примечания

¹ ГААО. Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 3. Л.6.

² Там же. Л. 2.

³ Деловой мир Приамурья (вторая половина XIX – начало XX вв.). В 2-х тт. Т. 2. – Благовещенск, 2013. С. 155.

⁴ Там же. С. 168.

⁵ Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006. С. 17.

-
- ⁶ Ворон Л.В. Станица Черняева: историко-краеведческий очерк по материалам Г.Н. Шохирева. Благовещенск, 2006. С. 20.
- ⁷ Там же. С. 22.
- ⁸ Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом: с 1849 по 1880 гг.//Амурские казаки в 2-х тт. Т. 2. Благовещенск, 2008. С. 71-79.
- ⁹ Устюгова О.А. Развитие торговли у казаков юга Дальнего Востока России во второй половине XIX в.//Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Хабаровск, 2009. С. 52.
- ¹⁰ История Благовещенска. 1856 – 1917. В 2-х тт. Т.2. Благовещенск, 2009. С. 388, 396, 400.
- ¹¹ Устюгова О.А. Развитие торговли у казаков юга Дальнего Востока... С. 50.
- ¹² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3260. Л. 1067. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 88. Л. 13.
- ¹³ Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. – СПб., 1912, С. 560-563.
- ¹⁴ Устюгова О.А. Развитие торговли у казаков юга Дальнего Востока... С. 52.
- ¹⁵ ГААО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 38. ЛЛ.: 4, 11 об., 12; Состав и условия труда судоходцев Амурского бассейна. Благовещенск, 1913. С. 14.
- ¹⁶ Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.). В 2-х тт. Т. 2. Благовещенск, 2013. С. 32, 282.
- ¹⁷ Галлямова Л.И. Казачество как фактор становления и развития дальневосточного рынка труда //Казачество Дальнего Востока России в XVII – XXI вв. Хабаровск, 2006. С. 42.
- ¹⁸ Усурийское казачество: история и современность. Владивосток, 1999. С. 24.
- ¹⁹ Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.). В 2-х тт. Т. 2. Благовещенск, 2013. С. 78.
- ²⁰ Там же. С. 43-44.
- ²¹ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 36. Л. 198 об.
- ²² Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска //Амурские казаки в 2-х тт. Т. 1. Благовещенск, 2008. С. 162.

СОЗДАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ THE PAN PASIFIC UNION ВО ВЛАДИВОСТОКЕ КАК НАЧАЛО ПУТИ К СБЛИЖЕНИЮ НАРОДОВ ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА (1921-1922 гг.)

Н.А. ТРОИЦКАЯ

*Российский государственный исторический архив
Дальнего Востока (РГИА ДВ), Владивосток*

В начале XX в. особое место в мировом политическом процессе занял Тихоокеанский регион, став ареной активного политического противостояния и одновременно экономического и культурного взаимодействия. Недаром в это время Тихий океан все чаще стали называть «Средиземным морем». Бесспорно, доминирующей характеристикой того периода была борьба, вплоть до мировых войн, однако тогда же проклюнулись ростки иного миропонимания – толерантности и сотрудничества. В доступных нам источниках отразился этот ранний опыт пан-тихоокеанского единства – создание и деятельность Всетихоокеанского союза (The Pan Pacific Union, PPU). Конечно, опыт не столь заметный, как деятельность аналогичных современных организаций, таких, к примеру, как АТЭС, но от этого не менее интересный. Для исследователя данный сюжет заманчив еще и потому, что восстановление его реалий осложнено отсутствием или плохой сохранностью источников. В РГИА ДВ имеются документы, объединенные в одно дело фонда р-800 «Сибирское отделение Всетихоокеанского союза». В основном, это копии документов – отпуски писем-приглашений на мероприятия, информационно-отчетных писем и др. Фонд, история формирования которого не ясна, датируется 1920 г., что не совсем соответствует реальности, так как основная масса документов касается событий 1921 г. Ценным дополнением к материалам фонда является газетная информация, в частности, сведения, представленные в одной из самых серьезных региональных газет этого времени – «Голос Родины». Попытки отыскать информацию о PPU в мировой информационной сети дали незначительные результаты, только подтверждающие общую недостаточность документальных свидетельств, но все же кое-какие моменты из этой истории восстановить удалось.

В сложных политических условиях мая-июня 1921 г. во владивостокской газете «Голос Родины» появилась информация о том, что в 1920 г. «в целях взаимного изучения и культурного и экономического сближения стран, окружающих Тихий Океан и находящихся в его архипелаге, возник Всетихоокеанский союз»¹. В него вошли 29 государств, нацеленных на позитивное сотрудничество с соседями по региону. Инициатором создания Союза являлся Александр Хум (Хьюм) Форд, председателем (президентом?) – губернатор Гавайских островов Ч. Маккарти. Александр Форд – «организатор от природы, эксцентричный

журналист и исследователь», просто энергичный и неуемный человек. Знакомец Джека Лондона, он увлекался серфингом, и даже основал на Гавайях первый в мире клуб серфинга (1908 г.)². Этому бесстрашному покорителю океанских волн удалось, опередив время, настроиться на новую волну человеческих отношений. Как отметил один из пионеров изучения деятельности PPU американский исследователь Пол Хупер (Paul Hooper), в первой половине 1920-х гг. идея создания региональной международной организации аналогичной Панамериканскому союзу была особенно популярна на Гавайях³. Для А. Форда многонациональные Гавайи были наиболее убедительной моделью улучшения отношений во все более взаимосвязанном мире. А мир в это время балансировал на грани войн, в том числе на Тихом океане.

Свое видение причин создания Тихоокеанского союза выразил современник и соратник Форда, профессор международного права М.П. Головачев в интервью харбинской газете «Свет» в 1921 г., подчеркнув, что «превращение Тихого океана в современное средиземное море создает возможную угрозу острой формы конфликтов между соперничающими державами» и чревато катастрофическими последствиями для всего человечества⁴. По мнению профессора, глобальные вопросы разоружения и мирного политического развития должна была решать Вашингтонская конференция, а вот общекультурную функцию: «сближение общественных различных стран на почве общих и примиренных интересов» - *уже выполняет (курсив мой – Н.Т.)* Все тихоокеанский союз⁵. М.П. Головачев был представителем этого союза в полосе отчуждения КВЖД.

По американским источникам П. Хупер уточнил и дополнил сведения из российской газеты: Союз был создан в 1917 г. при поддержке президента В. Вильсона. Ассигнования на его деятельность шли от Конгресса США и администрации Гавайев. К лету 1921 г. PPU открыл музей, организовал поездку 70 американских сенаторов для изучения Японии и Китая, провел несколько конференций и наладил издание информационных бюллетеней. Деятельность Союза закончилась с началом второй мировой войны, его создатель А. Форд умер в 1946 г.

Население российского Приморья в начале 1920-х гг. довольно ясно ощущало беспомощность действующих политических сил удержать эти территории от гибели. Возможно, привлекательная идея регионального единства давала слабую надежду на будущее, поскольку исход из Владивостока был реален в страны именно тихоокеанского региона. Следует отметить, что владивостокцы-мигранты из центральной России по-прежнему воспринимали тихоокеанское побережье как «далекую восточную окраину», являющуюся землей неизвестной «для окружающих культурных стран»⁶, хотя это не соответствует действительности. Бизнесмены и политики Японии, Китая, Америки и других стран располагали достаточными сведениями о богатствах российского тихоокеанского побережья, о чем свидетельствует их

активное вмешательство в политическую и экономическую жизнь региона в 1917-1922 гг.

Естественно, что интеллигентная часть местного общества не только задавалась вопросами, но и искала реальные пути выхода из создавшейся ситуации. Идея все тихоокеанского союза пришлась по сердцу проповедникам сибирского областничества, таким как М.П. Головачев и члены редколлегии его харбинского детища – журнала «Сибирские вопросы» востоковед А.Н. Петров и юрист С.П. Никонов⁷. Абсолютному большинству деловых людей также было ясно – спасти страну может только поступательное экономическое развитие. Буквально накануне создания отделения Союза профессор ГДУ А.Н. Петров и инженер-нефтяник М.А. Шмидт выступили инициаторами создания «Приморского акционерного общества русской промышленности», нацеленного на восстановление экономического потенциала региона при опоре на государственную помощь (до 40 % акций)⁸.

Аркадий Николаевич Петров, который побывал на Гавайях и получил поручение вовлечь в него представителей России, во Владивостоке собрал инициативную группу и провел собрание учредителей Сибирского отделения (Siberian Branch) Все тихоокеанского союза. В их числе значатся вузовские профессора М.П. Головачев, П.И. Девин, П.П. Гудков, С.П. Никонов, журналист-экономист К.К. Куртеев, предприниматели К.П. Лавров, братья Бринеры, В.И. Перескоков, дипломаты, сотрудники консульств А. Кейв (Великобритания), А. Ошкорн, Николе (оба – Франция), Ватанабе (Япония), Д. Макгаун (САСШ), Фан Цытуан (Китай) и др.

По данным газеты «Голос Родины», учредительное собрание состоялось 11 июня 1921 г., однако, согласно архивным документам, выборы проходили 14 июня. На заседании были озвучены цели и задачи отделения Союза, принят устав. Выступающие подчеркнули, что «страны Тихого океана продолжают двигаться вперед, и нужно помочь этому путем сотрудничества и взаимного ознакомления стран и народов» (С.П. Никонов), что работа в Союзе означает «участие в великом переселении из Европы на восток духовных и материальных ценностей» (М.П. Головачев). Всё вместе это означало «великое дело объединения народов Тихоокеанского побережья на почве мирного культурного развития»⁹.

Организационными вопросами занимался секретариат (президиум) Комитета Отделения в составе президента – профессора С.П. Никонова, секретаря – командира отдельной роты морских стрелков Сибирской флотилии Г.И. Черткова и казначея – директора Мореходного училища А.К. Забего¹⁰. Одной из важнейших в деятельности секретариата была проблема с размещением. Секретариат располагался на ул. Полтавской, 4, кв. 7, для многолюдных заседаний пользовались помещениями, «любезно» предоставляемыми Обществом изучения Амурского края. Общие собрания проводили в зале этнографического отдела ОИАК или конференц-зале

Мореходного училища. Инициатива по строительству собственного здания «Пасифик-клуба» в самом центре города в Городском саду (угол Китайской и Светланской улиц) получила одобрение городской администрации. Однако финансовые возможности отделения были невелики, так как формировались главным образом за счет членских взносов, поэтому затея со строительством осталась на бумаге.

Информационное бюро, в составе профессора А.Н. Петрова и секретаря Г.И. Черткова, занималось вопросами пропаганды целей и задач Союза, а также связями с Центральным Комитетом Всетихоокеанского союза (Гонолулу) и ближайшими его отделениями в Шанхае и Токио. Связь с Токийским отделением обеспечивал известный экономист, знаток рыбного дела К.П. Лавров. Важное место в работе занимал обмен бюллетенями, регулярность поступления которых особенно волновала Сибирское отделение. Поэтому одной из актуальных задач было издание на двух языках – русском и английском – собственной газеты «Тихий океан». Она должна была сообщать «точную, основанную на новейших научных и статистических данных, информацию о крае: его климате, флоре, фауне, полезных ископаемых, условиях жизни, туризме и спорте, земледелии, торговле и промышленности», а также «об общем поступательном ходе развития культуры и прогресса стран», вошедших в Союз¹¹. Из-за финансовых проблем осуществить это начинание также не удалось.

Практическая деятельность Отделения проходила в рамках Комитета, в ней принимали участие не только русские ученые и предприниматели, но и «представители» китайских (Тон Шочин), английских (Д.А. Браун) и иных «торговых интересов». Коллективными членами являлись Общество изучения Амурского края и Управление делами Добровольного Флота. Члены Комитета работали в отделах, секциях и комиссиях, например, таких как секция по изучению проблем Тихого океана, секция по изучению горных богатств и подготовки отдельных районов к эксплуатации, секция по распространению языка «эсперанто» и др.

К сентябрю 1921 г., за три с половиной месяца работы, были проведены 2 общих собрания и 8 заседаний комитета.

Особенно активно прорабатывались вопросы содействия экономическому развитию, первыми шагами на пути к которому были изучение и презентация богатств русского Дальнего Востока. Для этого был создан под наблюдением председателя С.П. Никонова и под руководством А.Н. Петрова специальный экономический отдел, работавший по адресу: ул. Светланская д. 5, кв. 13. В начале 1922 г. в его составе действовали следующие, возглавляемые специалистами, подотделы: а) лесной индустрии, б) морской и речной промышленности, в) торгового транспорта и г) справочно-консультационный. Планировались к открытию подотделы: горнозаводской промышленности, сельскохозяйственный и сырьевой¹². Профессор Томского технологического института геолог П.П. Гудков сделал

«чрезвычайно интересный» доклад о будущем русской горной промышленности на Дальнем Востоке. Помещенный в периодической печати, он вызвал большой интерес со стороны деловых кругов¹³. В начале 1922 г. в комитете обсуждали материалы международной коммерческой конференции в Маниле¹⁴, послать делегатов на которую отделение не могло опять-таки по причине отсутствия финансов.

Особое направление в деятельности Сибирского отделения олицетворяла Комиссия помощи голодающим Сибири, а затем и в России. Прежде всего, это связано с тем, что президент С.П. Никонов представлял в Комитете помощи голодающим России, а также с тем, что члены отделения надеялись вовлечь в дело оказания помощи голодающим России другие тихоокеанские страны. На практике удалось сделать немного: распространить листовку-информацию на нескольких языках, включая «эсперанто», а также организовать «голодную» лотерею. В опыте ее проведения следует отметить использование зарубежных, в частности, корейских студентов в качестве распространителей билетов лотереи на их родине. Владивостокская профессура справедливо делала особую ставку на молодежь. С начала 1922 г. Сибирское отделение Всетихоокеанского союза запланировало цикл лекций по экономике, промышленности и природе стран «нового Средиземного моря» в клубе Христианского союза молодых людей «Маяк».

В документах отразились следы и более конкретной деятельности Отделения, связанной с развитием города Владивостока. В 1921 г. члены Союза обсуждали проект известного местного инженера и архитектора В.Ф. Ливина по строительству Отеля-курорта на 19-й версте.

Однако, несмотря на большое желание учредителей, Приморью стать полноправным членом организации не удалось. Непосредственно в штаб-квартире в Гонолулу побывал только профессор А.Н. Петров. Туда же осенью 1921 г. накануне «Всетихоокеанского дня» отправился вице-президент Отделения американский инженер Ч.Х. Смисс, но результаты его поездки неизвестны. Безответными стали приглашения представителей отделения на конгрессы по народному образованию и по печати в 1921 г. Естественно, что без дальневосточников прошла крупнейшая Всетихоокеанская торговая конференция, торжественное открытие которой состоялось 25 октября 1922 г. в Гонолулу. Она была созвана Всетихоокеанским союзом для разрешения целого ряда экономических проблем из представителей «от всех народов и наций, живущих по берегам Тихого океана». Основной задачей конференции являлось «выяснение ... условий и возможностей мирного торгово-промышленного существования отдельных стран Тихоокеанского побережья». Для обсуждения были предложены вопросы: меры, направленные на облегчение денежного обращения в странах Тихого океана путем установления единой денежной единицы, выработка общего типа векселя, создание международного

третьей суда по торговым делам, установление свободных зон и свободных гаваней на Тихом океане¹⁵. Актуальность данных вопросов для современных форумов Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества говорит о том, что затея А.Х. Форда пришлась не ко времени. Человечеству нужно было пройти через ряд военных конфликтов, чтобы понять перспективность взаимодействия, а не конфронтации. А президент Сибирского отделения профессор С.П. Никонов по вполне объективным причинам не смог принять участие в столь важном мероприятии. 25 октября стало точкой отсчета новой эры исторического времени для российского Дальнего Востока.

Вот та не слишком обширная информация, которую удалось восстановить по доступным источникам. Опыт мизерный, главным образом, организационный и информационный. Опыт полезный, уже хотя бы тем, что люди в состоянии решать вопросы и мирным путем, узнавая друг друга лучше и стремясь к пониманию, а не к противостоянию, что наглядно продемонстрировал проведенный в 2012 г. во Владивостоке саммит АТЭС.

Сноски и примечания

¹ Голос Родины. 1921. 17 июня.

² Режим доступа: www.russian-hawaii.ru (Русские Гавайи).

³ Режим доступа: libweb.hawaii.edu/libdept/archives/mss/ppu.htm

⁴ Свет. 1921. 29 июля.

⁵ Интересно, как в названиях союза на разных языках проявляются разные смыслы: русскоязычное – сугубо географическое, английское – таит в себе умиротворенность, то, к чему стремился А.Форд.

⁶ РГИА ДВ. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁷ См.: Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 19-24; Отдельные Биографические данные см.: Хисамутдинов А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока. Вып.1. Владивосток, 2007 и др.

⁸ Голос Родины. 1921. 17 июня.

⁹ Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 34

¹¹ Там же. Л.16.

¹² Голос Родины. 1922. 3 февр.

¹³ Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 1. Л. 93.

¹⁴ Голос Родины. 1922. 23 февр.

¹⁵ Голос Родины. 1922. 31 окт.

СОВРЕМЕННОКИ О ТОРГОВЛЕ В ГОРОДАХ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)*

О.А. УСТЮГОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

В рамках изучения процессов урбанизации Дальнего Востока России большой интерес представляет возможность воссоздания повседневной жизни дальневосточных городов. Источники личного происхождения позволяют изучить новые стороны торговых отношений, поскольку торговля внутри городов, а также многое из того, что с ней было связано, являлось значительной частью повседневной жизни людей. Имеющиеся в нашем распоряжении издания мемуарно-публицистического характера (прежде всего, статьи, записки и путевые заметки) А.В. Вышеславцева, С.В. Максимова, Д.И. Стахеева, Н.М. Пржевальского, А.А. Алябьева, В.В. Крестовского, Д.И. Шрейдера, Г.Т. Мурова, Ю. Лигина содержат сведения о торговле в Николаевске-на-Амуре, Благовещенске, Владивостоке и Хабаровске.

Практически с самого начала заселения края в городах в том или ином виде осуществлялись все формы организации торговли. Существование развозно-разносной торговли было обусловлено большими расстояниями между населенными пунктами: торг в городах, расположенных по р. Амуру, производился во время навигации при проходе и остановке судов, особенно интенсивно развивалась торговля с барж. Такой способ товарообмена сохранился, хотя и в меньших масштабах, до начала XX века. Вот как описывает приход барж из Читы в Благовещенск Д.И. Стахеев: «Стечение этих неуклюжих барок, сильно оживляет город в особенности по набережной улице. Около берега стоят 5-6 барж и идет в них торговля. Чиновники с супругами, казаки, казачки, маньчжуры, – все спешат к баржам и производят в них нечто подобное толчее. Только к полудню около барж толпа редет и делается посвободнее. Я пошел посмотреть на торговлю, зашел в одну из барж, – покупателей было очень немного, да и те, видимо зашли полюбопытствовать»¹. На городской пристани Николаевска баржи, сплавлявшиеся с верховьев Амура с провизией и товарами, вытаскивали на берег, прорубали двери и окна и использовали в качестве магазинов и складов².

Жизнь обитателей дальневосточных городов во многом была подчинена своеобразному «ритму» привоза товаров: население закупало продукты на приходивших весной баржах, поскольку в городских лавках еще зимой все было распродано³. Очередной подвоз товаров сопровождался всеобщим оживлением, как писал А.В. Вышеславцев: «Показавшиеся вдали славы производят в Николаевске впечатление, подобное тому, какое туча,

* Статья подготовлена при поддержке грантов ДВО РАН № 12-1-П33-05 и № 12-III-A-11-220.

полная дождя, производить где-нибудь в Сахаре. В мечтах, вместо вечной осетрины, является питательный бифстекс, масло для каши, новый сюртук вместо настоящего, начинающего протираться на локтях: все это дадут давно желанные сплавы, а главное, понизится цена и на сахар, и на белую муку, и на мясо»⁴.

Следует отметить и дороговизну жизни в дальневосточных городах: трудности с доставкой товаров обуславливали их высокую стоимость. В Хабаровке незначительное снижение цен происходило только летом, когда с верховьев Амура приходили баржи с товарами из Читы и Иркутска для продажи в Благовещенске и Николаевске-на-Амуре⁵.

Для налаживания сбыта и привоза товаров в больших масштабах требовалась более высокая форма организации торговли – стационарная, т.е. торговля из постоянных торговых заведений – лавок и магазинов. Первые стационарные торговые точки появились в городах довольно рано. В то время лавки, как правило, находились в домах купцов. В 1857–1860 гг. в Николаевске существовало несколько лавок, большая часть которых принадлежала американцам⁶. По воспоминаниям С.В. Максимова, дома американцев были разделены на две половины, в одной помещался полутеплый магазин с товарами, в другой – жилище самого купца. Гамбургские немцы строили двухэтажные дома: на верхнем этаже находилась квартира хозяина, а на нижнем – магазин с кое-какими мелочами и с огромным запасом водки и рома⁷. Многие современники отмечали, что спиртные напитки являлись одной из самых главных статей дохода для местных купцов⁸.

Ассортимент товаров в лавках во многом зависел от привоза; здесь иногда можно было достать все, а иногда – почти ничего. «Вместо холста и полотна везут кринолины и шляпки, вместо ржи и пшеницы – американские сухари и презервы, вместо колониальных товаров – один только ром и шерри. Купец отчасти прав в своих коммерческих соображениях, если на временном и вынужденном (климатом и другими обстоятельствами) затребовании крепких напитков исключительно основывает приготовление своего корабельного груза»⁹, – отмечал С.В. Максимов. Мясо, вялое, сухое и невкусное, жители Николаевска-на-Амуре ели только тогда, когда его доставляла казна, чай пили без сахара в течение нескольких месяцев и вдруг привезли сваренное в Америке варенье из ананасов¹⁰.

В Благовещенске в 1860-е гг. торговали разными мелочами в особых, рядом выстроенных деревянных лавках, которые ничем не отличались от мелких лавок уездных российских городов. Как писал Н.М. Пржевальский, магазины некоторых из русских купцов были «довольно сносны, по своему наружному виду, но зато дороговизна в них страшная и все товары, обыкновенно продаются, по тройной, или, только в самых редких случаях, по двойной цене, против своей номинальной стоимости»¹¹.

Хабаровка в это время была застроена домами батальонного штаба и Амурской компании¹², в которых велась торговля. Купцы торговали в основном спиртными напитками, а также пользовавшимися спросом у

китайцев тканями (прежде всего, дабой); другие товары привозились в небольшом количестве, чтобы замаскировать продажу главного источника доходов – водки. «В Хабаровке этих лавок считается десять, но из них более других порядочны только три, остальные же, как по своему наружному виду, так еще более по внутреннему содержанию, ничем не отличаются от обыкновенных кабаков», – писал Н.М. Пржевальский¹³.

К началу XX в. в дальневосточных городах появились «торговые дворцы» «И.Я. Чурина» и «Кунста и Альберса» – с куполами, по образцу московских торговых рядов. По меткому наблюдению Ю. Лигина: «То, что на Западе явилось продуктом новейшего развития, – лавка-дворец, в которой имеется все, – хлеб, мясо, обувь, одежда, мебель и железо, – то здесь выросло на девственной почве нетронутой еще человеком земли. И когда попадаешь в роскошные помещения одного из этих торговых дворцов, только по одному признаку замечаешь, что находишься в Азии: обязанность заворачивать покупки в бумагу возложена на китайских мальчиков – «боев»¹⁴. Большая часть магазинов на городском базаре Благовещенска к этому времени уже была оснащена стеклянными витринами, перед которыми постоянно толпились любопытные горожане. Перед зданиями были уложены каменные панели и установлены большие электрические фонари¹⁵.

Стремление купцов к быстрому обогащению подталкивало их к использованию широкого арсенала методов нечестной торговли. Довольно часто, желая получить максимальную прибыль, они прибегали к обману покупателей, торгуя некачественным товаром и завышая цены в полтора-два раза¹⁶. «Что же касается до мануфактурных товаров первой потребности, то все они отвратительно гадки и непомерно дороги. Все, что залежалось в Иркутске, что сгнило в Гамбурге, отправляется сюда, сходит с рук и дает богатую наживу здешним торгашам»¹⁷, – отмечал А.А. Алябьев.

«Дорого и неудобно было жить на Амуре! – резюмировал С.В. Максимов, – ...маньчжуры охотно продают и могут продавать одну только водку, да в урожайные годы хлеба немного. Американцы с николаевской стороны идут тем же маньчжурским путем и на Амуре явились только искатели приключений из Калифорнии и тоже продают почти одну водку. Амурская компания скупает исключительно соболей для себя, да привозит из Гамбурга дешево приобретенные, но мало пригодные для амурцев товары»¹⁸.

Торговля во Владивостоке получила импульс к развитию в начале 70-х гг. XIX в., когда сюда был переведен из Николаевска-на-Амуре главный российский порт на Тихом океане. Во Владивосток были перемещены все служащие морского ведомства, которые и стали основными покупателями. По словам Д.И. Шрейдера: «Вся энергия и деятельность его жителей сосредоточивались и вращались только около портовых управлений, воспитавших всю местную торговлю и предприимчивость: в морских складах закупались сухари, масло и др. продукты, каких или вовсе не существовало в продаже, или же на которые цены стояли безбожно высокие... Морское

ведомство явилось, вместе с тем, и главным потребителем местной торговли и таких продуктов, как лес, дрова, мясо и прочее»¹⁹.

Периодическая торговля в городах юга Дальнего Востока России осуществлялась на городских рынках, базарах и ярмарках. Уже в 1860-х гг. в Николаевске-на-Амуре возле бульвара действовал «маленький рынок, тот же клуб, но только народный. На рынке этом сумели уже собрать всякий разнокалиберный хлам и лом и привлечь любопытного матросика, для которого есть тут уже всяческий соблазн: крепчайший до тошноты манчжурский и нерчинский табак, есть погребок, есть и кусок жареного на лотке»²⁰.

В Благовещенске, каждый месяц в течение двух недель, проходила так называемая маньчжурская ярмарка. На берегу Амура для этих целей был выстроен гостинный двор – несколько десятков сколоченных из шестов лавчонок. Русские купцы не торговали на базаре, поскольку лавки были пристроены к их собственным домам²¹. Благовещенские купцы вели с маньчжурами дела отдельно от ярмарочной торговли, на дому: приобретали крупные партии муки и быков и сплавляли вниз по Амуру до Николаевска, где нередко продавали на иностранные корабли или выменивали на джин, портер и т.п.²²

Ярмарка начиналась в девять часов утра; десятки лодок приставали к русскому берегу, маньчжуры выгружали свои товары, китайский чиновник – нойон – ударял несколько раз в бубны и ярмарка с этого момента считалась открытой²³. Вечером снова раздавался удар в бубны, маньчжуры укладывали свои товары в лодки и отплывали в соседнюю деревню на другом берегу Амура (ночевать на русской земле им не разрешалось под страхом жестокого наказания), «на другой день опять каждый из них перебивает по несколько раз (утром, в полдень, вечером), забежит в каждый дом, чтобы поздороваться и пригласить в свою лавку»²⁴.

Торговались покупатели следующим образом: «поселенец подходит к лавке и высматривает, что ему нужно, потом берет известный продукт в руки и показывает его маньчжуру. Маньчжур поднимает пальцы кверху, означая ими количество пятаков, требуемое им за покупаемую вещь»²⁵. Все привозные товары стоили дорого, к тому же их необходимо было приобретать на серебро, которое было редкостью. Серебряный рубль можно было приобрести, заплатив за него от 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 50 коп. кредитными билетами; этот обменный курс иногда поднимался до 1 руб. 70 коп., а бывало, что и до двух рублей. Маньчжуры принимали и бумажные деньги, но за вещь стоявшую «два селебла (два серебряных рубля), просили три бумасеки (3 рубля)»²⁶.

На ярмарке можно было приобрести овес для лошадей, табак, буду для солдатского приварка и каши, муку, зелень и соленья, иногда замороженное мясо и фазанов, а с наступлением морозов в продаже появлялись и заледеневшие яблоки, виноград и груши из Цицикара. Предлагались к продаже также «экзотические» китайские товары, не пользовавшиеся спросом у русских покупателей: маньчжурские вяленые шляпы, обувь,

картины, сушеные прогнившие сласти и др.²⁷ Однако самым востребованным товаром были спиртные напитки: «В водке главная суть, смак и поддержка утлой, искусственной благовещенской ярмарки... Солдат после тяжелых работ и поселенец из сырых землянок, выносили заработанное и справедливо заслуженное право на водку, при недостатке казенного спирта, и пили скверную араки, не разбирая, что она продается в холодном виде, но пьется подогретой»²⁸.

Необходимо отметить, что в условиях дефицита общения в однообразной и монотонной жизни городов дальневосточной окраины ярмарки и базары были своеобразным развлечением для местного населения. По словам С.В. Максимова: «Для русских ярмарка ... маленькое разнообразие после докучного одиночества; к тому же можно и потешиться над забавными сценами...»²⁹. Целый день около лавок теснится толпа казаков и поселенцев, бесцельно передвигающаяся от одной лавки к другой³⁰, – писал Д.И. Стахеев.

Особенностью ярмарочной торговли дальневосточного региона было существование промысловых ярмарок, на которых производилась продажа пушнины в обмен на мануфактурные товары и продукты питания. Так, например, в июне и в июле каждого года в Хабаровку съезжались китайские торговцы с Усури, Амура и Сунгари для продажи соболей, получаемых ими от гольдов, орочей и других инородцев Амурского края. Меха приобретали читинские, иркутские и местные купцы³¹.

Одной из характерных черт повседневной торговой жизни дальневосточных городов была деятельность китайских торговцев (так называемых «манз»). Китайцы появились во Владивостоке в начале 1870-х гг., когда из Николаевска-на-Амуре был перенесен сюда военный порт, а к концу 1890-х гг. они захватили в свои руки всю мелочную и базарную торговлю в городах края. Д.И. Шрейдер отмечал, что ему неоднократно приходилось слышать от местных жителей одну и ту же фразу, ярко обрисовывавшую значение китайской торговли в жизни края: «Не будь манзы, мы все перемерли бы здесь с голоду». По его мнению, в отсутствие китайской предприимчивости европейцы сидели бы здесь без пищи, питья и топлива и нуждались бы в самых необходимых предметах человеческого общежития. Владивосток и в первом десятилетии XX в. снабжали продовольствием преимущественно китайские торговцы³².

Главный базар Владивостока находился у паровой пристани: «на небольшом пространстве расположены параллельными рядами микроскопические деревянные "пассажи", разделенные деревянными же перегородками на еще более микроскопические квадратные помещения, в которых вы можете найти все, начиная от кожи и мяса и до дешевых галантерейных вещей включительно. Ряды пассажиров со стороны бухты замыкаются несколькими параллельными же рядами открытых лотков и ларей, где производится китайцами же исключительно зеленая, фруктовая и овощная торговля»³³. Здесь торговали привозными овощами и фруктами (огурцы, ананасы, бананы, капуста, свекла и лук), цены на которые были подвержены колебаниям, в зависимости от количества и своевременности

импорта, на протяжении нескольких дней: так, можно было купить ананас за 1-2 коп., а огурец за 5-6 коп. за штуку. Цены на мануфактурные, скобяные и галантерейные товары были в среднем на 30-100% выше, чем в Европейской России. В китайских лавках цены были ниже, хотя их хозяева приобретали товар у русских местных оптовых торговцев или у своих более состоятельных соотечественников³⁴.

Вся привозная торговля в городе была сосредоточена в руках иностранцев-европейцев, а рыночная – в руках китайцев. По наблюдениям В.В. Крестовского: «И те, и другие только и норовят как бы поскорее, какими бы то ни было, чистыми и нечистыми путями зашибить большую деньгу, да и наутек восвояси. Терпят же от этого только русские потребители, и в особенности беднейший класс оных, потому что манзы считают как бы своим долгом брать с русских за все втрое дороже, чем со своего брата-китайца, и это потому, что здешние манзовские торговцы подлежат надзору со стороны своего собственного негласного начальства»³⁵.

Китайцы занимались также разносной торговлей в городах. В Благовещенске в начале XX в. с восьми часов утра и до вечера ходили по городу торговавшие овощами и рыбой маньчжуры с корзинами на коромыслах³⁶.

В торговые отношения в городах юга Дальнего Востока были вовлечены и представители некупеческих сословий, а также жители окрестных селений. Во Владивостоке еще в 80-е гг. XIX в. ссыльнопоселенцы, жившие в деревне, находившейся в трех верстах от Владивостока, на так называемой Первой речке, занимались вывозом нечистот из города. Наиболее удачливым и трудолюбивым удавалось скопить денег на заработке от очистки дворов частных владельцев, завести коров и домашнюю птицу и продавать в городе молоко, творог, масло и яйца. В Благовещенске на базаре реализовывали свою продукцию булочки и булочки, на пристани торговли продавали съестное на проходящие пароходы³⁷.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. в Благовещенске стали селиться крестьяне, которые приписывались к мещанам и основывали «торговлюшку... скромного характера: мелочишком, печеным хлебом, калачами, квасом, пивом»³⁸. Осенью, по окончании полевых работ, крестьяне из соседних и отдаленных деревень привозили в Благовещенск хлеб в зерне, муку, масло, овощи, яйца, говядину, птиц и рыбу на продажу. Покупая у крестьян дешевые съестные продукты, благовещенские обыватели перепродавали их с большими дивидендами в период роста цен: «Благодаря этому наживают рубль на рубль, а на масло и говядину даже больше рубля»³⁹.

В торговле Хабаровска также принимали участие крестьяне окрестных деревень. Так, жители одного из близлежащих селений с 1890-х гг. стали заготавливать дрова и возить их на продажу в город. «Хабаровцы, как деньжистый люд, не рядились долго и платили запрашиваемые цены, тем более этот товар требовался и требуется настоятельно. Цены на эти дрова

были, что называется божеские: сажень однополенных, 3-четвертных, от 6 руб. 50 коп. до 7 руб. Заработки составляли от 5 до 15 руб. в день»⁴⁰, – отмечал Г.Т. Муров.

Зажиточные крестьяне привозили дрова в город, а бедняки-безлошадники самостоятельно искали покупателей на свои дрова за цены на рубль и даже на полтора дешевле привозных. Возили их из деревни сами покупатели-хабаровцы на собственных лошадях; желающих находилось много, поскольку горожане были недовольны высокими ценами на этот необходимый товар. Со временем продажа дров на рынке уменьшилась, а в деревне, без доставки, увеличилась⁴¹.

Негативные аспекты внутригородской торговли – спекуляции торговцев, нерегулярная доставка товаров и их дороговизна – сохранились и в начале XX в., но в гораздо меньших, по сравнению с начальным периодом освоения края, масштабах. «Правда, и теперь жизнь здесь отличается достаточной суровостью, не представляет обывателю многих из тех элементарных удобств, к которым он привык... Здесь, например, существует лаж на книги; другими словами, покупая в единственном в крае книжном магазине – там же продается чай и рис – книгу, вы уплачиваете за нее не ту цену, которая на ней обозначена, но, кроме того, и премию в пользу владельца магазина приблизительно в размере 25-30% с номинальной цены»,⁴² – писал Д.И. Шрейдер. Однако предметы первой необходимости, отсутствие которых ощущали первопоселенцы, здесь всегда можно было приобрести, правда, по завышенным ценам и с четырехмесячным ожиданием. «Времена, когда вы во всем городе не могли, например, достать пары галош за полным израсходованием их во всех местных магазинах, или когда вы, нуждаясь в ламповом стекле, вынуждены бывали каждый раз покупать новую лампу за отсутствием стекол в розничной продаже... – времена эти давно миновали, отошли в область преданий»⁴³.

Итак, в торговые отношения были включены все слои городского и часть окрестного населения, а также граждане соседних государств; торговля не только позволила организовать во многом носившее сезонный характер снабжение населения необходимыми товарами, но также и выполняла своего рода «развлекательную» функцию, восполняя дефицит общения и новых впечатлений у горожан на начальном этапе освоения региона. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники личного происхождения позволяют дополнить представление о развитии торговли в городах юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. и ее значении в повседневной жизни людей.

Сноски и примечания

¹ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1869. С. 243-244.

² Вышеславцев А.В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб., 1862. С. 274-275; Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 313.

³ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1869. С. 245.

-
- ⁴ Вышеславцев А.В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб., 1862. С. 279.
- ⁵ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г. СПб., 1870. С. 38; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. С. 51.
- ⁶ Вышеславцев А. В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб., 1862. С. 278.
- ⁷ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 313-314.
- ⁸ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г. СПб., 1870. С. 38, 34.
- ⁹ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 315-316.
- ¹⁰ Вышеславцев А. В. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб., 1862. С. 278; Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 315.
- ¹¹ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г. СПб., 1870. С. 12.
- ¹² Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 238.
- ¹³ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г. СПб., 1870. С. 35.
- ¹⁴ Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913. С. 69.
- ¹⁵ Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Т. 1. М., 1910. С. 26-27.
- ¹⁶ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г. СПб., 1870. С. 34-35, 38.
- ¹⁷ Алябьев А.А. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб, 1872. С. 20.
- ¹⁸ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 483.
- ¹⁹ Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. С. 38.
- ²⁰ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 320.
- ²¹ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1869. С. 246-247; Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 478; Алябьев А.А. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1872. С. 10.
- ²² Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1869. С. 250-251.
- ²³ Там же. С. 247-248.
- ²⁴ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1869. С. 249-250; Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 478-479.
- ²⁵ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1869. С. 248.
- ²⁶ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 482; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г. СПб., 1870. С. 33; Алябьев А.А. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1872. С. 11.
- ²⁷ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 479-480, 482; Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1869. С. 247-248, 275-276.
- ²⁸ Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1864. С. 481-482.
- ²⁹ Там же. С. 479-480.
- ³⁰ Стахеев Д.И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. СПб., 1869. С. 247-248.

-
- ³¹ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 г. СПб., 1870. С. 32-33; Алябьев А.А. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1872. С. 119-120.
- ³² Крестовский В.В. Посьет, Суйфун и Ольга. Очерки Южно-Уссурийского края // Русский вестник. 1883. Т. 163. февраль. С. 601; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. С. 36, 48, 71-72, 602.
- ³³ Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. С. 23.
- ³⁴ Там же. С. 22-23, 25.
- ³⁵ Крестовский В.В. Посьет, Суйфун и Ольга. Очерки Южно-Уссурийского края // Русский вестник. 1883. Т. 163. февраль. С. 603.
- ³⁶ Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Т. 1. М., 1910. С. 24-26.
- ³⁷ Крестовский В.В. Посьет, Суйфун и Ольга. Очерки Южно-Уссурийского края // Русский вестник. 1883. Т. 163. февраль. С. 605-607; Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Т. 1. М., 1910. С. 38, 42.
- ³⁸ Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Т. 1. М., 1910. С. 228.
- ³⁹ Там же. С. 40, 42.
- ⁴⁰ Там же. С. 241.
- ⁴¹ Там же. С. 241.
- ⁴² Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. С. 28.
- ⁴³ Там же. С. 29.

ТРАДИЦИОННО-БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Л.Е. ФЕТИСОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток*

Русская колонизация Крайнего Северо-Востока России, в отличие от южной части региона, не была крестьянской, что и определило особенности формировавшегося на этой территории культурного пространства. Освоение северных районов тихоокеанской периферии осуществлялась людьми, наделенными высоким адаптационным потенциалом. Успешность колонизационной адаптации на Дальнем Востоке Н.А. Соболевская справедливо связывает с культурологической категорией «образа жизни»¹. В условиях тихоокеанского месторазвития сформировался доминирующий тип мигранта – казака-воина, сборщика ясака, промышленника.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. были возведены Анадырский, Среднеколымский, Нижнекамчатский, Верхнекамчатский, Пенжинский и другие остроги. Укрепленные поселения обеспечивали колонистам защиту, демонстрировали местным народам могущество государства и одновременно служили первыми очагами русской культуры. Впоследствии часть крепостей утратила прежнее значение или даже прекратила существование. Например, в 1766 г. после упразднения Анадырской военной партии, занимавшейся подчинением чукчей и коряков, был упразднен и Анадырский острог. Его гарнизон и жителей перевели в Гижигинскую крепость и Нижнеколымский острог; весной 1771 г. все строения и крепостные укрепления были разрушены и сожжены². Вместе с тем часть бывших острогов во второй половине XVIII в., утратив оборонное значение, превратилась в поселения городского типа, которые выполняли важные административные функции, способствовавшие консолидации русского населения на восточной окраине страны.

Период конца XVIII – первой половины XIX в. характеризовался не только увеличением общей численности русских на колонизируемой территории, но и становлением системы городов. Статус города (штатный, т.е. имевшего собственный уезд, или заштатный) определялся в соответствии с уровнем политической значимости и экономического развития населенного пункта. После 1755 г. статус штатных городов имели Петропавловск, Гижига (Гижигинск), Нижнекамчатск и др. В число заштатных входил Большерецкий порт на Камчатке. Изменения в административном устройстве региона не всегда положительно сказывались на развитии его населенных пунктов. Так, в

1803 г. из состава штатных городов был исключен Нижнекамчатск, в 1805 г. – Гижига. В 1812 г. лишился статуса центра Камчатской области Верхнекамчатск, уступив этот статус городу-порту Петропавловску³, которому придавалось важное военно-стратегическое значение.

До XVIII в. бытовая культура разных сословий России не имела существенных различий: главенствующую роль играли религиозный фактор и авторитет традиций. В постпетровскую эпоху в культуре и быту произошел переворот в сторону резкой европеизации жизни высших сословий, однако городские «низы» всё ещё были прочно связаны с крестьянской культурой. На Дальнем Востоке носителем культуры европейского типа была тонкая прослойка образованных горожан, в которой особое место принадлежало военным и членам их семей.

В населённых пунктах Северо-Востока Азии, получивших административную и торгово-экономическую значимость (Среднеколымск, Петропавловск, Гижигинск, Большерецк), постепенно формировалось пространство культуры, имевшей глубоко дифференцированный характер. На раннем этапе важную роль продолжали играть народные традиции времяпрепровождения. Досуговые формы, составлявшие специфику именно городской культуры и порождённые ею, тогда еще не имели той общественной ценности и самодостаточности, которые ярко проявились в XIX в.⁴, особенно во второй половине.

О культурной жизни городских поселений Крайнего Севера дают представление дневниковые записи и путевые заметки участников первых кругосветных плаваний. Одно из ранних описаний принадлежит членам экспедиции Дж. Кука, посетившим Петропавловск в 1779 г. под командованием капитана Клерка (уже после гибели Кука). В то время, по описанию помощника судового хирурга Д. Самвела, Петропавловское селение состояло из 5 или 6 русских бревенчатых домов и примерно 15 балаганчиков и 3 или 4 юрт. В верхнем конце гавани Петра и Павла находились самые большие здания – барак для солдат и склад. В селении проживали около 40 солдат и 60 матросов со стоявшего здесь шлюпа. (При этом, как гражданское лицо, Д. Самвел не обратил внимания на укрепления при входе в Авачинскую бухту.)

Русские казаки, обосновавшиеся на полуострове, женились на камчадалках и жили в балаганах. Многие были одеты в шубы из собачьих шкур, подобно аборигенам. Их облик разительно отличался от вида образованных горожан. Так, посланец управителя Камчатки М.К. Бема, купец В.Ф. Посельский, говоривший по-немецки и выполнявший функцию переводчика, выглядел совершенно по-европейски: «... волосы его были отлично напудрены, и одет он был достойно...»⁵.

Весьма познавательны дальневосточные страницы книги Ж.Б. Лессепа, переводчика экспедиции Лаперуза. Он побывал на

Камчатке в 1787 г. и оставил описание русских поселений, в том числе тех, которые позже утратили прежнее значение. В частности, описывая Большерецк, в котором с 1740 по 1803 г. находилась резиденция управителей Камчатки, Ж.Б. Лессепс отметил: «Командантский дом выше и просторнее прочих, напоминает деревянные дома Санкт-Петербурга. Церковь, со звонницей с 3 колоколами, подобна другим сельским церквям в России»⁶. В то время в Большерецке насчитывалось примерно 300 жителей, в их число входили нижние чины, купцы, около 70 казаков. Бытовой уклад старожилов испытал явное влияние аборигенной культуры. По словам наблюдателя, мужская часть населения перешла на одежду из оленьих шкур, подобно камчадалам, однако женщины выглядели типичными русскими крестьянками⁷. Жители занимались рыболовством, охотой, огородничеством, скотоводством. Женщины заготавливали ягоду на весь зимний период. Ж.Б. Лессепс писал: «Они кучею идут в поля, крича песни и предаваясь всяким дурачествам... Беда тому мужчине, который в то время попадётся в их руки по случаю... редко кто из них уходит без того, чтобы в сражении его плотно не поколотили»⁸. Наряду с существованием откровенно языческих ритуалов, автор отметил в домах местных жителей наличие икон⁹.

Многие зарубежные наблюдатели обращали внимание на цивилизаторское влияние русской культуры. Так, участники экспедиции Ж.-Ф. Лаперуза отмечали, что богатые камчадалы строят по русскому образцу деревянные дома (правда, похожие на хижины бедных жителей французских предгорий); особо подчеркивали влияние русской культуры на женскую часть населения: «... Женщины уже делают прически и одеваются по русской моде, употребляют русский язык почти во всех острогах...»¹⁰.

Представление местной администрации о встрече иностранцев соответствовало провинциальным российским нормам того времени, однако удивило гостей из Франции. Г.А. Козлов-Угренин (управитель Охотска и всей Камчатки в 1784–1789 гг.) дал бал в честь участников кругосветки, а также чтобы порадовать женщин Петропавловска, как русских, так и камчадалок. Присутствовало 13 женщин (из них 10 камчадалок), одетых в шелка, на голове у каждой – шёлковый платок. Бал начался с русских танцев, «на вид очень приятных». К сожалению, камчадалские танцы, в которых задействованы, главным образом, руки и плечи, напомнили рассказчику «движения-конвульсии на знаменитой гробнице Св. Медарда»¹¹.

Г.А. Сарычев, участник экспедиции Г. Биллингса (1785–1793 гг.), прибывший на Камчатку осенью 1789 г. и зимовавший в Петропавловске, также описал повседневную жизнь (включая досуговую сферу) крупных населенных пунктов области: «В Нижне-Камчатском казаки зажиточнее Петропавловских... Платье в будни носят из оленьих кож, но в праздники надевают шёлковые платья по

моды 60-летней давности. Головы покрывают шёлковыми платками»¹². Популярными на Северо-Востоке праздничные «гулянки» в холодное время года проводились в домах и представляли собой урбанизированную версию крестьянских вечеров. Плясали русскую, а также польку и танец, который автор определил как «а-ля-грек»¹³. Были отмечены и случаи заимствования русскими поселенцами аборигенных танцев. Например, капитан Сарычев наблюдал «эротическую камчадалскую пляску» в исполнении казаков. По его словам, «казачки ею забавляются»¹⁴.

В Нижнекамчатске находилась старейшая на полуострове церковь, которая в середине XIX в. по количеству и богатству утвари превосходила все церкви не только Камчатки, но и епархии в целом, однако, по мнению епископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия (будущего митрополита Московского и Коломенского), инспектировавшего епархию, нравственность прихожан оставляла желать лучшего. Преосвященный полагал, что это было связано с нахождением в селении до 1812 г. полка солдат и существованием кабака¹⁵.

Описание Нижнеколымска в первой четверти XIX в. содержит книга Ф.П. Врангеля, руководителя экспедиции 1820–1824 гг. В то время ещё сохранилась самая старая часть поселения – острог, обнесённый деревянным забором с 4 остроконечными башнями по углам. Внутри располагались большое строение для канцелярии и несколько складов, чаще всего пустующих; в них хранились материалы экспедиций Лаптева, Сарычева, Биллингса. Кроме острога местечко состояло из церкви и 42 домов и юрт. Течение жизни местного населения определялось православным календарём: отмечались Святки, Масленица и Пасха. Праздники начинались с посещения церкви, после службы священник с крестом обходил все дома¹⁶.

Существенным жизнеобеспечивающим фактором для колымчан являлись ежегодные ярмарки – Чукотская и Анадырская. Русские старожилы Охотского побережья и Камчатки обеспечивались хлебом из Иркутского и Нижнеудинского уездов. Торговля шла в основном через Якутск. Северо-Восток Азии поставлял «моржовый зуб» и пушнину. Весьма ценились колымские, камчатские и гижигинские соболя, белки, лисицы, а также бобры речные колымские, выдры колымские и камчатские¹⁷. Купцы из Якутска проезжали через Нижнеколымск и сбывали здесь часть своих товаров: «Среди ликования и песен въезжает караван в острог и разделяется по домам, в которых обыкновенно несколько дней сряду веселятся до поздней ночи»¹⁸. Встреча ярмарочных торговцев стала, таким образом, одним из местных праздников.

Среднеколымск, основанный как острог и впоследствии получивший статус административного центра Среднеколымского уезда, в начале 1820-х гг. даже не выглядел городским поселением.

Ф.Ф. Матюшкин, участник экспедиции Ф.П. Врангеля, увидел 10 изб, новую недостроенную церковь и старую, уже разваливающуюся, которая, по рассказам старожил, была построена в XVII в. казаками-первопроходцами из своих кочей с использованием деревянных гвоздей. Внутреннее убранство составляли несколько образов, рисованных на бумаге акварельными красками, жестяная дарохранительница и образ Св. Кирилла на доске, сделанной ножом и проколотой в нескольких местах копиями¹⁹.

Несмотря на заметное влияние культуры коренных народов на материальный и хозяйственный быт русских поселенцев, следует сказать, что старожилы Северо-Востока оставались стойкими приверженцами фольклорного наследия исторической родины. Казаки и промышленники обучили песням своих жен – представительниц коренного населения, и со временем русские традиции стали естественной культурной средой для обрусевших юкагигов, коряков, ительменов и др. Ф.П. Врангель слышал много лирических песен – протяжных, игровых, плясовых, хороводных. Он писал: «Женщины одарены способностью слагать песни», большей частью – о разлуке²⁰. Плясовые и хороводные песни здесь именовались «верчачьими», что отражало местную специфику: в суровом северном климате уличные песни превратились в домашние; в результате существенно изменилась танцевальная пластика. По определению Ф.П. Врангеля, «старожилы находят возможность плясать или, лучше сказать, только прыгать, не передвигаясь с места»²¹.

На вечерки приходили не только парни и девушки, но вообще все мужчины и женщины, не считавшие себя стариками. Собирались исключительно для пения и пляски, которые не сопровождалось никаким угощением. Расходились после многочасового веселья, дойдя до полного изнеможения. Большой популярностью на Северо-Востоке пользовались русские хороводы, «восьмера» (или «восьмерка»), «кадриль», а также «чижик», «камаринская» и «барыня». «Восьмеркой» называлась камчатская кадриль, в которой участвовали четыре пары. Танец имел много фигур, мог исполняться по два-три часа подряд²².

В силу особенностей формирования населения на Северо-Востоке значительное место занимал мужской фольклор – казачий и разбойничий. Встречались и сатирические песни местного происхождения, в которых упоминались известные здесь имена, например, Шелконёнок, купец с Индигирки, Бережнов, еще один представитель купечества, должниками которого были многие обитатели Нижнеколымска. Не был забыт сочинителями и ссыльнопоселенец В.Г. Богораз, этнограф и писатель:

Богорасов три дня жил,
С аппетитом закусил...²³

Художественные достоинства таких произведений невысоки, но они представляют интерес как локальное подразделение народной сатиры, хотя в 1880-х гг. П. Рябков уверял, что песен, «рисующих местные нравы, обычаи... почти не встречается»²⁴. Таким образом, опора на народные традиции способствовала формированию стабильного пространства бытовой культуры для «низших» сословий, но не обеспечивала комфортность повседневного существования для людей образованных.

Ещё в середине XIX в., понимая, что однообразие жизни особенно тяжело переносилось молодыми офицерами, Ю. Завойко, супруга военного губернатора Камчатки, предоставляла свой дом для проведения вечеринок, которые здесь именовались «балом у губернатора». Мужчины приходили пешком по снегу, а дамы подъезжали на собачьих упряжках. Танцевали под мелодию «Чижика», которую «нестройно выводили музыканты». После шумного ужина все присутствующие исполняли «камчатскую восьмерку»; столь же обязательной была русская кадрили. Расходились поздно ночью, часа в два–три. Сугубо местным развлечением были поездки к берегу океана, куда отправлялись на нартах, запряженных собаками. Управление таким экипажем требовало большой ловкости и, по словам Ю. Завойко, «весьма многие из молодых людей находили в ней большое удовольствие»²⁵. Для нижних чинов также устраивались вечеринки с танцами и разыгрыванием специально подобранных пьес.

В обязательную программу Петропавловского морского училища, деятельность которого курировал сам В.С. Завойко, входило хоровое пение. О впечатлении от выступления учащихся в 1853 г. на фрегате «Паллада» вспоминал И.А. Гончаров: «На палубу явилось человек осьмнадцать мальчиков, от 12 до 16 лет. Они стройно и согласно пели романсы, хоровые песни: у одного чистый звучный сопрано, у другого прекрасный контральто. Наконец, двое самых маленьких плясали по-русски... У всех нерусские физиономии – кто бы это были? Камчадалы! Они учатся в школе, в Петропавловске, и готовятся в лоцманские и штурманские должности. Вот где зажглась искра просвещения и искусства! Все эти мальчики по праздникам ездили на фрегат и прекрасно хором пели обедню»²⁶.

К концу XIX в. городской быт на Северо-Востоке претерпел значительные изменения. Традиционные вечерки, по мнению В.Г. Богораза, сохранились уже только на Нижней Колыме. В Среднеколымске, например, они исчезли «под напором веяний, идущих из Якутска». Наряду с традиционными русскими песнями здесь исполняли романсы. Танцы теперь предпочитали «господские»: кадрили, польку, вальс-казак, но по-прежнему обязательной оставалась «русская» для всех танцующих по очереди. В зажиточных семьях время коротали за выпивкой и картами (стуколка, винт, штосс)²⁷.

По мере освоения региона значимость северо-восточных городских поселений менялась, но до присоединения Приамурья большинство из них оставались важными административно-хозяйственными единицами. Однако к началу XX в. статус города удалось удержать лишь Петропавловску, да и то

с большим трудом. Почти полувековой период существования Петропавловска (1856–1903 гг.) Б.П. Полевой определил как «период застоя». Это случилось из-за того, что после эвакуации петропавловского гарнизона Камчатка лишилась прежнего административно-территориального статуса: из самостоятельной области она превратилась в один из округов новообразованной Приморской области²⁸.

Доктор Н.В. Слюнин, оставивший описание Охотско-Камчатского края в конце XIX в., констатировал, что, несмотря на удобное расположение, вид Петропавловска оставляет тягостное впечатление. Единственная улица не мощена, отчего в дождь становится непроходимой; большинство строений обветшало, даже дом окружного начальника и здание полицейского управления. «Наряду с существованием двух кабаков, процветанием пьянства и связанного с ним разгула, бросается в глаза полное отсутствие домовитости...»²⁹ Разительный контраст этой картине составляли постройки, возведённые торговой компанией: все здания были обшиты тёсом, окрашены, крыты железом или «деревянной черепицей»³⁰. О культурном уровне жителей Петропавловска судовой врач транспорта «Шилка» В.А. Федоров писал «Полное отсутствие интересов, кроме традиционных «вещёрок» с танцами и пьянством, породили среди населения не только Петропавловска, но и окрестных деревень... ужасную лень и поклонение Бахусу»³¹. Усилиями немногочисленного слоя интеллигенции переломить ситуацию не удавалось, и в начале XX столетия картина в значительной степени оставалась прежней.

Положение несколько изменилось к лучшему после 1909 г., когда Петропавловску вернули статус областного центра. При новом губернаторе В.В. Перфильеве возник небольшой музыкально-литературно-драматический кружок; участники давали концерты и ставили спектакли, в том числе с благотворительными целями. Например, известно, что они внесли свою лепту в сбор средств для окончания строительства памятника-часовни на месте захоронения героев Петропавловской обороны 1854 г. (часовня была освящена 24 августа 1912 г.).

Н.В. Мономахов, преемник В.В. Перфильева на посту камчатского губернатора, уделял вопросам культуры большое внимание. Именно при нём было построено специальное здание театра, примой которого была супруга губернатора. Владевшее зданием драматическое общество ставило спектакли, давало концерты, организовывало танцевальные вечера, предоставляло помещение для чтения научно-популярных лекций³². В этот период Петропавловск оставался единственным городом обширного Охотско-Камчатского края, не только сохраняя свой статус, но и формируя соответствующее культурное пространство.

Как видим, появление поселений городского типа ещё не гарантировало подлинной урбанизации территории. Исследования свидетельствуют о том, что если «простой народ» достаточно успешно адаптировался к местным условиям, опираясь на вековые традиции, то образованным сословиям, воспитанным на профессиональной культуре, созданной по западноевропейским образцам, приходилось значительно

труднее. Усилия лучших представителей местной интеллигенции по созданию достойной культурной среды начали приносить реальные плоды лишь на рубеже XIX – XX вв.

Сноски и примечания

¹ Соболевская Н.А. Об одной из форм жизнеустройства традиционной культуры россиян в дальневосточном месторазвитии // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). К 200-летию образования Российско-Американской компании: Материалы междунауч. конф. (Владивосток, 11 – 13 октября 1999 г.). Владивосток, 2001. С. 311–322.

² Анадырский острог: Библиотека сибирского краеведения // Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/anadyrskiy-ostrog>. Дата обращения: 23.09.2013.

³ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. С. 132–133.

⁴ Комиссаренко С.С. Культурные традиции русского общества. СПб., 2003. С. 12; Традиционное и нетрадиционное в культуре России. М.: Наука, 2008. С. 10–30; 332–389.

⁵ Петропавловск-Камчатский: История города в документах и воспоминаниях. 1740–1990. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, Камчат. отд-ние, 1994. С. 87.

⁶ Лесепсово путешествие по Камчатке и Южной стороне Сибири. М., 1801. Ч. 1. С. 75.

⁷ Там же. С. 77–84.

⁸ Там же. С. 86.

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ Петропавловск-Камчатский: История города в документах и воспоминаниях... С. 110.

¹¹ Там же. С. 107.

¹² [Сарычев Г.А.] Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. СПб., 1802. Ч. 1. С. 176.

¹³ Там же. С. 177.

¹⁴ Там же. С. 176.

¹⁵ Информационный портал «Камчадалы. РУ»: Режим доступа: <http://www.Kamchadaly.ru>. Дата обращения: 23.09.2013.

¹⁶ [Врангель Ф.П.] Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. М.: изд-во Главсевморпути, 1948. С. 150.

¹⁷ Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980. С. 110–114.

¹⁸ [Врангель Ф.П.] Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю... С. 157–158.

¹⁹ Там же. С. 376–377.

²⁰ Там же. С. 138.

²¹ Там же. С. 150.

²² Нилов В. Традиционная хореография народов северной Азии. М.; Владивосток, 2005. С. 28.

²³ Попов Е. Некоторые данные по изучению быта русских на Колыме // Этнографическое обозрение. М., 1907. №1-2. С. 172.

²⁴ Рябков П. Приполярные страны Сибири. (Заметки и наблюдения в Колымском округе) // Сибирский сборник. СПб., 1887. С. 17.

²⁵ Завойко Ю. Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854–1855). М., 1876. С. 43.

²⁶ Гончаров И.А. Собр. соч. В 6 т. М., 1972. Т. 3. С. 31.

²⁷ Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901. С. 171.

²⁸ Петропавловск-Камчатский: История города в документах и воспоминаниях... С. 284.

²⁹ Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край (с картой): Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 1. С. 456.

³⁰ Там же. С. 458.

³¹ Петропавловск-Камчатский: История города в документах и воспоминаниях... С. 267.

³² Там же. С. 278–279, 282.

ИЗ ОПЫТА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЭПИДЕМИЙ В ГОРОДАХ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1910-1911 ГОДАХ

П. А. ЦЕРБИНА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

К началу XX века интенсификация заселения Дальнего Востока Российской империи, увеличение численности населения, в особенности городского, создали проблему, сопровождающую большие популяции – заразные заболевания, имеющие характер эпидемий. Города юга Дальнего Востока, расположенные в приграничной зоне, сталкивались с дополнительными рисками возникновения эпидемий в силу возможности заноса болезней из сопредельных государств, в первую очередь, из Китая. Являясь, в первую очередь, административными центрами территории, города должны были не только защититься от эпидемий сами, но и организовать работу по предотвращению их распространения в областях и уездах. Примером эффективности мер, принятых городами и руководством субъектов Приамурского генерал-губернаторства в этом направлении, может служить организация борьбы с проникновением чумы из Китая в 1910–1911 гг.

В октябре 1910 г. стало известно о начале эпидемии легочной чумы в Маньчжурии. В результате изучения предшествовавших эпидемий в Маньчжурии, Монголии и Забайкалье, исследователи пришли к выводу, что носителями заразы являются тарбаганы, от которых болезнь переносится на людей, в первую очередь, охотников¹. Эпидемия 1910 г. быстро распространялась по линии КВЖД и вскоре охватила Харбин. Ситуация осложнялась недостаточно развитой системой санитарного надзора, постоянным отсутствием средств для её улучшения и нехваткой подготовленных специалистов.

Учитывая реальную угрозу проникновения чумы на сопредельные территории Российской империи, общественность активно начала привлекать внимание к проблеме², что явилось одним из стимулов скорейшего обсуждения административными органами экстренных противоэпидемических мер. В данном вопросе органы власти должны были руководствоваться «Правилами о принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их в империи» от 11 августа 1903 г. Согласно этим нормам, Высочайше утвержденная «Комиссия о мерах предупреждения и борьбы с чумною заразою» объявляла местности и населенные пункты либо «неблагополучными» (зараженными) либо «угрожаемыми» по чуме или холере. Затем губернатор, либо начальник области инициировал создание санитарно-исполнительных комиссий (губернской, уездных и городских), которым поручалось «принятие мер, как против заноса холеры и чумы, так и по борьбе с этими болезнями, при их появлении»³. Обязательным было создание городских санитарно-исполнительных комиссий в губернских

городах и городах с населением более 20 тыс. жителей⁴. В свою очередь, санитарно-исполнительные комиссии должны были опираться на «Правила для санитарно-исполнительных комиссий о мерах по предупреждению и борьбе с холерою и чумою» от 19 августа 1903 г.⁵

Учитывая периодические посещавшие южные территории российского Дальнего Востока эпидемии холеры, последняя из которых разразилась накануне появления чумы в 1909 и 1910 гг., опыт работы у санитарно-исполнительных комиссий региона был. Уже 29 октября 1910 г. Приморская областная санитарно-исполнительная комиссия обсуждала возможные меры предотвращения занесения инфекции из Маньчжурии, среди первоочередных назывались прекращение въезда рабочих-китайцев по железной дороге, введение в Пограничной карантина и обязательного осмотра приезжающих из Маньчжурии, дезинфекция поездов.

Непосредственно во Владивостоке предлагалось устроить городской чумной пункт, по возможности изолированно на окраине, и приобрести несколько «особых кареток скорой помощи»⁶. В Никольске представлялось необходимым устроить по согласованию с городом врачебно-наблюдательный пункт, холерные бараки и паровую дезинфекционную камеру. На последующих заседаниях комиссии поднимались вопросы организации оповещения населения (печать плакатов), истребления крыс и мышей⁷, обучение медперсонала и необходимость командирования врачей на участки, представлявшие наибольшую угрозу появления эпидемии. В частности, предлагалось срочно вызвать Ольгинского врача во Владивосток, признанный самым опасным в смысле появления чумы как «самый населенный пункт в области с многочисленным китайским и корейским населением»⁸. Именно с рабочими-иностранцами власти связывали наибольшую угрозу распространения чумы, так как условия их проживания (большая скученность) и особенности бытового поведения были признаны несоответствующими нормам санитарии. Поэтому предлагалось китайцев и корейцев, у которых отсутствовали билеты или постоянная работа, выселить на родину⁹.

Подобные предложения выдвигались и в других городах. В декабре 1910 г. на заседании уездной санитарно-исполнительной комиссии г. Зея предлагалось усилить надзор за лицами, прибывающими из неблагополучных по чуме районов; ускорить решение вопроса об учреждении в городе специального квартала для китайцев, так как они «являются главными распространителями всяких заразных заболеваний»¹⁰.

Амурская областная санитарно-исполнительная комиссия 28 января 1911 г. постановила закрыть границу Амурской области с Китаем для предотвращения заноса чумной заразы из Китая. Разрешалось переходить Амур только через врачебно-пропускной пункт в г. Благовещенске – объявление об этом было переведено и на китайский язык¹¹.

Чрезвычайная ситуация обострила вопрос о благоустройстве городской среды, где одной из проблем являлась организация утилизации мусора и отходов и соблюдение горожанами обязательных постановлений в этой

сфере. Во Владивостоке городская санитарно-исполнительная комиссия пришла к выводу, что «ассенизационные обозы, как городской, так и частных ассенизаторов, а равно и домовладельцев, должны быть выдворены за город, на отведенный для этой цели участок, на котором должны быть построены, сообразно требованиям санитарных правил и Городской Управы: помещение для рабочих, конюшни и прочие необходимые постройки. Усилить санитарный надзор за обывательскими дворами и в особенности за теми, которые известны санитарному надзору по своей загрязненности и скученности народонаселения»¹².

Эпидемии чумы уделялось внимание на самом высоком уровне. Руководство противочумными мероприятиями в Приамурском крае, по водному пути Амурского бассейна и по линии Амурской железной дороги, с правом привлекать войска, было возложено на Приамурского генерал-губернатора высочайшим повелением 3 февраля 1911 г.¹³. Уже в телеграмме П.А. Столыпина от 19 февраля 1911 г. Приамурскому генерал-губернатору отдавались распоряжения о неотложных мерах организации предотвращения распространения болезни. Умершие от чумной заразы китайцы должны были быть сожжены, городам предписывалось озаботиться созданием специальной разведочной службы, введением должности бактериолога, каждый город должен был уже иметь особые здания для помещения первых заболевших чумой. Необходимо было также направить врачей в Харбин, для ознакомления с клиническими признаками болезни, сделать прививки персоналу¹⁴.

Таким образом акцентировались первоочередные мероприятия, обозначенные в Постановлениях Иркутского противочумного съезда, проходившего 7-14 февраля 1911 г. В них нашло отражение уже обсуждавшееся в конце 1910 г. стремление изолировать иностранных подданных и уменьшить скученность населения: «желательно, чтобы города, в которых проживают китайцы и корейцы, возможно скорее осуществили предоставленное им по закону право выделения их в особые кварталы»; «желательно, чтобы все города, смежные с зараженными областями, устроили у себя даровые ночлежные дома в целях облегчения надзора за безработным населением и достижения меньшей скученности»¹⁵.

Практически повсеместно одной из главных проблем стала нехватка или отсутствие помещений для размещения заболевших или «подозреваемых по чуме». Помимо этого, требовалось разместить медперсонал, обслуживающий персонал, лаборатории. В связи с чем приходилось решать вопрос либо о строительстве новых зданий, либо о переоборудовании уже существующих. Сложной была ситуация в г. Зея, где специальное «Совещание о мероприятиях по предупреждению заноса и борьбы с чумною заразою» отмечало, что «у города не имеется никаких больничных построек, ни каких-либо санитарных сооружений и потому представляется необходимым вновь создать все нужное для борьбы с чумою в случае её появления»¹⁶.

Организации и усилению санитарного надзора уделялось повышенное внимание. Приамурский генерал-губернатор в телеграмме во Владивосток 5 марта 1911 г. требовал начать санитарные осмотры «бань, парикмахерских, прачечных, кухмистерских столовых, вообще торгово-промышленных заведений разных мастерских и мест, где бывает скопление народа»¹⁷. Власть отчетливо сознавала, что в дальневосточных городах с их спецификой состава населения, постоянными контактами с иностранцами от организации профилактических, превентивных мер зависит успех в предотвращении эпидемий.

Угроза распространения чумы, экстренные меры на границе с Китаем повлекли за собой экономические последствия, в первую очередь повышение цен. Причем данную проблему тоже необходимо было решать, поскольку среди прочего подорожал и фураж¹⁸. Показателен и другой пример: в июле 1911 г. Благовещенская городская Дума обсуждала просьбу арендатора весов на Гостиннодворском базаре об уменьшении арендной платы, аргументированную понесенными убытками, среди причин которых последний назвал закрытие границы во время ожидавшейся чумы¹⁹.

В деле предотвращения угрозы эпидемии не могли не проявиться характерные для российской системы управления (и дальневосточной в частности) черты, в первую очередь несогласованность взаимодействия отдельных ведомств, а часто и их нежелание работать на пользу общества или руководствоваться предложениями органов городского управления. Председатель Войскового правления Амурского казачьего войска выступил против использования Войсковой бактериологической лаборатории для исследования чумы в целях усовершенствования диагностики²⁰. Правление Амурского отделения Императорского русского общества спасения на водах в ответ на просьбу предоставить домик общества вблизи Амурского перевоза под пропускной пункт, выставило ряд выгодных для общества условий: передача дома путем покупки городом, ликвидация его после эпидемии новым собственником, предоставление обществу права построить на этом месте новое помещение и др.²¹ Во Владивостоке на заседании комиссии 10 ноября 1910 г. городской голова, докладывая о выбранном месте для чумного кладбища, уточнял, что «надо знать, не встретится ли препятствий со стороны военного ведомства»²². Против использования для противочумных мероприятий имеющегося карантина в б. Парис на Русском острове высказался начальник гарнизона острова, мотивируя свое мнение размещением в карантине орудий, находившихся под охраной караула, почему соседство с чумными больными могло подорвать обороноспособность²³.

Преследование собственных интересов и выгод различными ведомствами, нежелание тратить средства видно в их «единодушном» решении построить во Владивостоке общий для всех ведомств чумной госпиталь, однако денежные средства для этого было решено «испросить через господина Приамурского генерал-губернатора от Противочумной комиссии»²⁴.

Тем не менее, несмотря на целый ряд проблем, изначально принятые меры по пресечению возможности проникновения легочной чумы на территорию империи, в первую очередь благодаря перекрытию границы, досмотрам и карантину прибывших, оказались эффективными. Уже весной 1911 г. стало понятно, что эпидемия в Маньчжурии идет на спад, и стали звучать мнения о необходимости освободить сельское население от обязанностей охраны границы, для того чтобы дать возможность начать посевные работы. 3 июня 1911 г. высочайшим повелением приамурский генерал-губернатор был освобожден от возложенных на него полномочий по руководству противочумными мероприятиями²⁵.

Эпидемия легочной чумы в 1910–1911 гг. в Маньчжурии заставила власть и общество обратиться к проблеме усиления санитарного надзора и улучшения системы здравоохранения на Дальнем Востоке. Угроза новых эпидемий поставила вопрос о необходимости постоянного наблюдения за эпидемиологической обстановкой в Маньчжурии, просветительской работы среди местного населения как в Российской империи, так и в Китае. Известный дальневосточный врач Н.В. Кирилов, еще в ноябре 1910 г. в очерке «Моровая язва или людская чума на Дальнем Востоке» отстаивал идею о зависимости успехов в предотвращении эпидемий от преодоления китайцами недоверия к европейской медицине, профилактическим мероприятиям (прививание) и санитарным требованиям²⁶. Е.С. Касторский, направленный из Иркутска для анализа ситуации на месте, отмечал, что одним из факторов значительного урона, нанесенного чумой Харбину, явилась плохая работа санитарной службы, неподготовленность и нехватка медицинских кадров, и предлагал создать постоянную противозидемическую организацию, сеть «чумных» больниц, наблюдательных пунктов и лабораторий²⁷.

Итак, центрами организации санитарных мероприятий в начале XX в. на Дальнем Востоке были административные центры территорий – города. Обладая наибольшей плотностью населения, являясь транспортными узлами, местами сосредоточения торгово-экономических интересов иностранного населения, притягивая значительное количество рабочих рук из Китая, южные города региона одновременно были и наиболее уязвимыми в случае возникновения эпидемий. Опыт предотвращения распространения легочной чумы из Маньчжурии на территории Российской империи в 1910–1911 гг. показывает, что практика организации санитарных мероприятий в случаях распространения эпидемических заболеваний была в достаточной степени отработанной, главным образом, «благодаря» эпидемиям холеры. При всей серьезности ситуации санитарно-исполнительные комиссии приступили к организации превентивных мер еще до специальных распоряжений противочумного съезда и распоряжений правительства. Главной задачей являлась минимализация возможностей проникновения чумы в пределы областей и городов, для чего была закрыта граница и установлен досмотр поездов и пассажиров. Одновременно обсуждались варианты действий на случай худшего развития событий. Именно вопросы нехватки средств и

развитой инфраструктуры системы здравоохранения заботили городские санитарно-исполнительные комиссии, врачей и общественность весь период угрозы чумной эпидемии. Последняя не разразилась, и поэтому можно констатировать, что практика организации превентивных мер оказалась успешной, несмотря на спектр вскрывшихся проблем организации санитарного надзора, заставив власть на всех уровнях еще раз обратиться к вопросам благоустройства городов и здравоохранения.

Сноски и примечания

¹ Касторский Е.С. Эпидемия легочной чумы на Дальнем Востоке 1910–1911 гг. и меры борьбы с нею. Иркутск, 1911. С. 4–5; Кирилов Н.В. Моровая язва или людская чума на Дальнем Востоке. Владивосток, 1910. С. 1–3; От шаманского бубна до луча лазера (Очерки по истории медицины Приморья). Ч. 1. Владивосток, 1997. С. 137–138.

² Например, в феврале 1911 г. жители г. Зея послали председателю Государственной Думы А.И. Гучкову телеграмму панического содержания о плачевном санитарном состоянии города, об отсутствии больницы и средств у санитарной комиссии, которая, тем не менее, работала (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 368. Л. 455).

³ Сборник правительственных распоряжений по применению мер против заноса и распространения холеры и чумы внутри империи и по сухопутным границам. Благовещенск, 1910. С. 4.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 11–22.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 312. Л. 13об.

⁷ Вскоре выяснилось, что чума передается от человека к человеку, о чем уведомил в декабре 1910 г. прибывший из Харбина один из ведущих эпидемиологов, профессор Д.К. Заболотный: «заноса эпидемии чумы можно ожидать лишь людьми; крысиная чума не играет в этой эпидемии решающего значения» (РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 312. Л. 38об.).

⁸ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 312. Л. 20об.

⁹ Там же. Л. 22об.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 312. Л. 22.

¹³ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1910 – 1911. Владивосток, 2011. С. 117–118.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702 Оп. 3. Д. 368. Л. 17–20.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 368. Л. 34–36.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 368. Л. 82.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 2. Л. 88–91.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 766. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–6.

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 2. Л. 72.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 2. Л. 79об.

²² РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 312. Л. 23.

²³ Там же. Л. 35 об.

²⁴ Там же. Л. 30об.

²⁵ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1910–1911. Владивосток, 2011. С. 181.

²⁶ Кирилов Н.В. Моровая язва или людская чума на Дальнем Востоке. Владивосток, 1910. С. 109–121.

²⁷ Касторский Е.С. Эпидемия легочной чумы на Дальнем Востоке 1910 – 1911 гг. и меры борьбы с нею. Иркутск, 1911. С. 113–115.

Дальневосточный город в контексте
освоения тихоокеанской России

Подписано к печати 12.12. 2014. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Times».
Усл. печ. л. 20,2. Усл. изд. л. 18,7.
Заказ № 1921 от 21.11.2014 г. Тираж 300 экз.

ООО «Рея»
г. Владивосток, ул. Днепровская, 42Б
тел.2-302-306, 2-302-307
e-mail: reya@reya.ru